

Лєся
Українка

Лєся
Українка

2

1946

ЛЕСЯ УКРАИНКА

ИЗБРАННОЕ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Ц. АНТОКОЛЬСКОГО, М. БАЖАНА,
Ал. ДЕЙЧА и Вл. РОССЕЛЬСА

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1946

ЛЕСЯ УКРАИНКА

1

Есть писатели, жизнь которых не очень богата внешними событиями. Но вместе с тем эта жизнь открывает для нас огромный внутренний мир, насыщенный большими чувствами и идеями.

К числу таких писателей надо отнести замечательную дочь украинского народа Лесю Украинку.

С юных лет и до конца жизни боролась она с тяжелым недугом, терзавшим ее тело, и в своих творениях утверждала силу большого человеческого сердца, дающего многим поколениям пример стойкости, мужества, воли к борьбе за счастье родины.

Лариса Петровна Косач, известная под литературным именем Леси Украинки, родилась 26 февраля 1871 года, через десять лет после смерти великого украинского кобзаря Тараса Шевченко.

Начало творческой деятельности Леси Украинки совпадает с той мрачной полосой в истории Украины, когда национальная культура была задавлена самодержавием и украинский народ испытывал двойную тяжесть национального и социального гнета.

«Крестьянская реформа» 1861 года немедленно саморазблажила. «Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними» (Ленни, т. XV, стр. 142).

Лесья с детства видела мрачные картины народного быта, знала тяготы и печали темных и забитых крестьян, обреченных на тяжкий труд, немногим более приятный, чем крепостнический.

С детства слышала Лесья в своей семье разговоры и споры об украинской литературе и культуре. Она ребенком поняла, что ее родной край был темницей, в которой

Народ держал парод в ярме неволи,
Для мысли, слова кандалы ковали,
Полчеловечества людьми не звалось,
Па брата брат свирепо шел войною.

Лесья росла и развивалась в кругу украинской либеральной интеллигенции, ставившей перед собой довольно скромную задачу — поднять культурный уровень села путем преподавания украинского языка в школах, распространения родного печатного слова и проч., но, разумеется, легально, «с дозволения начальства». Либералы-украинофилы считали необходимым вести работу среди народа и для народа, боясь вместе с тем всяких проблесков самостоятельного народного движения против угнетателей.

Отец Леси Украинки, Петр Антонович Косач, был видным украинским деятелем-просветителем на Волыни, где и родилась будущая поэтесса. Горячий поклонник украинской словесности, он был своего рода мегенатом, ратовавшим за открытие народных школ, за распространение украинской книги среди населения родного края. Отец поэтессы не имел большого влияния на ее духовное развитие. Воспитанием дочери руководила мать Ольга Петровна, украинская писательница, известная под псевдонимом «Олена Пчелка». Она дала Лесе домашнее, но весьма солидное образование и, обнаружив в дочери литературные способности, приложила все силы к их развитию.

Разумеется, Лесья Украинка прежде всего ознакомилась с творчеством украинских поэтов 60—70-х годов. Эти эпитомы Шевченко были мелкобуржуазными либералами, народниками, писавшими национально-романтические вирши, в которых идеализировали прошлое Украины и оплакивали бессильными слезами ее настоящее. Они искали утешения в туманных и бесплодных надеждах на лучшее, а пока растекались в дешевом септимистализме по поводу угнетения «меньшого брата».

Лесю Украинку мало удовлетворяла такая поэзия, бедная

и по своему идейному содержанию, «от хаты до тыша», и по своей однообразной поэтической форме. С первых шагов Лесь старалась выйти за пределы узко-национальной романтики с ее пылком о скорбях родины. Ей помогло знание иностранных языков, и она увлеклась поэзией Байрона, Шиллера, Мюссе, Мидкевича и особенно Гейне, лирику которого она перевела на украинский язык.

Близкое знакомство с русской и мировой литературой помогло Лесе Украинке внести в свое творчество сюжеты и образы, редко встречавшиеся в то время в украинской литературе. Она рисует тоскующую у берега моря эллиническую поэтессу Сапфо и воссоздает последнюю песню шотландской королевы Марии Стюарт. Это только начало, свидетельствующее о широте кругозора Леси Украинки, о ее желании ввести в свою поэзию идеи различных веков и народов.

Однако такой «космополитизм», отчасти привитый поэтессе ее дядей с материнской стороны, видным общественно-политическим деятелем М. П. Драгомановым, имел определенную направленность. Этот «космополитизм», выражая страстное стремление Леси Украинки вырваться из душного мира повседневности, все же не привел поэтессу в дебри романтической «экзотики», к бегству от жгучих тем современности. Рисует ли поэтесса античный мир, ведет ли нас в рыцарское средневековье, говорит ли о Вавилоне и древней Иудее,—все равно взор ее устремлен вперед в чаянии лучшего будущего для своего народа, для своей страны.

2

Любовь к родной Украине — основная тема лирики Леси Украинки. Недаром придумала она себе в детстве псевдоним, определяющий ее национальность.

Костный туберкулез, которым болела поэтесса, заставлял ее проводить большую часть года вдали от родины, близких и друзей, в Крыму, на Кавказе, на Итальянской Ривьере, в Египте. Влача замкнутое существование тепличного растения, мирясь с унылым санаторным бытом, Лесь Украинка особенно остро ощущала влечение к родине, измученной и угнетенной и потому вдвойне дорогой:

Мечта далекая, надежда золотая, —
Моя страна, к тебе стремлюсь душой,

Страшусь и радуюсь, высоко залетая...
Так птицы возвращаются домой.

Горячую патриотку, Лесю Украинку всю жизнь терзало противоречие: живя на чужбине, она тянулась домой, на родину, а возвратиться туда, томилась гнетом и бесправием народа, и ей казалось трудным, почти невозможным думать и писать:

И на чужбину я мечтала возвратиться,
Я думала: вот песен край живой.

И все же всегда побеждала страстная любовь к родине, хоть и была вольнолюбивая поэтесса обречена чувствовать, как страшна

Родной неволи старая стена,
И мысль свободная, как будто крепостная,
Бледнела вдруг, на скорбь обречена.

Патриотизм Леси Украинки отнюдь не выражался в оплакивании горькой участи Украины, как это было у некоторых ее литературных предшественников и современников. Ее патриотизм носил действенный характер. Это был тот, по определению Чернышевского, «высочайший патриотизм», который не что иное, как «бесстрастное желанье блага родине».

Для Леси Украинки любить родину означало ненавидеть ее врагов. Это четко сформулировано поэтессой:

Что ж,—ненавидеть только тот боится,
Кто никогда глубоко не любил.

Лесья Украинка сочетает ненависть к врагам, угнетателям родины, с резкими выпадами против расслабленных либералов, всегда предпочитавших компромисс открытой борьбе:

Мы — парализованные с горящими глазами,
Наш дух могуч, но плоть у нас слаба,
Хоть крылья гордые за нашими плечами,
Но мы к земле прижаты, как рабы.

Наивно и преступно ждать, что эти оковы падут сами собой. Поэтесса резко осуждает тех украинских интеллигентов, которые «льют слезы от бессилия» и не могут решиться на великое дело освобождения родины:

Над старым горем Украины
Тоскуем, тужим всякий час
И ждем, рыдая, той минуты,
Когда спадут оковы с нас.

В ряде очень сильных, эмоциональных лирических стихов Леся Украинка гневно отвергает возможность соглашения с врагом, клеймя позором малодушие, измену, приводящие к рабству. Она зовет к борьбе самоотверженной и героической во имя народа и родины:

О, если б звон оков мог поразить, могучий,
Те заспанные, вялые сердца,
Покрыть стыдом чело, не ведавшее тучи,
Сказать всем, что давно оружие ждет борца.

Уже в первой книге лирики Леси Украинки «На крыльях песен» (1892) мы находим мотивы борьбы. Эти мотивы крепнут в последующих сборниках «Мечты и думы» (1899) и «Отзвуки» (1902). В пору растерянности, безнадёжности и усталости, царивших в кругах украинской интеллигенции, не верившей в свои силы, Леся Украинка будила боевой дух, звала к активному действию. Для нее борьба была синонимом и смыслом жизни:

Кто не жил средь буйства бури,
Тот дены не знает силе,
Тот не знает, как безмерно
Люди труд свой полюбили.

Жить среди бури, проявляя отвагу и решимость, биться до конца — вот в чем гордость человеческого существования. И портесса, больная, слабая женщина, поражает и увлекает силой своей воли и величием духа:

Я выйду одна против бури
И встану — померяю силу!

Говоря в одной из своих статей («Утопия и беллетристика») о той безмятежной жизни будущего общества, которую рисует английский утопист Моррис, Леся Украинка пишет: «Мы думаем, что это не жизнь, а медленное умирание от счастья, от бесцельного, ненужного благоденствия... Жизни настоящей в этом нет. Нет борьбы, этого необходимого условия жизни, нет трагедии, которая дает глубину и содержание жизни».

Излюбленный образ Леси Украинки — Прометей. Мятежный титан, восставший против жестокого и несправедливого порядка Зевса, является в стихах портессы воплощением борца за свободу и честь родины. Как не похожи слабосильные земляки

Леся Украинки на титана Прометея, в котором воплощены мужество, отвага и беззаветная преданность своему делу. И среди них, изверившихся людей 90-х годов, сама Леся Украинка высится титаном Прометеем, человеком железной воли. Неудивительно, что Иван Франко сразу приметил и оценил именно твердость воли, высокое мужество Леси Украинки:

«Со времени шевченковского «Поховайте та вставайте, кайдані порвите» Украина не слышала такого сильного, горячего и поэтического слова, как из уст этой слабой, больной девушки».

К этому Иван Франко добавил, что она — «единственный мужчина в украинской литературе своего времени».

И действительно, твердо следовала Леся Украинка по своему пути — пути борца и гражданина. Она знала, что в ее арсенале имеется одно оружие — слово, и она хотела бы, чтобы это оружие было всегда готово к бою:

Слово, зачем ты не стала боевая,
Что среди боя горит, как живая,
Пли не острый безжалостный меч,
Тот, что сечет вражьи головы с плеч?

Леся Украинка знает, на что годится остро отточенное слово ее поэзии:

Мстители сильные вместе с тобою
Выступят дружно, готовые к бою...
Слово мое, послужи ты бойцам
Лучше, чем служишь ты слабым рукам.

В своих сборниках поэтесса не раз говорит о животворной роли поэзии. Стихи должны быть тонкими и нежными, подобно лепесткам прекрасного цветка. И вместе с тем этот цветок должен обладать силой, могущей пробить скалу, из которой он рос. Этот образ дан в стихотворении «Отрывки из письма»:

Этот цветок по-ученому люди зовут *Saxifraga*,
Нам, поэтам, назвать бы его «Ломикамень»
И уважение воздать ему больше, чем пышному лавру.

Подобно всякому большому художнику, Леся Украинка часто испытывала «муки слова». Она жаловалась на то, что не может выразить всей силы чувств и переживаний. Писала необычайно быстро, как бы одним взлетом, и потом уже с трудом переделывала или меняла что-нибудь. Говори о своем твор-

ческом процессе в письмах и близким, в прозе, в стихах, Леся подчеркивала, что она «в буквальном смысле горит и болеет каждый раз сызнова».

Преодолевая физические страдания, Леся Украинка, особенно в последние годы жизни, работала только благодаря крайнему напряжению воли..

«...я пишу только в припадке умопомешательства, ибо только тогда могу бороться (или, скорее, забывать о борьбе) с истощением, высокой температурой и другими угнетающими интеллект симптомами, когда меня попросту гальванизирует какая-то *idée fixe*, какая-то непреодолимая сила. Толпа образов не дает мне спать по ночам, мучает, как новый недуг,— тогда только приходит демон страшнее всех недугов и приказывает мне писать, а потом я снова *Zusammen geklappt*, как пустая сума».

Знаменательно, что поэтесса от начала до конца видела свое жизненное назначение в творчестве. «Искусство для искусства» она отвергала, потому что не признавала отрыва художника от жизни и жгучих вопросов современности. Широта тематики Леси Украинки лишь помогает ей осмыслить и обобщить проблемы борьбы за социальную и национальную независимость.

Можно смело сказать, что для Леси Украинки волевое начало в поэзии, как и в жизни,— самое главное. Ничто не вызывает такого презрения поэтессы, как безволие и бессилие, непротivление злу. Обращаясь к своим словам, рожденным кровью сердца, Леся Украинка требует, чтобы они «в горах будили эхо, а не стоны».

Сжигать, гореть должны вы, но не тлеть.

В полном соответствии с этой поэтической декларацией Леся Украинка не признает в своей лирике жалоб и стонов. Бывают, правда, и у нее минуты разочарования и усталости, когда ее терзает мысль, что не скоро взойдет солнце правды и свободы; она мечтает «хоть увидеть раннюю зорьку».

Правда, порой печалится она о том, что только во сне слышатся сильные лесни, но такие построения непрочны и легко побеждаются ее волей. Даже в слезах отчаяния Леся Украинка видит могучее средство для новой вспышки энергии и воли к борьбе.

Так плачьте, братья, мало поруганья,

Душа еще безропотно страдает.

Пусть сердце бьется, мечется в молчаньи,

Пусть не дает покоя, пусть пылает.

Замкнутая, самоуглубленная в личной жизни, Леся Украинка уделяла мало внимания интимной теме любви и любовных переживаний. В немногих лирических стихах, отданных этой теме, поэтесса говорит о любви непонятой, неразделенной, о том, как «печаль проникла сердце острым ножом». Образы любви сливаются с картинами природы.

Как и у одного из любимых поэтов Леси Украинки, Генриха Гейне, здесь тесно связаны между собой переживания поэтессы, движения ее сердца с проявлениями внешнего мира, с цветением весенней зелени, шуршанием осеннего сухого листа. Пейзажи в поэзии Леси Украинки почти никогда не носят местного колорита (за исключением разве «Лесной песни», где все полно стихией украинской природы). Поэтесса говорит о скалах и кручах, о солнце и молнии, о грозе и буре чаще всего как о поэтических метафорах, придавая явлениям природы условный, аллегорический и символический характер.

Безрадостная действительность, окружавшая ее, олицетворяется в виде полярной ночи, мысли о тягостном положении угнетенного народа зовутся «полночными думами», приход весны пробуждает в сердце замерзшие надежды на близость счастья.

Личное и общественное сливаются в лирике Леси Украинки. В одном из первых стихотворений, написанных тринадцатилетней Лесей, мы уже находили тесную связь между эмоциями поэтессы, вызванными личными переживаниями, и ее горячей любовью к родине, любовью гражданина.

Ни доля, ни воли мне жизнь не дала,
Осталась мне только надежда одна:
Увидеть опять Украину мою
И все, что мне мило в родимом краю,
На Днепр голубой поглядеть еще раз,
А там — умереть я готова тотчас.

Леся Украинка черпает силы из глубокого источника любви к своей стране и к своему народу. Она верит в мощь народного духа, осознавая, что люди умирают, но народ — бессмертен. Думая о положении своего поработленного народа, Леся Украинка искала аналогии с историческими судьбами других стран и народов.

Она вспоминает времена древнего Египта, когда потом и кровью рабов деспоты-фараоны хотели создать себе вечный памятник. На чудесной гробнице неведомого фараона временем стерта надпись с именем:

Давно в могиле царь с ликом тирана,
И от него осталась только надпись.
Певцы, ученые, мечтая, не старайтесь
Найти царя исчезнувшее имя:
Судьбою создан из его могилы
Народу памятник — да сгинет царь!

Леся Украинка в этом стихотворении и в других из того же египетского цикла («Сфинкс», «Ра-Менеис») вдохновляется мыслью о том, что не гордые цари, правители стран и народов, достойны памяти потомков, но дела народные и народ, угнетаемый царями, — создатель великих материальных и культурных ценностей.

Творческие мысли поэтессы всегда связаны с идеей народной борьбы за свободу и человеческое достоинство. В стихотворении «Дым» можно явственно разглядеть, как эта тема сама собой разрывает национальные рамки и приводит к широким социальным обобщениям.

Леся Украинка рассказывает о тех эмоциях, которые вызвала в ней поездка по Италии. Подъезжая к Генуе, поэтесса почувствовала запах фабричного дыма, восходящего к небу. И она сразу перенеслась мыслью к себе на родину, где есть свой дым, дым сахарных заводов на Волыни, где есть своя рабочая беднота, своя нужда и тяжесть непосильного и безрадостного труда:

Тот итальянский дым проник мне в сердце,
И сердце больно сжалось, онемело,
И уж не говорило мне: «чужбина».

Так Леся Украинка, минуя опасность узкого национализма, пришла к убеждению, что ей близки трудящиеся независимо от нации и страны. Разумеется, эта широта социалистической мысли Леси Украинки только укрепляла ее любовь к родному краю. Уже перед самой смертью поэтесса создала сказку про богатыря, который ждет и дождется своего часа:

И встанет великан тогда,
Расправит плечи снова,
И разорвет в единый миг
Железные оковы.
Все то, что мучило его,
Вмиг встанет горсткой праха.

Любимый мой, далекий край!
Страна моя родная!
Когда я вспомню про тебя,—
Ту сказку вспоминаю.

Поэтический образ сказочного богатыря — это образ ро-
дины, Украины, которой поэтесса отдала все свои силы.

Естественно, что Лесья Украинка была связана с революционными организациями и в конце 90-х годов находилась в Киеве под тайным надзором полиции. В 1907 году она была даже арестована.

Литературная и общественно-политическая деятельность Леси Украинки протекала в постоянном и тесном содружестве с лучшими представителями братского русского народа. Критические и публицистические статьи Леси Украинки печатались в петербургском журнале «Жизнь», выходившем при активном участии Ленина и Горького.

После смерти поэтессы в большевистской газете «Рабочая правда» был помещен некролог, в котором было четко указано, что Лесья Украинка, «стоя близко к освободительному общественному движению вообще и пролетарскому в частности, отдавала ему все силы, сеяла разумное, доброе, вечное. Нам надо сказать ей спасибо и читать ее произведения».

В том же некрологе подчеркивалась важная роль произведений Леси Украинки, пропитанных горячим оптимизмом, внушавшим веру в победу народа: «Лесья Украинка умерла, но ее добрые произведения долго будут будить нас к работе — борьбе. Добрая вечная память писательнице — другу рабочих».

И действительно, Лесья Украинка, задавая себе риторический вопрос, кто поставил ее на страже народных интересов «среди руин и средь печали», могла бы ответить: народ.

Кто гордость мне вложил вот в это сердце?

Кто даровал отваги меч разящий?

Кто взять велел святую орифламу

Мечтаний, песен, непокорных дум?

Кто приказал мне: не бросай оружия,

Не отступай, не падай, не томись?

Этому призыву, обращенному к себе, Лесья Украинка была верна всю свою недолгую жизнь. Преодолевая мучительную болезнь, не жалуясь и не сетуя на свою судьбу, она горела огнем своего творчества. Она не знала компромиссов, как не знал их великий учитель украинской поэзии Тарас Шевченко. В свою мудрую и благородную лирику поэтесса ввела острые гражданские мотивы. Но это не привело ее к голой публицистичности, ослаблению образности, отказу от разнообразия ритмических форм стиха. В лирике Леси Украинки мы находим богатую ритмику и строфику русской и западноевропей-

ской поэзии. Вечные образы мировой литературы, заново переосмысленные поэтессой, вошли неотъемлемой частью в ее творения.

Лесья Украинка оставила нам, кроме лирики, ряд поэм, в которых широко ставила проблемы современности. Тема народного восстания против угнетателей постоянно увлекает поэтессу, и она трактует эту тему в нескольких планах. Поэма «Роберт Брюс» дает образ народного героя, помогающего шотландским повстанцам справиться с иноземными угнетателями и с предателями, шотландскими рыцарями. Поэма «Старая сказка» переносит нас в эпоху средневековья, правда, данную в самых обобщенных чертах. Здесь показана роль поэта, который больше всего ценит свою свободу и независимость, больше всего любит свой народ и борьбу за его освобождение. Эта поэма выдержана в тоне Гейне, написана в его ритме, проникнута его иронией. Так, например, звучит в этой поэме песня восставшего народа:

Мужики в сырых землянках,
Графский замок — суше трости.
Говорят, в господском теле
Побелее наших кости!

Трудовой руке мужички
С ручкой дамы не сравнятся,
Говорят, в господских жилах
Голубая кровь струится.

Нам узнать охота: точно ль
У господ все кости белы?
Голубая ль кровь польется,
Если в грудь вонзить им стрелы?

В поэмах Леси Украинки удивительное разнообразие стилей и поэтических форм. Патетика «Роберта Брюса», ирония «Старой сказки» уступают место строгому реализму поэмы «Одно слово». Здесь на фоне суровой якутской природы встает фигура сильного и благородного человека, революционера, сосланного царизмом в далекие края.

Другие поэмы, например, «Вила Посестра» или «Изольда Белорукая», раскрывают умение Леси Украинки проникать в поэтический дух различных эпох и народов. В «Виле Посестре» дан высокий образец стиля сербского народного эпоса; «Изольда Белорукая» — тонкая стилизация старофранцузского

романа средневековья, вариация темы «Тристана и Изольды».

Но при всем этом разнообразии форм между ними существует идейное единство. Темы, сюжеты и образы мировой литературы, мировой истории не являются материалом для эстетического любования стариной. Леся Украинка дает свою трактовку, свою концепцию, при которой освященные традицией герои и героини встают перед нами в ином плане, раскрывая иные, новые качества.

Давно существует традиционный образ Беатриче, прославленной возлюбленной Данте. Леся Украинка уводит нас от этого идеального образа и напоминает об образе земном, о жене Данте, которая разделяла с ним горький хлеб изгнания и как верная тень пропала за поэтом. В понимании Леси Украинки подлинная героиня — не счастливая Беатриче, а «верная тень» Данте, его жена, по слезам которой, «как по росе жемчужиной, прошла в отчизну славы Беатриче».

Леся Украинка создает героические женские образы, давая им своеобразное освещение. Ломаю традицию, она по-новому истолковывает бессмертную легенду о Дон Жуане в драме «Каменный хозяин». Донна Анна, которая обычно выступает как эпизодическое лицо в цепи любовных похождения Дон Жуана, приобретает первенствующую роль. Леся Украинка наделяет ее негибимой волей, которой вынужден подчиниться Дон Жуан.

Леся Украинка подчеркивает, что героизм — это непоколебимая решимость бороться до конца даже в тех случаях, когда дело обречено на гибель. Герои побежденные, но не сложенные оружия — вот истинные герои поэтессы.

3

В творчестве Леси Украинки драматургия занимает выдающееся место.

Это не случайно. Поэтесса прекрасно понимала роль, которую играет сценическое искусство для воздействия на широкого зрителя. Помимо этого, Лесе Украинке как художнику-мыслителю в высшей степени свойственен диалектический способ выражения идеи. Пользуясь диалогической формой, поэтесса нашла в драме то, что ей так необходимо для пропаганды просветительской мысли: возможность диалектиче-

ски обсуждать ту или иную проблему, раскрывать серьезные драматические конфликты.

В драме, как и в других литературных жанрах, Леся Украинка проявила себя художником широкого кругозора. Она брала сюжеты и темы из различных областей мировой истории. Большинство драм Леси Украинки написаны прекрасным стихом; реплики острые, монологи яркие и выразительны.

Правда, многим пьесам Леси Украинки нехватает специфичности в общепринятом значении этого слова, действие развивается медленно, характеры зачастую даны в готовом виде, и их эволюция показана весьма сдержанно.

Сила Леси Украинки как драматурга — в идейной значительности ее пьес. Начиная с первой пьесы «Голубая Роза» (1896), бытовой драмы из жизни украинской интеллигенции, и кончая последней драматической поэмой «Оргия» (1912—1913), действие которой отнесено в далекое прошлое, Леся Украинка разрешает социальные проблемы современности.

В центре ее внимания — проблема свободы и борьбы за национальное освобождение. Наряду с этой темой встает и другая, неоднократно находившая себе место в лирике поэтессы. Это тема свободы творческой личности, тема взаимоотношения искусства и жизни.

В драматической поэме «В пуще» раскрыта трагедия художника, замкнувшегося в самом себе и потому обреченного на бесплодие и гибель, Леся Украинка переносит действие в Северную Америку XVII века, в среду пуритан, и в этой, казалось бы, совершенно чуждой для нее обстановке она сумела пайти яркие и живые фигуры людей и среди них самого художника Ричарда Айрона, не понимавшего, что «искусство для искусства», не служащее народу, теряет право на существование.

Проблеме взаимоотношений интеллигенции и народа, остро стоявшей для Леси Украинки и других мастеров украинской культуры эпохи, посвящена замечательная драматическая поэма «Кассандра». Силой своей фантазии поэтесса уносит нас во времена гомеровской Трои. Она раскрывает трагический образ дочери троянского царя Приама, Кассандры. Одаренная силой провидения, она сообщает жестокую правду о несчастьях, грозящих родине. Но эта правда, беспощадная и разящая, не нужна троянцам. Они предпочитают утешительную и дающую ободрение ложь жреца Гелена, брата Кассандры.

«Трагическая вина» Кассандры в том, что «боги дали про-

роческий дар бессильной женщине». Мало знать и предвидеть ход событий. Надо уметь с оружием в руках бороться за дело свободы, надо иметь волю к этой борьбе. Кто такой воли к борьбе не имеет, тот неизбежно потерпит катастрофу Кассандры.

Наделенная волей борца, Лесья Украинка, естественно, ополчилась против всех реакционных сил, которые несли в массы идею покорности, «непротивления злу», которые, подобно жрецу Гелену, считали пужной и полезной «утешительную ложь». С этой точки зрения Лесья Украинка не раз в своих драматических поэмах обращалась к проблеме христианства и показывала вредное влияние проповеди пассивности и покорности («В катакомбах», «Иоганна, жена Хуса»). Тема христианства дана также в драмах «Руфин и Присцилла», «Адвокат Мартин», «На поле крови». Во всех этих произведениях поэтесса подвергает критике догмы христианства, которые помогают держать в страхе и покорности поработенных людей.

В маленьком шедевре Леси Украинки, в ее поэме «В катакомбах», изображена драма раба-неофита, идущего в христианской общине подлинную правду жизни и свободы. Но здесь он находит лицемерие богачей, которые заставляют бедняков работать на себя и прикрываются при этом ссылками на «волю божью».

В революционной обстановке 1905—1906 годов, когда поэтесса писала «В катакомбах», она не столько занималась принципиальной критикой христианской морали, сколько выступала против политического примиренчества с существующим порядком и призывала к восстанию. Раб-неофит приходит к непоколебимому решению бороться «за свободу против рабства».

Особняком стоит поэтическая драма «Лесная песня» (1911). Читатель и зритель погружаются в украинскую стихию фольклора. Символика поэмы, родственная драмам Метерлинка и «Потопувшему колоколу» Гауптмана, вместе с тем далека от подражательности.

Поэтесса рассказала глубоко и искренно о любви лесной девушки, обаятельного фантастического существа Мавки — к простодушному крестьянскому юноше, Лукашу. Лукаш — музыкант, извлекающий чарующие звуки из своего инструмента. Но он вместе с тем натура прозаическая, множеством нут связанная с плоскими земными интересами. Большая любовь Мавки не в силах вырвать Лукаша из пошлого мещанского

мирка. Мавка — чудесное воплощение природы, Лукаш — олицетворение косности, не дающей человеку подняться до поэтического, творческого слияния с природой.

В последний раз во всю ширь ставит Леся Украинка вопрос о свободе личности в драме «Каменный хозяин» (1911—1912). Поэтесса обратилась к бессмертному образу Дон Жуана. Тирсо де Молина и Мольер, Байрон и Пушкин, Мериме и Алексей Толстой — эти большие художники, каждый по-своему, рассказали легенду о сельском обольстителе. Леся Украинка подошла к теме не с этической, а социальной точки зрения. Для нее Дон Жуан — защитник свободы личности и борец против пошлости и уродливых условностей старого общества. Могучим символом мертвящих законов этого общества в драме является командор, становящийся каменным хозяином дальнейшей судьбы Дон Жуана.

Трудно охватить здесь все богатство и разнообразие образов и тем драматургии Леси Украинки. Поэтесса явилась как новатор, желающий расширить круг интересов украинского театра, не выходявшего за рамки быта и этнографии. Правда, Леся Украинка не завоевала при жизни надлежащего места в украинском театре. Большинство ее пьес оставалось в ту пору «драмами для чтения». Но это не ослабляло интереса к ним со стороны той части украинской интеллигенции, которая стремилась к глубокому и серьезному осмыслению жгучих проблем современности. И Леся Украинка выполняла большую общественную миссию, призывая родную интеллигенцию к сближению с народом, к борьбе за его благо.

К сожалению, до последнего времени произведения Леси Украинки были мало переведены на русский язык, что препятствовало широким кругам читателей ознакомиться с ее творчеством.

Между тем Леся Украинка — не только один из крупнейших мастеров украинской поэзии. Она по праву должна занять видное место в ряду мировых поэтов нового времени. Писательница с ярко выявленными национальными чертами, великолепный знаток языка и фольклора, Леся Украинка необычайно расширила свой творческий горизонт. Она уносила читателей в разные страны, в разные эпохи, и ее глубоко волновала не только судьба украинского народа, но и судьба всего человечества. С редкой для своего времени прозорливостью Леся Украинка прекрасно понимала, в чем за-

ключается роль поэта-гражданина, и в этом отношении была достойной преемницей лучших традиций Шевченко и Франко. Она боролась за освобождение своей родины плечом к плечу с культурными деятелями братского русского народа, против общего врага — представителей реакции и угнетения.

Обаятельный облик Леси Украинки полон своеобразной привлекательности и для наших дней: ее горячий патриотизм, крепкая связь поэтессы с мировой и братской русской поэзией, неутомимая жажда борьбы за лучшее будущее, высокая художественность ее произведений и их органическая поэтичность — вот черты творческой деятельности Леси Украинки, которые обеспечивают ей почетное место в поэзии, созданной переломной эпохой, на рубеже прошлого и нашего столетий.

Александр Дейч.

Л И Р И Ъ А

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСЕН I

КОНВАЛИЯ •

Росла в лесу конвалия
Под дубом высоким,
Укрывалась в непогоду
Под шатром широким.

Да недолго красовалась
Белою красою,—
Век ее укоротился
Людскою рукою.

Ой, цветешь ты, конвалия,
В пышной светлой зале,
И красуется тобою
Панночка на бале.

Ой, на бале веселая
Музыка играет,
Конвалии та музыка
Сердце надрывает.

А когда в веселом вальсе
Панна закружилась,—

У конваллии головка
Увяла, склонилась.

Промолвила конвалия:
«Прощай, лес росистый,
И ты, дуб мой, друг высокий,
Друг мой многолистый!»

И замолкла. Беспечною
Панночка рукою
Кинула цветочек белый,
Схожий с ней самою.

И до тебя, моя панна,
Горе доберется,
Вспомнить тебе конвалию,
Может, доведется.

Недолго ты, моя панна,
Будешь забавляться,
В пышных залах да на балах
Цвести-красоваться.

Может, когда-нибудь милый,
Что тебя так любит,
И тебя, цветок увядший,
Беспечно загубит...

Вольфь
30/X 1884

НАДЕЖДА *

Ни доли, ни воли мне жизнь не дала,
Осталась мне только надежда одна:

Увидеть опять Украину мою
И все, что мне мило в родимом краю,

На Днепр голубой поглядеть еще раз,
А там — умереть я готова тотчас.

Взглянуть еще раз на курганы в степях,
Вздохнуть напоследок о пламенных днях.

Ни доли, ни воли судьбой не дано,
Одной лишь надеждой мне жить суждено.

П О Р О Ю

Порою, едва лишь примусь за работу,
Кончаю ли дело свое,— отчего-то,
Как осени пасмурные облака,
Находит на душу глухая тоска.

Раздумье о том леденит мою руку,
Что вижу вокруг я народную муку
И слезы... И в сердце сомненья растут:
Да нужен ли он — незаметный мой труд?

Не справились с горем и долей унылой
И лучшие люди. Что ж я с моей силой?
И дело бросаю, берет меня зло.
Но думы иной меня греет тепло:

А может быть, все-таки, я своей песней
Утешу кого-нибудь,— пусть он безвестен,
От сердца пропетую песней моей
Зажгу утомленные души людей.

А может, мы с песней не лишними будем,
Мой труд пригодится на что-нибудь людям.
И вновь исчезают сомненья и грусть,
И с ясным челом я за дело берусь.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Не дивитесь, что цветом прекрасным
Распускается девичья прелесть,—
Так под солнцем спокойным и ясным
Расцветает подснежник в апреле.

Не дивитесь, что мысли большие
Будят в сердце и слезы и речи,—
Так весною ручьи молодые
Рвутся с круч и несутся далече.

Не дивитесь, что сердце так рьяно
Жаждет воли и смелого дела,
Или вы не слыхали, как рано
Песня жаворонка зазвенела?

П Е В Е Ц

Рдели багряные, пышные зори,
Бывало, весной.
Песни звенели в щебечущем хоре
Одна за другой.

Переливалась цветным самоцветом
На зорьке роса.
И озарялась предутренним светом
Природы краса.

Гордо адела красавица роза —
Цветок из цветов,
И наклонялись зеленые лозы
К царице садов.

Пел соловей над беленою хатой
О розе своей,
Пел — заливался волшебник пернатый,
Лесной чародей.

Слал он вечерней звезде, над водою,
Прощальный привет,
Песнею звонкой дружил со звездой,
Встречавшей рассвет.

И пролетел он, заметною птицей,
Тот радостный час.
Осени скучной свободно гостится
Сегодня у нас.

Ранными осень пугает ночами,
Роняя печаль;
Месяц едва озаряет лучами
Холодную даль.

Тихо кругом. Только ухают совы.
Нахмурился лес.
И не слышать соловьиного зова.
Ох, где ж он? Исчез!..

Скрылся далеко, в заморские страны,
Чудесный певец.
Вечно не вянет там розы багряной
Душистый венец.

Глухо и смутно кругом на просторе.
О лес мой ночной!
Бросил певец тебя. Бросил он в горе
И край свой родной.

Всюду теперь немота и молчанье.
Лишь ветер листвою
Глухо шуршит... Не дриады ль стенанья
Над вялой травой?

Оттенных слов отчего я не знаю,
Горячих, живых?
Зиму прогнать из любимого края
Сумела б я вмиг.

Вечно звенела бы в роще родимой,
Светла и ясна,
Песня... и вечно б, любовью томима,
Дышала весна.

Пусть бы и волю и дар соловьиный
Имела бы я,—
Я б не рассталась с тобою, кручиной,
Отчизна моя.

CONTRA SPEM SPERO!

Прочь! Развейтесь, тяжелые думы!
Над землею весна разлита.
Неужели все так же угрюмо
Промелькнут молодые лета?

Нет! Хочу я сквозь плач улыбаться,
Песни петь даже в горькие дни,
Без надежды надеюсь, смеяться.
Прочь, унылые думы мои!

Я на темном, глухом переломе
Буду сеять цветы и растить.
Буду сеять цветы у дороги,
На морозе слезами поить.

И от слез этих выюги не станет,
Ледяная растает кора,
И цветы зацветут, и настанет,
Может быть, золотая пора.

На уступ, неприступный и голый,
Буду камень тяжелый вздвигать
И, неся этот камень тяжелый,
Буду песни свои распевать.

В непроглядную ночь и глухую
Ни на миг не сомкну я очей.

Чтоб увидеть звезду путевую —
Золотую царицу ночей.

Да! Я буду сквозь плач улыбаться,
Песни петь даже в горькие дни,
Без надежды надеясь, смеяться.
Прочь, унылые думы мои!

9/V 1890

КОГДА Я УСТАЮ

Когда я устаю от будней жизни,
От будней торя, что повсюду вижу,
Тогда я мысль в далекие шлю страны,
В краю мечты мой светлый взгляд блуждает.
Что вижу я в пространствах отдаленных?
Грядущие века, иное время.
Я вижу, как в кругу семьи счастливой
Столетний дед рассказывает внукам
Про старину диковинные были,
Про то, что совершалось в нашем мире.
Семья родная деда окружила,
И сыновья, и дочери, и внуки;
Одни внимают жадно и с волнением,
Другие с тихою в очах мечтою.
Меньшой же внук подсел поближе к деду,—
Следит прилежно за рассказом деда,
Сверкая пламенным и ясным взглядом.
Дед говорит торжественно и плавно:
«Вы счастливы, рожденные сегодня,
В счастливую эпоху, в добрый час!
Вам страшной сказкой кажется преданье
О диких временах, давно минувших.
Да, дети! Свет прекрасный, вольный
Темнидею казался прежде людям,—
И в самом деле был тогда темнидей:
Народ держал народ в ярме неволи,
Для мысли, слова кандалы ковали,
Полчеловечества людьми не звалось,

На брата брат свирено шел войною.
Вы знаете, что значит это слово?
Тогда войной звалось братоубийство
Во имя правды, воли, веры, чести;
Кровопролитие звалось геройством;
Смерть с голоду там нищетою звали,
Награбленную собственность — богатством,
Тьму беспросветнейшую — простотою,
Ученостью — безмерность заблуждений,
Обряд бездушной мести — правосудьем,
А правом — самовластье тирании.
Всем гордым, знатным честь была и слава,
Подвластным — обездоленным — презренье.
Несчастный род людской совсем бы вымер,
Когда б погасла маленькая искра
Любви и братства, что в сердцах немногих
Среди крошечной тьмы горела тихо.
Та искра тихая не гасла, тлела
И разгорелась пламенем огромным,
И осветила вековую темень,
Заполнила весь свет могучим светом...
Об этом слышал я и сам от дедов,
Не на моей то памяти свершилось».
Так говорил старик. Внук самый младший
Поднял лицо, взглянул светло и ясно
И усмехнулся нежными устами:
«Да, страшные ты нам поведал были,—
Я рад, что не родился в лихолетье!»

МОЙ ПУТЬ

В дорогу выйдя раннею весною,
Я шла и робко песню напевала,
А кто встречался по пути со мною,
Того теплом сердечным согревала:
    «Одной недолго сбиться мне с пути,
    Зато не страшно вместе всем идти!»
И вот иду... А песня так и льется.
Ты не ищи пророчеств в этом звуке!
Мне песня громкая не удается,
Но если кто заплачет в тяжелой муке,
    Скажу: «Я разделяю скорбь твою»,—
    И в плач его влетаю песнь мою,
И слезы высыхают от участия.
А если по дороге мне придется
Услышать песню вольности и счастья,
В моей душе созвучие найдется,
    И прячу я тогда тоску свою
    И песнь вольнолюбивую пою.
Когда же в небо погляжу пустое,
Я новых звезд увидеть не пытаюсь.
Свободу, Равенство и Братство золотое
Я в темных тучах разглядеть стараюсь —
    Те три звезды, которые народ
    Все радостней, нетерпеливей ждет.
Ужели только тернии найду?
Иль встречу сад цветущий и тенистый?
Ужель до цели светлой не дойду,
Безвременно окончу путь тернистый?
    Но что бы ни было в пути со мной,
Я с песней начала и кончу путь земной.

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ОГНИ

Ночь темная всех утомленных укрыла
Прохладою ширококрылой.
Вечерние сгасли огни;
Все спят в этой черной тени.
Всех властная ночь покорила.

Кто спит, кто не спит,— покорись темной силе.
Блажен, кого сны посетили.
Тем снам не витать надо мной...
Окрест все окутано тьмой,

Окрест все молчит, как в могиле.
Дурные виденья мне душу терзали,
Не встать от гнетущей печали...
Вдруг, ясным сияньем маня,
Лучи разбудили меня,—
Огни вдалеке заблестали.

Огни предрассветные, солнце пророча,
Прорезали тьму этой ночи,
Еще не вставала заря,—
Они уже блещут, горя,
Их люд зажигает рабочий.

Вставайте, живые, в ком дума возсталала!
Пора для работы настала!
Гони предрассветную соню,—
Зажги предрассветный огонь,
Покуда заря не взыграла.

1892

ПОВСЮДУ ПЛАЧ

Повсюду плач и стон глубокий,
Несмелы возгласы, смутны
Судьбе напрасные упреки,
И лица скорбно склонены.

Над старым горем Украины
Тоскуем, тужим всякий час
И ждем, рыдая, той години,
Когда спадут оковы с нас.

И растравляем раны снова,—
Зажить им слезы не дают.
Ржавеют лишь от слез оковы,
Но сами — вечно не спадут!

Что праздно плакать в мире гнета?
Для нас обратно нет путей!
Возьмемся лучше за работу,
Добьемся новых, светлых дней!

1890

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

(Любимой матери)

Уж закатилось на небе солнце.
И месяц глянул в мое оконце.
Уж звезды на небе засияли,—
Все вокруг уснуло... спят и печали,
Пойду я в сад, подышу весною,
Спою я песенку под луною.
Как же привольно тут, на просторе!
В такую пору забудешь горе.
Кругом сады, хаты — снега чище,
И соловейка за рощей свищет.
Ой, разве славно так на чужбине,
Как тут, на нашей родной Воляни?
Белые хаты ночь обнимает,
Словно детей своих мать ласкает.
Ветер весенний тихонько дышит,
Словно тех детей в люльке колышет.

НА СТАРИННЫЙ МОТИВ

«С добрым утром, горлянка родная!»
«С добрым утром, друг ты мой желанный!»
«Что тебе приснилось, дорогая?»
«Сон приснился, только очень странный...»

«Что же ты видала, свет мой ясный?»
«Много лплий нежно-серебристых».
«Утешайся, то цветок прекрасный —
Знак надежд и упований чистых».

«Лилии качались и сияли,
Зáлитые тихим лунным светом,
Сладостные грезы навевали
И гордились своим расцветом.

И блистали свежею красою,
Невозможной в жизни настоящей.
И сверкали крупною росой,
Самоцвeтами на них горящей.

Подопшла я к лилиям поближе,
А они все вдруг затрепетали,
Начали клониться ниже, ниже,
Почернели и совсем упали.

С лепестков загубленных скатились
Светлые, сверкающие росы,
И в траве измятой засветились,
Как обильно пролитые слезы».

«Странные тебя пленили грезы...
Мне же розы снились до рассвета».
«Утешайся, потому что розы
Наслажденья и любви примета».

«Эти розы алые стояли,
Как цветы неведомого рая,
И листвою зеленою сняли,
В свете солнечном благоухая.

Как они чудесно пламенели
От таинственного сладострастья,
И цвели, и трепетно горели
Для любви, для радости, для счастья.

Я к одной из них склонился было,
Чтоб к груди ее прижать... И что же?
Розы вдруг поникли все уныло;
Та, что выбрал я, увяла тоже.

И умылась буйною росой,
Задрожала вся, затрепетала,
Словно вдруг подкошена косою,
Блеклая — она к ногам упала...»

...И смутилась пара молодая, —
Снов своих она понять не в силах.
Шла домой я, тихо повторяя:
«Дай им бог, чтоб все счастливо было!..»

В ДЕТСКОМ ХОРОВОДЕ

I

На зеленом бугорочке
Вишен белые цветочки.
Хатка там стоит меж вишен,
Будто то ребенок вышел
И глядит с холма далече,
Не идет ли мать навстречу.
Словно мать пришла к ребенку.
Солнце белую хатенку
Ясным светом озарило,
Как дитя, развеселило.

II

Лето красное минуло,
Побелело поле;
Детки выглянули в окна,—
Кончилось раздолье!

Скучно детям в темной хате.
Спрашивают дети:
«Для чего зима и холод
Созданы на свете?..

Вон все поле снег засыпал,
Хоть нейти из дому!
Знай сиди — гляди в окошко
В комнате знакомой.

В снежном поле замерзают
И цветы и мята.
Верно, век зима не минет!» —
Плачутся ребята.

— Подождите, дети, скоро
Холод сгинет, канет,
Снова время золотое,
Теплое настанет.

И земля зазеленеет
Травами, кустами,
Вновь весна согреет поле,
Уберет цветами.

III

«Мама, зима настает,
Снегом покрыты поляны,
Птица в лесу не поет...

Пташки ведь все улетают
На зиму в теплые страны?» —
Маму дитя донимает.

— Нет, не все,—ласкает мать сынишку.—
Вон, гляди-ка, серенькая птичка
Возле хаты бегаёт вирипрыжку.
Вот осталась птичка-невеличка!

«Что же она не бежит,
Что ж на морозе дрожит?»

— Не боится мороза она,
Не покинет родимого края.
Не страшна ей зима снеговая,
Ждет, что снова наступит весна!

«Мама, взгляни-ка, взгляни,
Пташкам как весело стало!
Слышишь, чирикают так,
Будто и горя им мало.
Глянь-ка, распрыгались как!»

— Нет, не так уж легко им, сыночек.
Есть работа у маленькой птицы:

Где добыть бы водички глоточек,
Отыскать под снегами крупичку.

«Что ж распевает? Чудно!
Лучше искала б зерно!»

— Да, утеха у птицы одна,
Голодна, ну а все распевает:
Птичье сердце свое согревает,
Ждет, что скоро наступит весна.

IV

Тешься, играй, пока детство не минет,—
Это — весна твоих дней.
В думах твоих нет тоски и в помине,
Грез твоих нету ясней.

Дума с мечтою чудесною силой
В дальний подымутся край.
Горлинке крыл не вяжи сизокрылой,
Ей улетать не мешай!

Помнишь чудесную быль-небылицу:
В сказочные времена
Людям достала живую водицу
Добрая пташка одна.

Ей не страшны были дали, просторы,
Скалы, моря не страшны.
Перелетала высокие горы —
Крылышки были сильны.

Так твоя дума, легко улетая,
Полная вольной красы,
Вмиг принесет из волшебного края
Каплю целебной росы.

Если придут к тебе горе с тоскою,
Станет на сердце темно,

Этой чудесной живою росой
Вмиг оживится оно.

Пусть же та дума чудесною силой
В дальний уносится край.
Горлинке крыл не вяжи сизокрылой,
Ей улетать не мешай!

ВЕСНЯНКА*

(Сестре Олеся)

Коль ясное солнце
Уронит свой лучик простой
К тебе на оконце —
Откликнись на зов золотой,
Веселая птичка,
Олеся-сестричка!
Вставай спозаранку,
Встречай молодую веснянку!

Коль первый цветочек
До времени холод убьет
И бедный листочек
Холодной росой зальет,
Не плачь, не жалей их —
Весна одолеет!
Вставай спозаранку,
Встречай молодую веснянку!

Коль дождичек частый
Заслонит нам солнечный свет
И в туче ненастной
Весны затеряется след,
Живи, молодая,
Надежд не теряя!
Вставай спозаранку
И пой золотую веснянку!

Я летом покину
Любимые эти края...
Пойдешь по малину,—
Пожалуйста, вспомни меня!
Ой, вспомни, Олеся,
Сестру свою Лесю —
Певунью, беглянку,
Дарящую эту веснянку.

1890

ВИШЕНКИ-ЧЕРЕШЕНКИ

**Разблестелись черешенки
Средь зеленых веток.
Дразнят, дразнят черешенки
Деток-малолеток.**

**Девчонки, мальчоночки
Под деревом скачут,
Руки тянут — не дотянут,
Прямо чуть не плачут.**

**Вишню съесть охота,
Да высоко что-то!
Хоть и видит око,
Зуб неймет — высоко!**

**«Ой, вишенки-черешенки,—
Закричали детки,—
Почему вы так высоко
Выросли на ветке?»**

**«Потому мы так высоко
Выросли на ветке,
Чтоб не рвали нас до срока
Озорные детки!»**

Из цикла
«КРЫМСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

I. ТИШИНА МОРСКАЯ

В час полуденный, горячий
Я смотрю в свое оконце:
Ясно небо, ясно море,
Ясны тучки, ясно солнце.

Может, в этом крае света
И сияния лазури,
Может, вовсе не слышали,
Что бывают в мире бури.

Тихо в море... еле-еле
Колыхают волны море;
Не шелохнется от ветра
Белый парус на просторе.

И волна скользит на берег
Вся жемчужно-голубая;
Кто-то лодочкою правит,—
Вьется тропка золотая,

Кто-то лодочкою правит,
Тихо весла подымает,
И мне кажется, что с весел
Влага золотом спадает.

Как бы я теперь хотела,
Управляя лодкой легкой,
Снова плыть к восходу солнца
Золотым путем, далеко.

Поплыла б к восходу солнца
И к закату — от восхода,
Тем путем, что солнце блеском
Проложило через воду.

Не боясь ни скал подводных,
Ни ветров, ни бурь дыханья,—
Я о них не вспоминала б
В крае вечного сиянья!

Евпатория
16/VIII 1890

II. ПОЙ, МОЯ ПЕСНЯ

Плененная мысль моя долго молчала,
Как птица, которая в клетке закрыта.
Песня по воле давно не летала,
Тоской обессилена, скорбью убита!

Время тебе, моя песня, проснуться,
Крылья поднять, истомленные горем.
Время тебе, моя песня, взметнуться,
Послушать, как ветер играет над морем.

Рвись, моя песня, струей многоводной,—
Она ведь не знает, куда ее гонят.
Мчись, моя песня, чайкой свободной,—
Она не боится, что в море утонет.

Пой, моя песня, как ветер в просторах,
Пеной вскипая, неистовствуй жадно!
Отклика ветру не будет. Но шорох,
Плеск и шипение пены — отрадно!

В открытом море
17/VIII 1890

Цикл
СЕМЬ СТРУН

Посвящается дяде Михаилу *

DO
(*Gimme Grave* *)

Дождет к тебе стон мой, несчастная мать-Украина,
Струны моей звон донесется.
И тихо струна зазвенит у родимого тына,
И песня из сердца полетится.

По свету широкому станет та песня скитаться;
С ней будет средь чистого поля
Надежда скитаться, чтоб там у людей допытаться,
Где спрятана светлая доля.

А может быть, песня моя, одипоко летая,
Как птица в тоске и печали,
Подруг своих встретит, и легкая звонкая стая
Взовьется в далекие дали.

За синее море она полетит и за горы.
Быть может, средь чистого поля,
Взлетев высоко-высоко в голубые просторы,
Узнает, где спрятана доля.

И с долею песнь долетит до родимого тына,
До нашего бедного края,
До нивы твоей, бесталанная мать-Украина,
Моя Украина родная!

RE

(Песня *Briosò*')

РЕвет-гудит погодушка —
Мне в ненастье горя мало!
Пускай пришла б невзгодушка —
Я б кручиниться не стала!
Гей вы, грозовые тучи,
Чары у меня могучи,
Стрел волшебных раздобуду,
Оперять я песни буду!
Дожди ваши мелкие
В скатный жемчуг обернутся,
А молнии — стрелкою
Серебряной изогнутся.
Я ж пушу свою невзгоду
Да на быструю на воду
И развею все печали
Вольной песней в темной дали.
Ревет-гудит погодушка —
Мне в ненастье горя мало!
Пускай пришла б невзгодушка —
Я б кручиниться не стала!

М I

(*Колыбельная Arpeggio* *)

МИлая доченька,
Месяц да ноченька
Смотрят на нас.
Закрой же оченьки,
Спи — поздний час!

С горем не знаешься,
Ночью не маешься
Тяжкой тоской,
Но повстречаешься
С горькой бедой...

Время постылое!
Горе унылое!
Вас не избыть.
Дитятко милое,
Жить — слезы лить.

Биться с упрornoю
Долей позornoю
Час твой придет —
Ноченькой черною
Сон пропадет.

Милая доченька,
Месяц да ноченька
Смотрят на нас.
Закрой же оченьки —
Не пробил час.

FA
(Sonnet)

Фантазия, ты волшебства полна,
Ты создаешь миры в пустом просторе,
Бесстрастные ты оживляешь зори
И мертвых будишь от немого сна.

Ты жизнь даешь волне холодной в море.
Где ты, фантазия, там радость и весна,
И зажигает мысль, тобой озарена,
Живой огонь в склоненном долу взоре.

Фантазия, богиней легкокрылой
Мир золотых мечтаний ты открыла
И радугой с землей его связала.

Ты явное и тайное слила,
И если бы душа тебя не знала,
Была бы жизнь, как черной ночи мгла!

S O L

(*Rondeau* *)

СОловьиная песнь по весне
Льется в гae, звенит, замирая.
По живу, соловьям не внимая,
Не вдыхая в лесной глубине
Вешний цвет ароматного мая,—
Я не вижу веселного рая,
О цветах, о певучей волне,
Как про сказку, всегда вспоминая
Во сне.

Песни вольные, звонкие, мне
Вас бы слушать средь милого края...
Но рыданья звучат в тишине.
Ох, иль слышим, отчизна родная,
Песни вольные в нашей стране
Во сне?

LA
(Nocturno*)

Ласкали вы, ночи, весенней прохладой.
Куда ж вы от нас улетели?
Ужели умолкли за низкой оградой
И вы, соловьиные трели?

О нет, еще рано! Кольшутся дали,
Волшебная ночь все чудесней...
Еще не умолкли, звучат, как звучали,
Весенние девичьи песни.

Еще легкокрылым туманом витает
Весенняя греза над нами,
А в сердце надежда опять расцветает,—
Цветет золотыми цветами.

И мысли на крыльях мечты улетают
В страну притаившейся ночи.
Лаская лучами, там ярко сияют
Весенние кроткие очи.

Там ясные звезды плывут безмятежно,
Цветы расцветают чудесней,
Там ветви зеленые шепчутся нежно,
Там льются любовные песни.

Зеленые ветви и звезды с цветами
Беседы ведут над рекою
Про чары весны, что колдует ночами,
Про вешнее чудо земное.

81

(Settina ')

Сияют семь струн. Я струны за струной
 Касаюсь, чтоб струны звучали,
 Чтоб вольные песни в печали
 Летали по милой отчизне родной.
 И, может быть, кобза * найдется,
 На струны, звеня, отзовется,
 На струны мои да на голос глухой.

Пусть кобза поет и свободней и шире,
 Чем тихая эта струна,
 Пусть отзвук полнее она
 На вольные звуки найдет в этом мире,
 Пускай она будет звучней,
 А все же не спеть ей верней,
 Сердечнее струн моих тихих на лире.

1890

КАК ПРИДЕТ ГРУСТЬ-ТОСКА...

Как придет грусть-тоска, и не думай, что с ней
Распростишься на гульбищах шумных,
За столом, средь хмельных и веселых друзей,
Что пируют при кликах безумных.

Не ходи в пышный дом, где музыка гремит,
Где веселые пары кружатся,—
Еще больше там сердце твое заболит,
Тучи-мысли грознее сгустятся.

Не ищи многолюдств площадных, суеты
Стоговой толпы, что, как море,
Разливаясь, шумит,— в ней потонешь и ты,
Не потонет одно только горе.

Лучше в чаше лесной, в темной чаше густой
Или в поле, где жито тучнеет,
На приволье поспорь, потягайся с бедой,—
Может, ветром лихую развеет.

Или громкую песню запой веселей,
Чтоб само засмеялось лихо,
И тогда разлучишься с тоскою своей
И на сердце опять станет тихо...

[1891]

МЕЧТЫ И ДУМЫ

ПОБЕДА

Долго я не могла покориться весне,
Долго слышать ее не хотела,
Понапрасну она улыбалась мне
И звала, и сияла, и пела.

«Не зови ты меня,— говорила я ей,—
Не поддамся чарующей силе!
Что теперь мне, скажи, до улыбки твоей,
Если в сердце темно, как в могиле?»

А весна мне кричала: «Послушай, взгляни,—
Все моей покоряется воле:
Лес давно позабыл про холодные дни,
И цветами усеяно поле;

Туча вешняя громом полна молодым,
Блещут молнии, ливень грохочет.
А земля вся в цвету, словно розовый дым
Постепенно укрыть ее хочет.

Пусть же темное сердце твое оживет
И на песню мою отзовется.

На нее отзывается все, что живет,
А ведь сердце твоё ещё бьётся!»

Я шептала упорно: «Не верю весне!»
Только тщетным неверие было —
Всколыхнулись и слёзы, и песни во мне...
О весна! Ты меня победила!

14/V 1893

ЭТА ТИХАЯ НОЧЬ...

Эта тихая ночь чаровница
Покрывалом спокойным, широким
Распростерлась над сонным селом,
В небесах просыпалась зарница,
Будто в озере тихом, глубоком
Лебедь всплескивал белым крылом.

С каждым всплеском тех крыл лебединых
Сердце билось, в тоске сиротело,
Замирало в тяжелой борьбе.
Истомил меня злой поединок,
И мне песню пропеть захотелось,
Лебединую песню себе.

1894

ДАВНЯЯ ВЕСНА

Была весна веселой, щедрой, милой,
Лучом играла, рассыпала цвет,
Она летела с быстротой стокрылой,
И птицы певчие за нею вслед.

Все ожило и все вокруг запело,—
Зеленый шум,— и звуков даль полна.
Заговорило все и зазвенело,
А я лежала в комнате больна.

Я думала: «Весна для всех настала,
И всем подарки принесла она,
Лишь для меня подарка не достала,
Меня забыла светлая весна».

Нет, не забыла! В окна заглянули
Ко мне ветвями яблони, легки,
И листьями зелеными качнули,
И белые рассыпали цветки.

Ворвался ветер, и в жилище тесном
Про волю он весеннюю запел,
И вслед за ним примчались птичьи песни,
И милый отзвук леса прилетел.

Моя душа вовеки не забудет
Подарка, что весна мне принесла,
Весны такой уж никогда не будет,
Как та была, что за окном цвела.

В НЕНАСТНУЮ ТУЧУ...

В ненастную тучу собралась кручина моя,
Огнями-зарницами грусть моя в ней разгулялась,
Ударил молнией в сердце,
И крупным дождем полились мои слезы.
Промчалась та непогодь-буря грозой надо мною,
Но все ж не сломила меня и к земле не пригнула.
Я гордо чело подняла
И взором, омытым слезами, теперь я взглянула яснее,
И в сердце моем зазвучали победные песни.
Весенняя сила в душе заиграла,
Ее не сломили морозы суровой зимы,
Ее не пригнуло туманом тяжелым к земле,
Ее не разбила весны перелетная буря.
Я выйду одна против бури
И встану — померяем силу!

[1895]

МАТЬ-РАБЫНЯ

Был ясный и веселый день весенний,
К нам в комнату, в распахнутые окна,
Врывался шум потоков говорливых,
Что вниз бежали улицей нагорной,
И ветерок влетал, и, как ребенок,
Бросал он на пол со стола бумаги.
А вслед за ним летела стая звуков,
Та песня города, что всем знакома,
Но в ней уже иные были ноты,
Весенние... Они звучали не для нас,
И не было веселья в нашем сердце,
А та весна, что за окном смеялась,
Нам припесла нерадостные слухи
И новости тюремные: в неволе
Сидит один, а тот сошёл с ума
В тюрьме, а тот, больной душой и телом,
Недавно вышел,— был он арестован
Как раз в расцвете сил, надежд, мечтаний.
Над нами тоже тучей грозивою
Нависли темные угрозы власти.
Такой была для нас в тот год весна...
Сидели мы вдвоем и говорили;
Я с грустью слушала рассказ своей подруги
И бахромку рассеянно сплетала
На скатерти (подруге эту скатерть
В остроге мать когда-то вышивала).
Рассказ тот был отрывистым и тихим,
▲ голос от печали — приглушенным,

Он скоро оборвался, как струна.
Все стихло в комнате, лишь было слышно,
Как в ней играл малыш моей подруги
И маленьким подхлестывал кнутом,
На стуле сидя,— трогаясь в дорогу.
Я, глядя на него, тогда сказала:
«Ну что же делать? Не печальтесь, друг мой,
Хоть, может, мы и не увидим воли,
Зато ребенок ваш ее увидит.—
Что скажешь мне ты, маленький философ?»
Ребенок на меня взглянул разумно
И ясно любопытными глазами,
А мать его промолвила мне быстро:
«Молчите, пусть он этого не знает.
Мне помнится, еще ребенком часто
Я слышала от матери покойной:
«Как вырастешь, свободной будешь, дочка».
Она так весело и твердо говорила,
Что я поверила тогда в судьбу иную,
И верила, пока не подросла...
Так говорят и моему ребенку...
Иди, играй, мой маленький, иди же!»
Ребенок вновь к игре своей вернулся,
Подруга села шить, а я за книжку—
Наш разговор на этом был окончен...

А ВСЕ ЖЕ ДУМОЮ...

А все же думою к тебе лечу я,
Край горемычный, край печали темной!
Лишь о тебе я вспомню,—
Как рвется сердце, боль и жалость чуя.

Мои глаза встречали много горя,
А твоего тяжелее не видали,
Они б над ним рыдали,
Да стыдно полнить слез беспильных море.

О, слез таких уж пролито немало,—
Могло бы полвселенной захлебнуться.
Довольно! Пусть не льются,—
Что слезы там, где даже крови мало!

1895

ПОЛНОЧНЫЕ ДУМЫ

Полно отныне! Ни жалоб, ни плача,
Ни на судьбу нареканий,—конец!
Слезы ль нахлынут волною горячей,
Их удержу. Понесу тот венец,
Что на себя возложила сама я.
Доля слепая, довольно мне власти твоей,
Жизни повода теперь у тебя отнимаю,
Буду сама пробираться дорогой своей!
Грезы счастливые, ныне прощаюсь я с вами,
Ласково я размыкаю кольцо ваших рук,
Долго печальными стану следить я глазами
Вдаль отлетающий рой легкокрылых подруг.

Вот и пропали, и мрок их след застиляет...
Только исчезли, как снова уже над челом
Реют широкие крылья, пожаром пылают,—
Новая дума кружит надо мною орлом.
Я зачарованно слушаю голос нездешний:
«Будешь дотоле зарницею брезжить во тьме,
Край твой печальный доколе зарей не осветится внешней,
Нужно дорогу искать всем, кто ходит в тяжелом ярме.
Глянут живущие в этой огромной темнице,
Скажут: «Вот в нашем краю наступила весна,—
В небе крылами жар-птицы блистают зарницы,
Скоро рассеется ночь, хоть покуда темна».
Новая дума! Твой пламень и голос твой строгий
Манят меня, я пойду за сияньем живым
Через просторы, тернистою, дикой дорогой...

Так, как Израиль пошел за столпом огненным. .
Знаю, куда ты меня поведешь за собою,—
Там беспощадно лютует во сне неусыпном война,
Люди там гибнут на поле жестокого боя,
Кровь там не льется, там тайная гибель страшна.
Кличешь? Иду! за тобою все в мире покину,
Снова вернусь в горемычный, печальный тот край,
Где я в неволе погибну в лихую годину,—
Новая дума, с тобою и там будет рай!

1895

ТОВАРИЩАМ

Как позабыть в далекой стороне
Дом неродной, что ближе был родного,
Где часто приходилось слышать мне
Всей правды обжигающее слово.

Суровые вопросы там впервые
Передо мной вставали без прикрас;
Там говорили мне борцы передовые:
«Довольно нам, надеемся на вас.

Приходит ваш черед — безвестной молодежи...
Да только кто вы, где? Скорей ответьте нам».
Быть может, голоса, что так на плач похожи,
Принадлежат не слабым детям — вам?

Вы, может быть, на вызовы событий
Хотите дать молчанием ответ,
И только плакать и мечтать хотите,
И сил у вас для твердых действий нет.

Быть может, так? Упреки принимая,
Как у позорного столба, тогда
Стояла я безмолвная, немая,
Не зная, что ответить от стыда.

Молчите почему? Довольны ли собою,
И горькие слова не будят вас, не жгут?

Или раздавлены унылою судьбою?
Или пути иные вас влекут?

Утешьте стариков. Пускай докажет дело,
Что можем мы идти их боевым путем.
А если нет, тогда не бойтесь прямо, смело
Сказать седым бойцам: «Не ждите, не придем».

1895

ПОЭТ В ДНИ ОСАДЫ

Тревога великая город смутила.
Туманом объяла враждебная сила.
И голод грозит костью рукою,
От вражьих лазутчиков нету покоя.
Бессменно совет заседают военные,
Но нету согласия, души растленны,
Сомненья и крики: измена! измена!
Болезнью тяжелой там время плывёт,
Но город не умер, но город живет.

Вот в церковь венчаться идут, поспешая,
Младенца баюкает мать молодая.
«Пойдем,— повторяет любимый любимой,—
И руки и судьбы мы свяжем любя,
Чтоб, смертною мукой средь боя томимый,
Я видел любимую подле себя».

«Спи,— мать напевает,— дитя дорогое,
В глухую годину рожденное мною,
Не будешь ты голода знать, мой малютка,
Покуда на свете живу хоть минутку».

Идет на свиданье боец удалой,
Невеста его привечает:
«С чего, мой любимый, поник головой
И взоры печаль затмевает?»—

«Проститься пришел, дорогая, с тобою,
Товарищи все изготовились к бою,
Тяжелой напасти не вынести мне боле,
Уж лучше погибнуть средь бранного поля,
Чем гнить в этой черной темнице постылой!
Да только не скрою я — жалко мне милой...»
И девушка другу подносит ружье,
И саблю вручает ему, и копьё,
Целует, ласкает и счастья желает,
И, как на веселие, в бой провожает:
«Пусть наша звезда тебя, милый, ведет»
И милый на смерть, не колеблясь, идет.

А вон у ворот нелюбимый томится,
С потупленным взором стоит, темнолицый.
«Я в злую годину всех горше страдаю,—
Подруга не любит меня молодая.
Вдвойне тяжело мне, и вынести едва ль
Мне горе мое и печаль!..»

Вон звучная песня доносится с башни,
На башне певед, молодой и бесстрашный.
Певца неминуемая смерть не тревожит,
Свободная песня погибнуть не может.
На башне открытой гуляет он смело
И мечет стихи, как пернатые стрелы.
И песню бросает в широкий простор,
Повсюду гремит она в городе, в поле,
И песне народный отвечает хор.
Все видно поэту в широком раздолье —
И море, и неба синеватый свод,
И людям он новую песню поет.
Уже отражаются в песне, как в море,
Звезда молодая и алая кровь,
И мрачная злоба, и ясность — любовь,
И пламя пожара, и месяц, и зори.
Та песня, как море, рыдает, седа,

Огнями играет.

И скалы срывает,

Как бурных потоков вода;

Той песне счастливые и несчастливый,

И мать, и ребенок — все дружно внимают,

Любимый любимой ее напевает,
И радости полон певец горделивый

Затем, что порты, как дети: им любы
Цветы и триумфы, литавры и трубы,
И бредят они беспримерною славой,
Какую не взять и победой кровавой.
В надежде на славу терновый венец
Бесхитростно принял певец.

Вот день промелькнул, ночь объяла туманом
Весь город, простерлась над вражеским станом.
И ласково смотрят небесные очи
На тех, кто возжаждал спокойствия ночи...
И стражам вздремнулось под башнею старой.
Все тихо... Господни властительны чары,
Покорно им все, наконец,
И лишь не покорен певец.
Сияние звезд, что над башней нависли,
Мечты пробудило и мощные мысли,
Не сдержишь их — сердце теснят!

И, как над костром золотистые искры,
Как волны потоков, серебристы и быстры,
За песнями песни летят.
И вьются, вольны, и струятся, как пламя,
Беспечные к славе, к венкам,
С полуночными воздымаясь ветрами
К высоким и ясным звездам.
В них радость звенит, отдается в них горе,
В них воспоминанья бушуют, как море,
А рядом отчаянья хаос изнуряет,
И радутой светлой надежда играет.
Поет он, не зная, кто слышит его,
Не в силах напева сдержать своего,
Поет он звезде путеводной, высокой,
И почи, и музе своей ясноокой,
Что с ним, как родная сестра.
И песня чарует становища вражьи,
И будит на стенах внимательных стражесей,
Заснуть не дает до утра.

12/IV 1896

ДРУГУ НА ПАМЯТЬ

Кто знает, милый друг, как скоро доведется
К беседам нашим возвратиться нам;
Пока от них еще так часто сердце бьется,
Я мысли грустные спешу доверить вам.

Припомнить прошлое — так иногда бывает —
Вы пожелаете когда-нибудь,
Ваш взгляд рассеянный мои стихи узнает,
И прихоть вам придет в них заглянуть.

Вы лето вспомните, и сад, и звезд паденье,
Высокое крыльцо, ночной наш разговор
И наше пение, а в заключенье
Отрывистый, горячий, пылкий спор.

Признаться, не боюсь, что вспомнить вам случится
Жестокоей ненависти ярый пыл.
Что ж, — ненавидеть только тот боится,
Кто никогда глубоко не любил.

Когда вы вспомните, какие муки
Бордам за правду принесли враги,
Ведь разве не сожмутся ваши руки
От жажды мщенья в кулаки?

Нет, одного боюсь, — смирится, к сожаленью,
Душа невольничья и мстить не станет раб.

Когда б не угасала воля к мщенью,
Тогда счастливей жизнь у нас была б.

Голубки кротость, взор лучистый, ясный,
Патридия покой нам не идет.
Не сможет раб приниженный, несчастный,
Лишь красноречьем вразумить господ.

Да, мы — рабы, рабов печальной нету.
Феллахи*, парии куда счастливей нас,—
В них разум не развит, их мысль не рвется к свету,
А в нас огонь титана не погас.

Мы — паралитики с горящими глазами,
Наш дух могуч, но плотью мы слабы,
Хоть крылья гордые за нашими плечами,
Но мы к земле прижаты, как рабы.

Мы собетвенного не имеем дома,
У нас открыто все тюремным сторожам,
И нам, ободраным и жалким, не знакома
Святая заповедь: «Мой дом — мой храм».

Парод наш — как дитя, слепое от рожденья,
И солнца никогда он не видал,
Он для врага в огонь готов без рассужденья,
Своих вождей он палачам отдал.

Отвага наша — меч, он залит кровью;
Давно заржавевший, бряцает в ножнах он.
Так кем же, — увлекаемым любовью, —
Он может быть достойно обнажен?

Мы носим имена невольников продажных,
Не знающих стыда, — пусть будет так.
Но как же называть воптелей отважных.
Которых собирал в свои войска Спартак?

TO BE OR NOT TO BE?

Стой, сердце, стой! Не бейся так мятежно!
Умолкни, дума, не летай так буйно!
Не бейся крыльями в пустом просторе.
Ты, муза ясноокая, меня
Не ослепляй огнем очей бессмертных!
Дай руку, дай ты мне к груди твоей прижаться.
Тебе я отдала все, что имела,
Так дай же мне и ты совет достойный.

Смотри: вокруг лежит невспаханное поле
И чащи дикие, и круч высоты,
Глухие воды темные. Смотри:
Дорог не видно, только кое-где
Тропинки, путаясь, бегут в безвестность.

Вон люди пашут поле, — их немного, —
Стук топора из чащи еле слышен,
С высоких круч плывет орлиный клекот,
Лишь воды тихие стоят безмолвно,
И только камень с круч порой сорвется
И вмиг исчезнет в темных тихих водах,
Бесследно разойдется круг дрожащий.

Паставница высокая, скажи мне,
Куда мне устремиться на просторе?
Иль серебро и золото должна я
Снять с лиры и сковать себе орало*,
А струнами связать вот эти крылья,

Чтоб не ложилась тень на узкой борозде,
И полосу занять с другими рядом,
Вспахать, засеять целину, а дальше —
А дальше жатвы ждать другим на пользу?
Иль, может, ринуться туда в тущобу
И пробивать дорогу в диких дебрях
С тяжелым топором и с тонкою пилою,
Покуда ствол какой-нибудь гигантский
Меня в лесу дремучем не задавит?
Иль воспарить орлидею высоко
Над крутизной, в простор необозримый,
Достать из тучи молнию живую,
Снять со звезды сияющий венец
И свет зажечь во тьме глубокой ночи?
А если этот свет погаснет мигом,
Как метеор, и темнота чернее,
Страшнее станет, чем была когда-то?
А если вдруг не станет больше силы,
Огонь сожжет мне крылья, упаду
Я, словно камень, что сорвался с кручи
Туда, в глухие воды, в глубину,
В холодный омут, и недолго будут
Дрожать круги на плоскости воды?

Молчишь ты, муза гордая! И только
Пылают очи, радужные крылья
Широким взмахом к высям устремились
И ринулись. О чародейка, стой!
Возьми меня с собой, помчимся вместе!

10/IX 1896

МИНУТА ОТЧАЯНИЯ

О, горе тем, что родились в темнице,
Что мир увидели в тюремное окно.
Тюрьма — кольцо проклятой чаровницы,
Не разомкнется никогда оно!

О, горе тем глазам, что видят от рожденья
Поросший плесенью тюремный вал!
Весь мир для них во мгле ненастного виденья,
Весь мир для них, как двор тюремный, мал.

О, горе узникам, приученным в неволе
Носить тяжелый ржавый груз оков,
На волю вырвутся, но грубые мозоли
Напомнят каждому, кто он таков.

О, горе тем, с душой прямой и честной.
Когда еще им вера дорога,
Пусть попросят милости небесной:
«Пошли нам, боже, честного врага!»

О, горе нам! Исчезни честь, сомненья,
Упала б только та тюремная стена!
Пусть она падет, и тяжкие камни
Покроют нас и наши имена!

О, ЗНАЮ Я...

О, знаю я, немало прошумит
Метелей над моею головою,
Не раз под вихрем сердце облетит
Надеждами, — зеленою листвою.

Не раз меня обнимет, как туман,
Как чад, неверия отравное дыханье —
И в то, что мне талант судьбою дан,
И в то, что вообще есть у людей призванье.

Не раз в душе наступит перелом,
И очи глянут в бездну роковую,
И я увижу над любви челом
Засаленную шапку шутовскую.

Не раз мой голос дико прозвучит,
Как вопль, среди безмолвия пустыни,
И я подумаю, что все, что взгляд манит,
Пустой мираж и нет нигде святыни.

И, может быть, не раз в проклятом сне
Напитком страшным смерть наполнит чару,
И вновь прилетят дни и годы мне
Не жить, а жизнь влечить, как гробовую кару.

Все это знаю и в тоске ночей
Жду: вспыхнет пламя в тех священных горнах,

Где закаляется железо для мечей
И сталь куется для боев упорных.

И если сделаюсь я сталью в том огне,
Скажите: новый человек родился;
А если я сгорю, не плачьте обо мне:
Клинок непрочный все равно б сломился!

16/X 1896

FIAT NOX!*

«Да будет тьма!» — сказал наш бог земной.
И стала тьма, и хаос все покрыл,
Как перед сотвореньем мира. Нет, он гуще
Был этот хаос, и блуждали в нем
Живые души, их давила тьма.

И призраки из хаоса вставали:
Зараза злая, бедность, голод, страх,
Необычайный страх знобил всем душу,—
И самым смелым становилось жутко
От воплей и голодного стenanья,
Что подымалось, как со дна морского,
Из теплой и большой толпы. Казалась
Частицей хаоса толпа людская
И голосом его. Порою раздавались
Во тьме глубокой крики: «Света! Света!»
И слышался в ответ могучий голос
Земного бога с возвышенья трона:
«Да будет тьма!» И хаос вновь царил.

О, не один потомок Прометей
Живую искру с неба добывал,
И много рук тянулось к этой искре,
Как бы к звезде счастливой, путеводной.
И рассыпалась та большая искра
На маленькие искорки другие,
И каждый прятал искру, будто клад,
И с давних пор хранил в холодном пепле.

Она не гасла, тлея в той могиле
И не давала ни тепла, ни света.
А доблестный потомок Прометея
Наследовал удел печальный предка:
Изгнание, муки, тягостные пути,
Смерть раньше срока в диком отчуждении...
И нынче так, друзья! И нынче тьма!
Эй, отзовитесь! Страшен этот хаос.
Отважный, вольный слышала я голос,
Он раздавался, как лесное эхо,—
Теперь умолк. И тишина страшнее,
Мне кажется, вдруг стала, чем была.
Друзья мои, потомки Прометея!
Нет, не орел грудь гордую терзал вам,—
То в сердце змеи лютые впились.
Вы не прикованы к той крутизне кавказской,
Что издали челом сияет снежным
И людям весть о пленнике дает!
Нет, вы схоронены в землянках, и оттуда
Не слышно звона кандалов, не слышно стоны
И непокорных слов...

О ночи царь!
Наш самый лютей враг! Недаром ты боишься
Цепей кандалных музыки железной!
Боишься ты, что грозные те звуки
Пронзят собой и каменное сердце.
А чем же заглушишь ты дикий голос
Сплошного хаоса, и голод, и беду,
И те отчаянные вопли: «Света! Света!»?
На них всегда, как будто эхо в далах,
Отважный, вольный голос отзовется:
«Да будет тьма!» Но этого ведь мало,
Чтоб хаос заглушить, чтоб умер Прометей.
И если ты силен безмерной силой,
Последний дай приказ: «Да будет смерть!»

25/XI 1896

* * *

Слово, зачем ты не сталь боевая,
Что среди боя горит, как живая,
Или не острый безжалостный меч,
Тот, что сечет вражьи головы с плеч?

Ты мой клинок, закаленное слово,
Я тебя выпнуть из ножен готова,
Только ты кровь мне из сердца прольешь,
Вражьего ж сердца клинком не пробьешь!

Выточу, выострю меч для сраженья,
Не пожалею ни сил, ни уменья,
Будет сверкать на стене эта сталь,
Вам на забаву, а мне на печаль.

Слово, оружие, готовое к бою,
Мы не погибнем напрасно с тобою!
Может, в руках неизвестных друзей
Станешь мечом ты на их палачей.

Звякнет клинок и о цепи ударит,
Эхо к твердыням тиранов направит,
Встретит брядание братских мечей,
Звуки иных, не тюремных, речей.

Мстители сильные вместе с тобою
Выступят дружно, готовые к бою...
Слово мое, послужи ты бойцам
Лучше, чем служишь ты слабым рукам!

25/XI 1896

ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ СОЖЖЕННЫХ СТРАНИЦ

Горяча ты была, моя песня,
Как тебя я впервые запела.
Мои очи пылали огнем,
Пламя в сердце горело моем.
Я укрыть тебя в сердце хотела,—
Только в нем тебе было бы тесно.
Горяча ты была, моя песня.

Так была моя песнь горяча,
Что подруга услышала зов,
Руку мне протянув, запылала,
И рука у нее задрожала,
И слеза заблестала в очах...
Так была моя песнь горяча.

С давних пор моя песня простая
Горяча... А в минуту тревоги
Слово вспыхнуло, как уголек,
И спалило заветный листок.
Вместо песни — лишь дым на пороге.
Ой, гляди, искра вновь заблестает!
Горяча моя песня простая.

ОТЗВУКИ

Пролетал буйный ветер над морем,
Над безбрежным, широким простором;
Волны белые встали высоко
И от ветра взлетали все выше,
Зашумели, как полчища вражьи,
Заглушили они буйный ветер.

Пролетал буйный ветер в пустыне,
По бескрайному, мертвому полю;
Закрутились песчаные вихри,
Поднялись они к самому небу,
Словно страшные, злые титаны,
И, упав с высоты, разлетелись;
Смерть покрыла след буйного ветра.

Пролетал буйный ветер над башней,
Что стоит одиноко на круче.
Там нашел он Золую арфу*,
Разбудил ее длинные струны,
И ответили струны папевом,
Что нежнее звящего ветра.
Буйный ветер замолк, улетаю,
Только арфа протяжно звенела.

Я САМА СЕБЕ НА ГОРЕ...

Я сама себе на горе
В детстве падала, бывало,
И, хоть сердцу было больно,
Тихо на ноги вставала.

«Что болит?» — бывало, спросят,
Только я не признавалась,—
Я была ребенком гордым,—
Чтоб не плакать, я смеялась.

А теперь, когда внезапно
Шуткой злой грозит мне драма,
И вот-вот сорваться хочет
Острым словом эпиграмма,—

Беспощадной силе смеха
Не хочу я предаваться,
И, забыв былую гордость,
Плачу я, чтоб не смеяться.

2/II 1897

ТОВАРИЩУ

Вы меня вспоминаете ль в вашей тюрьме,
Как я вас вспоминаю, больная?
Мы, подобно растениям в тумане и тьме,
Оба вянем, простора не зная.

Ох, судьбы моей тягостен мне произвол,
А приятель меня утешает,
Говорит, что мой случай не так уж тяжел,
Что с другими похуже бывает.

Хоть советчики искренни,— нудны они,
Их унылые речи напрасны.
Им ли знать, как без солнца убийственные дни,
Как безлунные ночи ужасны!

И вернее болезни, неволи верней
Эта страшная мысль убивает,
Хоть и тешит она, убеждая людей,
Что с другими похуже бывает.

Если б слезы мы пили из чаш круговых,
Если б чашами меряли горе.
Хоть бы выпили тысячи кубков таких,
Слез осталось бы целое море.

Если б тысячи тысяч сплели мы венков
Для работников слова и дела
И для них не жалели терновых шипов,—
Все же роша б шипов уцелела.

РОМАНС

Не смотри ты на месяц весною,
Месяц ходит над рошей и нивой,
Словно твой соглядатай ревнивый,
Видел часто тебя он со мною

И за нами следил до зари.

Ты забыть это рад? Не смотри.

Не смотри ты на месяц весною.

Не смотри на березу родную,

Что ветвями печально колышет.

Все тут прошлым безрадостным дышит,

Все печаль навевает былую,

Ту, что мучила нас до зари.

Ты забыть это рад? Не смотри,

Не смотри на березу родную.

2/II 1897

Ц и к л
СЛЕЗЫ-ПЕРЛЫ
(Посвящается И. Франко')

I. СТОРОНКА МОЯ...

Сторонка моя, край степного простора,
Зачем все умолкло вокруг, онемело?
Лишь птиц голоса отзовутся несмело,
Как перед грозой средь темного бора,
И смолкнут опять... Все покрыто туманом...
Беда нам!..

О, где же ты, воля, звезда неземная?
Зачем к нам на землю не сходишь ты с неба?
Земля исстрадалась, ждет воли, как хлеба.
Ты видишь, все ночь покрывает глухая?
Ты слышишь, повсюду ложь с правдою в споре?
О горе!..

Народ мой! Семья моя! Тяжко страдая,
Несут мои братья оковы-кайданы.
Горят воспаленные страшные раны
На лоне твоём, Украина родная.
Ярем этот сбросить поможет нам кто же?
О боже!..

Доколе так будет? Дождемся ли доли?
Проклятье рукам, не имеющим силы!
Зачем родились мы во мраке могилы?
Нет! Если нам вечно жить в этой неволе,
То пусть лучше смерть пособит нашим ранам!
Беда нам!..

II. УКРАИНА, ГОРЬКО СКОРБЛЮ...

Украина, горько скорблю над тобою...
Родная! Что пользы от этой печали?
Чем я помогу тебе? Этой бессильной тоскою?
Слезам моим? Едва ли...

Горячие слезы мне душу спалили,
Навеки в ней выжгли огнистые шрамы.
О, жгучие грезы! Все сердце они иссушили,
И нет ему в мире бальзама!

Немало нас плачет такими слезами,
И где же нам песен веселых набраться,
Когда наша мать в тяжком горе рыдает над нами...
Не нам, нет, не нам веселеть и смеяться!

Рыдающей матери слезы святые
Пройдут, говорят, и сквозь камень могильный.
Ужель наши детские, искренние и простые,
Горячие слезы — бессильны?

III. ВСЕ НАШИ СЛЕЗЫ...

Все наши слезы жгучею тоскою
Надут на сердце, сердце запылает,
Пушай пылает, не дает покою,
Пока душа безропотно страдает.

Когда же нас тоска вконец изранит
И сил не станет в сердце изможденном.
Тогда душа-страдалица восстанет,
Разбуженная сердцем побежденным.

Когда ж восстанет, удержи не зная,
Забыв о сне и презирая беды,
Она до смерти бьется, не стелая,
До самой смерти или до победы.

Победа или смерть — вот цель сраженья!
И мы стремиться к ней не перестанем.
Какой исход нам судит провиденье?
Что в том? Восстанет дух и мы восстанем.

Так плачьте, братья, мало поруганья,
Душа еще безропотно страдает.
Пусть сердце бьется, мечется в молчанье,
Пусть не дает покоя, пусть пылает.

[1897]

Из цикла
«КРЫМСКИЕ ОТГОЛОСКИ»

И. М. Стещенко *

II. ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА

Не сетуйте, друг, что стихом отвечаю ленивым.
Рифмы, дочери трудных ночей, покидают меня,
Смутной волною размер набегаёт,
О преграду ничтожную вдруг разбиваясь внезапно,—
Не ищите вы в нем понапрасну девятого вала,
Могучей волны, что качается в такт с океанским
течением.

Раздумье теперь навевает мне Черное море —
Дико, неверно оно, ни закону ни ладу не знает.
Все играло — шумело вчера
При ясной спокойной погоде,
Сегодня же тихо и ласково плет к берегам свои волны,
Хоть ветер и гонит неистово тучи седые.
Так вот всегда и лежала б я рядом с живою водою,
Смотрела б, как щедро бросает она жемчуга-самоцветы
На прибрежные камни;
Как тени цветные от туч золотистых
Идут, серебрясь, голубою равниной
И вдруг исчезают;
Как белая пена слегка розовеет,
Как будто красавицы облик стыдливый;
Как горы темнеют, покрытые белою дымкой;
Они так спокойно стоят,—
Ведь их стережет колоннада немых кипарисов,
Высоких и важных.

.....
Я только что вновь прочитала
Ваш сильный, как будто бы сталью окованный,

Вооруженный ваш стих.

Чем заплатить я могу вам теперь за него?

Сказку хотя б расскажу, а «мораль» выводите уж сами.

Торной дорогой крутой

Мы поднимались на взгорья Ай-Петри.

Вот уж проехали мимо садов виноградных кудрявых,

Что, как прекрасный ковер, все подножье горы
покрывают,

Вот уже лавров, любимых портами,

Пышных магнолий не видно,

И ни прямых кипарисов, густо обвитых плющом,

И ни шатрами нависших платанов.

Только встречали мы ветви знакомые белой березы,

Яворов, темных дубов, к непогоде и к бурям привычных.

Но и они уж остались далеко за нами.

Чертополох, да полынь, да терновник росли у дороги.
Скоро не стало и их.

Мел да песок, красноватые, серые камни

Висли над нашей дорогой, бесплодны и голы,

Будто льдины на северном море.

Сухо, нигде ни былинки, все камни кругом задушили,
Словно глухая тюрьма.

Солнце горячие стрелы на мел осыпает.

Пылью швыряется ветер.

Душно... Ни капли воды... Словно это дорога в Нирвану,
Страну побеждающей смерти...

Но вот в высоте

На остром, на каменном шпиге блеснуло вдруг что-то,
как пламя,—

Свежий, прекрасный, большой цветок лепестками
раскрылся,

И капли росы самоцветом блестели на дне.

Камень пробил он собой, тот камень, что все победил,

Что задушил и дубы,

И терновник упрямый.

Этот цветок по-ученому люди зовут Saxifraga,

Нам, поэтам, назвать бы его «Ломикамень»

И уважение воздать ему больше, чем пышному лавру.

М Е Ч Т Ы •

В раннем детстве нас прельщают
Чудеса и необычность.
Я любила в раннем детстве
Были рыдарского века.

Только странно, что не принцы,
Окруженные загадкой,
Не прекрасные принцессы
Разум мой очаровали.

Был мне дорог на картинках
Не надменный победитель,
Что, соперника сваливши,
Грозно требует: «Сдавайся!»

Нет, мой взгляд спускался ниже,
На того, кто, распростертый,
Рыдарским копьём пронзенный,
Говорил: «Убей, не сдайся!»

Не казался мне прекрасным
И отважный пышный рыдарь,
Добывающий оружием
Неприступную красоту.

Очаровывали сердце
Пленниц смелые ответы:
«Можешь ты меня прикончить,
Жить меня ты не заставишь!»

Детства годы дорогие
Пронеслись водой весенней,
Только шум воды весенней
Не забудется вовек.

Он бессонными почамн
Надо мною раздается,
Так причудливо сплетаясь
С жарким бредом лихорадки.

Потолок над головою —
Как готические своды,
А на окнах, как решетки,—
Веток призрачные тени.

Сквозь отверстия решетки
Красноватый свет ворвался.
Что там — уличное пламя
Или отблески пожара?

Что шумит, не затихая,
Беспорядочно и глухо?
То в крови гремит горячка
Иль то битва за стенами?

Я сама ли застонала
От внезапной лютой боли,
Или стонет пленник-рыцарь,
Изнывающий от раны?

«Эй, откликнись! Кто тут в замке?
Чье живое сердце бьется?
Другом будь, взойди на башню,
Погляди на поле битвы.

Погляди на поле битвы
И скажи: за кем победа?
Все ли выются над полками
Наши крестные знамена?

Если нет — сорву повязки!
Пусть ручьями кровь польется.
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за родину пролитой!

Нет, я слышу наши клики!
Вот они звучат все громче...
Завяжите ту же раны!
Жалко кровь терять напрасно!»...

Так ребяческая греза
Бушевала в лихорадке.
А теперь?— Прошла горячка,
Но мечты не исчезают.

Мне не раз еще приснится,
Будто я в плену постылом,
И неведомою силой
Я закована в железы.

Будто верный меч не сломан,
Будто он в руках остался,
Только тяжкие оковы
Не дают рукою двинуть.

А вокруг темно и тихо,
Не шумит горячка в жилах,
И не слышен издавека
Дикий гомон с поля битвы.

Так и хочется мне крикнуть,
Точно рыцарь детской грезы:
«Жив ли кто? Взойди на башню,
Посмотри вокруг, далеко!

Посмотри: видны ли в поле
Наши честные знамена?
Если нет, то жить не стоит —
Пусть же мне откроют вены!

Пусть ручьями кровь польется,
Пусть умру я тут, на камнях.
Шлю проклятье жалкой крови,
Не за честный стяг пролитой!»

Ялта
18/XI 1897

НА ПОЛУСЛОВЕ РАЗГОВОР ПРЕРВАЛСЯ...

На полуслове разговор прервался,
И в сердце — словно лопнула струна,
Но все еще трепещет. Звук отдался.
Могильным холодом душа полна.

Тоска, тяжелыми отрезив снами,
Встает огромная, как туча пред грозой,
Зажглась печаль, и яростное пламя
Взвилось пожаром, бурей огневой.

Пожар тот мог бы силу дать народу,
Казнить тиранов, сжечь Бастилию и трон,
Исторгнуть из оков прекрасную свободу,—
Во мне слова, слова рождает он.

Товарищ! Не могу хранить молчанье,
Отмечена таким проклятьем я:
Встречаю словом каждое страданье,
Звонка озвученная мысль моя.

Не заглушат часы глухонемые
Звучащих дум, они звенят, звенят,—
Так руки узников недвижны, чуть живые,
Когда на них оковы загремят.

Там, где на всех устах лежит печать молчанья,
Где скованы проклятья и хулы,
Там, где удушены и песни и рыданья,
Глухих и спящих будят кандалы.

Пускай гремят опи слышней, жесточе,
Не буду заглушать. О, если бы могли
Они в сердца людей ударить что есть мочи,
В сердца людей, что мохом поросли.

Чтоб услышали все о тех, кто носит цепи,
Кто терпит лютые побои палачей,
Кто, замурованный в острожном склепе,
Проклял безлюдье каменных ночей;

О, если б звон оков мог поразить, могучий,
Те заспанные, вялые сердца,
Покрыть стыдом чело, не ведавшее тучи,
Сказать всем, что давно оружие ждет борца;

О, если б поднялось оружие для боя
И загремело так, чтоб дрогнула земля,—
Тогда б кандаальный звон смолк сам собою
И слов таких бы не сказала я.

14/V III 1898

ЗАБЫТАЯ ТЕНЬ

Суровый Дант*, изгнанник флорентийский,
Встает из сумрака времен средневековых,
И песни у него, как те века.
В мистическом лесу он отыскал их
Средь хаоса причудливых видений.
Чей дух отважился б за ним идти, скитаться
По той дубраве, как бы там, меж терний,
Цветы, красуясь, вечно ни двели?
Собрал певед искусною рукою
Все те цветы и сплел из них венок,
Росой его небесною обрызгал
И положил на раннюю могилу
Прекрасной Беатриче Портинари,
Что раз ему когда-то улыбнулась,
А во второй прошла и даже не взглянула,
А в третий раз он видел Беатриче,
Когда она в гробу лежала неподвижно.
И для него она была, как солнце,
Что свет, и радости, и жизнь дает,
Не ведая, кого дарами дарит.
И хоть зашло то ласковое солнце,
Он не забыл его ни в сумраке угрюмом,
Ни у домашнего огня в приветном свете,
Ни на земле, ни в небе, ни в аду,
Он не забыл прекрасной Беатриче.
Она одна живет в его созвучьях,
Ведь в том краю, где Данте жила душою,
Другой жены себе он не нашел.

Такими он ее венчал дветами славы,
Какими ни одна из женщин не гордилась.
Вовек бессмертны Данте с Беатриче,
Владыка смерть не разлучила их.
Зачем же ты, мое воображение,
Рисуешь предо мной другой, убогий образ,
Как будто сон томительный, неясный.
Нет ни венца на ней, ни ореола,
Ее лицо закрыто покрывалом,
Как бы густым туманом. Кто она?
Ведь ни один певец ее не славил,
Художник ни один не рисовал.
Лежит на дне истории глубоко
О ней воспоминанье. Кто она?
То дантова жена. Нам не осталось
Другого имени, как будто вовсе
Ей собственного имени не дали.
И не была она звездою путеводной,
Лишь тенью верной шла она за тем,
Кто был поводом «Италии несчастной».

Она делила с ним изгнанья черствый хлеб,
Она огонь веселый разжигала
Ему в чужом жилище. И не раз
Его рука, ища себе опоры,
Ей на плечо с надеждой опускалась.
Ей дорога была поэта слава,
По рук она не протянула к ней,
Чтоб перенять хотя бы луч единый.
Когда погас огонь в очах поэта,
Она их набожной рукой своей закрыла,
Тень верная! А где ж ее судьба,
Где собственное счастье, радость, горе?
История молчит, и вижу в грусти я
Всю горечь дней далеких, одиноких,
В тревожном проведенных ожиданьи,
Почей бессонных, темных, как забота,
И долгих, как нужда, я вижу слезы...
По тем слезам, как по росе жемчужной,
Прошла в отчизну славы Беатриче.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мечта далекая, надежда золотая,—
Моя страна, к тебе стремлюсь душой,
Страшусь и радуюсь, высоко залетая...
Так птицы возвращаются домой.

Не кажется ли им, что в край родной с собою
Они иные песни принесут,
Что песни новые над темной их землей
Яснее молний в небе расцветут.

Уже бывало так... уже не раз бывало:
Искала я надежд в стране чужой —
На родине моей их слишком не хватало
И силы не хватало молодой.

И все же вновь и вновь о миге возвращенья
Я грезил в далекой стороне,
По долгожданные, желанные мгновенья
Одни лишь тернии дарили мне:

Я стражу видела, оружие блестело,
Была граница хмурой каждый раз,
И сердце вновь и вновь задать вопрос хотело:
«К родным мы едем иль ссылают нас?»

Вокруг опять была знакомая сплошная
Родной неволи старая стена,
И мысль свободная, как вудто крепостная,
Бледнела вдруг, на скорбь обречена.

И мести ангел злой, суровый дух темниды,
Глазами жгучими пронзил меня,
Высокие мои мечтания орлицы
Своим несправедным мечом гоня.

Обезображены мои папевы были,
Те песни, что манили новизной,
И мысли в ужасе метались и скользили,
Как бабочки ночные над свечой.

Как в голой роще в дождь, не раз мне было скверно,
Мне было горестно и тяжело,
Я содрогалась вся, как в темноте безмерной,
И сердце слезы вновь и вновь лило.

И на чужбину я мечтала возвратиться,
Я думала: вот песен край живой.
Так перелетная измученная птица
О солнце грезит осенью глухой.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ *

Мы у костра погасшего сидели
Всем обществом, а было нас немало,—
Смотрели мы, как голубое пламя
Дрожало, умирая, и как быстро
Вились над углем золотые змейки
И исчезали вдруг, а черный уголь,
Старая, сединою покрывался.
И комната теснее становилась,—
То тьма из всех углов давно уж вышла,
Как будто всех осадой обступая.
Последняя уж свечка догорела,
И уж не видно стало нам стола,
Не видно стало красных винных пятен,
И ни бокалов, ни пустых, ни битых,
И никаких остатков пира... И казалось —
Тот пир последним был на этом свете,—
Так все о нем теперь мы загрустили.
Один из нас сказал: «Когда погаснет
Последний уголь, станет, как в могиле». —
«Пойди за топливом», — промолвил кто-то.
«Пойти? Куда же? Разве ты не слышишь,
Как выюга разыгралась? Если хочешь
Лишиться жизни, то попробуй, выйди», —
Сказал тут мрачно первый и замолк.
«Что ж, братья, посидим во тьме покуда, —
Тут самый молодой ответил бодро, —
Запасы пищи есть, питаться будем
Наощупь, а потом настанет день...» —

«День, говоришь? День? Ты откуда знаешь?» —
 Все на него сердито закричали,
 Но все ж не растерялся он нисколько:
 «Известно всем, что ночь за днем бывает,
 А день за ночью», — да и рассмеялся.
 «Вот так сказал! — сердито молвил дед. —
 Рад глупости своей, да и смеется.
 «Известно всем!» Еще и то известно,
 Что смерть, бывает, и в ночи приходит,
 И до рассвета...» — «Ба! Коль умирать,
 То днем ли, ночью ли — не все ль равно, —
 Для мертвого черно и солнце в небе, —
 Заспорил юноша неугомонный. —
 Вы, дедушка, подумали бы лучше,
 Как ночь длинна, такой же будет длинный,
 Полярный, вечный день!» — «Ничто не вечно!» —
 Дед проворчал. Никто его не слушал, —
 Ведь юноша в нас пробудил надежду,
 Его расспрашивали, как пророка:
 «Когда ж тот день? И долго ль будет ночь?» —
 «Недолго, нет!» — «А ты откуда знаешь?»
 «Темней всего бывает на рассвете,
 А тьмы такой еще ведь не бывало!»
 И зазвучала в голосе победа
 У юноши. Кто молвил: «Правда, правда!»
 А кто-то вслух припоминать тут начал,
 Что эта ночь давно нас окружила.
 Один сказал: «Неделю», кто-то: «Месяц!»
 А кто-то: «Где там! Больше!» — «Нет, недавно!»
 Заспорил кто-то с ним. «Одно известно, —
 Вновь проворчал на это дед упрямо, —
 Что дни и месяцы мы потеряли
 В проклятой тьме, напрасно нам искать их.
 Никто не знает о темнейшей ночи —
 Последняя ли... Первал, быть может,
 Из тех, что без просвета». — «Что вы, что вы,
 Хотя б молчали. Правда, вы, как филин,
 Вещаете беду»... И женский голос
 Дрожал слезами, говоря об этом.
 А детский голос золотистой стрелкой
 Вдруг вырвался из уст — и тьма качнулась.
 «А я уж вижу день». — «Когда?» — «Не знаю». —

«Какой же он?»—«Хороший! Очень славный!
Весь красный, золотой — ты знаешь, мама,
Какой еще, ведь ты мне говорила». —
«Нет,— равнодушно мать тогда сказала,—
То был не день, то всполох был и только». —
«А ты ведь говорила!»—«Я ошиблась». —
Ребенок уж заплакать собирался,
Как стали видны вдруг скамьи и стены,
И юноша воскликнул: «Солнце всходит!
Я говорил!» И бросились мы к окнам —
И за пустыней снежной в отдалении
Сиянье встало полукругом... «Где там! —
Сказала женщина,— вновь только всполох». —
«Нет, ночью снежной всполох не сияет,—
Промолвил дед,— то просто месяц всходит».

ОТЗВУКИ

Из цикла «МГНОВЕНИЯ»

IV. ТАЛОГО СНЕГА...

Талого снега платочки невзрачные,
Меленький дождик и мгла подконец.
В редкой траве первоцветы прозрачные,
Это весна была, счастья венец?

Небо бездонное, солнце приветное,
Пурпур и злато в зеленом краю,
Роз увяданье в садах многоцветное
Осень пророчат — ужель и мою?

Что ж, пусть и так! Мне станет все желанней
Осени душной багряный венец;
Только б весны не напомнили ранней
Меленький дождик и мгла подконец!

11/VII 1900

С Ф И Н К С

Давным-давно под солнцем полуденным,
Среди немой пустыни беспредельной
И безысходно-мертвого простора
В душе раба, что в злой неволе вырос,
Вдруг родилась мечта и овладела
Своим творцом уверенно и сильно,
Сильней, чем власть могучих фараонов,
И принести ему велела камень
С горячих скал из Ливии * пустынной
И вытесать из камня изваянье,
Загадку вечную векам грядущим.
И начал раб тесать горячий камень,
И все вокруг пылало в час творенья:
И небо, и земля, и камень, и резец,
И сердце мастера; и огненной золою
Из-под резца летели прочь осколки.
И, наконец, над знойными песками
Созданье встало, как живое чудо,—
То тело льва лениво распростерлось,
Как бы жарой придавленное в полдень,
И человечья голова загадкой
Вздвигалась гордо и смотрела прямо
Окаменевшим взглядом пред собою,
А на губах была улыбка злая.
Взгляд и улыбка та страшнее были
Убийственного солнца над пустыней.
И то созданье людям стало богом.
Ему веками возводились храмы

С колоннами, и жертвы приносили
Украшенные лотосами барки;
О нем слагали смутные легенды,
Густым, кровавым крашенные цветом,
И пели песни в честь его поэты,
И пирамиды книг нагромождали
Ученые, чтоб разгадать загадку
Очей таинственных и злобных уст.
А в книгах имена перечислялись
Того создания: Солнце, Правда, Счастье,
Жизнь и Любовь и многие другие;
Но лучше всех пристало слово Сфинкс,
Таинственное, как само создание.

Зеленый Гай
24/VII 1900

РА-МЕНЕИС

Дочь фараонова Ра-Менеис была гордой царицей,
Так хороша и страшна, как Урея*, змея золотая,
Что обвиняла собою венец двух Египтов.
Как из алмаза чело ее было, а очи — из темных рубинов.
Правом царица была, словно Пила коварные воды,
Что вытекают из тайных ключей, никому не известных;
Власть у царицы была, словно Африки знойное солнце,
Как могучий самум, засыпающий даже руины.
Весь Египет стонал, как могучий колосс над пустыней,
Тяжкою властью томясь царственной Ра-Менеис;
Он порой шевелился, как лев, что цепями закован,
Глухо рычал иногда, как подземный огонь,
Крепко придавленный гнетом горы каменистой.
Стоило ж только народу увидеть царицу
С гордым, как будто алмазным челом, и как только
В темных карих очах начинали искриться рубины,
Мигом лев тот народный царице к ногам припадал,
С улыбкою сфинкса царица ему наступала на шею.

Ра-Менеис даже в храме хотела быть равной с богами.
Изваянья богинь по ее создавались подобью,
И мастера поселили возле Египта в пустыне
Толпы колоссов, похожих на гордую Ра-Менеис.
И не осталось единой струны на египетских арфах,
Что не звучала б хвалою полновластной царице Египта.
Строила Ра-Менеис для себя пирамиду в пустыне, —
Больше легло там людей, чем камней раскаленных под
солнцем.

Но не успела еще заостриться вершину пирамида,
Как над Египтом осталось одно только солнце на небе:
Ра-Менеис на пурпурное ложе легла и не встала.
Тихо лежала царица в свивальниках, полных бальзама,
С бледным лицом золотистым, как будто из кости
слоновой,

А над челом, как и прежде, сияла корона,
Двух Египтов венед, и змея золотая Урея...

Ра-Менеис положили в высокую красную барку,
И понесли ее, тихо качая, все дальше и дальше
Мутные воды священного желтого Нила.
В белых одеждах жрецы на серебряных систрах * играли,
Черные женщины, плачем великим рыдая,
Платья свои разрывали и ранили тело до крови;
Красные капли густые падали в желтую воду;
Арфы печально рыдали, египтянки жалобно пели,
Лотоса цвет голубой к земле, увядая, склонялся.
И плыла эта красная барка, как солнце, на запад.
Но как только на берег песчаный, где были видны
издалека

Царские горы-могилы, вынесли тело царицы,
Встал на дороге народ. Видел лев, что разорваны цепи.
Белых жрецов разогнал, утопил чернокожих невольниц,
Лотоса цвет растоптал и предал сожжению барку,
Тело царицы забросил далеко в пустыню, в пески.
Год за годом ей вихри могилу сыпучую там возводили,
Солнце палящий бальзам на умершую дочь проливало.

Время шло, пронесли над Египтом века за веками.
Уж могилы царей превращаться в развалины стали,
Уж царей имена предавались в народе забвению,
Разрушать стали руки безбожных гробницы и храмы,
И как только рука, или воздух, иль солнце касались
Тысячелетнего трупа, он, словно пыль, рассыпался.
И смеялись потомки тогда, что и мумии предков не
вечны.

Как-то к северу шел караван, чтоб отправить за море
Драгоценную кладь из руин фараонов забытых.
Саркофаг впереди возвышался пустой и огромный;
Черный камень на солнце блестел раскаленною бронзой,
Его двигали десять верблюдов тот груз накаленный.

Вдруг человек, погонявший верблюдов, споткнулся,
Вниз посмотрел и отпрыгнул, ужаленный страхом,—
Он головку змеи у себя под ногами увидел,
И в глазах ее красные искры пылали на солнце.
«Ля иллага!» — сказал ему шейх * каравана.—
Не пугайся ее: правоверным она не опасна.
Видишь, она золотая, глаза ж у нее из рубинов».

Стал поднимать он руками с земли ту змею золотую,
Но неожиданно вслед за змеей поднялась над песками,
С мертвым лицом и с двойною короной Египта,
Ра-Менеис, поднялась, нетленная в смерти, дарида.
И казалось, что взгляд ее тайный скрывают недвижные
веки.

И злая улыбка дрожит на устах ее бледных.
И застыли погонщики перед нетленной дарицей.
Только шейх правоверный остался, как прежде, спокоен,
Никогда не боялся он женщин живых или мертвых,
Только привык он оценивать их на базарах.
«Нет дены в нашем крае,— подумал он,— женщине этой,
Значит, безумные джавры* заплатят безумные деньги».
И приказал ту дарицу с песка он поднять осторожно,
Положить в саркофаг и не грабить камней самоцветных.
Царским ложем гробница тяжелая стала казаться,
Чуть заблестала над нею змея золотая Урея.
По опустилась со скрежетом крышка из камня,
Скрылась навеки дарида от ясного солнца пустыни...

Дальше песками сыпучими к морю пошел караван.
Без приключений он прибыл в порт многолюдный и
шумный.

Шейх не ошибся в расчетах,— и вправду безумные
джавры

Деньги безумные дали за мертвое тело дарицы
И повезли ее вдаль, через море, на север.
В северном крае далеком, в том городе выюг и туманов,
Где так стремительна жизнь, как холодная горная речка,
Храм для богов всего мира поставили севера люди.
Он же гробницею был для всего, что когда-то дарило,
Только уж не были боги богами, а все неживое
Там потеряло навеки надежду воскреснуть для жизни.
В этот храм положить захотели гордую Ра-Менеис.

* * *

Как тяжело идти мне той дорогой
Широкой, битой, пылью сплошь покрытой,
Где люди мне напоминают стадо,
Где нет цветов, где не растет бурьян!
Зовет и манит издали вершина,
Что так пылает золотым пожаром!

Там, на высотах, непреодолимо
Я жажду знамя красное поставить,
Где сам орел гнезда не смеет свить!

Меня влечет горячее желание
Пойти туда песками и кустами
И там послушать горной чаши гомон,
И заглянуть в таинственную бездну,
И с быстрыми потоками поспорить,
И между льдов пробиться самоцветных,
И эхо песней разбудить в горах!

Проводником пускай мне служит знамя,
Пускай поддержит на дороге скользкой,
Пока меня не выведет к вершине,
Преодолев, свирепый горный ветер.

Когда ж меня на полдороге встретит
Лавина тяжкая, судьбой обрушась
На голову мою,— я упаду,
Как на постель, на белый снег нагорный,

Пусть обо мне колокола не плачут,
Пускай поет лишь вольный, звонкий ветер,

Пускай метель веселая кружится,
И звезды снежные вокруг роятся,
И поделуями холодными закроют
Мне пыльные доверчивые очи...

16/VIII 1900

Ц и к л
Р И Т М Ы *

I. ВЫ, СЛОВА МОИ ГРОМКИЕ, ГДЕ ВЫ
ТЕПЕРЬ?..

Вы, слова мои громкие, где вы теперь,
Что без вас мне немая печаль?
Разбежались вы звонкой весенней водой
По оврагам, по рощам, по балкам.
Что не встанете вы, как морские валы,
И отважно не крикнете в небо,
Не заглушите грусти прибоем своим,
Не развеете горькой печали моей
Сильным внезапным натиском бури.
Я не затем, слова, растила вас
И кровью сердца своего поила,
Чтоб вы лились, как вялая отравы,
И разъедали души, словно ржа.
Лучом прозрачным, буйными волнами,
Звездой летучей, искрой быстройлетной,
Сияньем молний, острыми мечами
Хотела б я вас вырастить, слова!
Чтоб эхо вы в горах будили, а не стоны,
Чтоб резали — не отравляли сердца,
Чтоб песней были вы, а не стенаньем.
Сражайте, режьте, даже убивайте,
Не будьте только дождем осенним.
Сжигать, гореть должны вы, а не тлеть!

26/VIII 1900

II. ИЛЬ МОЛНИЯМИ ТОЛЬКО ИМ НОСИТЬСЯ...

Иль молниями только им носиться,
Словам моим, что родились в печали?
А почему бы не взлететь им к небу
Серебряною жаворонка песней?
И не рассыпаться, дрожа, над черной пашней,
Как звонкий дождь, просвеченный лучами?
Зачем не закружиться хороводом,
Как будто листья, что срывает буря,
Как будто вьюжные алмазные снежинки?
Иль только тем ласпей звезда сияет,
Чем ночи тьма вокруг нее чернее?
Иль только в сказке из людей убитых
Калина вырастает и чарует
Сердца живых чудесною свирелью?
Иль только в сказке лебедь умирает
Не с криком смертным, а с прекрасной песней?

26/VIII 1900

III. КОГДА БЫ СОЛНЦА ЯСНЫЕ ЛУЧИ...

Когда бы солнца ясные лучи
Могли бы чудом в струны превратиться,
Я сделала бы золотую арфу;
И все в ней было бы ясным — струны, звуки,
Любая песня, что на прочих струнах
Звенит, как голос непогожей ночи,
Звенела бы на золотистой арфе
Той песней, что звучит лишь только в снах
Детей счастливых. Грусть бы улетела.
От звуков тех и уплыла бы вдаль,
Как солнцем озаренные туманы,
Что издали как золото сияют
И кажутся не тучей, а мечтою,
И, слитые в гармонию печали,
Запели бы, как хоры в эмпиреях...

14/XI 1900

IV. МНЕ ТАК ХОТЕЛОСЬ БЫ УПЛЫТЬ С ВОДОЮ...

Мне так хотелось бы уплыть с водою
Офелией, * украшенной цветами,
Мои бы песни плыли вслед за мной,
Как и вода спокойная, качаясь,
Все дальше, дальше...

Легкими волнами
Меня б вода укрыла понемногу,
Как нежное мечтанье колыхая,
Так тихо, тихо...

Я ж, совсем покорна,
Дала б нести себя и убаюкать,
Плыла бы с тихой, еле слышной песней,
И опускалась в голубую воду
Все глубже, глубже...

А потом остался б
Лишь только отзвук на волнах чуть слышный
Моих напевов, как воспоминанье
Баллады старой и давно забытой,—
Как смутный сон печальный и кровавый.
Да как припомнить? Песня та звучала
Давно, давно...

Потом и звук исчез бы,
И на воде бы колыхались только
Мои цветы, что не пошли со мною

На дно реки. Они быплы дальше,
Пока в залив спокойный не прибились,
У лилий белых водяных не встали б.
Склонились бы над сонною водою
Плакучие березовые ветви,
И там в затишьи ветер бы не веял;
На лилии спускался б только с неба
И на цветы, что я рвала в безумьи,
Покой, покой...

3/ХП 1900

У. НЕТ, Я ПОКОРИТЬ...

Нет, я покорить ее, видно, не в силах,
Безумную песню, что встала из грусти,
Ни маски надеть на нее не умею,
Ни светлой одеждой ее приукрасить,—
Бьет черным крылом, словно хищная птица,
И ранит, как только хочу я насильно
Ее укротить. Эй, безумная песня!
В кого удалась ты такой непокорной?
Смотри, я смеюсь, когда сердце рыдает,
И взгляд мой, и голос мне стали покорны,
И я так спокойна. А ты? Словно ветер,
Безудержна ты. И тебе все равно,
Что, встретив, раздуешь огонь до пожара,
Что волны, столкнувшись, разгонишь до бури,
Что темные тучи запутаешь в хаос,
Что домик убогий, приют мой последний,
Тяжелой лавиною в бездну ты свергнешь.
Тебе все равно. Тот пускай и поплачет,
Кто искру опасную бросил в дороге,
Кто чели ненадежной доверил воде,
Кто темною полночью вышел в дорогу,
Кто домик убогий, приют свой последний,
Поставил высоко у края обрыва.
Ты стала крылатой,—должна ты лететь!

Да, песня, песня вольная! Не знаю,
На счастье иль на горе эта воля,
Но я еще оков ей не сковала;

Не знаю я, где взять для них железа,
И на каком огне они куются.
Да, верно, уж ковать иль не ковать их.
Придет пора — и сами распадутся.
И встрепенется песня на свободе,
И вырвется из плена, как рыданье,
Что долго, приглушенное, таилось
В темнице сердца.

Не просите смеха
Вы все, кому от этой песни грустно,
Вы утешенья не найдете в ней,
Рожденной от отчаянья и скорби.
За горе скрытое она отмщенья хочет
Огнем, отравой, тоски мечом разящим.
Коль страшно вам — идите прочь с дороги!
Пускай промчится песня одиноко,
Как через море ледяное вихрь.
Не надо ей ни слез и ни сочувствий,
Ей надо лишь свободы и простора.
Безумный так свободу добывает,
Чтоб до конца стремиться в неизвестность...
Летит в безумьи песня — берегитесь!
Скорбь жалости не знает, как и смерть!

1/II 1901

VI. КОГДА Б ВСЯ КРОВЬ...

Когда б вся кровь моя вот так же уплыла,
Как те слова! Когда бы жизнь моя
Исчезла так же вдруг, как исчезает
Вечерний свет!.. И кто меня поставил
На страже посреди руин и грусти?
Кто обязал меня, чтоб на земле я
Будила мертвых, тешила живых
Калейдоскопом радостей и горя?
Кто гордость мне вложил вот в это сердце?
Кто даровал отваги меч разящий?
Кто взять велел святую орифламму*
Мечтаний, песен, непокорных дум?
Кто приказал мне: не бросай оружия,
Не отступай, не падай, не томись?
Зачем должна я слушаться приказа?
Зачем уйти не смею с поля чести
Иль, наконец, упасть на меч свой грудью?
И что мне не дает промолвить просто:
«Да, ты, судьба, сильнее,— я покоряюсь!»
Зачем при мысли о таких словах
Сжимаю я незримое оружие,
А в сердце зреют крики боевые?..

Кижпогунг
6/VI 1900

ТРАГЕДИЯ

Подруге Л. Старицкой-Черняховской*

Слышит рыдари среди боя,
Что он в грудь смертельно ранен,
Рану он зажал покрепче,
Чтобы кровь не вытекала.

Видит с башни дама сердца:
Поблелел ее любимый,
Сжал он грудь свою рукою,—
И к нему послала паж:

«Господин мой, дама просит
Вас покинуть бой кровавый,
Хоть не надолго, покуда
Вашу рану перевяжут.

Есть и мягкие повязки,
И бальзам у нас целебный,
Белая постель на башне
Уж давно для вас готова».

«Милый паж! спасибо даме,
Что тебя ко мне прислала,
Только я на приглашенье
К ней притти уже не в силах.

Если б я хоть на минуту
Сбросил свой железный папдырь,

Полилась бы кровь потоком,
Жизнь моя бы прекратилась.

Знай, что есть такие раны,
Для которых нет бальзама,
Для которых нет повязок,
Кроме панцырей железных».

«Господин, слова такие
Ранят сердце нежной дамы». —
«Если есть у дамы сердце,
Пусть его зажмет покрепче»...

Кимполунг
6/VI 1901

БЫВАЛО, ОБОЙДУ...

Бывало, обойду поля и горы
И моря гулкого неверные просторы,—
На сердце сумрак, не видать ни зги
В краю чужом; на горных склонах тени,
Туман в долине, море в смутной пене,
И кажется — вокруг и впрямь враги.

А сердце, закаленное в скитаньях,
В томлени на чужбине и в страданиях,
    Бывало, все же плачет и грустит
И, как дитя, что темноты боится,
Как бедный узник, запертый в темнице,
    Все ждет, пока звезда не заблестит.

Тогда стихает плач... И не пойму я,
Что тешит сердце? То, что золотую
    Оно на небе крапинку нашло?
Что пользы сердцу в том далеком мире?
Быть может, он и сам угас в эфире,
    Пока сюда сияние дошло.

Угас, как наши чаянья былые,
Как угасали мысли молодые,
    Надежду разбудившие во мне...
Так что ж! Пускай прошедшее минуло,
Но сердце любит, если не уснуло,
    Свет, без звезды горящий в вышине.

Киптолинг
20/VI 1901

КАЛИНА

Казак умирает, а дивчина плачет:
«Забери с собою в землю и меня, казаче!»—
«Ой, коли ты вправду мне верна, дивчина,
Будет над моей могилой славная калина;
А как лягут росы рано на покосы,
То не на мою могилу,—а на твои косы...
Как пригреет солнце, как повеют ветры —
Пусть не кости мои сохнут, сохнут твои ветви».—
«Будет ли отрадой для тебя, мой милый,
Если с горя я зардеюсь над твоей могилой?
Будет ли то, милый, для тебя отрадой,
Если я покроюсь цветом, а в душе — досада
Станет ли могила казаку милее,
Если деревцом над нею я зазеленею?»—
«Ой, так мать родная в жизни не заплачет,
Как печальная калина по судьбе казачьей...»
Ой, еще могилу травы не покрыли,
А дивчина уж калиной встала на могиле.
Увидали люди и малые дети:
«Не видали мы такого на всем белом свете!»—
«Ой, чья там под осень выросла могила,
А над ней листву калина красную склонила,
Как на той калине листочки кудрявы,
А меж белыми цветами ягодки кровавы!»
Все шумит калина молодой листвою:
«Для чего стою немая, милый, над тобою?
Пока нож не тронет — дерево не стонет,
А надрежь его поглубже — песней сердце тронет
Вырежешь безделку — пастушью сопелку —
Прямо в сердце себе пустишь калинову стрелку».

20/VI 1901

ЗАЧЕМ Я НЕ МОГУ..

Зачем я не могу взлететь к высотам,
Туда, к вершинам ясным, золотым,
Туда, где тучка под луной сияет?
Я видела, как тучка та рождалась,
Как из потока звонкого возникла
Туманом белым, чуть заметным паром,
Как поплыла неслышно над водою,
Глубокими оврагами, все выше,
И тихо поднялась, с трудом как будто,
И устремилась вверх. Она цеплялась
За зеленеющие гребни сосен
И за уступы оголенной кручи,
За шалаши пастушьи, там, на склонах,
Как человек, что, силы напрягая,
Взойти стремится на гору. И вышла,
И улыбнулась месяцу с вершины,
И так стояла девушкою светлой,—
И засияла легкой и прозрачной,
Как ясная мечта. Кто в ней узнает
Ту влажную безрадостную тучу,
Что двигалась так тяжело по долине?..

Ой, горы, горы, золотые кручи!
И отчего я к вам так порываюсь?
И отчего люблю вас так печально?
Ужели мне не суждено подняться
На ваши заповедные высоты?
Когда мне мощных крыльев не дано,

Чтоб я могла туда взлететь орлицей,
Туда, на высочайшие вершины,—
То жажду я пролить потоки слез,
Горячих слез, безудержных, внезапных,
Что рвутся из глубин сокрытых сердца
Источником живительной воды.
Пусть из них душа моя восстанет
И с мукою тяжелой устремится
На ту вершину, что сияет вечно
И кажется глазам издалика
Такой же неприступной, как и горы,
К которым я взлетаю лишь мечтою.
Тогда, быть может, дух мой, словно тучка,
На высоте внезапно изменился б,
Нагорным, чистым светом озаренный.

Буржуа

4/11 1901

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСЕН И

ГДЕ ЖЕ ТЕ СТРУНЫ..

Где же те струны, где голос могучий,
Где то крылатое слово,
Чтобы запеть про ненастное время,
Время заботы суровой?

Чтоб на просторные площади вынести
В камне схороненных стоны,
Чтоб передать человеческой речью
Песню кандаального звона?

Ерусалим, ты обрел Еремию * —
Злую оплакивать долю.
Так почему ж Еремии не знает
Наша убитая воля?

Дантова ада, на страх всем потомкам,
Вечное пламя пылает,—
Муки мы тершим страшней, чем у Данта,
Данта же край наш не знает.

Эй, ты, огонь громовержущих молний,
Где ты? Ударь, стоголосый!
Пусть бы из уст наших грянули громы,
Словно весенние грозы.

24/V 1902

Д Ы М •

Дорогой в дальний итальянский край
В душе я повторяла непрестанно
Слова поэта вечные: «...И дым
Отечества нам сладок и приятен...» *
Мне виделись далекие селенья:
Дивчата с песнями идут с полей,
Хозяйки неусыпные хлопочут,
Встречая стадо или гурт овечий,
Хозяева, с работы возвращаясь,
Идут, не прибавляя шагу, чинно,
А все ж тайком косятся на дымок
И думают: «Ну вот и ужин скоро...»
Мне виделись просторы луговые,
Волынские: вдали чернеет лес
Зубчатою стеной, и на вершины
Туман беззвучным морем наплывает.
Эй! кто в лесу, кто в поле — берегитесь!
То катится к вам злая лихорадка!
Но лесники и в ус себе не дуют,
Спешат в лесную чащу на дымок —
Ведь то костер, разложенный друзьями.
Тепло там, сухо, вьются роем искры,
Как пчелы золотые, пламя пляшет...
«Пойдемте на дымок!»

И я смотрела
На череду селений итальянских
Бездымных (чтоб «поленту» * приготовить,
Довольно небольшого камелька).

Смотрела на туманные «ризацца»*,
Где малярия невидимкою летает,
Ни дыма не пугаясь, ни огня,
И в мыслях слово грустное «чужбина»
В такт перестукам поезда звенело.
Туннель! И горьким облачком ко мне
В окно дымок ворвался, едкий дым,—
Должно быть, скверен уголь итальянский,—
Так не душил нас дым и в курной хате,
Там на Полесьи,—ведь, бывало, дружка *
Так цел на свадьбе, что звенела хата,
И голос чист был, даром что лицо,
Как в облаке, маячило неясно:
Тот дым нам сл глаза, но все ж не так,
Должно быть, потому, что была родной, дре-
весный...

Sampierdarena!* — Вот и слава богу!
Уж близко Генуя, а там и отдых,
Там будет море под веселым небом
И старый город — гордость и краса
Отважного и вольного народа.
«Вот наша Генуя», — старик рукою
Показывает мне куда-то вдаль.
Смотрю я и не вижу — мгла покрыла.
«Скажите, господин, здесь часто с моря
Таким туманом тянет?» — я спросила.
«Туман? То не туман, а только дым.
Здесь так всегда. Да это и понятно.
Взгляните!» Я взглянула: точно мачты
У пристани огромной, там виднелись
Сквозь мглу седую заводские трубы.
Да сколько! Целый лес... «Богатство наше
Растет здесь», — господин сказал солидно.
Но стены фабрик были непрозрачны,
А из окон богатство не светилося.
За ними что-то темное мелькало.
Мне вспомнился иной приморский город, —
Не итальянский, — и другой, и третий,
Четвертый, — все над нашими морями, —
И, наконец, еще один, над быстрой
Большой рекой, гремящей на порогах,
Как рейнская скала,* где днем и ночью

Глушат колеса рокот водопада...
Затем село, простор полей курчавых
От свекловицы... а над этим всем
Лес тонких труб, высоких непомерно,—
Как сосны горные — без хвои только...
Мы въехали в предместье. Там стояли
Задымленные, черные домишки,
Суровые, глухие. Окна были
Покрыты пеплом, цепким, точно горе,
Которого не выгонишь из дома.
За окнами мелькали очертанья
Каких-то лиц невольничьих, бескровных,
А надо всем тот дым, тот легкий дым,
Что глаз не ест, как будто, и не душит,
А только небо ясное скрывает
И у людей крадет сиянье солнца,
Пьет кровь усталых лиц и гасит взоры
И все цвета закрашивает серым.
Никто его не слышит, но всегда —
И день, и ночь, и каждую минуту —
Бесшумно и таинственно, но ясно
Он говорит: «Я здесь, я вечно здесь».
Тот итальянский дым проник мне в сердце.
И сердце больно сжалось, онемело,
И уж не говорило мне: «чужбина».

San-Remo
1903

НАДПИСЬ В РУИНЕ

«Я, царь царей, я солнца сын могучий,
Гробницу эту выстроил себе,
Чтоб прославляли многие народы,
Чтоб помнили во всех веках грядущих,
Чтоб знали имя...» Дальше сбита надпись,
И даже самый мудрый из потомков
То имя царское прочесть не может.
Кто сбил ее — завистливый властитель,
Иль просто время мощною рукою, —
Никто не знает. Росписью узорной
Под нею слов начертано немало
Про славу безыменного владыки,
И дарские показаны деянья:
Вот царь сидит высоко на престоле,
Народы с драгоценными дарами
Идут покорно, головы склоняя,
А он сидит, как истукан из камня,
Над ним цветные перья опахал.
Лико его похоже на Тутмеса *
И на Рамзеса*, и на всех тиранов.

Вот ухватил он за волосы сразу,
Одной рукою, несколько повстанцев,
И меч кривой над ними он занес.
Лико его похоже на Тарака,*
На Менефта,* как и на всех тиранов.
С лицом все тем же львом он убивает,

Левнафанов ловит, птиц он бьет,
Полями едет по телам убитых,
И веселится по своим гаремам,
И подданных на битву посылает,
И мучит он работой свой народ,
Той страшною египетской работой,
Что имя царское должна прославить.

Народ идет, как волны в океане,
Без краю, без числа на поле битвы
И стелется под ноги коням царским.
А кто в живых из тех людей остался,
Тот гибнет на египетской работе.
Царь хочет для себя на их могилах
Построить памятник — да сгинет раб!
И раб копает землю, тешет камень,
Кирпич для стройки делает из глины,
Возводит стены, статуи большие,
Сам на себе, запрягшись, возит, строит
И создает великое навеки,
Прекрасное творит неповторимо —
Резьбу, картины, статуи, узоры.
И каждая колонна и рисунок,
Резьба и статуя, и даже камень
Пезримыми устами произносят:
«Меня творил египетский народ».

Давно в могиле царь с лицом тирапа,
И от него осталась только надпись.
Певцы, ученые, мечтая, не старайтесь
Найти царя исчезнувшее имя:
Судьбою создан из его могилы
Породу памятник — да сгинет царь!

СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

ДОЧЬ ИЕФАЯ

Ты отпусти меня, отец мой, в горы,
Где ряст весенний золотом пылает,
Где осыпает ветер цвет миндальный,—
Пусть он меня дождем своим обрызжет,
Оплачет цветом молодость мою.

Ведь говорят, что с гор весь край наш виден,—
Пусть я в последний раз увижу больше,
Чем видела за весь свой век короткий,
Пусть к солнцу ясному я стану ближе,
Скажу ему: веселое, прощай!

Ты отпусти меня, отец мой, в горы,
Всех соберу подруг я, всех любимых,
Вовек еще я так их не любила,
Как вот теперь, в последний час предсмертный.
Мы не слезами, песнями своими
Веселое девичество помянем.

Я все мечты отдам цветам весенним,
А ветру — всю девическую волю,

Как лепестки, осыплются желанья,
По свету думы с песнями пушу.

Пускай земля сырая мной владеет,—
Отдай меня тому, кому обрек,—
А то, что будет на горах пропето,
Оставлю ветру, солнцу и песне;
Кровь канет в землю, песня ж разольется...

Ты отпусти меня, отец мой, в горы!
Не бойся ты, что не приду обратно,
Что уж не в силах буду я покинуть
Веселую и радостную жизнь.
Нет! С гор приду я тихой и покорной,
На камень жертвенный цветком поникну,
Ведь знаю я, хотя б сто лет жила,
Такой бы я уж песни не запела,
Такой бы жизни больше я не знала,
Как в час прощанья на горе высокой.
Так подари мне этот час, отец!

Ты отпусти меня, отец мой, в горы,
Коль хочешь, чтобы дочь твоя отважно
Пошла на преждевременную муку,
Очей в слезах к горам не обращала
И с солнцем не прощалась бы, рыдая,
Тебя, людей и бога не кляла!

[1905]

СЛУЧИЛОСЬ В ДНИ...

Случилось в дни святой, всемогущей Германды *
Еретика монахам обрести.

На страшный суд пред очи Торквемады *
Приволокли его, чтоб от чертей спасти.
Сначала мученик молчал, и только слезы
Текли по неподвижному лицу,
Молчал на пытки он, молчал на все угрозы,
Раз застонал — в огонь заблудшую овду!
Раз вскрикнул.

«Вот, слабеют силы ада! —
Сказал великий сердцевед-палач. —
Железом и огнем излечим душу брата —
И станет снова ослепленный зряч.
Добавьте мук ему!»

Добавили монахи, —
Для мук таких не знает слов язык,
Рассыпаться должны бы стены в страхе.
Молился вслух монах, чтоб спастся еретик.
Но тот упорствовал. И сталося диво:
Раскрылись побледневшие уста,
Угасшие блеснули очи живо,
И молвил мученик:

«Во имя мук Христа,
Еще, еще огня! Огонь — моя отрада!
О, дайте, палачи, огня лютей!» —
«Так сжечь его совсем! —
Воскликнул Торквемада. —
Надежды нет ему. Добычей стал чертей».

ДЫХАНИЕ ПУСТЫНИ

Пустыня дышит. Вдох протяжный, вольный,
Горячий он и чистый, как святой.
Песок лежит недвижный, золотой,
Оставленный хамсином * своевольным.

Феллах всю жизнь — в работе подневольной.
Он строит дом, — там будет жить пустой,
Летучий рой туристов, и густой
Здесь разрастется сад в красе привольной.

Феллах могуч. Оазисы в пустыне
Он для других возвел... И вот он пишет
Узоры по карнизу. И колышет
Одежду ветер... И на миг застынет,
Осушит пот... И дальше по равнине
Промчится... Вновь и вновь... Пустыня дышит.

Египет, Гелуан
III 1910

Из цикла
«ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА»

III. НА СТОЯНКЕ

Вот на палубном настиле
Запылал костер высокий,
То согреть хотят матросы
Коченеющие руки.

И я вижу: в снежной вьюге
Пламя красное пылает,
Словно солнце, что закрыто
Непроглядной белой мглой;

А вокруг него мелькают,
Словно тени птиц огромных,
Итальянские матросы,
Зябко кутаясь в плащи.

Те плащи в родном Палермо
Их неплохо согревали,—
Что ж теперь случилось с ними
В этом крае басурманском?

Пропускают зимний ветер,
Словно кружева сквозные,
И дрожит любая жилка...
О, негодные плащи!

В густо-белой сетке снега
Юнга-мальчик пробегает,
Словно рыбка, что попала
В роковой проклятый невод.

Мальчик пробует согреться,—
Верит он палермской крови,
Что в его струится жилах,
Больше, чем чужим огням.

Он не слышит, как большие
На него кричат сердито:
«Все ты вертишься, бездельник!..
Что за скверное создание!..»

От озлобленного крика
Нежный говор итальянский
Стал противным, как прибрежных
Диких чаек хищный крик.

Что ж, пускай! Давно привык он
К этим чайкам и ворчаньям,
Он не думает об этом,
И в мечтах его другое:

Скоро он домой вернется,
И на площади под солнцем
Ловко он сыграет в бабки,
Каждый выигрыш возьмет.

И с товарищами вместе
В пыль горячую он ляжет
Среди улицы, так просто,
И начнет болтать, болтать...

Даже рты поражают
Кекко, Джанни, Паолино:
Ведь они всему поверят,
Племя «раков сухопутных».

Сколько он чудес расскажет!
И про змей подводных страшных,

И про турок-людоедов,
Про Великого Могола.*

А они ему за рто
Самых сладких апельсинов
Непременно наворачуют
У епископа в саду...

Тут его матрос ударил
По плечу, ругнув сердито:
«Да уйдешь ли ты с дороги?!
Вот душа без покаянья!»

У костра с другими рядом
Опустился он покорно
И к огню, как на молитве,
Протянул худые руки.

Легкий стан тихонько сгорбил
И застыл с лицом печальным,
Лишь в глазах перебегают
Ярко-огненные искры.

Ох, когда б скорее, мальчик,
Все мечты твои свершились,
Чтоб завидовать не стал им
Злой какой-нибудь божок...

1911

VI. ЭПИЛОГ

Кто не жил средь буйства бури,
Тот цены не знает силе,
Тот не знает, как безмерно
Люди труд свой полюбили.
Кто не жил средь буйства бури,
Тот безделья мук не знает,
Тот не знает горькой скорби,
Что бессильных посещает.
Как я завистью горела
К людям, преданным боренью,
До поры, пока усталость
Их сражала на мгновенье.
День и ночь они на вахте,
Долог труд, а смена кратка,
День и ночь они в работе,
Силы тратят без остатка.
Верно, им тогда казалось,
Что страшней не сыщешь муки...
Ох, бойцы, когда б вы знали,
Как томит больные руки,
Как лежать в постели тяжело,
Скорбным пасынком недоли,
Положась на милость бури,
На чужой талант и волю.
Чем же тешиться такому?
Только душою своею...
Вы, бойцы, ее примите.
Это все, что я имею.

1911

В ГОДОВЩИНУ

Не он один ее любил.
Во славу Украины
Писали звучные стихи
И яркие картины.

Ловили звонкий смех ее,
Улыбки, шутки, пляски,
Сплетали в пестрые венки
Ее живые сказки.

Тот в ней лелеял старину,
Тот грезу молодую,—
Он первый полюбил ее,
Как мать свою родную.

Пусть мать убога и стара,
Бедна, темна, гонима,
Но сыном преданным она
Попрежнему любима.

Пускай она в кромешной тьме
Бредет полуживая,—
Как рана, в нем горит любовь,
Горит, не заживая.

Видала родина не раз,
Как донжуаны эти

Под вечер забывали все,
Что пели на рассвете.

С ее дарами шли к другой,
Спеша склонить колено;
Такие люди не могли
Любить самозабвенно.

В нем первом жгучая любовь
Пылала, словно рана,
Он шел в неволе за нее,
Служил ей без обмана.

Тяготы все перенесла
Любви сыновней сила.
Того великого огня
И смерть не погасила.

1911

П О Э М Ы

Р О Б Е Р Т   Б Р Ю С *

Посвящается дяде М. Драгоманову

з а п е в

Мы припомним давние былины,
Мы рассказ припомним величавый
Про шотландский дальний край старинный,
Что овечьи вольностью и славой.

Давний сказ! Легенды речь живая!
Подлинное слито в ней с мечтами;
Только правда, звездочкой мерцая,
Золотыми всюду бьет лучами.

Правда нам сквозь мглу блеснет густую,
Мы ж далеко думой понесемся,
Поглядим на бурю боевую,
Давней славы памятью коснемся!

I

То было лет пятьсот назад;
На край шотландский вольный
Английский шел король Эдвард,*
Властитель своевольный.

Призвал он рыцарей своих,
Весь пышный цвет дворянский,
Чтоб в подданство себе забрать
Свободный люд шотландский.

Гремучим эхом клич летит
Шотландской стороною:
«К оружию все! На нас идет
Король Эдвард войною!

Гей, братья милые! Ужель
У нас оружия мало?
Ужели рыцарей у нас,
В Шотландии, не стало?»

Бойды идут, земля гудит,
Сошлись два ополченья...
Немало будет в этот день
И крови, и мученья!

Сверканье копий, звон мечей
О панцыри стальные;
Клич раздается боевой,
Ржут кони вороные.

Дерутся день, дерутся два,
На третий день, в печали:
«Эдвард над нами верх берет!»-
Шотландцы закричали.

Рать англичан разит и бьет,
Английский меч сверкает,
Шотландский меч к земле поник.
Их рать изнемогает.

Остановился тут Эдвард.
Труба отбой запела,
И стят над войском поднялся,
Но не цветной, а белый.

Всяк замер и свое копьё
На землю опускает;

Кричит герольд: «Король Эдвард
Шотландцев призывает

Изгнать войну с полей родных
И вновь покой отдать им,
Притти к согласью без борьбы,
Как подобает братьям.

Сказал король наш: «Кто из вас
Помирится со мною,—
Поместьем будет и людьми
Тот обладать в покое.

Крестьянина обложим мы
Налогом десятинным,
А рыдарь в вотчине своей
Да будет господином.

Но рыдарь должен к королю
Являться в ополченье,
За что получит он от нас
Почет и награждение».

И вмиг поникли знамена
Шотландии дворянской,
Кричат: «Да здравствует вовек
Эдвард, король шотландский!»

Все рыдари сдались ему,
Но нет, не все; остался
С оружием рыдарь молодой,
Робертом Брюсом звался.

Эдварду взором он сверкнул,
Как будто молнией краткой,
Сорвал и кинул во врагов
Железною перчаткой.

И тотчас шпоры дал коню,
Конь вороной вздыбился,
Помчался в горы, как стрела,
В ущельи темном скрылся.

Поехал Роберт по шотландской земле
 Народное ладить восстание;
 Повсюду своих разослал он гонцов
 Крестьян созывать на собранье.

Когда на широкой долине меж гор
 Народное вече столпилось,
 Явился к народу Роберт и сказал:
 «Шотландцы! Измена свершилась!

Ни рыцарей нету, у нас, ни дворян,
 Все — в слуги Эдварду готовы;
 Но есть еще в селах шотландский народ,
 Носить не привыкший оковы!

Так встанем немедленно, все, как один,
 За общее братское дело!
 Мечи накуем из плугов! Что пахать?
 Чтоб нива в неволе хирела?»

Тут все зашумели, как волны в прибой:
 «Идем же бороться за волю,
 Иль вольные головы наши сложить
 Рядком по родимому полю!»

И там на широкой долине меж гор
 Крестьяне все лагерем стали;
 Костры полыхали всю ночь напролет —
 Всю ночь там оружие ковали.

Наутро у войска сияли мечи;
 Кому же мечей пехватило,
 Хватило тем кос, топоров и ножей
 И, в сердце, отваги и пыла.

У воинов не было светлых знамен,
 Серебряных броней бесценных;
 У них на простых, на крестьянских щитах
 Не рдело девизов надменных.

У всех ополченцев один был девиз:
«За волю, за родину нашу!»
Хоть слов тех никто на щите не носил,
Но в сердце их пролил, как в чашу!

И ринулись все они против дворян;
Роберт был вождем их желанным;
Из рыцарей, кроме него, ни один
Не вышел на помощь крестьянам.

Шотландское рыцарство все перешло
На службу английскому трону,—
Пошло охранять и мечом, и щитом
Английскую власть и корону.

В несчастную пору шотландский народ
Оружье ковал боевое:
Их в первой же битве разбили враги,
И много легло головою.

Второе сражение — и снова беда!
Шотландское войско разбито.
Бой третий — и снова равнина кругом
Телами шотландцев покрыта.

Дворяне сильны; осторожных вождей
Немало у них отыскалось,—
Ни в горы загнать их, ни в лес заманить
Дружинникам не удавалось.

Широкие доли, просторы полей
Шесть раз были кровью политы,
Шесть раз прозвучал по Шотландии крик:
«Шотландцы, шотландцы разбиты!»

Хотя ни знамен, ни оружия они
Эдварду к ногам не сложили,
Но край свой и волю свою защищать —
Все силы они истощили.

Погибли одни, а другие ушли,
Вернулись к родимому полю.

Без войска и славы остался Роберт,
Какую ж он выберет долю?

Итти ли, как сотни шотландских дворян,
Эдварду надменному сдаться,
Позор ли последний готовясь принять,
В стране побежденной остаться?

Нет, лучше не видеть, не слышать того,
Как родина гибнет безвинно!..
«О край мой родимый, прощай! Твоего
Прости бесталанного сына!

Свободным хотелось мне видеть тебя,—
Судьба же сулила иное...
Далеко теперь, на чужих берегах,
Погибну за дело святое!»

Так молвил Роберт и отправился вдаль,
На нищенский берег ирландский;
Он думал: вовеки ему не видать
Бездольной отчины шотландской.

В Ирландию должен зайти был корабль,
Что рыцарей вез в Палестину;
На том корабле и Роберт порешил
В далекую ехать чужбину.

Он с рыцарством смелым в крестовый поход
Решился отправиться смело,
Чтоб жизни остаток и силы отдать
Во имя великого дела!

III

У безлюдного берега моря
Одиноко лачуга стоит,
В той убогой рыбацкй лачуге
Рыцарь-латник уныло сидит.

То Роберт. Он глядит сквозь окошко,
Не покажутся ль те корабли,

Что должны отвезти крестоносцев
К берегам палестинской земли.

Нет, ничто не виднеется в море,
Не белеют ряды парусов;
Резво плещет широкое море,
Звучен голос привольных валов.

Но Роберту невесело видеть
Ту веселую буйную даль:
Только вспомнит он землю родную,—
И встает в его сердце печаль.

И Роберт, отойдя от окошка,
Лег на лавку и взором повел
По растресканной кровле; под кровлей
Паутину паука себе плел.

И Роберт загляделся неожиданно
На работу того паука:
Видел он, как прядлась понемногу
Паутинка, нежна и тонка,

Как по нити паук опускался,
И раскачивался все сильней,
Чтоб до стенки достать и тенета
Закрепить и раскинуть по ней.

Но качнется лишь — нить оборвется,
И на землю паук упадет,
Но немедля вползает под кровлю
И опять паутинку прядет.

Так шесть раз тот паук обрывался,
И шесть раз он под кровлю спешил,
Но в седьмой, наконец, удержался
И к стене свою нить прикрепил.

Тут Роберт, разом вскинувшись с лавки,
За оружие хватается вдруг
И кричит: «Неужели же рыцарь
Меньше вол: тает, чем паук?!»

Ой, то не сокол-островзор
 Спустился в дол с вершины,
 То прилетел смельчак Роберт
 В шотландские долины.

На вороном коне своем
 Он по стране летает,
 В последний раз шотландский люд
 На битву созывает.

«К оружию все! Жива ль еще
 Былая доблесть ваша?
 Мы за свободу пасть клялись,—
 И где ж присяга наша?»

Кто не зарекся вольным стать,
 Готов да будет к бою!
 Кто честь и славу не забыл?
 К оружию! Кто ж за мною?»

Нет, не угас шотландский дух,
 Восстать шотландцы рады!
 Крестьяне вновь, в сельмой уж раз,
 Сбираются в отряды.

Не ожидал король Эдвард
 В Шотландии волненья:
 На отдых рыцари его
 В свои ушли именья.

И для охраны только часть
 Осталась небольшая,
 Отвагу дерзкую свою
 С беспечностью мешал.

Бойцы о выгодах войны
 И о прибытках судят,
 И сколько подати король
 Брать с покоренных будет.

Дворян шотландских тесный круг
Собрался с ними вместе:
Король права им возвратил
И не лишил поместий.

Поедут завтра же они
В родимые усадьбы,
По все унылыми сидят,—
С чего ж им тосковать бы?

Стыд и досада их сердца
Терзают сокровенно,
Им кажется, что целый мир
Кричит вокруг: «Измена!..»

У англичан же пир идет
В разгульных песнях, в кликах,
И так надменно их значки
Колышутся на пиках.

Крестьяне к войску подошли
Неслышно за горою,
Явились, как из-под земли,
И хлынули волною.

Как буря-вьюга, все вокруг
Завыло, загудело;
Роберт летел на вороном,
Как молния б летела.

Свирепый бой, последний бой!
За кем победа? В дрожи
Кричат английские бойцы:
«Спаси нас, добрый боже!»

Шлет помощь им король Эдвард
Все новыми бойцами,—
Встречает их шотландский клич:
«Ну нет! Победа с нами!»

Хоть помощь сильная пришла,—
Напрасно — слишком поздно!

Шотландцы гонят прочь врагов
И вслед кричат им грозно:

«Не приведется больше вам
Гулять в чужой отчизне!
Кидайте ж на землю мечи,
Чтоб не лишиться жизни!»

И под горою англичан
Шотландцы окружают,
Тем нет спасения — и все
Оружие кидают.

Тут вышел из рядов Роберт
Со словом долгожданым:
«Вот что поведает народ
Шотландский англичанам:

Наш край свободным был всегда,
И быть нам — меж свободных!
Вы видели, как бьемся мы
В за^щиту прав народных?

Пусть Англию гнетет Эдвард
Налогом десятинным,
Шотландец же в земле своей
Да будет господином.

Крестьянам нашим ни к чему
Почет и награждение,
И уходить не надо им
К Эдварду в ополчение.

Мечи мы ваши заберем,—
У нас верней лежать им,
А вас отпустим по домам,
Как подобает братьям.

Перескажете королю
Вот это наше слово,
И если мир ему не люб,
Мы в бой готовы снова!»

И без оружия, без знамен,
В безрадостном молчаньи
На родину свою пошли
Обратно англичане.

Сойдя в долину, всяк из них
На гору взор кидает,
И видят все: крестьянский сход
Роберта окружает.

Народ густой толпой покрыл
Весь склон горы зеленой,
А выше всех стоял Роберт,
У ног его — знамена.

Лежали грудями мечи,
Те, что в сраженьи взяли;
Шотландских же знамен ряды
Вокруг него сияли.

Роберт, как видно, речь держал;
Он спорил, горячился,
Потом, блестящий скинув шлем,
Народу поклонился.

И было слышно, как вскричал
Всей грудью сход крестьянский:
«Хвала и честь! Вовек живи,
Роберт, король шотландский!»

V

Так Роберт за отвагу и твердость
Королем над шотландцами стал,
В Эдинбурге, преславной столице,
Всенародно венец воспринял.

Торжество совершилось. Из храма
Выступает на площадь король:
Клич разносится: «Слава Роберту!
Править нами вовек соизволь!»

По внезапно приветствия стихли,
Ждут шотландцы чего-то,— чего?
Кучка выборных малая вышла
Говорить от народа всего.

И приблизился старший к Роберту,
Поклонился, глазами повел
По столпившимся около людям
И такое посланье прочел:

«Божьей волей и волей народной
Наш король! Поздравляем тебя!
Под высокою властью твоею
Признаем мы охотно себя.

Если ты защищать будешь волю
И державность родимой страны,—
Мы вовек уважать тебя будем,
Как отца дорогого сыны.

На войну позовешь ты,— все вместе
Под знамена твои мы пойдем:
Мы готовы тебе и отчизне
И мечом послужить, и щитом.

Если ты про народное дело
Позабудешь,— про волю и честь,
И другие, богатые земли
Пожелаешь в покорность привести,—

Мы тогда не пойдем за тобою,
Чтоб чужое добро загрести:
Пам не тесно в родном нашем красе,
Пам не надо в чужие итти!

Если ж ты, ради роскоши, станешь
Продавать свой народ господам,
Защитить мы и сами сумеем
Те права, что присвоены нам.

Ну, а если английской короне
Ты предашь королевство свое,

Знай, что в ту же минуту, с позором,
И владычество сгибнет твое.

Мы тебя королем увенчали,
И венец мы, коль надо, сорвем;
А пойдешь на народ ты войною,—
На тебя мы войною пойдем.

Дай нам, боже, всегда веселиться,
Что избрали тебя в короли:
Да цветет при тебе, да блистает
Честь и воля шотландской земли!»

«Дай-то, боже,— Роберт им ответил,—
Буду знать я, на что я иду;
Дай нам, боже, в согласьи сердечном
Жить вовеки и в добром ладу!»

VI

Добрый лад, сердечное согласие
Выросли. Роберт берег свободу.
Не погибло, не пошло по ветру
Обещанье, данное народу.

На шотландскую дивились волю
Пришлые, чужие, иностранцы;
Все твердили: «До скончанья света
Под ярмом не станут жить шотландцы!»

Не угас и не погиб вовеки
Вольный дух шотландского народа,
Даже и врагам его старинным
Помогла шотландская свобода:

После англичане и шотландцы
Создали единую державу,—
И шотландцы англичан учили,
Как любить, свободу, честь и славу.

И зато хвала Роберту Брюсу:
Он борцом за край родной явился.

Да! И он у паука отваге
И упорству в деле научился.

Он покрыл себя великой славой,
И вовек не скроют славу эту;
Жить ей вечно в песне и преданьи,
О себе рассказывая свету.

1893

СТАРАЯ СКАЗКА'

Кто желает слушать сказку?
Я рассказывать готова,
Но по-дружески простите,
Коль не все в ней будет ново.

Не всегда же, в самом деле,
За новинками гоняться,—
Временами, право, стоит
И за старое приняться.

Да и кто из нас сумеет
Рассказать такую повесть,
Про которую не скажут:
«Э, да это уж не новость!»

Тот, кто все же пожелает
Старую послушать сказку,—
Сядь и слушай. Мне ж — не лавров,—
Так хоть бубликов дай связку.

I

Как-то, где-то и когда-то,—
Как и где,— решайте сами:
В сказке действие возможно
Под любыми небесами;

Как-то, где-то жил когда-то
Стихотворец небогатый,
Обладал он только песней,
Но своею, в долг не взятой.

Ни красотою, ни уродством
Не был наш поэт отмечен,—
От других ему на свете
Отличаться было нечем.

Тот певец... но что же делать,
Скажем правду без стеснения:
Не бывал певцом поэт наш,
Не владел искусством пеня.

Но в его свободных песнях
Воля слышалась и сила,
Потому что их повсюду
Эхо громко разносило.

Одиночества не знал он:
В тихой хижине поэта
Молодежь любила слушать
Песню воли и привета.

Эта песня приносила
Утешенье и отраду,
А от слушателей помощь
Получал поэт в награду.

Чем могли, его ссужали,
Он и малым был доволен,
Хорошо уж то, что был он
Сыт, одет, как птица волен.

Лишь весною шум зеленый
Оглашал поля и чащи,
Выходил поэт в дубраву
Слушать чащи гул звенящий.

Так однажды, ранним утром,
Он лежал в лесу, внимая

Тихим шелестам дубравы
Иль стихи твоя,— не знаю.

Вдруг он слышит — гомон, крики,
Лай собак, раскаты смеха
Зов рогов и стоголосый
Перезвон лесного эха.

Скачут кони удалые,
Шум и крики нарастают,
И охотники толпою
На поляну выбегают.

Как на зло, лежал порт наш
Поперек лесной дороги.
«Эй,— кричит он,— осторожно,
Вы отдадите мне ноги!»

К счастью, гнались не за зверем,
И толпа остановилась
(Иначе порт наш вряд ли
Заслужил бы эту милость).

Вел ватагу ловчих рыцарь.
Грозен был — храни создатель!
«Это,— молвил,— что за птица?
Ты не встанешь ли, приятель?»

«Не беда,— порт ответил,—
Коль ты сам с пути своротишь.
Если рифмы разбегутся,
Ты ведь мне их не воротишь».

«Вот еще, охота тоже! —
Рыцарь громко рассмеялся.—
Слушай, брат, ступай-ка лучше,
Иль с бедою не встречался?»

«Я с бедой и днем и ночью,—
Не растащишь нас и силой.
Сам ступай, ведь я охочусь
На таких, как ты, мой милый!»

Кликну — рифмы-соколята
Прилетят ко мне играя;
Для меня они изловят
Всех, кого ни пожелаю».

«Ишь какой ты, дьявол, мудрый,—
Молвил рыцарь,— я, признаться,
Не встречал таких ни разу.
Жаль, что надо расставаться.

Мы б еще потолковали,
Кто кого скорей изловит.
Люди! Прочь его с дороги,
Он уж слишком суесловит!»

«Вот спасибо за услугу,—
Говорит поэт,— несите
Да листочки со стихами
Вон в траве лежат,— возьмите!»

«Он, должно быть, сумасшедший,—
Крикнул рыцарь.— Ну, за мною!
Пусть же знает нашу милость,—
Мы пообедем стороною.

Ну, а ты дождись, приятель.
Если зверь меня не ранит,
Я вернусь к тебе с подарком,
А теперь я очень занят».

«Ждать тебя,— поэт ответил,—
Вовсе мне не интересно.
Кто ж кого почтит подарком,
Нам покуда неизвестно!»

Ничего на это рыцарь
Не ответил, прочь помчался.
Рог зашел, и бор зеленый
Звонким эхом отозвался.

Разбредись ловцы по лесу,
Жгли костры, в рога трубили,

Но за целый день охоты
И зайчонка не убили.

А когда достигло солнце
Предвечернего порога,
Тишина в луга спустилась,
Смолкли шум и звуки рога.

Рой охотников голодный
Присмирел, угомонился.
Кто блуждал еще по лесу,
Кто уже с дороги сбился.

Едет рыцарь одиноко,
Конь едва волочит ноги.
Глядь — порт лежит, как прежде,
Поперек лесной дороги.

«А, приятель, ждешь подарка?—
Молвил рыцарь, и руками
Шарил в платье.— Вот несчастье —
Кошелек не взял с деньгами!»

«Право, рыцарь, ты напрасно
Удручен моей судьбою,
Я богат, да так, что мог бы
Поделиться и с тобою».

Вспыхнул рыцарь. В нем бродило
Чванной гордости немало.
Впрочем, все его богатство
Только в ней и состояло.

«Шутки прочь! — вскричал он гордо, —
А не то ожгу плетями!»
А порт ему: «Помилуй,
Что за шутки с господами!»

Знай — зеленая дубрава,
Поле, небо, море, горы —
Все вокруг — моих владений
Необъятные просторы.

И при всем своем богатстве
Я свободен и бездумен!»
Тут воскликнул рыцарь: «Боже!
Он воистину бездумен!»

«Может быть,— поэт ответил,—
Все мы, рыцарь, в божьей воле,
Но я счастлив, мне от жизни
Ничего не надо боле.

Я свободен, и свободно
Льются песни-баловницы,
Для которых нет на свете
Ни заставы, ни границы.

Все, что только сердце хочет,
Я творю в одно мгновенье,
В мир таинственный надзвездный
Мчусь на крыльях песнопенья.

Я на свете — точно ветер,
Что в полях колышет всходы,
Сам свободен и ни разу
Не стеснил чужой свободы».

Засмеялся громко рыцарь:
«Басен я слышал довольно!
И тебе отвечу кратко —
Ты свободен, да не больно!

Я отдам твои богатства,
Мир таинственный надзвездный,
За одно земное графство,
За подвездный замок грозный.

Я отдам твои богатства,
Весь небесный край незримый,
За земные поделуи
Юной девушки любимой...»

Дать ответ на то, что молвил
Беззастенчивый повеса,

Не успел поэт наш,—солнце
Закатилось в чащу леса.

Мимо них домой с работы
Шли окрестные крестьяне
И, приветствуя поэта,
Задержались на поляне.

Он извлек из мандолины
Звуки, пенья птиц чудесней,
И под рокот струн согласных
Стал читать крестьянам песни.

Очарованные словом,
Недвижимо все стояли,
А у девушек все ярче
Очи радостью пылали.

Рыцарь долго слушал песню,
А покинувши дубраву,
Молвил: «Что за сила в слове!
Чародей какой-то, право!»

II

Как-то сел поэт к оконцу,
Призадумался глубоко,
И весь день с утра до ночи
Так провел он одиноко.

В отдаленьи, над полями,
Песни сельские звучали
И до вечера к поэту
В тихий домик долетали.

Песни стихли, и мгновенно
Ночь примчалась издалика;
Не умолк лишь трепет листьев
Да журчанье потока.

И, прислушиваясь чутко
К этим шорохам и шумам,

Наш порт перед оконцем
Отдавался тайным думам.

Вдруг он слышит — по дороге
К дому кто-то скачет смело.
Доскакал, остановился,
Чья-то шпага зазвенела.

Что за диво! Кто-то тихо
Приближается к оконцу.
«Кто ты? — крикнул стихотворец,
Обращаясь к незнакомцу.—

Если вор, то будь уверен,
Что ошибся ты дверями!» —
«Я к тебе, — ответил голос, —
С неотложными делами...»

«Кто же ты, скажи?» — «Бертольдо, —
Помнишь, рыдари из дубравы?»
Тут порт узнал и голос.
«Тот охотник? Боже правый!

Что ж, войди, будь гостем, рыдари,
В темной хижине порта, —
Для себя, когда я дома,
Я не жгу напрасно света.

Но для гостя дорогого...» —
И кремнем добыл он пламя.
Сам владетельный Бертольдо
Пред его стоял дверями.

«Добрый вечер!» — «Добрый вечер». —
Гость умолк, стоит, косится.
Неотложная беседа
Что-то явно не клеится.

«В чем же дело?» — снова к гостю
Стихотворец обратился.
И в ответ ему Бертольдо
Тихо молвил: «Я влюбился...»

Тут поэт развел руками:
«Нет от этого леченья!
Продолжай, однако,— может,
Мы найдем хоть облегченье».

«Я влюбился, погибаю,—
Продолжал он,— дни и ночи
Вижу я перед собою
Девушки любимой очи».

«Что же,— молвил стихотворец,—
Здесь венец кончает дело». —
«Ах, не мне,— вздыхает рыцарь,—
Ждать счастливого удела!»

Каждый вечер прихожу я
Под балкон, тая смятенье,
И всю ночь в груди бушует
Море страстного томленья.

По ответа на томленье
Никогда не получаю.
Чем привлечь мне сердце милой,
Что сказать,— совсем не знаю.

Разве только серенадой
Мог бы я пленить смуглянку...»
А поэт ему: «Конечно,—
Пташек ловят на приманку».

«Голос есть, да со стихами
Не могу я сладить что-то».
«Да,— заметил стихотворец,—
Это, друг мой, не охота.

А не то ведь каждый рыцарь
Украшал бы лавром латы.
Нет — он дик и своенравен,
Конь поэзии крылатый».

«Это правда,— молвил рыцарь,—
Но,— послушай, умоляю! —

Помоги мне в этом деле
Я доныне вспоминаю,

Как чудесными стихами
Чаровал ты всю округу.
Мне один лишь ты сумеешь
Оказать теперь услугу.

Никакой награды в мире
Я тебе не пожалею!..» —
«Ну,— поэт сказал,— на это
Я надеяться не смею.

Услужить готов я другу
Из любви, не за награду.
Подожди немного — тотчас
Ты получишь серенаду.

Назови мне только имя,
Опиши красу пространно...» —
«Имя милой — Изидора,
А красива... Несказанно!..»

И поэт не колебался —
Сел поближе к огоньчку,
Исписал листок бумаги,
Мандолину снял с гвоздочка,

Прочитал слова Бертольду,
Сунул в руки мандолину,
Дал написанные строки
И напутствовал недлинно:

«Напевая, ты на струнах
Так сначала подыграешь:
Ut-fa-la-sol, fa-mi-re-sol...
А дальнейшее — как знаешь».

«Вот спасибо!» — крикнул рыцарь.
Стихотворец собирался
Отвечать, но тот — на лошадь,
Со двора, — и прочь помчался.

Поскакал стрелою рыцарь
Через доли, через горы
И домчался до оконца
Несравненной Изидоры.

В тот же миг в руках Бертольда
Мандолина зазвучала,
Из потока звуков стройных
Серенада выплывала:

«Гордо, радостно, лучисто
Светят звездные просторы,
Но краса их не сравнится
С красотой Изидоры.

Драгоценные брильянты
Украшают все уборы,
Но краса их не сравнится
С красотой Изидоры.

Дорогих жемчужин прелесть
Восхищает наши взоры,
Но краса их не сравнится
С красотой Изидоры».

И как только серенадой
Оживилась тишь ночная,
Посмотреть на звезды вышла
Изидора молодая.

И за сладостные звуки,
За любовную отраду
Вниз к Бертольду полетела
Роза дивная в награду.

И с балкона, точно греза,
Изидора скрылась прежде,
Чем герой успел отдаться
Дивной розе и — надежде!

Боже милый, сколько силы
 Скрыто в скромной серенаде!
 Уж Бертольдо не подвластен
 Ни печали, ни досаде.

С каждым днем улыбка донны
 Все прелестней, все светлее,
 С каждым днем она с Бертольдом
 Все любезней, все милее.

Вот уж перстень Изидоры
 На руке его сияет,
 И невестою своею
 Он красотку называет.

Сном чудесным, дивной сказкой
 Свадебные дни летели,
 Танцевали, пировали —
 Веселились две недели!

Всех ласкали, принимали,
 Всем соседям угождали,
 Только нашего порта
 На пиры не приглашали.

Неотложных дел немало
 Молодому господину,
 Где уж было тут упомянуть
 Про поэта-сиротину.

Жизнь, как сон, летела, время
 Мчалось птицей на просторе,
 Но средь счастья и веселья
 Подошло неожиданно горе.

Пожелал король могучий
 Завладеть чужой страной,
 И отправил он герольдов
 Призывать вассалов к бою.

И как раз во время пира
В замке нашего Бертольда
Заиграли громко трубы
Королевского герольда.

И — прощай жена-красотка,
Все забавы, все утехы.
Променять все это надо
На походные доспехи.

Должен был Бертольд уехать
От прекрасной Изидоры.
Рано утром в воскресенье
Дал коню наш рыцарь шпоры.

Вышло воинство походом
Вдаль, в иные страны света.
Басурманские владенья
Там, вдали, лежали где-то.

Через дебри и пустыни
Шли, пути не выбирая,
Не один с тоскою думал
О полях родного края.

Но когда бойцы уж слишком
По земле своей скучали,
Все затыгивали песню,
И она гнала печали:

«Не печалься, если доля
В чуждый край тебя забросит:
Кто тоскует по отчизне,
Тот отчизну в сердце носит.

Не печалься — не напрасны
Эти слезы, эта мука:
Край родной любить сильнее
Приучает нас разлука».

И среди пустынь и дебрей
Не один печальный воин

Этой песнею целебной
Был согрет и успокоен.

Так и шли. Перед войсками
Трое старших выступали:
Карлос, Гвидо и Бертольдо;
За отвагу их избрали.

Едут, едут, вдруг — распутье.
Три отважных полководца
Разделились, и пред каждым
Уж своя дорога вьется.

Гвидо выбрал путь налево,
Карлю выбрал путь направо,
А Бертольд поехал прямо.
«Да сопутствует нам слава!»

И сперва Бертольда, точно,
Слава в путь сопровождала:
Взял он штурмом и осадой
Городов чужих немало.

Вот уж он стоит надменно
Пред столицею чужою...
Но внезапно обернулась
Слава к рыцарю спиною.

То ли бой войскам усталым
Не под силу оказался,
То ли тамошний властитель
Крепко так за власть держался,

Только город басурманский,
Неуступчивый и гордый,
Раз отбился, и вторично,
В третий раз, потом в четвертый.

Тут пришлось Бертольду туго:
Край чужой, народ лукавый,
Войско гибнет... Что-то будет?
Боже правый! Боже правый!

Месяц, два уже ведется
Эта трудная осада,
Славных воинов объяли
Возмущенье и досада.

Обступили полководца,
Закричали громко, грозно:
«Уводи-ка нас отсюда!
Уводи, пока не поздно!

Ты завел нас на погибель
В этот край чужой, пестрый!
Иль ты хочешь, чтобы все мы
Здесь нашли себе могилы?

Нам противен этот город!
Опротивела осада!
Опротивела нам слава!
И победы нам не надо!..»

Попытался было рыцарь
Усмирить толпу словами,
Но бойцы кричали громче
И тянулись за мечами.

Сталь сверкнула... Неизвестно,
Чем бы это завершилось,
Но воскликнул кто-то: «Стойте!» —
И толпа остановилась.

Перед войском появились
Те, что песни запевали,
И у всех мечи и лютни
В солнечных лучах сверкали.

И один воскликнул: «Братья,
Ни к чему вам торопиться.
Все равно от вас Бертольду
Никуда теперь не скрыться.

Мы бы кое-что хотели
Вам поведать в поученье,

По болтать не наше дело,—
Нам, певцам, пристало пенье».

Тут он пальцами тихонько
Звук из лютни извлекает,
Улыбается лукаво
И спокойно начинает:

«Жил да был отважный рыцарь,
Здесь его припомнить к стати,
Он всю жизнь провел в походах —
От порога до кровати.

Языком своим предлинным
Городов он взял до чорта.
Вы рассказ его слышали:
«Я один, а их когорта!»

Но однажды славный рыцарь
Вышел в битву без обмана.
И вернулся невредимый —
При посредстве талисмана.

Вам должно быть интересно
Разъяснение загадки?
Талисман тот — заклинание:
«Удирай во все лопатки!»

«Удирай во все лопатки!» —
Остальные повторили,
А бойцы стояли тихо,
Взоры в землю опустили.

Тут оружие заблестало,
И вскричало войско хором:
«В бой! Достойнее погибнуть,
Чем покрыть себя позором!»

В тот же день веден был приступ,
Столь отважный, столь упорный,
Что до наступленья ночи
Взят был город необорный.

Взят был город, взят властитель.
Приступ был, каких немного!
И с победою открылась
Всем на родину дорога.

Тут на радостях Бертольдо
Звать певцов распорядился,
И, когда они собрались,
С теплой речью обратился:

«Вы, певцы, — утеха наша,
Вы — земли родной отрада,
Вы спасли нам честь и славу,
Вам — достойная награда!»

Но певцы в ответ сказали:
«Нет, не нам, Бертольд, награда,
А того, кто дал нам песни,
Наградить по чести надо!»

«Где ж он, где? — вскричал Бертольдо, —
Что ж он прячется в народе?» —
«Он, — певцы сказали тихо, —
Не участвовал в походе.

Он остался, чтобы песней
Послужить отчизне дальней.
Там подаст он утешенье
Не одной семье печальной».

«Знаю этого поэта
И души его сиянье.
Награжу его по-царски
В благодарность за старанье.

Дал бы только бог добратся
До родительского дому, —
Гору золота насыплю
Стихотворцу дорожному!»

IV

В ад намеренья благие
Замостили путь-дорогу,
И Бертольд для той дороги
Потрудился тоже много.

Уж давно Бертольд вернулся
Из страны чужой, далекой,
Снова зажил он беспечно
С Изидорой синеокой.

Снова в замке праздник вечный,
Кубков звон и голос рога.
О, теперь богатств и чести
У Бертольда стало много!

Кроме воинской добычи,
Привезенной из похода,
Дал король ему в награду
Земли, множество народа,

Словом, всяческие блага!
Уж Бертольдо — граф богатый,
Он живет по-королевски,
Не скупится на затраты.

Край, где жил наш полководец,
Все окрестные селенья
Ныне отданы Бертольду
В безраздельное владенье.

И вначале славный рыцарь
Был и впрямь достоин счастья:
Не теснил своих вассалов
И судил их без пристрастия.

Но не долго это длилось,—
Плод господства прян и сладок,—
И, войдя во вкус, Бертольдо
Ввел в краю иной порядок.

Ведь на яства и напитки,
На роскошество наряда,
На забавы, на турниры
Очень много денег надо.

А в походах граф издавна
Приобрел привычку грабить.
Этим способом и вздумал
Он теперь дела поправить.

Без числа пошли налоги,
Десятины и поборы,
По дорогам граф расставил
Сплошь заставы и дозоры.

Что с тех пор в краю творилось,
Трудно высказать в поэме,
Как в аду крестьяне гибли,
Жил Бертольдо, как в эдеме.

Граф кутил в своем поместье,
А крестьянам мир — темница.
И казалось, это горе
Никогда не прекратится.

Слон людской печальным валом
По всему катился свету,
Грустным эхом отдаваясь
В сердце нашего поэта...

Принесли однажды графу
Часовые донесенье:
Явно в городе столичном
Наблюдается волнение.

Бродят песенники вольно
И смущают ум народу,
Потому что воспевают
Братство, равенство, свободу.

Уж и в тюрьмы их сажали,
Да ничто не помогает,—

Песни этих проходимцев
Весь народ перенимает.

«Чушь, воскликнул рыдарь,— басни,
Бунтарей возьму я в руки!»
Вдруг он слышит — где-то близко
Раздаются песни звуки:

«Мужики в сырых землянках,
Графский замок — сусле трости.
Говорят, в господском теле
Побелее наших кости!

Трудовой руке мужички
С ручкой дамы не сравниться,
Говорят, в господских жилах
Голубая кровь струится.

Нам узнать охота: точно ль
У господ все кости белы?
Голубая ль кровь польется,
Если в грудь вонзить им стрелы?»

«Это что?— кричит Бертольдо,—
Гей, ловите да вяжите
В кандалы певца, в темницу,
Да спешите же, спешите!»

Но за стенами раздался
Голос бодрости и воли:
«Что ж, скорей бегите, слуги,
Да ищите ветра в поле!

Не тревожься, граф, напрасно,
Не сгноишь нас всех в окопах,
Пятерых поймашь, встанут
Им на смену десять новых.

Нас в стране отряд немалый,
Есть отважный предводитель,
Твой знакомый, неподкупный
И бестрепетный воитель».

И певец бесследно скрылся
За дворцовыми валами.
А Бертольд сидел да думал,
И поднялся со словами:

«Есть отважный предводитель, —
Вот оно — зерно отравы,
Ну, теперь-то я прикончу
Эти глупые забавы!»

Тут гондов своих вернейших
Он поспешно призывает
И с почетным порученьем
Их к порту посылает.

«Передайте стихотворцу:
Вспоминаю я доньше,
Как он песнями своими
Веселил нас на чужбине,

И хочу теперь в награду
За усердие такое
В родовом своем поместье
Отвести ему покой.

Я талант его высокий
Так ценю и уважаю,
Что придворного поэта
Ныне видеть в нем желаю.

Передайте: здесь найдет он
Вдоволь почестей и славы.
Только он, конечно, должен
Бросить глупые забавы».

Слуги тотчас поскакали
К бедной хижине поэта
И передали с почтеньем
Слово графского привета.

Он, услышав приглашенье
Ехать в графское поместье,

Улыбнулся, встал и вот что
Отвечал на эти вести:

«Передайте господину,
Что наград я не желаю:
Я даров своих обратно
Никогда не отбираю.

Пусть-ка вспомнит гордый рыцарь,
Что карьерою своею
Он обязан мне, хоть сильно
Я теперь о том жалею.

Передайте, что и славы
Мне из рук его не надо,—
Мне одну дурную славу
Принесет его награда.

И златых не надо лавров,—
С ними счастья не добудешь:
Стоит ими увенчаться —
И портом уж не будешь.

Не зови того портом,
Чья мечта не реет в свете,
А запуталась навеки
В золоченой тонкой сети.

Не поэт, кто веселится,
Позабыв народа муки,
И в оковы золотые
Без стыда вдевает руки.

Передайте господину:
Не согну пред ним я спину
И, клянусь, до самой смерти
Поля битвы не покину».

С тем гонцы и воротились
В замок графа и сказали:
Так и так поэт ответил,
Мы напрасно убеждали...

Не стерпел Бертольдо гордый
Оскорбления такого,
И к порту тех же самых
Двух клеветов шлет он снова:

«Передайте вы нахалу,
Что настало время мщенья,
Что терпел его я долго,
Но теперь конец терпенью.

Если он своих писаний
Недостойных не забросит,
То его в темницу бросят,
И пощады пусть не просит».

Слуги тотчас поскакали
Через горы и долины.
Подъезжают, им навстречу
Льются звуки мандолины.

Заглянули слуги в окна,
Видят: в комнате порта
Происходит будто нечто
Вроде тайного совета.

Третий день порт мятется
В муках смертного недуга,
И друзья пришли проводить
Умиравшего друга.

А порт играет, пишет,
Позабыв про все недуги,
Раздает друзьям листочки...
Тут вступили в домик слуги.

Гости мигом вон из дому,
А порт не удивился,
Посмотрел на слуг спокойно
И сурово поклонился.

Слыша графские угрозы,
Улыбался, прост и светел,

А когда умолкли слуги,
Вот что им поэт ответил:

«Передайте господину,
Что готов я в путь-дорогу,
Но еще двух слуг, скажите,
Пусть пришлет вам на подмогу.

Я не в силах встать с постели,
И, хотите, не хотите ль,
Вам нести меня придется
В новую мою обитель.

Но и там всегда свободны
Будут песни-чаровницы,
Для которых нет на свете
Ни заставы, ни границы.

Моему живому слову
Не страшны замки темницы,
Полетит оно по свету
С быстротой свободной птицы.

Там, в тюрьме, оно сольется
С горькой болью и тоскою,
И его окрепнет сила
И страшнее станет втрое!

И упрек из уст народа
Стихотворца не затронет
В грустный час, когда оковы
На руках его зазвонят!»

Так за вольные напевы
Отвели в тюрьму поэта,
Там и умер он, до смерти,
Не увидев больше света.

Но наследники остались
И, приняв его наследье,
Очень скоро овладели
Сталью слов и песен медью.

Поднялось в краю восстание,
И Бертольда закололи,—
Мужики хотели этим
Положить конец неволе.

Но у графа был наследник,
И, приняв его наследство,
Овладел он очень скоро
Всей наукой людоедства.

Меж наследниками схватка
Завязалась боевая.
Этот бой и ныне длится,
Ни на миг не остывая.

И теперь потомки графа
Тюрьмы вновь сооружают,
А наследники поэта
Сталью стих вооружают.

Против этих дел постыдных
Выступает правды слово.
О, страшна, хоть не кровава,
Битва доброго и злого.

День конца той битвы будет
Для полей земли суровой
Окончаньем старой сказки
И началом правды новой.

ОДНО СЛОВО •

Их было трое здесь чужих людей;
теперь их нет. Один тогда же умер,
когда приехал. Был он очень слаб,
как девушка, и все дышал он жаром
и ничего не ел, лишь снег и лед,
и умер потому. Другой уехал
нивесть куда, на родину, быть может,
а может, дальше, мы не разобрали,
что он сказал. А третий здесь остался
и долго жил в избе,—совсем один,—
иначе не хотел. К нему, бывало,
и я, и сын, соседи заходили.
Придем к нему—он говорит: «Садитесь!»
(Бывало, так по-нашему и скажет—
и это слово и слова другие.)
И мы садились. Он давал нам чаю,
к огню пускал и так чего-нибудь
давал, когда попросим, а случится,
что ничего и нет,—мы так сидели:
он смотрит в книжку, мы все—на него,
и долго так, пока не станет скучно.
А спать в избе не позволял с собою:
«Идите,—скажет,—буду спать один,
один останусь,—и покажет палец—
один, вот так один в избе он будет.
А кто уйти не хочет, он за плечи
возьмет его и выведет за дверь.
Не бия, а выводил нас; он ни разу

не бил нас. А рассердится, тогда кричал, ногами топал, что-то много все говорил по-своему, но мы его не понимали. Иногда сердился почему-то наш «чужой», его не разберешь... Ну все ж был добрый, не то, что наш тойон!* Мы говорили: он, может, глупый, потому и добрый? Но разве глупый в книжках понимает? Он знал, откуда и куда идет река и кто чем болен, кто умрет, кто выздоровеет. Он знал о многом, глупец того не знает. Мы, бывало, все спрашивали: умный ли он, все ли у них такие? Он смеялся только, не отвечал иль не умел ответить, а может, не хотел. Потом он знал, как говорить по-нашему, и наши песни научился. Смотрит в книжку, что сделал сам, и песни напевает, как мы когда-то пели, слово в слово. А невода тянуть, кашканы ставить не научился он, как ни хотел. Мороза он боялся. Редко-редко на холод выходил. Тогда лишь только, когда был всполох виден, выходил он; он любовался им и на морозе — в их стороне такого не бывает. В их стороне зимою светит солнце, и что-то там растет, чего здесь нет, и что-то есть еще, чего не знаем. Он обо всем хотел нам рассказать, но здесь никак все это не зовется, сказал «чужой» — нет слов у нас таких! Он говорил по-своему слова. Как звать и то и се, я знал тогда, теперь забыл, давно то было, стар я. Тогда еще был молод. И «чужой» был молодым, а борода большая... Еще пока здоров был, борода была поменьше, а как захворал — то выросла она по самый пояс,

как будто в сказке... Наши не такие!
Он ел и пил и спал — все как здоровый.
Хоть не болел ничем, а исхудал!
Сначала все лежал, смотрел на стену,
ни с кем не говорил и выгонял,
когда к нему кто заходил. Потом
он сам зашел однажды к нам. И много
нам говорил и песни пел свои —
все о таком, чего у нас не встретишь.
Мы слушали, а после все уснули.
Проснулись мы — он плачет. Мы спросили:
«Обидел кто тебя?» — «Нет», — он ответил.
Так и пошел и больше не вернулся.
А мы к «чужому» часто приходили,
когда лежал он. Он уж не был злым
и никого не выгонял и часто
все как-то плакал и смеялся вместе,
и все одно какое-то там слово
хотел сказать нам так, чтобы понятным
оно нам стало, думал — будет легче,
когда расскажет. Мы не разобрали,
о чем он говорил, того здесь нет.
Он говорил, что если б то, одно,
ему кто дал, то он бы стал здоров.
Мы спрашивали, что это — растенье
или еда, одежда, зверь или птица?
Сказал, что нет! Отец мой раз спросил:
«А если б мать, отец с тобою были,
брат или сестра, или жена, — тогда б
наверно ты здоров был, — это их
здесь нет — не их ли так зовут у вас,
как не зовется здесь никто?» Подумав,
в ответ он головою покачал
и говорит: «Нет, больше б тосковал я,
когда б они в пустыне этой были,
когда б они вот так же пропадали,
как я здесь пропадаю». И отец
спросил его: «А в вашей стороне
того есть много?» Он опять подумал,
и стали у него глаза такие,
как у оленя, что на стуже плачет.
«Нет, — говорят, — у нас его немного

Мы больше мучимся, чтобы добиться, чем радуемся этому; но все же порой нам кажется, что мы имеем хоть капельку или вот-вот достанем. Но мы хоть все-таки живем... Ну, я не знаю, как там по-вашему... Не так, как тут, живут! На это я сказал: «Да ведь у вас и пищи больше, и всего». — «Не то, — сказал тогда «чужой», — я о другом! Вот если кто из юрты выйти хочет, а тут его не пустят, да привяжут, — то как по-вашему, где он сидит?» — «Конечно, в юрте», — все мы закричали. «А если бы не в юрте, а в другом каком-то месте, где он сам не хочет, — то как назвать?» Тут мы не угадали: один сказал «в лесу», другие «в поле», все без толку, не то. А я молчал: зачем и говорить, когда не знаешь? «Чужой» опять заговорил: «Ну, ладно, а как это зовется, если птицу имеет кто, что долго не летала, и выпустит лететь, — то как он скажет, куда он выпустил?» Вновь говорили: кто «в поле», кто «в тайгу», а кто «на снег». Он рассердился, и меня спросил он: «Ну вот, когда тебя тойон * посадит в холодную...» — «За что меня посадит? Все заплатил я!» — говорю «чужому», и рассердился сам. Тот засмеялся: «Ну, не тебя — еще кого-нибудь, то что ему всего там тяжелее: что не дают ему ни пить, ни есть, иль то, что родственников нет в холодной, иль что домой его не отпускают и делать не дают, что он захочет?» — «Да как кому, кто что и больше любит», — сказал отец. «Чужой» повеселел (не знаю, почему). И вновь спросил он: «Вот если любит кто, чтобы пускали ходить повсюду, делать все, что хочешь, — то как сказать, что любит он? Но только

одним сказать лишь словом? Ну, кто скажет?»
Сказали тут: кто — «делать», кто — «ходить»,
а кто — «не знаю». Сморщился «чужой»:
«Нет, — говорит, — не то, не знаю слова.
Ну, я вам так, без слова расскажу,
вы только лучше слушайте!» — «Ну, ладно», —
сказали мы, хоть нам уж надоело,
но было жаль «чужого»: он больной.
Стал говорить он: «Лучше для меня бы,
когда ходить повсюду было б можно
и делать все. Вот этого и нет».
Мы засмеялись: выдумал «чужой»!
Ходил он всюду, где и мы ходили,
сам разве не хотел, когда мороз;
а то ходил за рыбой, на охоту,
и раз далеко ездил он к чужим,
к тойону ездил, да и к нам ходил он,
езде бывал, все делал, что хотел;
смотрел он в книжку, сам он делал книжки,
и шил, и чай варил, ел, что хотел,
что лишь имел, не отнимал никто!
«Кто ж не дает тебе ходить, работать? —
я говорю. — Не мы?» — «Да нет, не вы!» —
«Или тойон? Так он когда придет!
А ты тем временем везде ходи
и делай все, что хочешь! Мы не скажем
тойону». — «Тех тойонов очень много,
не только ваш один», — сказал «чужой». —
«Так те живут далеко, не приедут
они совсем сюда, ты их не бойся,
ведь не узнают!» — говорим «чужому».
А он махнул рукой: «Что говорить вам!
Не знаете! Куда я здесь пойду?
И что смогу я сделать в ваших дебрях?
А прочь от вас я не могу поехать,
нет у меня здесь... эх, не знаю слова!».
И как умолк «чужой», то так до ночи
и просидел и нам не отозвался.
Не знаю до сих пор, что с ним случилось,
что злой такой он в этот вечер был.
Зачем ему какое-то там слово?
Ну нет и нет! Ведь много было слов

в той книжке у него, и говорил бы себе, как хочется, а мы не знаем, у нас и книжек нет и мало слов. Да, о «чужом» всего не досказал я. Так знаете, он умер! Все ходил я к нему. И вот однажды я пришел, спросил я, отчего он умирает: от стужи или от какой болезни (так о других порой он говорил, когда кто умирал). «Ведь ты же умный, знал о других, так знай и о себе!» А он мне отвечал: «Я умираю из-за того, чему здесь нет названия, хоть есть его без меры в вашем крае. А то, что оживить меня могло бы, не называется никак, нет слова, но нет и самого его у вас. Когда б хоть слово было, может, я и жил бы с вами...» И «чужой» заплакал, сказав о том, и я заплакал с ним. Ведь было жаль «чужого», добрый был! А слово то сказал мне раз «чужой», по-своему, но я его забыл. Оно чужое, что им называть нам! Не нужно нам оно! «Чужим» вот нужно. Сказал «чужой», что так вот умирает не он один, еще умрет немало... Уж мы им говорили б это слово, когда кто из «чужих» так заболит, но что же, если нет его у нас! Зачем оно, что значит это слово? То, может быть, заклятье или чары, что от него так люди умирают...

ВИЛА ПОСЕСТРА *

Боже, то не дивное ли диво?
Не нашел юнак * с кем побрататься,
меж юнцов не встретил побратима,
не нашел меж девушек посестры.
Вилу белую в горах он встретил,
вилу белую с волшебным взглядом,
обменялся с нею перначами*,
белое лицо поцеловал ей,
сжал ей руку и назвал: «Посестра!»
«Побратим!» — она ему сказала,
и они помчались вместе в горы.
Едут рядом по горе зеленой,
и промолвил побратим посестре:
«Вила, вила, милая посестра,
видишь ли, что там внизу чернеет?
Воронье ли черное слетелось,
или гору турки обступили?» —
«То не воронье внизу чернеет,
это турки гору осаждают,
осаждают, тучей окружают,
скоро к нам со всех сторон подступят». —
«Вила, вила, милая посестра,
убегай, пока жива, отсюда!
У тебя крылатый конь волшебный, —
как взовьется — не догнать и туркам
на своих арабских иноходцах». —
«Милый, побратим, побойся бога!
Что за слово ты сейчас промолвил?

Разве я затем с тобой браталась,
чтобы стать изменницей позорно?
Хочешь — убежим с тобою вместе,—
сильный конь мой вынесет обоих».

Гордо молвил побратим на это:
«Рыцарю бежать не подобает!»

Ничего тут вила не сказала,
буйные коню связала крылья,
чтоб не думал сам он вверх подняться,
а потом поводья вяжет вместе,
чтобы кони врозь не разбежались:
«Это судьбы наши я связала».

Побратим упрашивает снова:
«Вила, вила, милая посестра,
хоть и разум у тебя волшебный,
но ведь сердце у тебя девичье,—
если нас враги кругом обступят,
как бы ты, сестра, не испугалась?»

Не сказала вила тут ни слова,
только взгляд загадочный метнула,
словно тот пернач блестящий, острый.
Что-то витязь вновь хотел промолвить,
но кругом их турки обступили,
воронами хищными закаркав,
юнака с посестрою схватили,
на спине хотят связать им руки,
увести в туредкую неволю.
Но глядят они орлиным взором
и врагу в неволю не даются,
хоть и знают, что уж нет спасенья,—
не хотят оружия позорить.

Покарай ты, боже, янычара!*
Он рассек коню на крыльях путы.
Конь, почувя крылья на свободе,
как шарахнется, как вверх взвывается,
разорвал шелковые поводья
и взлетел он с вилой к самым тучам.

Проклял тут юнак свою посестру:
«Пусть тебя господь накажет, вила,
братское нарушила ты слово!
Пусть вовеки не узнает счастья
тот, кто побратается с тобою!»

Золотой пернач юнак отбросил,
надвое сломал кривую саблю:
«Сгинь оружие, если гибнет верность!»

Видит вила гибель побратима,
падает с высот стрелой из лука,
да не на гору она упала,
на зеленую сосну в долину,
зацепилась белым покрывалом,
словно тучка, что сплыла с вершины.
Вила саблю острую хватает,
белое срезает покрывало,
будто серна вверх она взбегают,
к своему юнаку-побратиму.

Добегают до поляны горной...
Горе, горе! — ни следа, ни духу,
только вся трава черна от крови.
Смотрит вила: скалы да обрывы,
но какой дорогой скрылись турки
и куда девали побратима?

Жив ли ой, или ушел он к богу?

Зарыдала, закричала вила:
«Ой ты, конь, крылатое виденье!
Где ты там под тучами гуляешь?
Загубил ты душу побратима,
помоги же отыскать мне тело!»

Кличет вила и зовет, и свищет,—
говорят в долинах люди: «Буря!»
Кличет вила, а сама блуждает
по горам, заглядывает в бездны,
побратима своего все ищет.
Помутился с горя вещий разум,
и померк в печали взгляд волшебный,—
не узнать в ней прежней вины белой.
Так не день, не два она блуждала,
выкликала все коня из тучи.

Наконец тот посвисг конь услышал,
прилетел из далей неизвестных
и упал на землю, словно пуля.

Закипело сердце вины белой:
«Ой ты, конь, изменник ты проклятый!
Если бы тебя убить могла я,
все бы мне на сердце легче стало!..»

Вещий конь тогда ответил виле:
«Госпожа, не проклинай напрасно.
Если б я тебя не вынес в небо,
оба вы тогда бы в плен попались.
Не на то ты вилой уродилась,
чтоб тебя вязали злые люди!»

Молча вила тут коня седлает,
а в груди змея как будто вьется...
Вещий конь ей говорит словами,
госпожу свою он утешает:
«Госпожа моя, ты не печалься,
не печалься, в горе не вдавайся,
мы найдем с тобою побратима.
Если он живой,— его спасешь ты,
если мертвый,— честно похоронишь,
ч не будет между вас измены».

Молча вила на коня садится
и пускает по ветру поводья.
Конь под ней рванулся птицей вещей,
где гора — орлом перелетает,
мечет в бездну взгляд свой соколиный,
по долинам ласточкою вьется,
по-над городом летит совою,
темень огненным пронзает взором.
Так три дня летели и три ночи
и в Стамбуле-граде опустились.
Вила здесь турчашкою оделась,
по-просту оделась, как крестьянка;
улицами ходит, площадями,
где идет невольников продажа,—
здесь немало юношей увидишь,
да не встретишь побратима вины...

У султана белые палаты,
а под ними черные темницы,
там в неволе пленники томятся,
света солнца их глаза не видят.
Только ночь укроет все дороги,
подойдет к стенам темницы вила,
обволакивает все туманом,
насылает крепкий сон на стражу,
припадает ухом всюду к стенам,
чтобы хоть единый звук услышать.

Вещий слух у вилы-чародейки,
Но молчит темница, как могила.
Лишь на третью ночь посестра слышит —
кто-то тяжело застонал в темнице:
«Покарай, господь, посестру вилу!»
Как услышала те стопы вила:
«Горе мне! то голос побратима!»

Полюсней кинжал снимает вила,
в стену бьет и твердый камень рушит,
пробивает узенькую щелку,
подает свой голос побратиму:
«Не кляни меня, любимой брат мой,
вспомни бога со святым Иваном!
Я тебе не изменила, милый,
предал нас обоих конь крылатый.
Враг ему рассек на крыльях пути —
конь взлетел со мною к самой туче.
Видит бог — того я не хотела!
Вот стою я здесь, у стен темницы,
я пришла к тебе сюда на помощь».

Отозвался юный витязь виле:
«Что ж, спасибо, милая посестра,
что пришла сюда ко мне на помощь.
Только жалко — поздно спохватилась,
долго ж ты для турок наряжалась!»

Облилось тут кровью сердце вилы:
«Побратим, не гневайся напрасно!
Если б ты меня сейчас увидел,
не сказал бы — вила наряжалась...»

Кротко виле побратим промолвил:
«Что ж, давай помиримся, посестра.
Что прошло, того уж не воротить,
а меня спасти ты не пытайся.
Гот спасибо — щелку прорубила,
хоть увижу светлый луч в темнице,
бог мою пока не принял душу.
Если б он ее скорее принял!
Верно, обо мне и смерть забыла».

И опять ему сказала вила:
«Побратим, к чему слова такие,
о живом живой и думать должен.
Стража спит, на улидах безлюдно.

Я окошко прорублю пошире,
я спущу тебе покров свой белый,
до меня по нем ты доберешься.
Только свистну — мигом конь примчится.
Будем мы в горах через минуту».

Побратим сй снова отозвался,
говорит он, как пожарами режет:
«Что прошло, того уж не воротишь,
больше нет в горах мне прежней воли.
Тело мне ремнями переело,
и железо кости перегрызло,
а темница очи помутила,
горький стыд повысушил мне сердце,
что сломал я славное оружие
и живой попался в руки туркам.
Не мила и жизнь теперь мне стала,
ни в темнице, ни на вольной воле!»

Отвечает вила побратиму,
Заклинает побратима богом:
«Я сама спущусь к тебе в темницу,
все-таки спасу тебя оттуда.
Лишь бы только нам добраться в горы,
я тебя там вылечу, мой милый,
я недаром вила-чародейка,
исцелю тебе любые раны».

Ничего не отвечает виле
побратим и только словом стонет:
«Жаль трудов твоих, посестра вила!
Не от славных ран я погибаю.
Подойди — и все сама увидишь,
и лечить меня ты не захочешь.
Если ты мне верная посестра,
сделай мне последнюю услугу:
жизнь мою возьми чем только хочешь,
было бы оружие почетным,
схорони ты страждущее тело,
чтоб над ним злой враг не издевался.
Если просьбе ты моей откажешь,—
у тебя не дружеское сердце».

Зарыдала, загрустила вила
и кукушкою закуковала:
«Что сказал ты, побратим любимый?

Подыму ли на тебя я руку?»

Тут невольник обратился к богу:
«Ты за что меня, господь, караешь?
Не дал ты мне, боже, побратима,
а послал в посестры эту вилу.
Вот теперь и помощи не вижу,
слышу только жалобы девичьи.
У меня без них не мало горя».

Уж ни слова не сказала вила,
лишь махнула белым покрывалом.
Молния широкая блеснула,
ослепила стражей всех турецких,
все тюремные спалила двери,
осветила путь посестры к брату.
Только раз на брата посмотрела
вила белая — и сжалось сердце.
Перед ней лежал не юный витязь,
а старик седой, как будто голубь,
весь истертый грубыми ремнями,
а из ран просвечивают кости.
Он не встал навстречу виле белой,
только тихо звякнул кандалами.
Вновь махнула вила покрывалом,
осветила ясно всю темницу.
«Вот я здесь, взгляни на вилу, брат мой!»
Отозвался пленник еле слышно:
«Я не вижу — очи помутились!»

Сжала крепко грудь свою посестра,
чтоб от муки сердце не порвалось,
не могла она промолвить слова,
только еле слышно просвистела,
чтоб к себе коня позвать скорее.
Мигом конь услышал тихий посвист,
он уже в воротах бьет по камню.
На руки взяла посестра брата
и перед собой в седло сажает.
Только не сидит он в нем, как рыцарь,
а дрожит и гнется, как ребенок,
плача и стелая, вилу просит:
«Не неси меня, сестра, высоко!
Сердце ноет, тяжело мне и жутко!
Ох, оставь меня в темнице лучше!..»

Тихо, тихо вила отвечает,
как из-под земли выходит голос:
«Побратим, прижмись ко мне покрепче,
поддержу тебя я, ты не бойся».

Обняла посестра побратима,
крепко левою рукой прижала,
правой занесла кинжал блестящий
и вонзила так глубоко в сердце,
что сразить он мог две жизни сразу,
если б вила смертной уродилась.
Но осталась жить посестра вила,
только сердце обагрилось кровью.
Конь услышал запах крови жаркой,
взвился вверх он искрою кровавой,
в горы дикие стрелой помчался
и в долине там остановился,
стал копать своим копытом землю,
быстро яму черную он вырыл.
Вила белая с коня тут сходит,
поднимает вила побратима,
пеленает белым покрывалом
и кладет на вечный сон в могилу.
Рядом с ним кинжал она хоронит,
чтоб за гробом не был безоружным.
Землю черную полою носит,
высоко могилу насыпает;
и гора уж к небу стала ближе.

Схоронила вила побратима,
на коня вскочила, закричала:
«Ой, неси меня, неси в просторы!
Горе давит! Сердцу в ребрах тесно!»

Конь взлетел высоко, выше тучи,—
госпожу выносит на просторы.
Погребальный гимн заводит вила,—
люди говорят: «То гром весенний».
Слезы ронит вила в лютom горе,—
люди говорят: «Весенний дождик».
Над горами радуги сияют,
по долинам оживают реки,
в горных долах травы буйно всходят,
и печаль заоблачная тихо
к нам на землю радостью спадает.

ИЗОЛЬДА БЕЛОРУКАЯ¹

1

Тристан, в лесу блуждая,
ловил зеленый шум,
хотел ему поведать
тоску любовных дум.

Качает ли березу
приветный ветерок,—
он тотчас вспоминает
Изольды голосок.

Проглянут ли сквозь ветки,
синел, небеса,—
он вспоминает грустно
изольдины глаза.

В отчаяньи из чащи
выходит он,—и вот
над рожью золотою
звнящий зной плывет.

---

¹ Основой для этой поэмы послужил средневековый роман «Тристан и Изольда», который был широко распространен во многих вариантах, на разных языках, во всех европейских,—в том числе и славянских,—странах. Содержание романа — роковая и несчастная любовь рыцаря-гассала Тристана к королеве Изольде Златокудрой. Любовь возникает внезапно — от волшебного напитка. В некоторых вариантах упоминается также и вторая Изольда — Изольда Белорукая, которую Тристан любил во время разлуки с первой. (Прим. Л. Украинки.)

И он о Златокудрой
Изольде вспомнил вновь,
упал в траву и плачет.
О, горькая любовь!

Пришла с серпом девица,
свою межу нашла,
услышала рыданье
и ближе подошла.

Судьбиной необорной
была ее краса,
и черною печалью
была ее коса.

Был сумрачен и грустен
ее горящий взгляд.
Забудет рай небесный,
кто взглянет в этот ад.

А голос — будто скрипка,
полуночной порой
скликающая к танцу
из гроба мертвых рой.

И вывела Тристана
она из темных грез
движеньем рук лилейных,
умильным током слез.

Спросил он: «Как зовешься,
скажи, коль тайны нет?» —
«Изольдой Белорукой», —
он услышал ответ.

«Единственное имя
в юдоли и в раю!
Изольда, ах, Изольда!
Прими любовь мою!»

«Так нежно меня ты ласкал,
 возлюбленный милый,
 так в очи печально смотрел,
 Что сердце томило.

Ты губы мои деловал
 и белые руки,
 и слезы на косы текли
 от счастья и муки.

Шептал ты недавно еще
 так пылко и страстно,
 зачем же, зачем же ты глух
 на зов мой напрасный?»

«Изольда, Изольда моя!
 В очах твоих черных
 хотел бы я видеть лазурь
 обителей горных.

Изольда, Изольда моя!
 Когда бы волною
 твоя золотилась коса,
 как поле ржаное!

Твой голос, Изольда моя,
 порывист, мятежен.
 Когда б он, как шелест берез,
 был ласков и нежен!»

«Не стоит о том горевать
 и плакать Тристану!
 У матери крестной я все,
 что хочешь, достану.

Моргана * ведь крестная мне,
 поможет мне фея...» —
 «Беги же, Изольда, беги
 К Моргане скорее!»

«Ах крестная, фея Моргана,
храсу переделай мою!
Хочу быть бела и прозрачна,
как ангелы в божьем раю».

«Нет, крестница, дочка Изольда!
Я прелесть твою создала
еще в колыбели, младенцу
подарок живой принесла.

Красы твоей гордой, Изольда,
никто на земле не корит...» —
«Грустна и темна моя прелесть, —
возлюбленный так говорит.

Дай золота мне и лазури,
хочу быть светла и ясна,
чтоб милый смотрел, улыбаясь,
как весело блещет весна!»

«Ну, что ж, моя дочка Изольда!
У солнца ведь золото есть,
Морскую попросим русалку
осколок лазури принести».

«Позволь еще, крестная фея,
чтоб нежен был мой голосок,
чтоб милый, заслушавшись песен,
от них оторваться не мог».

«Нежнее, чем листья березы,
волшебная прялка шумит,
и каждый в том звуке услышит,
что сердце людское томит.

Что хочешь, любимая дочка,
тебе измененным даю,
одно изменить я не в силах, —
не трону я душу твою».

Опять в ночном лесу Тристан
сам-друг с былою мукой
И ждет как будто и не ждет
Изольды Белорукой.

Вспорхнула пташка ли в кустах,
иль ветерок пронесся,—
внезапно встретился Тристан
с Изольдой Златокосой.

Все те же очи и коса,
и тот же голос милый...
Душа Тристана в небеса,
ликуя, воспарила!

«Привет, единая моя!
Привет, моя царица!
Из-за моря ли приплыла
сегодня, чаровница?

Как отпустил тебя одну
твой муж, король проклятый?
Иль для Тристана своего
убить его смогла ты?

Но где же кубок золотой,
где зелье колдовское?
Охотно выпью все до дна,
не надо мне покоя!

Напиток нам зальет печаль,
рожденную разлукой».—
«Тристан! Ужель не помнишь ты
Изольды Белорукой?»

«Она забыта навсегда,
как тень минувшей ночи».—
«А что, Тристан, когда забыть
она тебя не хочет?»

«Пускай идет в Ерусалим
босой, простоволосой!
Теперь я встретился с тобой,
с Изольдой Златокосой!»

«Тяжки грехи твои, Тристан,
их тьма неумолима!
Ты им прощенья не найдешь
в стенах Ерусалима».

«С тобой, любимая, готов
итти на смерть и муки!»—
«Тристан, довольно праздных слов,
смотри на эти руки!

Ты помнишь ли, кого послал
сегодня в грот Морганы?
Куда теперь меня пошлешь
с моей сердечной раной?

Пускай исчезла тьма очей,
зато душа темнее,
чем черный камень гробовой,—
мне не расстаться с нею.

Пускай же вповь моя коса
цвет траурный наденет!
Пускай же мне печальный цвет
до гроба не изменит».

5

Тристан, как ребенок, ослаб,
на сердце кручина.
Ему не помогут теперь
все чары Мерлина*.

А фея Урганда* ему
промолвила мудро:
«Изольде тебя излечить
одной — Златокудрой.

От смерти она отвратит,
спасет от недуга».
Он слышит и за море шлет
любимого друга.

И другу дает он наказ:
«Воротишься с милой,—
тогда оснасти свой корабль
ты белым ветрилом.

А если вернешься один,—
будь с парусом черным.
Он саваном будет моим
В пути необорном...»

6

«Ступай же, Белорукая, на берег,
прошу тебя, молю тебя, иди!
Там есть утес, высокая стремнина,
взойди на кручу, в море погляди,

где ветер гонит северные волны.
Вернись скорей и расскажи о том,
в тумане нет ли белого ветрила
на горизонте, дальнем и седом».

И молча Белорукая Изольда
Взошла на кручу и глядит в туман...
Ах, что белеет,— парус ли далекий,
иль это гребня пенного обман.

Она вернулась, и спросил он жадно:
«Что там вдали, видны ли паруса?»—
«Маячит чей-то парус на просторе...»—
«Он бел?»— «Он череп, как моя коса».

И миг душа Тристана обрывает
нить ожидания, горя не тая,
и легкокрылой птицею несется
далеко, в неизвестные края...

. . . . .

«За мною, Златокудрая Изольда!
Тебя давно Тристан твой верный ждет.
Не бойся в этих скалах заблудиться,—
Изольда Белорукая ведет.

Мы две сестры. Нас имя породнило,
как две зари: я — вечер, ты — рассвет,—
мы запылали заревом единым.
Так суждено, и в этом чуда нет.

Однажды в жизни светлый час недолгий,
как и тебе, мне был судьбою дан...» —
«Сестра моя! Страшит меня твой голос!
Скажи всю правду! Умер мой Тристан?!»

«Пусть, Златокудрая, господь рассудит,
чьим был Тристан, твоим или моим.
Но все-таки склониться в час кончины
досталось мне, а не тебе над ним.

Не подняла ты черного ветрила,
не траурна — светла твоя краса,
но милый в гроб не ляжет без покрова —
Его покроет черная коса».

ТРИПТИХ*

І. ЧТО ДАСТ НАМ СИЛУ?

(Апокриф *)

Весенним жгучим солнцем раскаленный,
Шумит Ерусалим. Лучи слепят,
От белых стен и башен отражаясь,
Горят огни на свежей позолоте
Дворцовых украшений, и зарницы
На копьях римской стражи зажигают,
Венчают блеском бронзовые шлемы
Центурионов...* Зноем пышет день.

Ерусалим встречает скоро праздник.
В потоке моют женщины посуду,
Бряцают кружки медные, играют
На мокрой красной глине блики солнца,
Резвятся дети средь цветов весенних,
А девушки расчесывают косы
И в них монеты мастерски вплетают
И говорят о праздничных нарядах.
Не легок труд, по велика и радость!
Шьют, вышивают, и пекут, и жарят,
Торгуясь, продают и покупают.
Лишь тот беспечен, кто нуждой отмсчел,
Но и бедняк хотел бы в этот час.
Сменить свое безделье на работу.
Обидней в праздник нищета, чем в будни.

Ведь будничный наряд, как смертный грех,
Средь светлых праздничных одежд темнеег.
Не голод гложет в праздник нас, а стыд,—
Труднее молвить «голоден», чем «болен».
Близ храма бедным плотником была
Открыта мастерская: три стены,
Четвертую — бог даст. Сказать по правде,
И открывать-то нечего тут было.
Видна проходим вся его работа,
Как на ладони. Видно, как он тешет,
Перехвативши волосы ремнем,
Чтобы на лоб их пряди не спадали,
Покрытый потом крупным и обильным.
А плотник сам не видит проходящих:
Глаза его одну работу видят,
А в мыслях только горе да заботы.
Сегодня их не меньше, чем вчера.
И завтра будут, и конца им нет...
Пока не загрызут тебя совсем,
Не жди покоя! Что ни день, то больше
В Ерусалиме плотников толчется.
Из Сирии надвинулись, как туча,
Забрали всю работу возле храма,
В претории*, у царского двора.
Везде полно их, всюду ты их встретишь,
Искусных и дотошных, ловкачей.
Попробуй-ка, ерусалимский плотник,
Теперь себе работу отыскать!
«Вчера вот сделал три креста,— дурная
И богу не угодная работа...
Ведь и невинных часто распинают...
Что сделаешь?— греха не знает голод.
За три креста я получил пустяк —
Такая уж неважная работа.
Не виноват я — дорого платить
За дерево сухое не под сплуг.
Что ж, виселицы эти как-нибудь
До праздника продержатся три ночи,
А там распятых снимут, а кресты
Хоть и спалить — не велика потеря.
Ну и дела теперь, не то, что раньше!
Тогда резбой я украшал палаты

И храмы божьи... Было то давно...
А что теперь! Цепы да топорыща,
Плуги, кресты... А силы всё уходят,
Спина все гнется, руки ослабели,
И гибнет мастерство мое. Резьбы
Такой, как прежде, мне уже не сделать,
Прошла пора. Теперь я рад и так,
Без мастерства, за черный хлеб работать!
Да, хлеба... больше ничего...
Проклятый труд!» Он злобно рубанул
По рукоятке для цепа, обломки
Швырнул всердцах, потом другую взял,
Не поднимаясь. Пот слепил глаза.
Он вытер их и продолжал работать.
Топор его наткнулся на сучок...
«А, будь ты проклят!» — он топор отбросил
И сел на землю, голову понутив...
Спина так ноет, руки так горят...
Болят все тело... Да, теперь он знает,
Что ни к чему не годен, что теперь
Конец ему пришел. «Ну что ж, не встану,
Так просижу до ночи, здесь и лягу...
Не всё ль равно? И топора, как видно,
Не наточу, работы не окончу
Ни завтра, ни сегодня... никогда!
Пусть с голоду жена и дети пухнут!
Нет больше силы! Сгинула. Пропала.
Что даст мне силу, если нет ее?!..»
Он был похож на стебель после бури.
Свисали руки, словно петли, вниз,
Земли касаясь.

Так сидел он молча,
Не слыша приближения толпы,
Что как поток по улице катилась,
И смех, и крик, и шутки, и проклятья
Неся с собой: так паводок весенний
Выносит водоросли, ил да хворост
Со дна реки... Толпа текла, текла
И встала разом... Даже в мастерскую
Под натиском идущих сзади тысяч
Ворвались люди, плотника толкнули.
И он очнулся... «Эй, куда вы, люди.

Спешите так?» — бегущим закричал он.
«Ты что тут, спал или очумел совсем?
Преступников сегодня распинают.
Воп их ведут на казнь, а вслед за ними
И весь Ерусалим — и стар и млад —
Бежит, чтоб это зрелище увидеть...
И только ты торчишь здесь, словно камень». —
«Так их ведут? А где ж они? Зачем же
Вы тут стоите, если их ведут?» —
Спросил он их, как будто в забытьи.
«Видали дурака! — воскликнул кто-то. —
Да ты взгляни, воп там, напротив, — видишь?
Средь улицы упал один из них
Уж в третий раз. Его солдаты дважды
Бичами и пинками поднимали,
Да больше не встает он... Говорят,
Тяжелый очень крест ему достался,
Нетесаный, сырой да суковатый, —
Дешевый, видно. Денег пожалели...
И мастер тоже кое-как работал...»

Их болтовни уже не слышит плотник.
Вскочил он на станок свой и оттуда
Поверх голов на улицу глядит.
Там, посреди разбросанных камней
В пыли дорожной, под крестом упал
Сын человеческий.* Кора креста,
Обугленная пламенем, чернеет.
Одни концы белеют: след вчерашних
Ударов торопливых топора
По дереву сырому. Истомленный
Страдальца бледный лик еще блее,
И по нему стремятся капли крови,
Отчетливо алая, словно пот
С работника в часы работы трудной.
Взгляд, полный скорби, будто вопрошает:
«Зачем терплю я столько мук излишних?
Я вынес все, к чему приговорен...
Все кары снес... Но кто судил мне эту?» —
«Эй, подымайся. Долго ль спать ты будешь?» —
Кричат преторианцы.* Их бичи
Вокруг него обвились, точно змеи,

И сквозь одежду стали проступать
Следы кровавые. «Я не могу,— сказал он,—
Нет силы... крест тяжел...» В пыли дорожной
Вновь распростерся он. Преторианец
Взмахнул бичом, но не ударил,— сзади
Он за руку был схвачен кем-то: «Стой!»—
«Что нужно? Кто ты?» — заорал солдат.—
«Я плотник. Этот крест был сделан мною,
Так я и понесу его... Давайте...
За этот труд я не возьму с вас платы».
Он поднял крест... Никто не помешал.
И плотничья спина вдруг распрямилась,
И руки ослабевшие окрепли,
И взгляд погасший загорелся снова
Великим, сильным и глубоким чувством,
И твердою тяжелою походкой
Пошел с крестом работник на Голгофу,
Как будто он усталости не ведал
До этого мгновенья.

II. ЧУДО ОРФЕЯ

(Легенда)

Открытая равнина в горах, где строится новый город, похожий на развалины своими незаконченными домами без крыш и недостроенными храмами. Кое-где здания действительно разрушены до основания и представляют развалины; местами чернеют пожарища. Орфей*, Зеф и Амфион* — три легендарных героя — работают у городской степы — циклопической ограды, которая зияет громадными черными проломами, напоминающими раскрытые пасти, и во многих местах прерывается брешами. Зеф — могучий, здоровый, носит тяжелые глыбы камня и сбрасывает перед Орфеем, иногда разбивая их на части. Орфей — с нежным поэтическим обликом и хрупкой фигурой — обгесывает молотком и долотом эти глыбы, придавая им форму плит. Амфион — спокойный, вдумчивый, выглядит старше своих лет. Он укладывает плиты, соединяет их и выводит стену, заделывая проломы, заполняя брешы.

Амфион

(работая недалеко от Орфел)

Давно уж ты, Орфей, нам не играл.
Давно в кусты заброшена кифара*,
На смолкшей лире даже струны ссохлись;
Дар бога Папа — ржавеет цевница...
Ведь скоро будет сказкою нелепой,
Что ты — певец иль был когда-то им.

Орфей

Я сам теперь за выдумку считаю,
Что эти руки грубые когда-то
Перебирали ласковые струны,

Что пальды заскорузные мои
Свирель когда-то нежно обнимали.
Нет, я Орфеем не был никогда,
Но лишь присваивал себе без права
Чужое имя это.

Зеф

*(приближается с огромной глыбой, с грохотом кидает
ее на землю перед Орфеем и разбивает на несколько
кусков большим молотом. Ударяя по камню, говорит
отрывисто)*

Я слышал,

Хотя, конечно, люди часто лгут,—
Да ведь чего на свете не бывает,—
Что музыка твоя иль пенье могут
Зачаровать — не знаю, как и чем,
Но, говорят, что будто даже звери
От звуков тех становятся ручными.
Скажи мне, это правда?

Орфей

Я не знаю.

Зеф

Так, значит, лгут?

Орфей

И этого не знаю.

Зеф

Да что ж ты, память потерял?

Орфей

Нет, больше:

Всего себя.

Зеф

(тихо Аяфиону)

О чем он говорит?

Амфион

(внимательно поглядев на Орфея).

Он утомился. *(Орфею.)* Слушай, милый друг,
Ты отдохнул бы.

Зеф

Правда! Спел бы песню,
А мы б тебя послушали меж делом.
Уж если звери слушали те песни,
То мы ведь все же люди...

Орфей

Неужели?

Я человек еще?

Зеф

Вопрос твой странен...

Орфей

Казалось мне, что молотом я стаю
Иль долотом... Но все же человек я!
По крайней мере так тебя я понял.
Да, боль я ощущаю... Значит, жив.

Зеф

Никак я не могу тебя понять —
Грустишь ты, или шутишь, или просто
Над нами издеваешься?

Орфей

Пет, брат мой,
Ты прав, смеюсь я, но не над тобою

Зеф

Над кем же?

Орфей

Над судьбой своей смеюсь.

Зеф

(подумав)

Нет. Над судьбой не стоит насмехаться —
Она богиня.

Некоторое время работают молча. Зеф припосит новую глыбу
и опять разбивает ее.

Зеф

Жаль, что ты не хочешь
Нам спеть немного. Я сейчас подумал:
Уж если звери слушали, то камни
Могли б тебя послушать так же.

Амфион

Зеф,
Ты часто, не подумав, говоришь.
Как могут слушать камни?

Зеф

Как сказать...
Однако... Может быть... сама собою
Стена сложилась бы...

Амфион смеется.

Вот ты смеешься?
А если про зверей рассказы — правда?
Орфей, ведь правда? По глазам я вижу,
Что он стыдится в этом мне признаться,
Боясь моих упреков в похвальбе.

Амфион

Ну, про зверей еще поверить можно:
Они живут, и есть у них сердца,
Хотя души в них нет, но чтобы камни
Безжизненные...

Зеф

Кто тебе сказал,
Что жизни нет в камнях, когда они
Есть кости матери-земли?! Попробуй,
Ударь-ка по кости себя без боли.

Ведь сам Орфей сказал, мудрец Орфей,—
Все, что болит — живет.

А м ф и о н
(с добродушной насмешкой)

А ты, я вижу,
Мудрей Орфея хочешь стать?

З е ф
(обиженно)

Смотри,
Чтоб я не стал умнее Амфиона...
(Идет к скале за новой глыбой.)

А м ф и о н
(к Орфею)

А правда, почему б тебе не спеть?
Хоть чуда я не жду от песни этой
И в сказки не поверю, я — не Зеф.
А все-таки дает утеху песня,
Скорей часы проходят.

О р ф е й
(с ужасом)

Ты б хотел,
Чтобы они еще быстрее летели?
Без ужаса я слышать не могу
Шум крыльев времени. Оно летит!
Ночь гибельная вновь настанет скоро,
Нам, детям света, зрение затмит
И снова приведет сюда врагов —
Детей своих, с совиными глазами,
Укрывши их щитом своим. И снова
На беззащитный город враг ударит,
Фундаменты домов с землей сравняет
И пустотой наполнит наши храмы.

А м ф и о н

Дни летние длинны — ночь далека:
На этот раз, быть может, мы успеем
До сумерек проломы заложить.
Тогда взойдешь ты вон туда — на гору,

Подарок Пана — флейту — захватив.
Сюда придут, ее заслышав, люди,
Поставят стражу, разожгут костры
И приготовят город к обороне.

О р ф е й

А где ж они теперь? Все разбежались,
Рассеялись, как овцы — кто куда,
Лишь нас троих оставили тут строить
Для них — твердыню, а для нас — могилу.

А м ф и о н

Ну, что же, брат, совсем не диво это:
Ведь стены, что сейчас мы воздвигаем,
Не возвести людской обычной силой —
Геройская здесь требуется мощь.
Не диво, что героев мало в мире, —
Будь больше их, богам пришлось бы плохо.

З е ф

Эх, если б нас хоть четверо здесь было!
Нет, надо восемь, вышло бы две смены,
Тогда бы мы устерегли весь город,
По четырем углам на страже стоя.

А м ф и о н

Когда стена готова будет, люди
Достроят все дома, дворцы и храмы,
Их жизнь спокойной станет, а работа
И прочной и красивой. Ты не будешь
Их сравнивать тогда с овечьим стадом.
Между собой они сплотятся крепко
И станут не слабей своих соседей.
Увидишь...

О р ф е й

Я увижу? Горе! Горе!
Мне кажется, что эта ночь навеки
Меня покроет черным покрывалом.
Когда б ты знал, как режет мне глаза
Блеск этих глыб. В кровавом свете все
Передо мною...

Зеф

(приближается с новой глыбой камня. Однако усталость начинает и его одолевать)

Это ничего.

Все от жары. Со мной бывало то же.
Роса нас освежит. Теперь недолго.
Ночь близится. Уже заходит солнце...

Орфей

(с отчаяньем)

Заходит солнце... Ночь...

Амфион

(успокаивая его)

Да успокойся!

Пусть даже враг придет — не пропадем!
Ведь все ему разрушить не под силу —
Героев-то и у него немного.
Всего мы не лишимся ведь, а завтра
Настанет новый день.

Орфей

Но для меня

Его не будет. Сердце мое не лжет.

Амфион

Ты просто утомился. Отдохни,
И все пройдет.

Зеф

А то запел бы лучше.

Начни, попробуй. Вдруг и в самом деле
Послушаются камни?..

Амфион

(презрительно жалуя рукой)

Эх, опять!

(Орфею.)

А все же не мешало бы запеть,
Коль пенье было для тебя привычкой,
Быть может, это мстит тебе оно
За то, что ты его забросил?

Орфей

Братья,
Сейчас я петь не в силах. Нужен праздник
Моей душе, чтоб песни в ней возникли,
А нынче, братья, день у нас рабочий,
И я не смею оставаться праздным,
Работой руки заняты мои,
И некогда теперь им струн касаться.
Мои глаза слепит камней сверканье.
Небесных муз мне хоровод не слышен,
Как пламенем, мне опалило горло
Дыханьем утомленным. Слаб мой голос —
Вы слышите? Он шелестит едва,
Подобно травам, высушенным солнцем.

(Голос его переходит в шепот — быстрый, тревожный, бредовый.)

Нет не могу я отдыхать... не смею...
Скорей несите камни... Где мой молот?
О Амфион! Иди со мною вместе,
Я плохо вижу... Вот он... Так быстрее,
Быстрее подавай мне камни, Зеф,
Скорей, скорее, Амфион, заделай
Вон тот пролом... Он так велик... Где люди?
Пусть хоть не герои — хоть пигмеи
Сюда придут, помогут нам работать...
Подходит вечер... Гаснет солнце... Ночь...

(Обессиленный, падает на землю.)

Конец... я сломлен...

Товарищи кидаются к нему.

Амфион

Отнесем скорее

Его под тень оливы... там положим...

Несут Орфея в сторону от стены под большую оливу и там
кладут.

То Аполлона самого стрела
Его сразила.

Зеф

(хватает сосуд с водой и льет себе на ладонь, чтоб смочить лицо Орфея)

Горяча вода...

До речки далеко.

(Простирает руки к небу.)

Вы, олимпийцы!

Росу вечернюю скорей пошлите —

Он умирает.

Орфей

(едва слышно)

Нет, росы не нужно...

Пусть будет день еще... Друзья, трудитесь...

Меня оставьте... Дайте лишь девницу...

Амфион находит где-то между камнями девницу, иначе называемую свирелью или флейтой Папа, и приносит ее Орфею.

На гору я подняться не сумею,

Меня им не услышать... Впрочем, все же

Играть я стану.

Зеф

Может, и услышат.

Амфион

(тихо, Зефу)

Беда! Едва ли в нем достанет силы.

Орфей приставляет девницу к губам и издает такой трепещущий, печальный звук, что здоровяк Зеф не выдерживает и заливается слезами, как ребенок. Амфион задумчиво стоит, опустивши руки, и с суровою печалью смотрит в землю. Тихий, но проникновенный напев свирели стелется по равнине и летит к отдаленным зарослям, из которых пачкают выходить люди. Они осторожно приближаются и боязливо жмутся к городским стенам. Герои в скорби своей ничего этого не видят и не слышат приглушенного говора толпы.

Первый человек

Они уже не строят?

Второй

Тсс!..

Т р е т ь и й

Играет!

Ч е т в е р т ы й

Давно уж не играл он.

П я т ы й

То плохой

Иль добрый знак, что он за это взялся?

Ш е с т о й

Не знаю.

П е р в ы й

Кто ж нам будет стены строить,
Когда герой берется за свирель?

В т о р о й

Спросил бы лучше, кто играть нам будет,
Когда он смолкнет.

Толпа слушает, зачарованная.

П е р в ы й

Почему ж те двое

Работать не идут?

В т о р о й

А ты идешь?

П е р в ы й

Что мне идти? Они должны работать:
Они — герои...

В т о р о й

Но они горюют...

Не видишь разве?

П е р в ы й

Горе — не работа.

Они могли бы и в горе поработать!

Второй

Попробуй сам хоть раз!

Первый

(пристыжен, однако скрывает это пренебрежительным тоном)

Большое дело!

(Начинает закладывать тот пролом, где работал Амфион.)

И ты помог бы — руки не отсохнут.

Второй

(принимаясь за работу, остальным)

И вы идите. Мы хоть не герои,
Но много нас. Нехорошо ведь это,
Что мы их здесь оставили втроем.
Когда Орфей умрет от утомленья,
Вовек не оберемся мы стыда...

Третий

Я и не знал, что так играть он может.

Зсф

(Амфиону)

Теперь я верю в то, что даже звери
Внимали музыке его...

Амфион

Я в этом

Совсем теперь не вижу чуда.

Второй *(первому)*

Слышишь?

О чем они толкуют?

(К другим.)

Надо, братья,

Им показать, что мы такие ж люди,
Хоть не герои. Мы втроем возьмемся
За эту глыбу и ее покатым
К пролому!

Первый

Не отесана она.

Второй

Зато скорей пойдет у нас работа.

Группа людей катит брошенную Зефом глыбу к пролому и заполняет его. Другие носят камни и замуровывают брешь. Работа подвигается быстро, и самый большой пролом уже заделан.

Первый

(смущенно поглядывает на неровно выведенную часть стены, сложенную из неотесанного камня)

Второй

Да это пустяки — и так неплохо.

Зато Орфей не будет рук мозолить.

(Останавливается и прислушивается к музыке.)

Лишь Аполлона сын играть так может!

Артист великий здесь, как раб, трудился.

Простят ли нас за это олимпийцы?

Первый

Мы каемся не на словах — на деле.

Работа становится более оживленной.

Третий

Но вот уж скоро и конец работе!

Совсем не так тяжка она.

Четвертый

Конечно,

Когда берешься за ее остаток.

А ты б сначала взялся.

Третий

Я бы взялся,

Когда бы вызвали меня сначала.

А сам-то что ж не брался?

Четвертый

Я не верил,
Что из работы этой выйдет толк.

Третий

А почему ж теперь поверил?

Четвертый

Что-то

Вдруг по сердцу ударило меня,
Когда свирели голос я услышал.

Работа почти подходит к концу, когда Орфей вдруг сразу
перестает играть. Толпа прекращает работу.

Четвертый

Что потемнело так?

Второй

Да ведь уж вечер!

Первый

О, горе нам! Что, если враг ворвется?

Третий

Бежим скорей!

Четвертый

Что, если ждет засада?

Пятый

Что, если нас поймают?

Шестой

Прячьтесь в город,
Там безопасней — ведь стена готова!

Толпа скрывается за городской стеной.

Орфей

(Зефу и Амфиону со стражом и укором)

Вы все стойте, позабыв работу?
День кончился! Роса уже упала!

А м ф и о н

(сдерживая тревогу, спокойно)

Да, посвежело — это даже лучше —
Теперь мы, отдохнувши, навестаем.

З е ф

(обернувшись и взглянув на стену)

Свершилось чудо, братья, посмотрите!
Я говорил — послушаются камни!

III. «ПРО ВЕЛИКАНА»

(Сказка)

Когда ребенком я была,
Мне сказку рассказали,
Лишь раз я слышала ее —
Забуду же едва ли.

Был деревенский мальчуган
Рассказчиком — и ясно,
Что в ней тенденции искать
Потому напрасно.

Да, он рассказывал ее
С такою простотою,
Что я, наверное, грешу,
Иначе сказку строя.

Мы в садике сидели с ним
Вечернею порою,
В тот час, когда закат пылал
Пожаром за горою.

Вечерний ветер шевелил
Над головами грушу,
И что-то темное тогда
Нам волновало душу.

Нас все пугало: и трава,
Что тихо шелестела,

И леса дальнего стена,
Что от зари алела.

И даже в старой груше той
Мы друга не видали,—
Кто б мог сказать, о чем ее
Листочки лепетали?

Но всех сильнее тополя
Страшили нас собою,
Что в длинный выстроились ряд,
Наверно, с целью злою!

Все это, уверял Лаврин,
(Так мой приятель звался),
Растет на великане том,
Что с богом состязался.

Когда-то очень был силен
Тот великан — недаром
Любые цепи разбивать
Он мог одним ударом.

Его осилить не могла
Ничья другая сила,
Но божья кара, наконец,
Пришла и — поразила.

За что — Лаврин того не знал.
Я спрашивала старых,
Но мне никто не объяснил,
За что такая кара.

Господь не сжег его огнем,
Громы не посылал он,
А только сном его накрыл,
Как мягким покрывалом.

Сон, говорят, есть божий дар —
Нет, божье наказание.
Ведь великану этот сон
Принес одни страдания.

Лег отдохнуть он на часок,
А спит уже столетья,
Оброс землею и во сне
Все видит лихолетье.

То овладели им враги,
Охваченные злостью.
Пьют даром кровь его они,
Ему ломают кости.

Стянули накрепко его
Железными цепями,
К глубоким ранам, торопясь,
Припали жадно ртами.

До сердца самого не раз
Их проникали руки,
Но спит, как прежде, великан,
Хотя и терпит муки.

Когда ж болезненно во сне
Он брови вдруг нахмурит,
Шумят по рощам, по лесам
И по дубравам бури.

А если боль его дойдет,
Слегка он шевельнется,
И дрожь по телу пробежит,
Земля же содрогнется.

«Нас призрак этот не страшит!» —
Враги ликуют хором.
Но стихнет скоро божий гнев,
Беда минует скоро.

И встанет великан тогда,
Расправит плечи снова,
И разорвет в единый миг
Железные оковы.

Все то, что мучило его,
Вмиг станет горсткой праха.

Смоля мальчуган. Сидели мы,
Едва дыша от страха.

«Скажи — спросила я, дрожа, —
Когда ж случится это?» —
«Иль через год, иль через сто,
А может, до рассвета...»

Тут разом ветер налетел,
Деревья зашатались,
Как птички испугнутые, мы
Домой скорей помчались...

Любимый мой, далекий край!
Страна моя родная!
Когда я вспомню про тебя, —
Ту сказку вспоминаю.

Египет, Гелуан
5/XI 1913

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

В КАТАКОМБАХ*

(Посвящается уважаемому другу А. Крымскому)*

Катакомбы близ Рима. В подземельи, слабо освещенном масляными плошками и тонкими восковыми свечами, собралась община христиан. Епископ кончает проповедь. Слушательницы и слушатели стоят тихо и кротко, с набожным видом.

Епископ

Восславим, братья, господа Христа,
что посадил на небе одесную
замученного брата Хариклея.

Хор

На небе слава господу Христу,
который от земных оков спасает
и в царство света вечного выводит
нас из тюрьмы греховнейшей.

Дьякон

Аминь.

Епископ

Наш брат рабом язычников был в мире,
теперь он раб господень и ничей.

Раб-неофит*

Господень раб? Рабы и там — на небе?
Ты ж говорил — раба и господина
нет в царстве божьем!

Епископ

Истинная правда.
Мы все равны пред богом.

Раб-неофит

И — рабы?

Епископ

Рабы господни, брат мой, не забудь.
Христос сказал: мое ярмо не горько,
Не тяжело бремя. Понимаешь?

Раб-неофит

(после некоторого раздумья)

Нет!..

Я не могу постигнуть слов подобных.

Рабыня-христианка

(внезапно в самозабвении пророчествует)

Уже лежит у дерева топор!..

«Я разрублю его и ввергну в пламя», —
сказал господь... Приди, приди, приди,
Христос, сын божий! Клонится от зерен
твоя пшеница, — ждет она серпа...

Доколе ж, господи?.. Рахиль* рыдает,
нет у нее детей...

Беспорядочная речь переходит в иступленное бормотание,
некоторые женщины тоже начинают причитать, не выдержи-
вает и кое-кто из мужчин.

Епископ

(властным, зычным голосом)

Прочь, сатана!

Здесь власти нет твоей!

*(Подходит к бьющейся в судорогах пророчице и
кладет руку ей на голову.)*

Сестра моя!

Тебя спасут лишь вера и молитва
от наваждения злого духа.

Бликуша медленно затихает под его взглядом и бессильно
склоняется на руки к поддерживающим ее женщинам.

Христианка
(одна из поддерживающих пророчицу
отзывается несмелым голосом)

Отче!
Вчера хозяин греку из Коринфа*
ее ребенка продал...

Епископ

Замолчи!
Великий наш апостол заповедал:
«Пусть женщина в собрании молчит».
Пророчицу тем временем выводят. Молчание.

Раб-неофит
(подходит к епископу. Дрожащим от волнения,
но исполненным отчаянной решимости голосом)

Прости, но все же я не понимаю,
как это может быть ярмо не горьким
и бремя не тяжелым.

Епископ

Брат мой, если
по доброй воле шею ты проденешь
в ярмо христово, это будет сладко
твоей душе; когда по доброй воле
ты крест подымешь, то ужель он будет
тяжелым для тебя?

Раб-неофит

Зачем же нужно
запрячься нам в ярмо по доброй воле
и крест нести по доброму желанию,
когда и так неволя нас терзает?
Так натрудили шею нам и душу
ярмо и крест, что силы нет терпеть.
Я не за тем пришел в господню церковь,
чтоб новое ярмо и крест найти.
Нет, я пришел сюда найти свободу —
Я слышал: несть раба, несть господина.

Епископ

И ты получишь здесь свободу, брат мой,
как только станешь под ярмо христово.
Рабы господни меж собой равны.
Ты под ярмом пройдешь дорогу жизни
и в царство божие войдешь, в то царство,
где нету господина, кроме бога,
он же отец наш. И твоя гордыня
была б гордыне дьявола подобна,
когда бы власти господа-отца
ты над собой не признавал.

Раб-неофит

Отец мой,

какая уж гордыня у раба!
Пусть будет так, пускай отец единый
над нами будет, но когда ж настанет
то царство божье? Где его искать?
Один из братьев говорит: на небе,
другие: на земле...

*(Со страстным ожиданием вопросительно
смотрит на епископа.)*

Епископ

И оба правы.

Раб-неофит

Где ж на земле есть царство божье?

Епископ

Здесь.

Раб-неофит

Здесь, в Риме?

Епископ

В нашей церкви.

Раб-неофит

В катакомбах!

Епископ

Не говори «вот здесь» или «там оно».
Оно везде, где бог есть в наших душах.

Раб-неофит

Когда ж он будет в душах всех людей?

Епископ

Тогда, когда Христос сойдет вторично
с небес на землю.

Раб-неофит
(печально)

Брат один сказал,
что лет, наверно, с тысячу пройдет
до нового пришествия Иисуса...

Епископ

То ересь, брат мой, ибо мы не знаем
ни дня, ни часа...

Раб-неофит
(перебивает его с радостной надеждой)

Значит, царство божье
начаться может каждый день и час?

Епископ

Конечно, так.

Раб-неофит задумывается и снова мрачнеет.

О чем ты размышляешь?

Раб-неофит

Я думаю... Вот ты сказал, что мы
здесь в царстве божием... А почему же
меж нами есть патриции, плебеи —
ну, и рабы?
(Оглядывает все собрание, некоторые
опускают глаза.)

Патриций * - христианин
(выступает немного вперед)

Душа твоя, мой брат,
волнуется напрасно. Я — патриций,
а он — мой раб
(показывает на старого человека),
но это лишь для мира,
а перед богом оба братья мы.

Раб - не о ф и т
(старому рабу)

Ты раб его в глазах людей, и только?

Старый раб

Нет, господину верно я служу
не только из боязни, а по чести,
как приказал господь.

Раб - не о ф и т

Коль вы равны,
тогда зачем служить ему ты должен?

Старый раб

По божьей воле я рабом родился,
он господином.

Раб - не о ф и т

Значит, в царстве божьем
есть раб и господин?

Старый раб молчит.

Патриций

Он здесь не раб.
Здесь я ему омыть согласен ноги,—
вкусили мы святую плоть и кровь
с ним вместе за одним столом.

Раб - не о ф и т
(старому рабу)

И дома
вы также за одним столом едите?

Старый раб

Нет, брат мой, этого не подобает!

Раб-неофит

А почему?

Старый раб

Нельзя так... непристойно...

Епископ

(*рзбу-неофиту*)

Не искушай его. Он прост душою,
а царство божье ближе для таких.
Кто терпит все в смирении, тот счастлив,
ему равно, рабом иль господином
он будет в этом мире.

Раб-неофит

Нет, отец мой,

Нет, не равно!

(*С порывом.*)

Когда б ты только видел,
как плакало вчера мое дитя,
до вечера без молока оставшись,—
оно ж смиренно, кротко и невинно,—
на оргии прислуживала мать,
и некогда ей было в дом вернуться,
чтоб накормить ребенка. А теперь
ребенок захворал, но мать не смеет
и плакать: господин не любит слез
на лицах у своих рабынь красивых.

Епископ

Не надо плакать, если б даже умер
ребенок ваш — его большое счастье
на небе ожидает.

Раб-неофит

А ребенку

господскому поменьше будет счастья,
когда умрет он маленьким, невинным?

Епископ

(нежного смущенный)

Невинные пред богом все равны.

Раб-неофит

(угрюмо)

Так для детей господ двойное счастье —
один раз на земле, другой на небе...

Старый раб

Брат, не завидуй, не губи души,
Не запятнай ее святости чистой!
Твой господин, язычник, пусть глумится,—
христианин бы так не издевался,—
он вашей чистоты не запятнает,
пока жена и ты ясны душою.

Раб-неофит

Молчи, старик, не жги меня словами!
Прости, не знаешь ты... сказать мне стыдно...
Да что рабу стыдиться... Я скажу:
Откуда «чистота души» и «ясность»?!
Моя душа гниет, когда я вижу,
как с оргии жена порой приходит,
вином распалена, в глазах огонь
от непристойных песен. Средь волос
цветы не вянут и горят так ярко,
в сравненьи с грязью нашего жилища...
Жена спешит господскую одежду
переменить на рабские лохмотья,
чтоб не мараться в нашем «чистом» доме.
Не раз я видел слезы у нее
в такие дни... привычка к наслаждениям,
как ржавчина, разъела сердце ей.
Без них ей трудно... я не мог, старик,
не мог не бить ее за эти слезы,
хоть знал, что ей еще противней станет
жилище наше гнусное...

Патриций

О брат мой,
в святую веру обрати жену,
тогда она уже не будет плакать
о тщетных наслаждениях.

Раб-неофит

Господин,—
иль, как у вас тут говорится, «брат мой»,—
я не решаюсь обратиться к тебе
в иную веру. Пусть уж лучше плачет
о пышных платьях, о господском доме,
чем будет плакать здесь о чистоте
своей души и тела. Ведь спастись
теперь она уж все равно не может,
какой же толк, когда она узнает
про грех и святость? Лучше пусть не знает!

Епископ

Кто поневоле согрешил, тот чист.

Раб-неофит

Но мы — рабы — не знаем, что творим
по принуждению, что по нашей воле...
Грех иль не грех, а мука остается...
Сказать мне тяжело... Я и сам не знаю,
то мой ребенок или господина...
Люблю ребенка я и ненавижу...

Старая женщина

Грех ненавидеть, ведь дитя невинно.
(Взглянув на епископа, замолкает.)

Епископ

И женщина порою скажет мудро.

Молодая, но изможденная и бедно одетая женщина что-то
шепчет на ухо почтенной старой вдове-дьякониссе.

Дьяконисса (епископу)

Честной отец, позволишь слово молвить?

Епископ

Скажи, но кратко.

Дьяконисса

(показывает на молодую женщину)

Эта вот сестра
готова услужить, чем может, брату.
(Показывает на раба-неофита.)

Епископ

По чем же?

Дьяконисса

Просит, чтоб его жена
ребенка приносила к ней, собираясь
на оргии служить у господина.
Сестра сама младенца кормит грудью.
Она уделит молока чужому
и до ночи за ним присмотрит честно.

Епископ

(молодой женщине)

Благое дело, дочь моя, пред богом.
Молодая женщина смиренно склоняет голову.

Дьяконисса

(рабу-неофиту)

Скажи своей жене, пускай приносит
ребенка своего на Малый Форум
в жилище Деодата-столяра
и поручит сестре Анцилодее,
а за присмотр пускай спокойна будет.

Анцилодея

*(молодая женщина) тихим голосом рабу-
неофиту)*

Не откажи мне в милости, мой брат!

Раб-неофит

(растроганный)

Благодарю, сестра!

Патриций

Приди ко мне,
я дам тебе одежды, хоть не новой,
но все ж пристойной, ношенной рабами.
Я и жена даем рабам с избытком,
им поделиться с ней нетрудно будет,
коль господин твой мало ей дает.

Раб-неофит
(сдержанно)

Спасибо, господин мой.

Епископ
(поправляет)

«Брат».

Раб-неофит
(равнодушно)

Пусть так.

Христианин-купец

Жена, сказал ты, любит чистоту,
а в доме грязь. Зайди ко мне. Я мыла
без денег дам, наверно, господин ваш
его жалеет.

Раб-неофит
(с плохо скрытой насмешкой)

Что ж, зайду, пожалуй.

Дьякон

Ты, брат, порой, быть может, голодаешь,—
лзычники обычно плохо кормят
своих рабов,—наведывайся к нам
по воскресеньям на агапу (это
у нас обед такой для неимущих),
и ты получишь вдоволь пищи доброй
для тела и для духа. Иногда
в конце достойной трапезы для нищих
являются епископ и старейший
отведать крови господа и тела,

подать нам благочестия пример
и ноги братиям омыть. Приди же
ко мне на двор — я маслодел известный,
зовусь Агатофилом, возле терм *
мое жилие. Тебе покажет каждый,
где проживает «тот чужак богатый,
который даром кормит голытьбу», —
как обо мне язычники болтают.

Раб-неофит

*(ничего не отвечает дякону, некоторое время стоит,
свадившись за голову)*

Вот до чего я дожил! Злое горе!
Стал в молодости нищим стариком!..
Кого мне проклинять? Отца родного,
Продавшего за долг меня в неволю?
Иль этот долг, иль богача того,
покупщика людской души? Иль день тот
и час, когда родился я на свет?

Епископ

Одумайся, несчастный! Успокойся,
и оттони скорее злого духа
гордыни и отчаянья! Грешны
твои проклятья, да еще в то время,
когда так щедро братья предлагают
тебе помочь по-братски.

Раб-неофит

Эта помощь!

Она вконец изранила мне сердце...
Взгляни на эту женщину больную...
(Показывает на Анцилодею.)

Она, как тень! А у меня жена
здоровьем пышет, молода, лишь сын мой
без молока погибнет, как сиротка.
Ему придется брать чужую долю,
иль умирать, пока вином и пляской
родная мать хозяев угощает,
и должен я просить, как нищий, платье
своей подруге, с горя загулявшей,
с рабов рабыне собирать лохмотья,

раз некогда и пряхь рукам здоровым,—
нет времени — ведь что ни день, то праздник.
Сказал ты, грех отчаиваться, клясть,
а не грешно ли объедать голодных
и обирать раздетых? И кого же?
Работников, рабов, своих же братьев...

Дьякон

У нас дают и бедный и богатый.

Раб-неофит

А, я забыл, что можно будет мыла
У брата-лавочника взять без денег,
дабы немного скрасить наше рабство,
дабы не так оно потом кололо
глаза богатым братьям в царстве божьем,
а то еще придет на ту агапу
брат бедный, чтоб наестся раз в неделю,
и грязное тряпье свое разложит
на лавке, рядом с белою туникой
и тогой вышитой.

(Патрицию.)

Благодари
товарища за мыло даровое.
Быть может, мне омыть придется ноги
свои для христианского братанья,—
они ведь будут все-таки почище,
когда я с мылом вымою их дома,
патрицианские жалея ручки.

Патриций вспыхивает, но сдерживается и только взглядывает
на епископа.

Епископ

(еще тихим, сдержанным голосом, но уже сурово)

Какой злой дух твоим владеет сердцем?
За что своих же братьев ты караешь
обидными и едкими словами?
Что сделали тебе, что против нас
имеешь ты?

Раб-неофит

Я к вам взываю в горе,
в смертельном горе. Был рабом я раньше,
невольником, запроданным в неволю,
захваченным насильно, а теперь вы
меня и нищим сделать захотели,
чтоб добровольно руку я тянул
за милостыней, возложить пытались
на горькое ярмо — другое, слаще,
на бремя тяжкое — другое, легче,
и вы хотите, чтоб я вам поверил,
как будто оттого мне легче станет.

Епископ

Мы искренно с тобою говорили
по слову божьему.

Раб-неофит

А я не верю
ни искренности вашей, ни словам.
Когда б помочь вы искренно желали —
вон серебро на алтаре сверкает
и золото — вы вместо тех агап
могли бы выкупить рабов из рабства.

(Патрицию.)

Ты, господин, мог отпустить бы даром,
а мы себе достали бы и сами
одежд и хлеба.

Епископ

Кто такие мы,
чтоб волю божью изменять решались,
кому рабом, кому свободным быть?
О чем хлопчешь? «Не единым хлебом
жив человек, еще и каждым словом,
услышанным из божьих уст».

Раб-неофит

Нет, мало
ему и слов и хлеба без свободы,
иначе не живет он, лишь страдает.

За то и горе у меня теперь
великое, что вы мне вместо жизни
обетованной в вечном царстве божьем
даете платье, пищу и слова.

Епископ

Не все слова одни и те же, брат мой,—
спасут слова господни душу лучше,
чем все дела людей.

Раб-неофит

Что за слова?

«Терпенье и покорность»,— только слышу
от вас сегодня я. Ужель они
спасут людские души? Неужели
за них на крест идут все христиане,
на казни, на съедение зверям?

Епископ

Они идут за то большое слово,
какого человеческим словам
не передать.

Раб-неофит

Да что это за слово?

Епископ

То слово — бог. Он альфа и омега —
начало и конец. Он создал все,
и все им живо, больше нет на свете
иных богов — единый этот бог.
Он — слово, жизнь и сила, а другие,
которые богами назывались
в язычестве — бездушные кумиры
или злые духи, слуги князя тьмы.
За то нас мучают и распинают,
что идолам служить мы не желаем
и богом князя тьмы не признаем,
зане и ходим в свете, не во мраке.

Раб-неофит

(пылко подхватывает слова епископа)

«Зане идете не во тьме, а в свете
и скинули терпенье и покорность,
как маску мима*, с ясного лица,
служить и подчиняться не хотите
тому, чьей власти ваши души ныне
не могут признавать, против кого
бороться вам велела ваша совесть».
Я так уразумел тебя, отец мой?

Епископ

Так, лишь одно еще добавить должен:
мы боремся в покорности, в терпении.

Раб-неофит

(упавшим голосом)

Я снова ничего не понимаю.
В покорности борьба... Что это значит?

Епископ

Что не с людьми мы боремся, а с духом.
Все подати исправно платим мы
и почитаем цезаря и власть,
не восстаем ни делом, ни словами
мы против них, а только князю тьмы
не отдаем ни жертвы, ни поклонов.

Раб-неофит

А кто ж такое эта власть и цезарь?
Они не слуги страшных слуг того,
кого вы князем тьмы здесь называли?

Епископ

Лишь в идолопоклонстве, а в ином
начальники, нам данные от бога.

Раб-неофит

От бога? От какого?

Епископ

Бог единый
на свете есть, бог-слово, бог-любовь,
бог триединый — дух, отец и сын.

Раб-неофит

Так это он дал цезаря и власти,
патридиев дал и преторианцев,
богатым дал господство над рабами?

Епископ

«Нет в мире власти, еще не от бога».
Господь наш бог и царь, и господин
над смертными владыками земными,
они в его руке, и он отмстит
им за несправедливость, а не мы.
«Отмщение мне», — так говорит нам вечный.

Раб-неофит

Когда ж отмщение?

Епископ

Кто постигнуть в силах
Пути господни?

Раб-неофит

Может быть, тогда,
когда везде настанет царство божье,
когда спаситель снова к нам придет.

Епископ

Тогда, наверно, будет божий суд.

Раб-неофит

А что потом?

Епископ

Единое будет стадо,
единый пастырь.

Раб-неофит

А при нем не будет
помощников, заместников господних,
и никаких начальников над нами?
Тогда уже не будут больше люди
свободны в мыслях и рабы на деле?

Епископ

Не знаю. Этих слов нам не дано
ни от Христа, ни от его посланцев.

Раб-неофит

А, вот как! Так пускай же никогда
то царство божье не наступит!

Старый раб

(с невыразимым ужасом)

Боже!

Спаси нас от греха. Что говорит он?

Вся христианская община возмущена, отдельных слов не слышно, но шум разрастается, как буря, наполняет подземелье и раскатывается гулом по темным переходам катакомб.

Епископ

(поднимает руку, зычным голосом)

Мир, братья, вам!

(Рабу-неофиту.)

Покайся, нечестивый!

Возьми назад безумные слова,
тебе за гробом будет много хуже,
чем здесь, при жизни. Кто на этом свете
не хочет царства божьего увидеть,
тот на небе утратит царство божье,
тот будет ввергнут в страшную геенну,—
где скрежет, плач, огонь неугасимый,
где червь от века точит злое сердце.

Раб-неофит

(нылко)

Нет, не покажусь! Ты, старик, напрасно
геенною пугаешь. Нахожусь я

в геенне каждый день и каждый час.
Вокруг себя я слышу плач и скрежет,
и что ни день, мне точит сердце червь.
И тот же червь меня сюда привел
искать надежды, правды и свободы.
А что я здесь нашел? Лишь словоблудье,
мечты пустые о небесном царстве
и о царе одном и триедином,
хозяине земных хозяев наших.
Он им дает господствовать над нами
до нового пришествия христового,
а может, дальше. Даже после смерти,
на небе, в том господнем царстве вашем,
до самого пришествия второго
придется вашим бестелесным душам
«в терпении и покорности» бороться.
Вот рабская душа

(показывая на старого раба)

и там послужит
по совести, не только что из страха,
властительной душе патрицианской;
вот этот

(на торговца)

взвесит и добро и зло
и чистоту раздаст нам по крупичам.
Вот этот

(на дьякона)

будет раз в неделю мирно
кормить духовной пищей бедных братьев,
таких, как я, а мы уж, бедняки,
стоять там будем тихо и покорно,
как нищие пред знатым господином,
мы будем ждать епископского знака,
который нам позволит молвить слово,
а может, нас заставят петь и гимны
единому царю земных царей
и господину всех рабов небесных.
Нет, право, я не знаю, может, лучше
мне было бы в геенне этой вечной,
чем в рабстве безнадежном, из какого
и смерть меня освободить не может.

Епископ

(который уже несколько раз пытался оборвать эту речь и стучал посохом о землю, гневным и грозным голосом покрывает слова раба-неофита)

Изыди прочь! Оставь меня, сын тьмы!
Покинь собрание! Для чего пришел ты
святую нашу общину тревожить?
Потомок злой ехидны, скройся в нору,
откуда вылез ты на гибель душам!

Раб-неофит

Нет, ты не смеешь прогонять меня!
По слову твоему сюда пришел я,
поверив обещаниям лукавым,
что будто здесь найду любовь, покой,
жизнь вечную. А вы покой последний
нарушили, последнюю любовь
навсегда отравили, и теперь
душа моя ждет смерти. Я не знал,
что значит грех, я знал одни несчастья,
а вы мне объяснили, что есть грех,
несчастье перед богом. Верил я,
что смерть окончит все мои страдания,
а вы мне показали целый ад,
геенну вечную за грех ничтожный,
и вы должны мне обещать защиту
от множества мучительных грехов.
Учили вы меня любви к ближним,—
так научите их оборонять,
а не смотрите, опустивши руки,
как в рабстве тяжком братья погибают.
Все ваше милосердие — заплатка
на ветопи несчастной жалкой жизни
и только лишь подчеркивает бедность.
Иль молоко той женщины чужой
даст нежность материнскую ребенку?
Иль с чистым платьем чистота вернется
к моей жене в ее грязи вседневной?
Иль я забуду на собраниях ваших
позор и горе моего жилища?
Не хлеба я хочу, не слова жажду,

мне хочется святой любви без грязи,
без зависти, без черных подозрений,
я порываюсь к радостной надежде,
что хоть издали увижу волю,
что хоть мой сын, мой внук, далекий правнук
дождется времени, когда и слово,
позорнейшее слово «раб» исчезнет.
Я жажду веры в ту святую силу,
которая темнейших просветит
и всех людей сберет в общине вольной
без пастырей, надсмотрщиков, без знатных,
не в стаде с пастухом своекорыстным
и злыми псами, жмушимися в страхе
от голосов шакала, волка, льва,
лисы, гиены — хищников различных.
Не я один томлюсь духовной жаждой,
не я один познал душою голод, —
таких немало. Мне сказал один
товарищ раб, что там за Тибром где-то,
за топиями отравленных маремм*,
есть тайный лагерь у рабов восставших.
Истомлены извечно неволей,
они хотят сорвать свои оковы
и сбросить с шеи тяжелое ярмо.

Патриций

Ты думаешь, они надолго сбросят?

Раб-неофит

Хотя б на миг, труда и это стоит!
Я ожидал достичь свободы вечной
в общине вашей, вы же и на миг
сладчайшее ярмо не в силах сбросить.
Не лучше ли оставить мне мечтания
о вечном и, о временном заботясь,
сменить агапу — оргией кровавой?

Патриций

Скажи — позорной казнью на кресте!

Р а б - н е о ф и т

Эй, христиане! А давно ль позорной
вы стали называть такую казнь?
Ужели это вы креста страшитесь?
Еще Мессия* ваш не устыдился
погибели с разбойниками вместе
на том кресте.

Е п и с к о п

Он сделал крест священным,
а не разбойники, и он их спас,
а не они его.

Р а б - н е о ф и т

Ого! Ужели?

А может, в небесах он не царил бы,
не властвовал над душами людскими,
когда б не проливалась эта кровь
разбойников, ослушников восставших,
на страх рабам и всем, кто «прост душою».
Покорность и терпение — иначе
давно бы без вести пропали в мире,
когда бы вечно призраки распятых
мятежников кровавых не страшили
угрозою гибели напрасной.

М о л о д о й х р и с т и а н и н

Покорных, терпеливых не пугает
смерть на кресте во имя сына божья,
за всех за нас распятого.

Р а б - н е о ф и т

За то

он принял муки, чтоб мы вновь страдали?
Да где ж спасенье, в чем же искупление
грехов людских, коль снова каждый день
в крови нам искупление дается?

Е п и с к о п

На небе искупление. Не от мира
сего и царство наше. Пусть погибнут

тела, дабы блаженствовали души.
Христос отдал и кровь и плоть свою
нам в пищу, — лишь одни рабы дурные,
лукавые, как ты, без толку тратят
тот дар святой, и он напрасно гибнет.

Р а б - н е о ф и т

А мало понапрасну гибло нас,
кровавых жертв языческим кумирам?
А мало гибнет за царя, который,
как ты сказал, нас осудил на рабство?
Кто мерил путь, уставленный крестами,
который мы, рабы, прошли от века,
кто взвесил кровь, что до сих пор не пала
на головы палаческие? Давит
она детей замученных героев.
По этой крови, как по багрянице,
разостланной для цезарских триумфов,
шел легион бесчисленных богов
с земли на небо. Долго ль будет стлаться
под ноги им, тиранам бестелесным,
богам бескровным, мертвым привиденьям,
бесценная порфира теплой крови?
Ни капли крови собственной не дам я
за кровь христову. Если только правда,
что он господь, пускай хоть раз прольется
напрасно божья кровь и за людей.
Мне нужды нет, один ли бог на небе,
иль три, иль триста, пусть хоть мириады, —
я не хочу ни за какого погибнуть
ни за царя в неведомом эдеме,
ни за тиранов на горе Олимпе.
Не буду никому из них рабом, —
с меня довольно рабства в этом мире.
Я честь воздам титану Прометею,
который из людей рабов не делал,
который просвещал огнем, не словом,
боролся не в покорности, а дерзко
и не три дня страдал, а бесконечно,
тирана называя не отцом,
а деспотом всемирным, проклиная
и предвещая гибель всем богам.

Я вслед за ним пойду. И пусть погибну,—
не за него,— он не желает жертвы,—
а лишь за то, за что и он страдал.
Пусть никого мой крест не устрашает,
когда почую я в своей душе
святой огонь и хоть на час, на миг
мне жить удастся не рабом несчастным,
а вольным, неподвластным, равным богу,
тогда я и на смерть пойду счастливым
и без укора на кресте погибну.

Анцилодея вдруг начинает безудержно рыдать.

Раб-неофит
(ласково)

Что плачешь? Чем ты здесь потрясена?
Иль это я обидел резким словом?
Поверь, сестра, я не хотел обидеть.

Анцилодея

Нет... не обидел... только жаль... так горько
мне за тебя... на гибель ты идешь.

Епископ

Не плачь. Лукавый раб—не стоит слез,
он предается духом Прометею,
а тот диавол, вековечный змей,
на грех и непокорность искусивший.
Сему рабу не будет ни спасенья,
ни покаянья! Он сгубил себя.
Оставим нечестивца, отречемся,
уйдем от зла и благо сотворим.

Раб-неофит

Я встану за свободу против рабства,
я выступлю за правду против вас!

Вся община двинулась к выходу со свечами в руках. Епископ
вперед. Раб-неофит идет отдельно по другому переходу,
в другую сторону.

В ДОМУ ТРУДА, В КРАЮ НЕВОЛИ

Диалог

Залитая полуденным солнцем местность близ Мемфиса. На западе переходит в песчаную пустыню, над которой сухой воздух колеблется от жара. На востоке видны заросли папируса и лотоса, покрывающие болотистые озера, оставшиеся после разлива Нила. Посредине — громадное строение, еще не законченное: колоннада не везде увенчана капителями, стены с красочными рисунками еще покрыты сетью вспомогательных линий, гигантские фигуры богов с недоделанными эмблемами на головах, а некоторые еще и совсем без голов. Группы рабочих окружают постройку. Кто занят изготовлением кирпича, кто таскает глину и воду из болота, прочие, под надзором строителя, заканчивают колонны, укладывают первые основания крыши. Художники и скульпторы трудятся над украшениями и статуями. Однако постепенно работа становится все более вялой. Полуденная жара изнуляет и рабочих и надсмотрщиков.

Старший надсмотрщик

(поглядев на солнечные часы у подножия статуи бога Ра)

Довольно! Полдень! Все на отдых! Спать!

Рабочие оставляют работу и укладываются, кто где стоял. Некоторые ищут тени, иные вытаскивают еду, но большинство ложится тут же, ничком, а то и навзничь, на раскаленном песке, на камнях, даже на коленях колоссальных статуй... Солнце блестит на потных лбах, одежда словно пылает в пламени горячих лучей; рабы не чувствуют этого, они спят мертвым сном, тяжело, прерывисто дыша.

Раб - еврей

(в грязном платье, корявом от тины, с присохшими на нем водорослями, илом, узкогрудый, тощий, изможденный. Нетерпеливо бросается на землю, прислоняет голову к теневой стороне каменного бруса. Голос триплый, измученный; сам он — в полубормочном состоянии)

О боже сил! Ужели не пошлешь
мне хоть минуточку сна? Доколе, боже
Израиля! * Доколе, боже мщенья?..

Раб - египтянин

(весь перепачкан краской, однако другой грязи на нем нет. Он худ, как и еврей, но тонкая, сущающая его фигура словно выкована из красной меди; широкие плечи говорят об упрямой, непреклонной силе, о выносливости почти нечеловеческой. Он сидит на большом пальце ноги Озириса и жует черствую лепешку с чесноком, запивая водой из глиняного кувшина. Его продолговатые, точно прищуренные глаза смотрят со снисходительной усмешкой на еврея, к которому он обращается тонким, слегка скрипучим голосом)

Ну, что за «мщенье»? Что ты там бормочешь?
Кому, за что ты хочешь мстить?
Ты не болтал бы лучше, а уснул...
Иль, может быть, ты голоден?..

Еврей

(раздраженно)

Отстань!

(Шомолчав, с еще большим ожесточением.)

Как так «за что» отмщенье? А разве
не жарилшься ты здесь с восхода солнца?

Не надрываешься до поздней ночи?

Тебе не ломит поясницу, грудь?

Иль ты из меди? Кирпича? Гранита?

Ужели до сих пор тебе еще
не опостылело копаться в краске,
как мне — в грязи возиться?..

Египтянин

Ого-го!

Да ты меня совсем залешь словами!
Ей-богу, это просто наводнение,
не хуже Нила!.. Что ты тут городишь!
Жара? На то ведь лето! Ломит спину?
Грязь? Краска? Ну так что же, ведь на то
работа!

Еврей

(вскакивает и бьет себя в грудь)

Для чего работа эта?
Во всей стране проклятой вашей мне
никто не скажет, для чего нас морят!
Добро бы строили мы тут жилище,—
Хоть дом, или тюрьму, конюшню, хлев!
А то — до неба груды кирпича,
столбы и безобразные болваны...
Какой же смысл во всей работе нашей?

Египтянин

Ну так ведь это — храм! Ты что, не знаешь разве?

Еврей

А что такое храм? На что он?

Египтянин

Как же?

Богам ведь тоже надобно жилище!

Еврей

Богам — жилище?

(Показывает на небо, на пустыню.)

Это чье жилище?

Чей этот дом просторный и прекрасный?

Египтянин

(спокойно)

Ну, небо там, земля, вода — все это
не дом ведь... Это как бы царство. Мы же

в том царстве строим для богов дворец,—
жилище Ра, хоромы Озириса,
приют Изиды, капище Аммона,
обитель Тота, Хора, Фта и Нейта*.

Еврей
(затыкая уши)

О боже грома, оглуши меня,
да не услышу этих диких прозвищ!
Неволя зла, тяжел мой труд, но хуже,
что я, хоть против воли, по служу
всем этим диким чудищам! Проклятье!
Таская грязь и глину на кирпич,
я сам уж в грязь и глину превратился!..

(Египтянину.)

Скажи мне: если бы не принуждали
тебя насильно к этому труду,
ты стал бы тут по доброй воле строить
палаты тем, кого сейчас назвал?

Египтянин

Конечно, стал бы.

Еврей

Значит, для тебя
неволи в этом нет? Не раб ты, значит?

Египтянин

Да где уж там не раб! Когда бы стал
я господином сам,—себе я отдых
давал бы дольше, праздники почаще,
получше пищу... Бить меня б не смели...
Сказать по чести, я бы, может быть,
Тут кое-что иначе разукрасил.

(Показывая рукою и как бы размышляя.)

Вот эту статую поднял бы выше,
а эту опустил бы... Здесь не охру,
а сурик положил бы... Ну, еще,
пожалуй бы, фундамент сделал ниже
и, возводя колонны, не папирус—
за образец бы взял, а стройный лотос...

Еврей

Но все-таки работы бы не бросил?

Египтянин

О нет! Спаси меня сам Тот-искусник
от праздности! Египтяне, мы все
усердствуем тут не по принуждению —
по доброй воле. Если бы, к тому же,
я был свободен, — о какое счастье
трудиться так, как старший наш строитель!

*(Удобно располагается на выступе сандалии Озариса и,
зажмурив глаза, грезит вслух.)*

Да и не так еще! Строитель наш
в себе не волен: что жрецы прикажут,
что дарь велит, он только то и строит..
А я хотел бы храмы возводить
по-своему. Эмблемы для богов
я выдумал бы новые. Колонны
иначе ставил бы: красиво в группы
я их соединил бы — по-две, по-три, —
как часто пальмы вырастают... Боги!
Вот был бы храм!

(Подвигается ближе к еврею и продолжает шопотом.)

И, знаешь, в пирамидах
я не царей бы хоронил, а всех,
кто делал доброе, кто жил по правде...
Конечно, пирамиды бы пришлось
огромные построить, переходы
в них удлинить, да ничего — зато
они бы стали чудо как прекрасны
и никогда б уже не развалились...
Стояли б вечно, все равно что горы,
и даже я, пожалуй, просто гору
большую обтесал бы: галерей
в ней тысячи устроил бы, и в каждой
без счета — саркофаги, чтобы в них
всех мертвецов собрать... Вот это, право,
была бы пирамида! Свет подобной
еще не видывал...

(Улыбается и замолкает. Некоторое время кажется, будто он спит, но, немного погодя, он снова приподнимает голову и говорит.)

Скажи, а ты
что стал бы делать, получив свободу?

Еврей

(лежавший неподвижно, словно в каком-то оцепенении, вдруг осканивает и резким движением придвигается к самому лицу египтянина. Голос, еще более хриплый, почти беззвучный, полон ненависти и озлобления)

Я? Что бы делал я? Все эти храмы,
все пирамиды бы сравнял с землею!
Всех этих истуканов бы разбил!
Всех мертвецов я из могил бы вынул
и разбросал вокруг! Я запрудил бы
течение Нила, чтобы он разлился
и затопил весь этот край неволи!

Египтянин молча заносит руку и бьет еврея по лицу. Тот падает с пронзительным криком. Прибегает надсмотрщик с дубинкой.

Надсмотрщик
(бьет обоих)

Что тут за крик? Проклятые рабы!
Покоя ни минуты! На работу
за это раньше всех теперь ступайте!

(Отходит.)

Египтянин

(беря ведро с краской и кисти, чтобы идти красить стену)

Послушай, не сердись. Я знаю сам,
что драться нам с тобою не годится:
ведь мы товарищи здесь, потому что
у нас с тобой здесь общий дом труда.
Прости меня.

Еврей

(отворачивается и поднимает с земли носилки для глины. Говорит тмуро и не глядя)

Мне поделом. Я должен
не забывать, что здесь я — раб рабов
что он чужой мне, этот край неволи,
что мне товарищей в нем нет... Теперь
ты от меня и слова не услышишь!

Расходятся в разные стороны. Египтянин направляется к постройке. Еврей — к ильской пойме. Остальные рабы спят.

Печет солнце.

В П У Щ Е

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ричард Айрон — скульптор.
Эдит — его старая мать.
Кристабел — его сестра, вдова.
Дэви — сын Кристабел, подросток.
Джонатан — скульптор, товарищ Ричарда.
Джошуа Кембл — старый приятель семьи Айрон.
Джоанна (Дженни) — его дочь, молодая девушка.
Жена Риверса.
Годвинсон — учитель и проповедник.
Калеб Педдингтон — старший по возрасту колонист.
Иеремия Ортвин
Джон Милс
Метью Филдинг
Абрагам Смит
Магистр — учитель арифметики в Род-Айленде.
Брайд — органист и учитель пения там же.
Брукли — швея.
Чарли — ученик Ричарда.
Второй ученик.
Джонс.
О'Патрик
Мак-Гарди. } граждане в Род-Айленде.
Мессер Антонио — торговый посол из Венеции.
Индианка — дикарка, молодая девушка.

Граждане в Массачузете, школьники в Род-Айленде.
Действие происходит в XVII веке, в Северной Америке; первые два акта — в небольшой фермерской колонии в Массачузете, последний — в Род-Айленде.

Действие первое

Дом, грубо сколоченный из бревен. Большой камин, на нем бюст, статуэтки и несколько обломков античной скульптуры. Эдит и Кристабел моют стол и скамьи и тихо поют мелодию гимна без слов. Со двора слышен стук топоров, свист пилы, голоса рабочих людей. Наконец звучит голос:

Пу, хватит на сегодня! По домам!

Ричард и Дэви, усталые, входят в дом; Ричард в фартуке с инструментами печника; в руках у Дэви — ведро и кисть.

Ричард

Труба готова, даже побелили.

(Снимает фартук и вешает вместе с инструментами на гвоздь.)

Конец.

(Садится на скамейку перед камином.)

Как я устал! А ты, малыш?

Дэви

Я? Так, не очень. Дядя, подожди-ка! Я хворост принесу, в огонь подложим, и будет славно! Напечем каштанов,— есть у меня,— ну, и стрельба начнется!

Ричард

(расправляет утомленные руки)

На улице туман холодный, сыро,— как там над Темзою у нас...

Кристабел

(вздыхает)

О Темза!

Ее вовек нам не дано увидеть...

За что господь нас покарал изгнанием?

Э д и т

Не нарекай на бога, дочка,— грех!

Не на изгнание он нас послал,
а в край обетованный. Так когда-то
он из египетского рабства вывел
Израиля в цветущий Ханаан *.

Ну, что ж, иные и тогда роптали
на трудный путь. Что было им за это?
Ты вспомни, дочка, и смиришь душой.

Входит Дэви с хворостом и возится возле камина.

Кристабел

Я, мама, покоряюсь. Все же тяжело
бывает мне, как вспомню иногда,
что где-то там, вдали, могила Джона...

Э д и т

«Оставьте мертвым погребенье мертвых» *.
За морем — гроб, а здесь — твой сын живой,
брат, мать, вся христианская община.

Кристабел, вздохнув, начинает ходить по комнате, прибираться.

Сегодня нам почтенный Годвинсон
публично прочитает разъяснение,
что означает «Новый Ханаан».

Пойдешь его послушать, сын?

При этих словах Дэви потихоньку, проворно ложится на скамью
и укрывается плащом.

Р и ч а р д

Нет, мама!

Э д и т

Ты не пойдешь?

Р и ч а р д

Устал... и, так сказать,
мне кажется, что в разъяснении этом
услышу мало нового...

Э д и т

Ой, сын мой!
Дух суемудрия в тебя закрался.
Отец покойный совершил ошибку,
тебя послав в Италию, к панистам.
Отравлен ты лукавым Римом.

Р и ч а р д

Мама!
Лукавый Рим совсем не виноват,
что Годвинсон не блещет красноречьем.

Э д и т

Для искренней души, незлого сердца,
не нужно красноречья — только правда
и слово божье...

Р и ч а р д

Я и сам читаю
писание. Там красноречье есть.

Э д и т

Не знаю, сын мой, все твои слова
просты как будто, а таят лукавство.

Р и ч а р д

Так позабудь их, матушка, без гнева.
Как будто Ричарда не знаешь ты?
Он на отца похож...

К р и с т а б е л

А наш отец
любил шутить и был всегда веселым.

Э д и т

Но неизменно был богобоязнен.

Кристабел

Об этом я сказать хотела, мама.

Эдит

Идем, пора, без нас начнут читать священное писанье. А потом мы отдохнем немного от работы,— тогда придется небеса покинуть и взяться за земное. Не пропустим молитвенного часа.

Кристабел

Я готова.

А Дэви где?

(Видит его на скамье.)

Что это? Он заснул?

Вставай, мое дитя!

Ричард

Сестра, не надо тревожить мальчика. Такой малыш, а ведь со мной работал он, как взрослый.

Эдит

(пробует разбудить Дэви, но он спит крепко)

Сном молодым заснул, и не разбудишь!
Бог с ним, не опоздать бы. Дочь, пойдем!

Ричард

Одну минуту! Белла, где мой воск?

Кристабел

(взволнованно)

Зачем тебе?

Ричард

Испил бы на досуге...

Эдит

Так для забав есть время и желание?..

Р и ч а р д

Но это не забава для меня.
Ты знаешь, мама. Но не будем спорить.
Где воск? Ты, Белла, спрятали. паверно?

К р и с т а б е л

Ты так давно о нем не вспоминал!

Р и ч а р д

Да все минуты не было свободной.
Сам о себе я забывал не раз.
Трудился днем и ночью спал, как мертвый.
Я стал волом, как вавилонский царь*,
не знаю только — за какой проступок.
На время снова стал я человеком.
Скажи, где воск?

К р и с т а б е л

Ох, братец мой, прости!
Они просили, мама приказала...

Р и ч а р д

Я ничего не понимаю, Белла...

Э д и т

Твой воск взяла община для свечей,
при них читаться будет слово божье.
Почтенный Годвинсон испортил зренье,
читая при лучине...

Р и ч а р д

Мама, мама!

Э д и т

Послушай, сын!

Р и ч а р д

Нет, не могу я слушать!
Уйдите от меня, я сам не свой!
Уйдите прочь!

Э д и т

Так матери сказать!

Р и ч а р д

Тебе сказал, другому не сказал бы,
а просто...

Э д и т

Что? Договори! Побил бы?

Р и ч а р д

Уйдите от меня...

К р и с т а б е л

Пойдемте, мама,
он успокоится. Идем, пора.

Э д и т

(посмотрев на сына, идет к дверям)

Родную мать так оскорбить! За что?
За воск какой-то! Бог тебя простит...

Эдит и Кристабел выходят.

Р и ч а р д

(один, после минутного молчания)

Пусть бог простит — кого? Того, наверно,
кто сам не знает, что творит. Да что ж!
Прощать, карать ли — это божье дело,
а людям это ни на что не нужно.
Будь я наказан за обиду эту,
или прощен, как наш закон велит,
обида бы осталась неизменной
и все бы угнетала, точно камень,
и в грешное и в праведное сердце
взгрызаясь одинаково. Теперь
сиджу. На руки лишние смотрю,
лишенные излюбленной работы —
единственной, что скрашивала жизнь, —
да, это горше, чем вина на сердце,
чем муки совести...

Дэви

(как только женщины вышли, вскакивает со скамьи; крадучись, подошел к Ричарду, с намерением обратить на себя его внимание, но тот не слышит)

Послушай, дядя,
из воска только можешь ты лепить?

Ричард

А что тебе?

Дэви

(садится возле него и преданно смотрит в глаза)

Пет, дядечка, скажи!

Ричард

Могу из глины, но ведь нет ее.

Дэви

Как, нет! А печь мы из чего лепили?

Ричард

Другая глина. Статуя — не печь,
запомни это.

Дэви

(обиженно)

Дядюшка, я знаю.

Хотел тебе сказать. Нет, не скажу.
Опять рассердишься.

Ричард

Не на тебя.

Не обращай вниманья.

Дэви

Вот что, дядя,
я как-то пробовал лепить из хлеба...

Ричард

Ты пробовал лепить? Не пробуй, Дэви!
Не пробуй!

Дэви

Почему? Выходит плохо?

Мне кажется — не очень... Посмотри!

(Вынимает из кармана и показывает Ричарду фигурку из хлеба.)

Вот, видишь, Годвинсон, — он долгопольй, круглоголовый, с книжкою в руках, широкий рот от уха и до уха, а уши вот, торчат. Такой он, правда?

Ричард

(начинает приглядываться, потом берет у Дэви фигурку)

Дай посмотрю.

(Смеется.)

А правда — Годвинсон!

Ты вылепил фигурку в первый раз?

Дэви

Нет, все те дни, что мы по морю плыли, фигурки я лепил.

Ричард

А я не видел?

Дэви

Я прятался от бабушки и мамы, они не любят это...

Ричард

Но чего ж

Ты от меня таился... Вот какой ты!

Дэви

Стыдился я показывать тебе, то было очень плохо.

Ричард

(присматриваясь к фигурке)

Вот что, Дэви!

Нос у него длиннее должен быть, а голова понурена.

Дэви

Да, правда!

Поправить это можно — свежий хлеб!

Ричард

И набок склопена,

(Поправляет.)

вот так, а руки
на книжке сложены.

Дэви

Нет, в книжку палец
заложен, будто бы закладка в тексте.

(Передразнивает гнусавым голосом.)

«Раздел десятый, первый стих Осип»

(Смеется.)

Вот, если б я умел лепить, как ты,
я всех бы вылепил: старуху Стокли —
сову в больших очках, что не дает
по воскресеньям в бабки нам играть.
И Дика толстого, когда поет он,
на яблоко печеное похожий.

Ричард

Зачем тебе все хочется — таких?

Дэви

Люблю смешное.

Ричард

Разве ты не любишь,
когда красиво?

Дэви

Отчего? Люблю!

Да только — то все выдумать мне нужно!
Куда там мне...

(Ласкается к Ричарду.)

Дай, дядя, посмотреть,
что ты лепил на корабле?

Р и ч а р д
Тебе

так хочется?

Д р в и
Да, очень.

Р и ч а р д
Пу, достань
вот там, в шкафу.

Д р в и
А можно посмотреть,
что из Италии привез?

Р и ч а р д
Не трогай!
Что ты там делаешь?

Д р в и
Читаю надпись,
да по латыни трудно разобрать.
(Читает медленно.)
«Pereat mundus, fiat ars». Что значит?..

Р и ч а р д
«Пусть мир погибнет, но живет искусство».

Д р в и
Искусство?

Р и ч а р д
Да, священное искусство
музыки, живописи и ваянья.

Д р в и
Понятно! Кто так говорил, скажи мне!

Р и ч а р д
Услышать можно эту поговорку
в кругу художников венецианских,
где я был принят...

Дэви

Вот, наверно, дядя,
там весело жилось...

Ричард

Да, да, мой мальчик.

Дэви

И как ты мог покинуть этот круг...

Ричард

а кто же помогал бы без меня,
заботился бы здесь, на новом месте,
о бабушке, о маме, о тебе?

Дэви

Ну, я и сам, пожалуй, не пропал бы.

Ричард

Да, так, как твой отец?

Дэви

Отец, отец!

Скажи, за что они его убили?

Ричард

За книжку.

Дэви

За какую?

Ричард

В ней писал он,
что почитание икон не нужно,
что церковь англиканская греховна*.

Дэви

Так это ж правда,—бабушка сказала,
что так и по священному писанию.

Ричард

Ты думаешь, за правду не карают?

Дэви, с фигуркою в руках, молча задумался.

Дженни Кембл

(молоденькая девушка, очень просто одетая; входит и останавливается на пороге)

Ах, извините! Вы одни...

Ричард

Прошу!

Вернутся очень скоро мать и Белла.

Дженни стоит и мнет край фартучка, не выходя из дверей.

Дэви

(смотрит на фигурку, которую держит в руках, потом смотрит на Дженни)

Мисс Дженни — посмотрите, ваш портрет!

Дженни

Где?

(Приближается.)

Дэви

Вот!

Дженни

(смаст вид, что не находит сходства)

Какой там — разве это мой?

Одета, как принцесса.

Ричард

Разве платье

Существенно? И вы могли б одеться принцессою.

Дженни

Да где уж там... Ведь я простая девушка.

Ричард

Поверьте мне,

никто не удивился бы, увидев в такой одежде вас.

Д ж е н н и

О, вы художник!

Вы говорить привыкли комплименты.

Р и ч а р д

Но почему вы думаете так?

Д ж е н н и

Всегда вы были в обществе блестящем,
порою — при дворе у короля.

Р и ч а р д

Верней — у королевских живописцев!

Д ж е н н и

Ну, все равно. В дворец приходят дамы
роскошные заказывать портреты.

Д э в и

Ну, это что! Вот если б вы слышали,
как дядя станет говорить про башни,
про представления и маскарады,
которые он повидал на свете,—
есть что послушать.

Р и ч а р д

Дэви, не болтай!

Д ж е н н и

(к Дэви)

Ты думаешь, что дяде интересно
мне это все рассказывать?

Р и ч а р д

О Дженни!

Когда б я знал, что интересно вам...

Д ж е н н и

Людей бывалых каждый любит слушать.

Дэви

О дядя, расскажи про карнавал.
Про город на воде... Как он зовется?

Ричард

Венеция?

Дэви

Да, да!

Дженни

Красивый город?

Ричард

Царицею морей ее зовут,
я — колыбелью красоты назвал бы.
Когда я часто голубою ночью
на этот город мраморный смотрел,
казалось мне, что не людские руки
построили те белые дворцы,
а будто поднялись они над морем,
как серебристые встают туманы...

Дженни внимательно слушает, опершись на камин. Ричард
залибовался ею и остановился.

Дэви

Ну, дальше, дядя! Что ж ты замолчал?

Ричард

Дай нож и дерево.

Дэви

Зачем тебе?

Ричард

Когда строгаю, лучше говорится.

Дэви дает, Ричард строгаёт, поглядывая на Дженни.

Бывало, медлят черные гондолы
и серебрятся кораблей ветрила,
от горизонта к городу плывя;
и кажется — таинственные звезды
Венеции в подарок посылают

прекрасные мечты,— она, приняв их,
так бережно колышет, тихо-тихо,
тихонько, чтобы их не напугать...
(Дерево внезапно ломается в руках у Ричарда, он с
досадою бросает его в огонь.)
Дай глины, Дэви.

Дэви

Той, что там,— простой?

Ричард

Хотя бы той...

Дэви выходит и быстро возвращается с глиной.

Порой, бывало, утро
меня застанет,— все люблюсь чудом,
зовущимся Венецией. Как только
луч первый солнечный ударит в стены,
они зажгутся золотым пожаром,
а море сразу будто засмеется,
проснувшись вдруг и увидав красу
царицы пышной; как великолепно
она в тот час, когда восходит солнце,
когда еще не пробудились люди,
а некоторые легли едва.
Венеция не любит спать ночами,—
в такое время мрамор оживает
и каменные люди на домах
какую-то мистерию играют...
Меняются их мраморные лица
при солнечном сиянии, как живые.
Красивы эти люди! И не зря
толкуют, будто то русалки, никсы*,
из моря вынырнув, взошли на стены,
чтоб убедиться, так ли свет широк,
и на красивый город засмотрелись,
и не заметили, как скрылся месяц.
Тут солнце их лучом пронзило острым,
и все русалки вмиг окаменели:
им не дозволено смотреть на солнце.

Дэви

Русалки вправду в море есть?

Р и ч а р д
Да, есть
для тех, кто верит в них.

Дэви
Я буду верить,—
тогда увижу их?

Р и ч а р д
Увидишь, Дэви!

Д ж е н н и
Отец сказал, что грех в такое верить.

Р и ч а р д
А если верится!

Д ж е н н и
Читать писанье —
и разум просветлеет.

Р и ч а р д
Но мечта
останется.

Входят Эдит и Кристабел, с ними Годвинсон и
Джошуа Кембл; оба коротко острижены. Годвинсон в
долгополой одежде не то ученого, не то духовного лица.
Кембл в простой пуританской одежде.

Г о д в и н с о н
Мир дому!

Ричард молча встает, кланяется. Дэви и Дженни отходят в
сторону. Дженни здоровается с женщинами. Дэви прячется за
полог.

К е м б л
Мир вам, братья!

Р и ч а р д
Почтенный мистер Кембл? Как вы живете?

Кембл

(не отвечая Ричарду, к Джени)
Ты здесь зачем?

Джени

Я только что пришла.
Мне госпожа Эдит...

Кембл

(поглядывая на Ричарда)

Послушай, дочка!
Ты это «госпоженье» мне оставь,
мы во Христе едином — братья, сестры,
со всеми просто говори на «ты» —
хотя бы с королем самим. Понятно?

Джени

Да... понимаю.

Кембл

Ты же, молодец,
наверно с нашей простотой не свыкся?
Отвыкнуть от привычек нечестивых
пора тебе.

Ричард

Да у меня их нет.

Годвинсон

Тот, кто прожил три года у папистов,
привычки их мог все же перенять.

Ричард

Италия от нас отстала в вере,
обычаям же может научить.

Эдит

(к Кристобел)

Ты завтрак приготовила б для брата,
раз мы идем, то надо собираться.

Кристобел возится возле печи. Джени помогает ей. Они тихо
разговаривают.

Р и ч а р д

Куда? Я никуда не собираюсь.

К е м б л

Мы только что решили на собрании,
что Годвинсону, нашему отцу,
построим дом. Община так решила.

Р и ч а р д

Мне кажется...

Г о д в и н с о н

Есть домик у меня.
Община же по доброте своей
желает каменный построить дом,
чтоб я в нем жил. Не столько для меня,—
я не дал бы согласия на это,—
как, собственно, для блага всей общины!
В том доме люди будут по субботам
сходиться для божественной беседы,
что в тесноте покамест невозможно.
Хоть я сказал общине: жаль труда.

К е м б л

Что там, отец, ведь коль община вся
за дело примется, то и недолго
продолжится работа. До зимы,
наверно, кончим.

Р и ч а р д

Скоро уж зима,
и вряд ли все участники общины
начать работу смогут.

К е м б л

Почему?

Р и ч а р д

Еще не все построили жилища.

Э д и т

Зато для нас огонь духовный будет
гореть в том доме, где живет учитель.

К е м б л

Что ж, Ричард, забирай свой инструмент
и парня...

Р и ч а р д

Мальчик очепь утомился,
и мал он для общественных работ.

К е м б л

Ну, сам приди.

Р и ч а р д

Приду ли я, не знаю.

К е м б л

Не знаешь — почему?

Р и ч а р д

Я очень занят,
я раньше обещал моей соседке
соорудить в ее лачужке печь.
Как только я освобожусь сегодня,
я должен к ней идти.

Э д и т

Я полагаю —
соседка рта может подождать.

Р и ч а р д

Я, мама, думаю совсем иначе.

К е м б л

Постановила ведь община взяться
за дело всем.

Р и ч а р д

Я не был на собрании.

Кембл

Ты мог притти.

Ричард

Меня никто не звал.

Эдит

Тебя звала я.

Ричард

Мама не сказала,
что там на сборе будет обсуждение.
Я думал — то собрание для молитвы.

Кембл

Все так и было. Только заодно
мы и дела общины обсудили.
Да это все равно — ты был или нет,
а уж когда община все решает,
то каждый должен слушаться решений.

Ричард

В ком сила есть бороться с принуждением,
Тот делает все только по желанью.

Кембл

Я думаю, есть у тебя желание?

Ричард

Но разрешите мне об этом думать.

Кембл

Но ведь община спрашивать не будет
тех, кто сопротивляется решениям.
Что хочешь думай — должен подчиниться.
Ведь власть общины — это божья власть,
и пусть при ней молчат иные мысли.

Ричард

Так говорить не должно пуританам.

Годвинсон

Но почему не должно? Поясните!

Р и ч а р д

Ведь если не за право мыслить бились,
тогда за что боролись мы — не знаю.

Г о д в и н с о н

За слово божье! За права общины!

Р и ч а р д

А в чем, по-вашему, права общины?

К е м б л

А в том, что ни парламент, ни король
сломить не властны приговор общины.
Община независима, свободна.

Г о д в и н с о н

(с угрозою в голосе)

Община все негодные наросты
рубить имеет право и сжигать,
и помешать ей в том никто не смеет.

Р и ч а р д

(Годвинсону)

В такой общине полная свобода
всем фарисеям.

Г о д в и н с о н

Ричард, вы к чему
сказали это?

Р и ч а р д

Sapienti sat! "

Г о д в и н с о н

Вот это вежливая речь.

Э д м у н д

Сын, вспомни,
что говоришь ты с гостем и со старшим.
Учитель дорогой, простите вы
слова, что сказаны без разуменья.

Р и ч а р д

Я не сказал ведь, мама: *Mea culpa!* *

К е м б л

При чем тут католические фразы?

Г о д в и н с о н

(берет шапку)

Пребудьте с миром.

Э д и т

Дорогой учитель!

Вы не уйдете в гнев от меня —
не покараете меня так тяжело
за эту дерзость сына моего.

Г о д в и н с о н

Из уваженья к вам одной, Эдит,
я тут останусь.

Появляется и останавливается на пороге очень бедно одетая
ж е н щ и н а, несколько раз кланяется присутствующим.

Ж е н щ и н а

Мир честному дому.

Р и ч а р д

Мир, женщина, и вам.

Женщина все стоит у порога, вид у нее прибитый, прини-
женный.

Прошу, входите!

Г о д в и н с о н

(Кемблу)

Ее лицо я что-то позабыл.

К е м б л

Да ведь она не ходит на собрания.
Муж ее, Риверс, убежал в Род-Айленд,
как только выборы прошли у нас.

Годвинсон

Лукавый человек. Мutil общину.
Что нужно ей?

Женщина
(Ричарду)

Я к вам, почтенный мастер,
пришла спросить у вас о том...

Ричард

Я знаю.

Я не забыл. Сегодня я приду.

Женщина

Простите, что надоедаю вам.
Я не посмела б. Но — нужда и осень,
и просто негде развести огонь,
чтоб детвора несчастная согрелась.

Годвинсон

У вас нет дома?

Кембл

Домик есть у них.

Женщина

Да, домик есть. Еще мой муж сложил
лачужку, но без печки, — видит бог,
как в погребѣ, там сыро. Мой малыш
трясется в лихорадке... По утрам
я голову с усилием поднимаю.
И так была беда, теперь же, вижу,
совсем пришел конец, и ниоткуда
нет помощи, совета никакого.
Община сердится... А я виновна?
Ну пусть уж я... А дети-то при чем?

(Плачет.)

Ричард

Так, значит, и младенцы отвечают
за грех отца?

Годвинсон
Я, мастер, за общину
не отвечаю. Как она решит.

Кембл
(женщине)

Ты, бедная, немного подожди,
вот выполним общинную повинность,
поговорим и, может быть, поможем...

Женщина
(боязливо глядя то на Ричарда, то на
Годвинсона и Кембла)

Я подожду; да только вот беда
с ребенком... как бы он не умер...

Ричард
(кличет громко)

Дэви!
Бери наш инструмент, пойдем печь ставить!
Дэви собирает в углу инструменты, принесенные в начале
действия.

Кристабел
(отлиkaется, стоя возле каминa)

Хотя бы, Ричард, ты поел немного!

Ричард
Не голоден я. Дэви, собирайся!

Дэви
Я, дядя, уж готов.

Ричард
Тогда идем!
(Молча кланяется Годвинсону и Кемблу и выходит
вместе с женщиной.)

Женщина
(всем низко кланяется)
Останьтесь в божьей милости.

Кембл

Прощай!

Женщина снова кланяется и выходит вслед за Ричардом и Джек.

Годвинсон

Эдит, ваш сын, как видно, хочет выйти с общиною на поединок.

Кембл

Ты уж,
отец, преувеличиваешь слишком!
Он пожалел несчастную,— не вижу
я в этом прегрешенья. Милосердие
к таким — обязанность христианина.

Годвинсон

Семья их терпит за свое шечество,
и женщина теперь стоит овечкой,
нуждой прижата. А душа в пей волчья.

(Кемблу)

Она ведь и не слушала тебя,
ей, видишь, нужен мастер — не община.
Господь ее накажет, как Сапфиру*,
Ананьи нечестивую жену,
которая прикрывала пред общиною
грех мужа своего. И, верно, Ричард
пошел помочь ей не по доброте...

Кембл

Не осуждай, учитель: он отважный,—
сказать по правде, я люблю отвагу,—
но вспыльчив он, как молодой бычок,
ходить в ярме еще не научился;
а все-таки он добрый по натуре.
Я знал его ребенком. Мы водили
хлеб-соль с его отцом покойным, Джеком.
Эдит, ты помнишь, как со стариком
мы англиканцам задавали жару?

Э д и т

Брат Джошуа, могу ли я забыть,
каким ты был товарищем для Джека.

Г о д в и н с о н

(сел возле камина, собирався помешать угли, нагнулся за кочергою и неожиданно увидел фигурку из глѣба, валявшуюся на полу; поднял ее, пригляделся, потом встал. К Эдиту)

Эдит, наверно, сын ваш это делал?
(Показывает и кладет перед ней на стол фигурку.)

Э д и т
(подавлена)

Я ничего с ним сделать не могу,
и сердце разрывается мое.
Учитель, вижу: он идет на гибель.

Г о д в и н с о н

Жалею я, что покарал господь
вас, мать, подобным нечестивым сыном,
но больше не могу я оставаться
в том доме, где хозяином ваш сын.

Э д и т

Почтеннейший учитель!..

Г о д в и н с о н

Не могу.

Пребудьте с богом!

(Быстро выходит.)

Э д и т
(всплескивая руками)

Господи, за что ты
Караешь нас?

К е м б л

Да что он там нашел?
(Присматривается к фигурке.)
Ха-ха-ха-ха! Вот здорово похоже!
Как вылитый, отец наш Годвинсон.

Сказать по правде, может — нечестиво,
но вышло хорошо... Видала, Дженни?

Д ж е н н и
(подходит, усмехаясь)

Но почему разгневался учитель?
Людей изображают на портретах,
так почему нельзя лепить их?

К е м б л

Видишь,
портреты только пишутся, а все,
что леплено и резано, — кумир,
а не портрет.

Д ж е н н и

Я думала, отец,
что лишь богоподобия — кумиры.

К е м б л

Нет, сказано, чтобы никто не резал
и не лепил «подобья никакого», —
все это святотатство.

Д ж е п п и

А когда
фигурку лепит кто-то для забавы,
и это грех?

К е м б л

Да как тебе сказать?
Оно не то, чтобы грешно, а все же...
Да почему пристала ты?

Д ж е п п и
(смущенно)

Я... Так...

К е м б л

Я удивляюсь Ричарду! Хороший
и честный парень; а никак не может
подобных глупостей оставить.

Э д и т

Брат,
ты слишком добр, не глупости все это,
а грех великий. Это все — мой крест
и сердца пострадавшего рана.

К е м б л

Э, ведь и ты, сестра, впадаешь в грех —
во грех отчаянья. Твой Ричард молод,
и так как пьянствовать не любит парень,
с дивчатами не водится, то должен
он чем-то забавляться — кровь кипит.
Когда он женится, совет гнездо,—
забавы все окончатся.

Э д и т

Дай боже,
чтоб речь твоя пророческой была.
Пока же холодеет кровь моя,
когда подобные забавы вижу.
(Показывает на фигурку в открытом шкафу.)

К е м б л

(присматривается и узнает в фигурке Джени)

Э-ге! Скажи-ка, что это, Джоанна?

Д ж е н н и

Я, папенька, не знаю.

К е м б л
(сурово)

Ну, так знай,
что я забав подобных не дозволю!
В последний раз чтоб было!

Д ж е н н и

Хорошо.

К е м б л

А Ричарду скажу, чтоб уничтожил —
следа чтоб не было.

Д ж е н н и
Ах, папа!

К е м б л
(сурово)

Дженни!

Д ж е н н и
Я — ничего
(Тихо к Кристабел.)

Послушайте, сестра,
как я грешна — мне очень жаль фигурку.
(Идет к перегородке.)

К е м б л
Куда ты, Дженни? Нам пора домой,
я ничего с утра не ел.

Э д и т
Останься,
брат Джошуа, позавтракай у нас,
чем бог послал.

К е м б л
Нет, я, сестра, пойду.
Подходит время выйти на работу,
а мой топор искать меня не будет,
и должен я за ним пойти домой.

Э д и т
Брат Джошуа, ты, может, и меня
возьмешь туда, где начинают строить?

К е м б л
Зачем тебе туда?

Э д и т
Пойду работать
с общиной.

Кембл

Мы женщин не зовем.
Совсем не место женщине на стройке!

Эдит

О, женщина все может, если нужно!

Кембл

Необходимости нет в этом крайней.

Эдит

Но крайности мой род не ждал вовек.
Всегда и всюду первыми мы шли.
И, если обществу и богу сын
служить не хочет — мать пойдет. Позора
не будет на роду моем.

Кембл

Эдит,
красноречиво это. Только сила
у женщин не равняется словам.

Эдит

Носить ли кирпичи, мешать ли глину
и я смогу. Как честный член общины,
Не буду лишней на работе общей.

Кембл

Как ты считаешь нужным. Если хочешь,
зайди ко мне, я провожу тебя.
Пребудьте в мире, сестры!

Эдит и Кристабел

Вам бог на помощь!

Кембл и Джеппи выходят.

Эдит

Дай, дочка, мне позавтракать, что есть,
а после дай лопату и рогожу,
найди отвес.

Кристалл
Так вправду ты пойдешь?

Эдит

Когда же я неправду говорила.

Кристалл
Позволь мне, мама, я пойду помочь.

Эдит

Кому ты хочешь помогать?

Кристалл
Тебе.

Эдит

Останься дома.

Кристалл
Почему?

Эдит

Так надо.

Ричард и Дэви входят запыхавшись. Молчанье. Кристалл
готовит завтрак. Эдит раскрывает библию и читает.

Ричард

Дай, Беллочка, позавтракать скорее.

Кристалл
Ты уж вернулся быстро так?

Ричард

На миг.

Для Дэви это. Вижу, он томится
от голода — уйти один не хочет,
я должен был пойти с ним, чтоб поесть.

(Пока Кристалл готовит кушанье, Ричард быстро
ходит по дому, видимо, взволнованный.)

О, господи, какие есть несчастья!
Не можешь ты себе представить, Белла,
как Риверса жена бедна, несчастна,

в сырой землянке с малыми детьми.

И не одна она... им нет числа...

(Ходит молча, потом останавливается перед Эдит.)

А знаешь, мама, я о том подумал,
что, может, вправду грех так жить, как я.

Э д и т

(радостно)

Ты к этой мысли, Ричард мой, пришел?
Благословен господь.

Р и ч а р д

Я в первый раз
сегодня увидел нужду людскую.
Я знал лишь артистическую бедность,
лишь бережливость и бессонный труд,
но не видал еще голодных корч,
голодных криков я еще не слышал,—
не слышал, не видал, не ощущал.
Не грех ли эта страшная беспечность?
По жил я среди грез и красоты.
Я выше, выше, выше поднимался
на крыльях грез,—теперь упал на землю.
Ох, мама, как же я разбился страшно.
Я, кажется, сломал крыло мечты,
оно ведь как плескало буйно!

Э д и т

Сын мой,

тебе как будто жалко этих грез,
хотя ты понял сам, что вместо грез...

Р и ч а р д

Да, вместо грез тут просят только хлеба.
Но я за это в них не брошу камня.

Э д и т

Мой сын, не только просят хлеба здесь,—
и слова божьего—не забывай;
и мы обязаны служить всем сердцем
тем, кто дает нам слово божье...

Р и ч а р д

Мама!

Христос давно нам дал его. То слово
не спрятано в кладовке под замок,
и всякий может взять его теперь,
а передатчиков не нужно нам...

Э д и т

Ты, как род-айлендец, сын, говоришь,
тебя смущает Риверса жена,
пусть бог сразит ее!

Р и ч а р д

Не проклинай!

Ее и так сразило злое время.
Подумай, мама,— люди, что назвали
себя «святыми» и «сынами бога»,
дают не хлеб, а камень близким, братьям.
Они мечтам обламывают крылья.
Их нужно проклинять.

Э д и т

Довольно слов;

Тут что ни слово — новый грех.

Р и ч а р д

Довольно!

Тут что ни слово — новая отравка
тебе и мне.

К р и с т а б е л

Садитесь, завтрак стынет.

Эдит, Ричард и Дэви садятся к столу. Кристабел им прислуживает. Едят в молчаньи. Эдит встает первая, берет отвес, лопату, вскапывает на плечо рогожу и направляется к двери.

Р и ч а р д

(Кристабел)

Куда же это мама?

К р и с т а б е л

На работу.

Э д и т
(оборачиваясь, стоя на пороге)

Я за тебя иду работать, сын мой.
(Быстро выходит.)

К р и с т а б е л
(к Дэви)

Пошел бы ты, сынок, помочь бабусе.

Дэ в и
Что скажешь, дядя Ричард?

Р и ч а р д

Как ты хочешь.

Дэ в и
А я с тобой пойду.

Дэви начинает снова с аппетитом есть. Ричард сидит, не прикасаясь к еде.

К р и с т а б е л
Ты ел бы, Ричард...

Р и ч а р д
Не хочется мне, Беллочка.
Молчание.

К р и с т а б е л
Тут Кембл
набросился на дочку за фигурку,
сказал, чтоб ты разбила...

Р и ч а р д
(с внезапным гневом)
Не разобью!
Такое приказать никто не может.

Кто-то стучит в дверь.
За мной, должно быть.
(Встает.)

Кристабел
(открывает и заглядывает за дверь)

Боже, Джонатан!
Ты видишь, Ричард?
(Ведет Джонатана за руку в дом.)

Ричард
(бросается навстречу и горячо здоровается с Джонатаном)

Ты взялся откуда?
Я думал — ты в Голландии осел...

Джонатан
Осел, да вот не высидел...

Ричард
Что так?
Рассказывай все, что с тобою было...
Садись скорее, Джонатан!
(Усаживает за стол, придвигает ему кушанье.)
Поешь!

Джонатан
Спасибо, я не голоден, я ел.
С женою мы шатер соорудили
и малость там покушали.

Кристабел
Да что вы?
Ну, как же это можно жить в шатре?
Пока постройтесь — у нас живите.
Да, Ричард?

Ричард
Да, не может быть иначе.

Джонатан
А где же ваша мать?

Кристабел
О, наша мама
вам будет очень рада. Я пойду

и приведу сюда супругу вашу.
Где вы остановились?

Джонатан

Как сказать вам?
Там, где община ваша что-то строит,
невдалеке раскинули мы лагерь.

Кристабел

Понятно, я найду.

(Выходит.)

Ричард

Послушай, друг!

В Голландии «осесть» не захотел ты?
Не зарабатывал?

Джонатан

Да нет, не то.

Я разочаровался в Старом свете.
Ведь Старый свет состарился в грехах,
закостенел в привычках нечестивых,
и даже новой веры дух живой
не воскресит покойника такого.
Вот почему когда-то из Египта
Израиля бог вывел в новый край,
иначе б тот народ не стал избранным.
Египетская старческая нечисть
его бы поразила, как проказа.
Когда-нибудь я расскажу подробно
про все пережитое, а теперь
и вспоминать не хочется. Я рад,
что я о том могу уже не думать.

Ричард

А все-таки для нового искусства
в Голландии проторен путь. И а
«египетскую нечисть» ей простил бы.

Джонатан

Ты это говоришь, а не простил
Венеции ты всех ее грехов
за яркое искусство.

Р и ч а р д

Я простил ей
не в меньшей мере, чем Христос блуднице.

Д ж о н а т а н

Все ж признаешь ты, что она блудница.

Р и ч а р д

Не это вовсе я хотел сказать,
и оказался бы неблагодарным...

Д ж о н а т а н

Зато правдивым. Испугался я,
что поглотит меня ее распутство,
останься я там дольше.

Р и ч а р д

Ничего

я не боялся...

Д ж о н а т а н

Почему ж бежал,
напуган, как женою Потифара? *

Р и ч а р д

Ты вспомни инквизицию. Затем,
ты знаешь — ряд обязанностей важных
домой нас требовал.

Д ж о н а т а н

Да, это правда.

А все ж Венецию без сожаленья
покинул ты.

Р и ч а р д

Тебе так показалось?

Я этого тогда не осознал...

(Немного задумался.)

Однако, правда, я оттуда рвался —
пресытился я пышностью, пирами
и яркой красотой венецианок,

речами льстивыми вешающихся.
А шея пуританская моя
по-католически никак не гнулась,
и ноги не хотели перейти
через высокие пороги дождей
и спотыкались на полах блестящих
в дворцах у меценатов. В тех дворцах
заморскими цветами расцветают
темные таланты — и в теплице
скорее увядают, чем цветут.
Потомки великанов измельчали.
Увядаша.. беспильна красота.

Джонатан

Художники там выродились, правда, —
чванливой знати жалкие рабы,
от солнца божьего они отвыкли,
им свет искусственный необходим.

Ричард

Искусство это все свои слова
договорило, кажется; оно
готово онеметь...

Джонатан

Да, это так...

Как это страшно, Ричард! Навсегда
свою судьбу связали мы с искусством.

Ричард

О брат, еще в свою судьбу мы верим.
В Италии не завершился свет.
А тут у нас свет только начался.
Еще поборемся. Мы, слава богу,
родились не лакеями магнатов,
иные звезды в нашем гороскопе.
Плывя сюда, я очень много думал —
то был великих мыслей океан.
Я вспоминаю — часто вечерами
на корабельной палубе сходилась
община наша, как одна семья,
и там при свете вечного огня,

что сам господь для всех разжег на небе,
мы пели гимны. И павлов фигуры,
как бы отлитые из черной бронзы,
суровы, и тверды, и мощи полны,
при свете звезд гигантскими казались.
В них было столько новой красоты,
в италийском мире неизвестной,
где азбуку искусства я постиг.
И мне мечталось, что в обители этой
я среди края нового зажгу
светило новой вечной красоты...
О, это были жаркие мечты...
Когда б ты знал...

Джонатан

И что ж? Они погасли?

Ричард

Нет, не погасли, но чуть-чуть померкли.
И вижу я, тут в новом крае нужно
немало пней расчистить для начала,
А после разводить уже костер.

Джонатан

Какие пни? Ты говоришь о пуще?

Ричард

Меня пугает мало эта пуща,
хоть и она немало силы губит.
Тут даже глины подходящей нет.
Но это пустяки; найдем, быть может.
Среди людей тут вырос терн колючий.

Джонатан

Так кто ж они такие?

Ричард

Обживешься —
и сам увидишь все... Ох, Джонатан!
Какой же я тяжелый день провел...
Да, слава богу, радостно закончил.
(Кладет руку на плечо Джонатану.)

Товарищ верный мой! Сердечный друг!
Мой побратим в святом искусстве нашем!
Сам бог тебя привел на помощь мне.
Теперь перевернем мы горы. Правда?
(Смеется радостно и шутливо трясет Джонатана за плечи.)

Джонатан

Ой, ой, пусти! Я ж — не гора!.. Ну, брат,
ты набрался тут силы Голиафа*,
тебе идет на пользу эта пуща!

Ричард

На пользу все! И тернии! И пуща!
Я ничего на свете не боюсь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же дом, что и в первом действии, только лучше обставленный. На камине много эскизов, миниатюр и всякой скульптуры. На стенах инструменты скульптора и живописца. Много полок, на одной — скульптура, на других — новая посуда. В одном из углов — гончарный стапок. Вся комната имеет вид не то студии скульптора, не то мастерской гончара. Много неоконченных работ. На движущихся подставках — бюсты, накрытые мокрыми тряпками.

В глубине комнаты устроен альков. Вместо постели в нем маленькая эстрада. На эстраде молодая девушка — индианка в своем дикарском наряде. Ричард лепит с нее статую в натуральную величину. Он работает очень усердно, то приближается, то отходит от статуи. Приглядывается, то исправляет позу девушки, то статую. Движенья быстрые, энергичные. В них видны увлечение, экстаз.

Ричард (про себя)

Вот так... так будет лучше... Нет, вот так!
Теперь, как надо... Стой, не шевельсь.
Или устала очень?

Девушка качает головой, показывая, что нет.

Ну, стой!

А я тебе за это подарю
сверкающее ожерелье. Любишь
такие ожерелья?

*(Показывает девушке ожерелье, сняв его с полки.
Девушка смеется и всплескивает руками.)*

Позу, позу!

(Подходит и исправляет ей позу.)

Смеяться можешь, а рукой — ни-ни.

*(Показывает жестами, что руками взмахивать нельзя,
и сам смеется. Стучат в дверь.)*

Г о л о с

(за дверью)

Что, дома мастер Ричард?

Р и ч а р д

Дома, дома!

Как только послышался стук, дикарка бросилась и задернула занавес алькова, так, что ее не стало видно. Входит Д ж о н а т а н.

Д ж о н а т а н

День добрый, Ричард!

Р и ч а р д

Добрый день, здорово!

Давно тебя не видел. Что ты, брат,
стал избегать мой дом?

Д ж о н а т а н

Ну, что ты! Я
не избегаю.

Р и ч а р д

Сладь, будь нашим гостем,
а мне позволь работу продолжать.
*(Открывает девушку. Джонатан сразу же поворачи-
вается спиной к Ричарду и девушке.)*
Ведь глина сохнет. Надо торопиться.

Джонатан молча раскрывает большую книгу, лежащую на столе, и склоняется над ней.

Р и ч а р д

(дает позу девушке, принимается за работу, напевая и разговаривая. Поет)

Ах, белоснежную лилею
увидел я.

Лети за мной моею,
душа моя!

(Говорит.)

Вот, Джонатан, мой настоящий праздник!

Смотри, какую глину здесь нашел я —
италианским скульпторам такая
и не приснится...

(Подает Джонатану комок глины.)

Д ж о н а т а н

Глина хороша.

Иметь в виду мне надо.

Р и ч а р д

Снова лепить?

Ну, слава богу, я сердечно рад,
что ты к работе возвратился.

Д ж о н а т а н

Да,—

но лишь с иной душой и с новым сердцем,—
отбросил спесь и, духом покорившись,
себя я отдал на служенье богу.

Р и ч а р д

Что делаешь?

Д ж о н а т а н

Все, что общине нужно.

Р и ч а р д

Что ж нужно ей?

Д ж о н а т а н

Довелось диски злоба ...

Р и ч а р д

(работает, слушает невнимательно. Поет)

Там колокольчики-звоночки

увидел я.

Кому же ты плетешь веночки,

краса моя?

Д ж о н а т а н

Что ты поешь там?

Р и ч а р д

Песню флорентинцев.

(Поет.)

Багряные цветы граната...

Девушка опускает руку.

Спова?

Устала очень? Ну, постой минутку,
я скоро отпущу.

(Поправляет позу.)

А знаешь, друг,

работа эта будет чем-то новым.

Давно уж я так сердцем не горел,

как ныне. Кажется, что днем и ночью

работы я не оставлял бы. Правда;

что и модель подобная — на редкость.

Я целый год искал, — нашел сегодня.

Как ты прекрасно, дикое дитя!

Ты видишь, Джонатан?

Д ж о н а т а н

Послушай, Ричард!

Сказать по правде, я и не подумал,

чтобы ты мог до этого дойти.

Р и ч а р д

Что ты в виду имеешь?

Д ж о н а т а н

Знаешь сам...

Р и ч а р д

Нет, искренно, не знаю.

Джонатан

Успокойся.

Ну кто ж не знает, чем модели служат
для молодого скульптора; хотя бы
ты христианку взял...

Ричард

(бросает работу, пораженный)

О Джонатан!

Когда бы это Годвинсон сказал,
не удивился бы я. Но то, что ты —
художнику художник — говоришь,
не только удивляет, но печалит.
Нет, если бы ты был подлинным творцом,
ты был бы чист фантазией и мыслью,
ты знал бы, что, работе отдаваясь,
живем мы не на этом грешном свете, —
в то время мир мечты нас окружает
и царство божье на земле, — его
все ищут люди и пайти не могут.

Джонатан

Ты думаешь, что ты его нашел?

Ричард

Да, думаю и знаю.

Джонатан

Ты счастливый.

Ричард

Ну, что же, хватит мне уж быть несчастным,
уже довольно плача и рыданий,
довольно стонов, скрежета зубов.
Земля — не ад, на людях нет проклятья
и радости — не грех, а божий дар.

Джонатан

Но, если вправду радости — от бога,
то что в тебе теперь их породило?
Плоть женская, греховная краса!

И этим ты еще других прельщаешь!
И это — «божье царство на земле»?!

Р и ч а р д

(сначала ничего не говорит, идет молча, дает девушке ненавязанные бусы и пить, задерживает альков, закрывает мокрой рогожей статую и возвращается к Джонатану)

Пусть грешная краса не обольщает
твоих святых очей. О, Джонатан!
Кто затемнил твои глаза бельмом?
Когда-то у тебя иной был взгляд.
Так радовался я, что ты приехал
сюда, в колонию. Как друга встретил
тебя, мой Джонатан! Так отчего же
теперь врага я вижу пред собой?

Д ж о н а т а н

(задумался, потом подает Ричарду руку)

Пет, Ричард, пред тобой стоит не враг.
Так быстро не становятся врагами.
Надежду не теряю, что с тобой
еще пойдем мы общею дорогой.
Ты думаешь, что я теперь ослеп;
мне кажется — ты не прозрел еще.

Р и ч а р д

Ну, хорошо, оставим этот спор.
Ты что читал тут?

(Заглядывает в книгу.)

Библию? Исход?

Д ж о н а т а н

С тобой мне посоветоваться нужно...

Р и ч а р д

Ну, знаешь, брат, я богослов плохой...

Д ж о н а т а н

Пет, тут не богословье, тут иное:
подсвечник для молитвенных собраний
община заказала; полагаю,
что тут артиста можно примирить

с христианином. Ведь община хочет, чтобы подсвечник выглядел, как тот, что в Библии описан. Вот послушай! «Резной подсвечник должен сделать ты и стебель, чаши, и крути, и листья» должны быть у него». Мне непонятно, что за крути — какие, сколько чаш? Не разберу. Вот, прочитай и ты.

Р и ч а р д

(читает про себя, потом отстраняет книгу)

Советую — закрой ты эту книгу и не читай всех этих текстов, если творцом-художником остаться хочешь.

Д ж о н а т а н

Остаться я хочу христианином.

Р и ч а р д

Зачем же ты в египетское рабство идешь, мой друг! Община наша вся и Годвинсон в искусстве понимают не более, чем эта вот дубина, и даже меньше.

Д ж о н а т а н

Будь доволен, Ричард, что так перед товарищем сказал ты, — ведь если б это все достигло слуха общины и учителя...

Р и ч а р д

Уф, страшно!

Я им готов все высказать в глаза: что правда, то — не грех. Я и сказал им что-то вроде этого, когда хотели, чтоб я финики лепил над окнами и над дверями в школе, — так выдумал премудрый Годвинсон, найдя в Писании такое украшение.

(Смеется.)

Джонатан

Сказать еще хочу тебе я кстати:
напрасно ты поссорился с общиной,
в особенности — с Годвинсоном.

Ричард

Что мне
твой Годвинсон?

Джонатан

То, что в общине он
большую обладает силой.

Ричард

Что ж
Пусть он в общине — сила, я — один.
Обоим хватит.

Джонатан

Что же, ты пойдешь
один против общины? Да чему
твоя работа служит?

Ричард

Красоте.

Джонатан

Кому она пужна?

Ричард

Мне самому
и тем, что вслед за мной идут.

Джонатан

Ты видишь
таких людей?

Ричард

Да вот, хотя бы Дэви.

Джонатан

Мальчишка?

Р и ч а р д

Да, мальчишка! Для меня улыбка Дэви означает больше, чем все проклятья разных Годвинсонов. Что ж до общины, то я ей даю что нужно ей.

(Показывает на посуду.)

И — кончены все счета.

Д ж о н а т а н

Нет, Ричард, ты еще не кончил счетов, твоя почтеннейшая мать...

Р и ч а р д

Довольно!

Ни с кем об этом говорить не буду. Довольно, если я тебе скажу: невольником в своем не буду доме.

Д ж о н а т а н

В кого ты гордецом таким родился?

Р и ч а р д

Таков наш род: виклефовцы, молларды* — род «независимых» и «равноправных». . . . .
Таковыми предки были все мои.
В ком наша кровь, все добивались воли от короля, парламента, от церкви, а я — от них самих. Такая кровь.

Д ж о н а т а н

Речь горделивая, но только нет в ней душевного покоя.

Р и ч а р д

Что ж покой?

Я жив еще, и мне на отдых рано.

Д ж о н а т а н

Хотел бы знать: ужели ты всегда так был в себе уверен? Неужели не знаешь ты ни муки, ни сомненья?

Р и ч а р д

Нет, почему? Все, что ты говоришь, себе я говорил не раз, не два, я поборол и муки, и сомненья, они уж пережиты навсегда. Мой разум, сердце, вера говорят, что путь, мной избранный, правдив. Но есть сомнения другие — победить их куда труднее, если ты один... Ты, Джонатан, недавно на призыв мне подал руку. В этой дикой пуще ты мог бы мне помочь, если б хотел.

Д ж о н а т а н

О, если бы я смог — желание есть.

Р и ч а р д

Так вот, ответь мне, брат, чистосердечно:
(Открывает статую.)
что скверно в этой статуе — скажи!

Д ж о н а т а н

Мне кажется, что вся она скверна.

Р и ч а р д

Скверна или оскверняет?

Д ж о н а т а н

Оскверняет.

Р и ч а р д

Забудь на время, что ты стал святым, и посмотри на статую, как раньше. Вот, если бы, когда с тобой вдвоем бродили мы в дворцах итальянских, ты эту статую увидел там, что, Джонатан, тогда о ней сказал бы?

Д ж о н а т а н

Тогда сказал бы я о ней: «Прекрасно!»

Р и ч а р д

И, если б кто-либо тебя спросил,
что изменить в ней?

Д ж о н а т а н

Ничего!—сказал бы...

Но это я сказал бы как язычник.
А как христианин я говорю:
Разбей ее!

Р и ч а р д

Последнего литусь,
но отолью из бронзы.

Д ж о н а т а н

Я хочу
предостеречь тебя, пока не поздно.
Входит Дэви.

Д э в и

Тебя там, дядя, люди ожидают.

Р и ч а р д

Зови их в дом.

Д э в и

Я звал их — не идут.
Они хотят в саду поговорить,
прохладней там...

Р и ч а р д

Откуда эти люди?

Д э в и

Род-айлендовские! Иди скорей!

Р и ч а р д

Иду. Ты посиди тут, Джонатан.
(Выходит.)

Д ж о н а т а н

Что, дядя твой не знает ни о чем?

Дэви

Да вы ж сказать хотели?

Джонатан

Не сумел я.

Ты сам скажи!

Дэви

Уж вы не беспокойтесь!

Без вас я знаю, что мне надо делать.

Джонатан

Не очень ты любезен нынче, Дэви!

Дэви

Не трогайте меня!

(Направляется к двери.)

Джонатан

Куда ты, мальчик?

Дэви

Пойду узнать, над чем они колдуют.

Джонатан

Ты подожди, и я с тобой пойду.

Оба уходят. Индианка выходит из алькова, расхаживает по комнате и с усмешкой разглядывает статую.

Дженни

(вбегая)

Ой, горе-то какое! Где же Ричард?

(Видит индианку.)

Ты кто такая? Тут — зачем? Ах, так!

Все, значит, правда, — у него живешь ты?

(Яростно наступает на индианку.)

Прочь, прочь иди, а то убью тебя!

Хватает попавшуюся под руку палку и замахивается на индианку. Та с резким криком хватается скульпторский молоток, замахивается им, будто томогавком, и со своей стороны наступает на Дженни. Кристобел и Эдит на крик прибегают со двора. Индианка мгновенно прячется в альков. Дженни бросается на пол и рыдает.

К р и с т а б е л

Сестренка, Дженни, что с тобой, родная?

Э д и т

Что здесь произошло? Чего ты плачешь?

Обе подходят к Дженни.

Д ж е н н и

(отстраняет из руками)

Пожалуйста, не трогайте меня,
я больше никогда к вам не приду.

Отец недаром не пускал меня!

Какая я несчастная!

(Рыдая, выбегает из дома.)

Э д и т

Что с ней?

К р и с т а б е л

Ох, эта Дженни — ведь совсем ребенок,
и слезы ей не дороги.

(Задумывается и вздыхает.)

Ой, мама!

Э д и т

Чего вздыхаешь?

К р и с т а б е л

Ты же знаешь, мама!

Э д и т

К чему здесь жалость?!

К р и с т а б е л

Мамочка! Мамуся!

Так все они придут сюда сегодня?

Э д и т

Да.

К р и с т а б е л

Ричарда должна ты защищать.

Э д и т

Мы защищать должны одну лишь правду,
ее одну.

К р и с т а б е л

Но Ричард ведь — твой сын,
он — кровь твоя. Вот, если бы на Дэви
напали, — я бы кинулась, как пламя.

Э д и т

Я сына потеряла, а теперь
ты у меня и дочку отбираешь.

К р и с т а б е л

Что говоришь ты, мама, бойся бога!
Как можно отречься от детей?
Ведь это, мама, не по-христиански.

Э д и т

(берет со стола евангелие, раскрывает его на закладке)

Смотри сюда, внимательно читай!

К р и с т а б е л

(читает дрожащим голосом)

«Не думайте, что я пришел принести мир на землю.
Не мир пришел я принести, но — меч. Я пришел разде-
лить сына с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку
со свекровью ее.

И враги человека домашние его» *.

(Останавливается со стоном.)

Постичь все это, мама, я не в силах.

Э д и т

Читай, читай!

К р и с т а б е л

О, Христе, сыне божий!

(читает ослабевающим голосом)

«Кто любит отца или мать более, нежели меня, не
достоин меня. Кто любит сына или дочь более, нежели
меня, не достоин меня» *.

(Голос ее срывается.)

Э д и т

(дочитывает сама твердым и печальным голосом)

«И кто не примет своего креста и за мною не пойдет, не достоин меня».

Р и ч а р д входит. Кристабел при его появлении быстро поднимается и идет за перегородку. Эдит остается над книжкою, но не читает, смотрит вперед печальным взглядом.

Р и ч а р д

(сидит на скамейке возле камина, поглядывая на мать, тихо говорит про себя)

Сегодня отчего-то мать грустна...

Наверно, это я ее печалю.

Но маме так к лицу ее печаль.

Красива старость матери. И взгляд,

и линии простые, и одежда —

вот это Mater dolorosa*.

(Берет с камина воск и лепит, пристально смотря на мать.)

Э д и т

Сын!

Что делаешь?

Р и ч а р д

Так, забавляю руки.

(С увлечением продолжает лепить.)

Э д и т

Вновь забавляешься?

Р и ч а р д

Что в том плохого?

Играют дети, и Христос их любит.

Э д и т

Но детские твои забавы; ты
давно уж не ребенок.

Молчание.

Слушай, сын!

Снова молчание. Ричард лепит.

Р и ч а р д

Я, мамм, слушаю. Ты говори!
(*Лепит все быстрее.*)

Э д и т

Когда-то ты сказал, что грѣх так жить,
как ты живешь.

Р и ч а р д

Давно уж это было.
Я, мама, думаю теперь иначе.

Э д и т

Скажи, мой сын?

Р и ч а р д

У каждого на свете
свое предназначенье и — свой крест.

Э д и т

Какое же твое предназначенье?

Р и ч а р д

Искусство и мечта!

Э д и т

Ты говорил —
необходим здесь хлеб, а не мечты.

Р и ч а р д

Потом другому, мама, научился.

Э д и т

Где ж научился ты?

Р и ч а р д

Хотя бы в книжке,
что держите в руках. Я прочитал
там притчу...

Э д и т

Верно, причту про таланты?
Но, очевидно, ты ее не понял.

Р и ч а р д

Нет, мама. Я прочел простую причту,—
ее понять любой ребенок может,—
про Марфу и Марию я прочел*.

Э д и т

Но разве это причта?

Р и ч а р д

Все равно.
Здесь речь о том, как понимать ее.

Э д и т

Как понял ты ее?

Р и ч а р д

Да очень просто:
у Марфы — о потребе дня забота,
Мария думала о том, что вечно...

Э д и т

Ты думаешь...

Р и ч а р д

Итти вслед за Марией.

К р и с т а б е л

(из-за полога, заплаканным голосом)

Брат, подойди ко мне.

Р и ч а р д

(оставляет работу на стуле перед камином и идет
за полог)

Что там, скажи?

Эдит

(быстро подходит и смотрит на оставленную Ричардом работу)

Мое лицо... О господи, спаси!

Помилуй... Он погиб... Погиб навеки!..

Ричард и Кристабел входят, взявшись за руки.

Кристабел

Скорее, мама, посмотри на нас.

Эдит делает отстраняющее движение и, наклонив голову, выходит из комнаты.

Ричард

Что это с матерью сегодня, Белла?

Ты тоже странная...

Кристабел

Я? Ничего...

Уже минуло все... Скажи мне, Ричард, с кем это ты беседовал в саду?

Ричард

С купцами из Род-Айленда.

Кристабел

Зачем?

Ричард

Они меня в Род-Айленд приглашают учителем. Дают большую плату:

Кристабел

Что ж ты?

Ричард

Я не поеду.

Кристабел

Почему же?

Ричард

Находишь странным?

Кристабел

Пет, считаю я,
что при хорошей плате... может, стоит...

Ричард

Чтоб я оставил здесь свою семью,
прельстившись платой?

Кристабел

(с героическим усилием)

Ты о нас не думай!
Езжай туда. Тебе там будет лучше.

Ричард

Меня ты, вижу, Белла, выгоняешь?
Быть может, я уж надоел тебе?

Кристабел закрывает лицо фартуком. Ричард, удивленный и
взволнованный, подходит к ней. Внезапно входит Джонатан.
Войдя, осматривает всю комнату.

Джонатан

Еще никто тут не был?

Кристабел

Пет, никто.

Джонатан быстро выходит.

Ричард

О чем спросил он? Кто тут должен быть?

Кристабел

Кто? Я не знаю... может... Пет, никто...

*(Взволнованная, мечется по комнате, затем начинает
покрывать статую рогожей.)*

Ричард

Опомнись! Что ты делаешь, сестра?

Кристабел

Так, чтобы не засохло...

Ричард
(смеется)

Ты о ней
Забодишься? Я рад. Но все ж не трогай.
Я, Беллочка, уж лучше сам накрою.
(Накрывает стипую рогожей. Что-то стукнуло. Кри-
стабел вздрогнула.)
Чего ты? Это ставня...

Молчанье.

Кристабел
А быть может,
ты, Ричард, все ж уехал бы...

Ричард
Куда?

Кристабел
В Род-Айленд... Так, хотя бы ненадолго.

Ричард
Зачем? Из-за чего?

Кристабел
Ты видишь сам,
не все тебя в общине нашей любят.

Ричард
Вот новость! Да, я знаю и привык.

Кристабел
Как, вправду, ты непримирим. Бывало,
ты отступал...

Ричард
Могу ли отступить?
Не в силах от искусства отступить.

Кристабел
Быть может, не совсем..., а так, на время...

Р и ч а р д

Как от Христа — апостол Петр? .

К р и с т а б е л

Не знаю.

Ты захотел бы,— сам нашел бы способ.

Так хорошо всем было бы... И мама
была б так счастлива...

Р и ч а р д

О, знаю! Знаю!

Хотите, чтоб я изменил скульптуре?

Не будет этого. Я — не изменник.

И если изменил бы, как Иуда,
наверно бы повесился, как он. :

Дэви неожиданно вбегает в комнату.

Дэви

Они уже идут.

К р и с т а б е л

Ой!

Р и ч а р д

Кто?

Дэви

Все старцы

и Годвинсон.

(Убегает.)

Р и ч а р д

Так вот что! Понимаю...

Ну, что ж, пускай идут. Не бойся, Белла!

Входят Годвинсон, Кембл, Калеб Педдингтон, Абрагам Смит, Джон Милс, Иеремия Ортвин, Метью Филдинг и еще несколько стариков. За ними — Эдит и Джонатан. Момент растерянного молчания.

К е м б л

Здорово, Ричард, нас не ожидал ты?

Р и ч а р д

Не ждал. Привет вам. Будете гостями.

Годвинсон

Гостями не пришли б мы в этот дом,
но высший долг посылает нам
и в капище зайти.

Ричард
(вскипел, поборол себя)

Таких речей
Еще не слышал этот дом. По правде,
когда бы не было здесь честных граждан,
я знал бы, как на это отвечать.

(К присутствующим.)

Отцы мои, прошу, садитесь.

Старики садятся в ряд на скамьях возле стола. Эдит стоит в стороне. Джонатан садится на скамейку, ближе всех к Ричарду.

Калеб Педдингтон
(Ричарду)

Сын мой,
ты можешь граждан поблагодарить,
за всю отеческую их заботу.
И я, который старше всех годами,
притти к тебе с другими потрудился...

Ричард
(сдержанно)
Благодарю.

Калеб
...а мы имели право,
тебя на суд общественный позвать.

Ричард
На суд? Я — не преступник.

Джонатан
(тихо Ричарду)

Все же, брат,
Перебивать речь старшего — как можно?

Калёб
(Ричарду)

Напрасно все же ты вспылл. Так вот, решили мы не звать тебя на суд, а согласились посетить тебя, дабы самим увидеть, как живешь ты, все выяснить,—а всяких разговоров не мало о тебе...

(Кемблу)

Скажи ему.

Кембл

Я предпочел бы умолчать об этом. Ведь о таком... Ну как его сказать?
(Ричарду.)

Вот видишь, Ричард, дочку ты мою оставил...

Ричард

Я, отец? Вот это новость!
Я дочь твою безмерно уважаю, вовек ей слова не сказал пустого, считал бы сам я это непристойным.

Кембл

Не знаю... Сам я думал о тебе, что ты достойный парень. Между тем ты Дженни все-таки смутил...

Кристабел
(выходит, Кемблу)

Отец,
побойся ты греха. Ну что плохое могло случиться с Дженни в нашем доме? Ты знаешь мать, и знаешь ты меня,—мы разве допустили б оскорбленье?

Эдит

Община знает, я не покрываю проступков сына моего, и я скажу по совести, что обольщеньем сын мой...

не занимайся, знаю, никогда,
а чтобы Джонну он сводил с ума...

Кембл
(поспешно)

Чтоб свел с ума, не говорю об этом,
мое дитя не из такого рода...

(Останавливается, ища выражения своим мыслям.)

Я говорю: он Дженни растревожил,
раз он ее подобие лепил
и нарядил принцессою. С тех пор
похоже, что свихнулась дочь моя.

(Овладев мыслью, оживляется и говорит быстрее. Растерянность его пропадает.)

Ничто не нужно ей, одни наряды.
Я зеркало ее разбил,— так что ж,
она в воде любит себя, собою,
свое подобие полюбила так,
как будто в эту проклятую куклу
переселилась Дженнина душа.

(Ричарду.)

Поэтому тебя я обвиняю,
что ты подобие Дженни не разбил,
как я тебя просил, и тем довел
ее до вечной гибели...

Джонатан
(к общине)

Отцы,

Позвольте слово мне сказать.

Калейб

Скажи,
но если будешь говорить по сути.

Джонатан

Что с Ричардом об этом говорить,
и разве Ричард может быть виновен,
что девушка мечтает о нарядах?
Могло случиться это без подобья,—
известно, таково уж свойство женщин,
и ты, отец, не доказал сейчас,

что Ричард будто бы ославил Дженни, —
зачем же ты сказал такое слово?

К е м б л

Не бойся, я на ветер слов не брошу...
А почему все женщины теперь
«невесткою Эдит» прозвали Дженни?
Что говорить — и сам я замечал,
на Дженни он засматривался часто.
Зачем же он с нее лепил подобье,
как будто мало девушек у нас?

К р и с т а б е л

Отцы мои, я знаю, что мой брат
не сватал Дженни.

К е м б л

То-то вот. Не сватал.
Не сватал, завлекал.

К р и с т а б е л

Вы у нее
спросите, — коль она боится бога,
должна же правду всю сказать она.

К а л е б

Брат Джошуа, пошлем за Дженни, пусть
она нам скажет, — обещал ли Ричард
на ней жениться. Если Дженни скажет,
что в самом деле он ей обещал,
тогда обязан он на ней жениться.
Община безобразий не допустит,

К е м б л

Но девушке, пожалуй, очень стыдно
публично про такое говорить.

А б р а г а м С м и т

(говорит отрывисто, решительно, сурово, на с оттенком добродушия)

Должна. Общественное дело. Нужно.
Так молодежь распустится, — что ж будет?

Кембл

Кого за ней послать бы...

Кристабел

Я пошлю.

(За занавес, к Дэви.)

Беги скорее к Дженни, мой сынок!

Кембл

Скажи — отец ей приказал явиться.

(К общине.)

Иначе не осмелилась бы, знаю.

Дэви идет.

Пока же девушка придет, за дело:
должны мы кой о чем поговорить.

(Ричарду.)

Ты заслужил недобрую молву:
ты с дикарями водишься из пущи,
приводишь их сюда...

Ричард

Отец, не знал я,
положена ль христианину гордость
перед твореньем божьим — сам Христос
ходил в Самарию и в Ханаан —
чем хуже тех народов дикари?

Годвинсон

Смотрите, братья, как себя он нагло
с Христом равняет.

(Ричарду.)

А скажи, ты знаешь,
зачем Христос к неверным тем ходил?
Затем ли, чтобы дьявольскую нечисть
перенимать, усваивать от них?
Ведь ты не скажешь, что ходил туда
ученьем христианским просвещать
тех дикарей?

Ричард
(Калебу)

Ты уверял, отец,
что вы меня судить не собирались,
а тут уже судья нашелся. Знайте,
что отвечать ему не буду я.

Годвинсон

Судите, братья, между ним и мною.

(Показывает на Ричарда.)

Вот этот человек мне сразу стал,
как камень преткновения, на дороге,
хоть я ему ни разу зла не делал,—
наоборот, я о его душе,
как о своей, заботился. Какая ж
за это благодарность? Подтвердит
брат Джошуа, как подло надо мной
сей идолотворитель надругался...

(Кемблу.)

Ты помнишь ли подобье, что слепил
он не иначе, чтоб меня позорить?
По платью я узнал, что то — мой образ.

Кембл
(скрывает улыбку)

Конечно, помню. Верно, до сих пор
его он сохранил.

(Ричарду.)
Ты покажи.

Годвинсон
(поспешно)

Показывать не требуется вовсе.

Ричард
Нет, отчего ж!
(Идет и достает из шкафа фигурку, что когда-то
вылепил Дэви.)

Вот здесь он, посмотрите.

Кое-кто из общины не может сдержатъ смех и прячется за
соседа.

Иеремии Ортвин
(тихо своему соседу Филдингу)

Узнал бы я не только по одежде.

Годвинсон
(гневно)

Вы думаете, послушанье вам
он проявил, показывая это?

Нет, ежели его поступок низкий
сейчас не будет осужден общиной,
я это доказательством сочту,
что время мне искать иного места,
где голову я мог бы преклонить
усталую; тут может шут любой
ее покрыть бесславьем без боязни.

Калеб

Спокойствие, учитель! Будь уверен,
тебя мы на глумленье не дадим
молодчикам.

(Берет в руки фигурку Годвинсона.)

Ну, Ричард, признавайся,
с каким намереньем лепил фигурку?

Ричард молчит. В эту минуту в дом входят Дженни и Дэви
и останавливаются на пороге. Дэви стоит, как вкопанный,
увидев свою фигурку в руках Калеба.

Калеб

Мы понимаем так твоё молчанье,
что ты ничем не можешь оправдаться
и весь позор поступка сознаешь,
и наш отеческий совет тебе
исправить оскорбленье покаяньем.
Братолюбив, ты знаешь, наш учитель,
и он тебе простит по-христиански,
если его публично ты попросишь.

Годвинсон
(поспешно)

Фигурку ж уничтожишь!

К а л е б

Не иначе.

(Ричарду.)

Дут не о чем и думать долго, сын мой!
Так приступай и, низко поклонившись,
скажи: «Я перед богом согрешил
и пред тобой, отец». Чего ж ты медлишь?

Р и ч а р д

Я перед ним не буду извиняться!

К а л е б

Так значит будет суд.

Ричард склоняет голову в знак согласия

Д э в и

(с порывом)

Я это сделал,
совсем не дядя Ричард.

Г о д в и н с о н

(Дэви)

Правда, мальчик?
А кто ж тебя так делать научил?

Д э в и

Никто! Я сам! Да, и, ей-богу, сам!

Г о д в и н с о н

Ты не божись! Божиться нечестиво.

(К общине.)

На суд с ребенком, ясно, не пойду,
уверен, что его в своей семье
не все похвалят за такой поступок.

Э д и т

Получит он заслуженную кару.

К р и с т а б е л

Простите вы его. Он извинится.

К а л е б

Но порка все ж ему не помешает,
и пример другим.

Дэви
(к Кристобел)

Поблещь меня — повешусь.

Кристобел тихо уговаривает его, он качает головой со слезами
ярости в глазах.

Р и ч а р д

Племянник не всю правду говорит,
что сам он делал, — мы вдвоем лепили.

Дэви порывается что-то сказать, Ричард удерживает его.

Как старший, я за все ответить должен
и я готов, я сам прошу суда.
Но перед этим только разрешим
иной вопрос.

(Кемблу.)

Явилась дочь твою,
и девушке стоять не подобает
так долго у порога.

К а л е б

Это правда.

Сейчас ее спросим обо всем

Дэви порывается что-то сказать. Ричард удерживает его.
Во время сцены с Дженни Годвинсон листает библию и ютме-
чает закладками какие-то тексты. Кристобел выводит Дэви
за перегородку.

К а л е б
(к Дженни)

Скажи нам, Ричард Айрон обещал
жениться на тебе?

Дженни молчит, опустив голову.

К е м б л

Что ты молчишь?

Тебя спросили — отвечай же!

Р и ч а р д

Дженни,
и также вас прошу ответить. Здесь
почтенный ваш отец меня бесчестит,
публично заявив сейчас, что я
как будто растревожил вас...

Д ж е н н и

А что ж?

А кто же сравнивал меня с принцессой,
с русалкою и... я уже не знаю,
с кем там еще?.. Кто всякий вздор болтал,
чтоб дольше быть со мною?

Р и ч а р д

Заверяю,
мои намеренья невинны были,
но я, нарушив так неосторожно
вам сердца юного покой, хотел бы...

А б р а г а м С м и т

Да что там! Поженитесь — и конец!

Д ж е н н и

(с выражением злого упрямства)

Я за него не выйду ни за что.

К е м б л

(взволнованно)

Ну, это, дочка, видно... не по правде...
ты, кажется, ломаешься.

Д ж е н н и

Да нет!

Я не хочу! Последняя я, что ли,
чтоб он меня...

К е м б л

Ну, не финти, Джоанна!
Скажи по-людски, чем ты недовольна?
Ну, говори же!

Р и ч а р д

Правда, Дженни, вам
необходимо объяснить, сказать...
Я очень оскорблен.

Д ж е н н и

Ну, хорошо!

Согласна — объясню.

(К общине.)

Отцы мои!

Жену уже имеет Ричард Айрон,
так пусть уж он и остается с ней.

Подбегает к алькову, распахивает занавес и показывает
рукой на дикарку, забывшуюся в угол. Община в ужасе, кое-
кто отворачивается, кое-кто шепчет с отвращением, кое-кто
всплескивает руками.

К е м б л

(встает и подходит к Дженни)

Уйдем. Пусть этот дом постигнет кара,
Как некогда Гоморру и Содом.

Берет Дженни за руку и выходит в крайнем гневе. Дикарка,
улучив момент, пока община еще не отшумела, стремительно
убегает в раскрытые двери.

Э д и т

Как смел ты греховодить в нашем доме?
Хоть бы меня с сестрою постыдился!

Р и ч а р д

Все, мама, я сумею разъяснить.

Эдит, разгневанная, отворачивается. Кристабел, закрыв лицо
руками, выходит.

Г о д в и н с о н

О чем еще спрашивать нам, братья!
Все ясно. Пойман он, как говорится,
на месте преступления.

А б р а г а м С м и т

Это правда.

Филдинг

Неслыханно.

Калёб

Вот поношение бога!

Джон Милс

Такое пропустить нельзя.

Иеремия Ортвин

Ковечно!

Годвинсон

(берет библию, лежащую на столе)

Я думаю, нам стоит прочесть,
что сделано в Израиле с такими,
кто с женщиной поганою блудил.

Ричард

Я не позволю так решать вопрос.

Годвинсон

(к общине)

Быть может, думает он отречься?
Он кем же нас считает?

Абрагам Смит

Дураками!

Джонатан

Отцы мои, позвольте молвить слово.

Филдинг

Ну, всем известно, ты его товарищ
и будешь заступаться.

Джонатан

Я, отец,
общине был всегда покорным сыном,
обманывать ее грехом считаю,
да и к тому ж привык я ставить правду
над всякою приязнью.

Калёб

Говори!

Джонатан

Я говорил с товарищем про эту
дикарку-девушку. Он заверял,
что он ее привел не для распутства.
Уверен, мне, как другу своему,
всю правду высказал бы он.

Калёб

На что ж

она ему сдалась?

Джонатан

Отец почтенный,
я думаю, что — с нехорошей целью,
но вовсе не с позорною, какую
предположили вы; ее привел
он, чтобы статую создать. Так было.
Я видел сам, как он ее лепил.

Годвинсон

И это не позорно, говоришь ты?
Он из язычницы творит кумир,
и это худший из грехов: нарушил
он заповедь великую господню.
Теперь из поколения в поколение
бог будет мстить нам, если сами мы
не отомстим, как и за то, что Ричард
не только сам творил —

(Показывает на свое изображение работы Дэви.) —

он подстрекал
подростка на позорные поступки —
грех непростимый. Сказано в писаньи:
«А тем, кто малых сих ввергает в грех,
уж лучше жорнов мельничный на шею
покрепче привязать и кинуть в море».

Ричард

(саркастически показывая на изображение Годвинсона)

А это вот кумир?

Годвинсон
(опустив глаза на Библию)

Мои уста
не оскверню беседой с нечестивым.
(К общине.)

Кто затаил тяжелые грехи
в душе преступной, скованной нечестием,
тому нет ни прощенья, ни спасенья.

Калёб

Повидимому, это так. А все же
примерить надо, братья, десять раз,
чтоб отрубить как следует, по правде.

Джонатан

Так, мой отец! Премудрости святой
исполнены твои уста и речи...
Тяжелый грех, по правде, взял на душу
несчастный мой товарищ.

Ричард

Джонатан,
«целуя, предаешь?» *

Джонатан

Нет, я стыжусь
прошедшей жизни. Жил и я не лучше,
но снизошел господь к моим грехам,
когда уж подошел я к краю бездны,
и указал мне на правдивый путь.

Абрагам Смит

Бывает, бог в последний час позовет.

Джонатан
(к Абрагаму Смиту)

Поэтому господь наш Иисус
велел прощать не только что...

Годвинсон

(который усердно листал библию, отрываясь только для реплик, делает внезапный жест Джонатану, так что тот от неожиданности замолкает, а Годвинсон обращается к Калебу)

Мой брат,

ошибся ты, что разрешил ему
публично говорить. Вот, погляди,
что тут стоит.

(Подсовывает Калебу книгу и читает, делая пропуски и подчеркивая особенно важные слова. Кaleb следит глазами за текстом и бесшумно шевелит губами, будто повторяет за Годвинсоном, и время от времени подтверждая кивает головой.)

«Всякий резчик и строитель... сердце свое отдает,
чтоб работа была красивой...

Так же и кузнец... Так же и гончар... сердце свое
отдает, чтобы закончить... Все они на свои руки на-
деются. Без них город не заселится, но на престолах
судей не сядут и закона судебного не поймут, да и
не будут выносить приговоров и решений».

Кaleb

(после чтения ударяет себя по лбу)

Эх, старческая память!

Да, ясно тут написано, что мастер
на судьбищах не должен говорить.

Умолкни, сын мой, и сядь.

Джонатан покорно отходит и, вздохнув, садится.

Годвинсон

(снова придвигает к себе библию)

Еще есть слово!

(Читает.)

«Кто говорит про нечестивого, что он праведный,
тот будет проклят людьми и ненавидим народами».

Абрагам Смит

Спаси нас, господи, и заступи!

Джонатан

Я праведным его не называл...
(Обрывает, взглянув взволнованно на Калеба, который
делает ему знак молчать.)

Калеб

(Джонатану, добродушно)

Не бойся, все мы разберем по правде,
а ты молчи, тебе молчать пристало.

Годвинсон

Во избежанье искушенья выйди.

Джонатан жалостливо взглянул на Ричарда, отвечающего ему
иронической усмешкой, выходит.

Калеб

(общине)

Что Ричарда никто не назовет
здесь праведным,— и говорить не стоит,
но без спасения его оставить
не хочется.

Ричард

Но я не погибаю.

Филдинг

Ну, ты строптив.

Калеб

(Ричарду)

Ты погибаешь, сын мой,
хоть сам того не понимаешь. Братья!
С ним стоит, думаю, повременить,—
мы помним, бог повременил с Содомом,—
Он, может, образумится.

Годвинсон

Брат честный,
раз это не случилось до сих пор,
на что еще надеяться ты можешь?
В чем признаки раскаянья ты видишь?

К а л е б
(озабоченно)

Да, признаков как будто никаких...
А все ж поговорить с ним же мешает.
Мать Ричарда честна и справедлива,
она направит сына своего
на добрый путь.

Э д и т

Признаться вам должна:
на сына я утратила надежду.
Он слов моих не принимает к сердцу.

Г о д в и н с о н

Еще он заповедь нарушил — мать
не почитает.

Р и ч а р д

Мама, как ты можешь
поклеп подобный на меня взводить?

Э д и т
(сурово)

Но это правда, Ричард!

Г о д в и н с о н
(делает движение к Эдит)

Все слышали?

А б р а г а м С м и т

Как сердце закоптело! Жалко парня.
Душа в нем очерствела. Пропадет.

К а л е б

А все-таки надеяться мы будем
спасти его; способностей отличных
ему немало уделил господь.
Когда мы про подсвечник говорили,
я притчу о талантах вспоминал.
Так не дадим же, братья, уничтожить
и в землю закопать таланты те,
какие дал предвечный нашим детям.

Годвинсон

Сей человек талант свой расплескал,
как пьяница. Он мог бы на чужбине
искусствам разным добрым научиться,
наукам нужным. А чему отдался?—
Дьявольскому мастерству — скульптуре.

Абрагам Смит

А говорят, что и оно от бога.

Годвинсон

Во все века два мастера лишь были,
что с божьего пути не отклонились:
Веселил и Елиав, во храме *
трудившиеся, все же остальные
отроде Каиново, все — потомство
Сидона, Тира *; нужно их в ярмо
железное. А кто ваятель первый?
Юбал и Тубал-Каин *. Кто отец их?

Филдинг

Конечно — Каин, это знает каждый.

Калеб

Я вас прошу, как Авраам * просил
за нечестивый город, —

(Показывает на Ричарда.)

может быть,

не вся его душа в грехах погрязла,
есть, может, в ней хотя б одна крупица,
одно дыханье, что не чуждо богу.

Ричард

(иронически)

За мысль такую лестную спасибо.

Калеб

(Ричарду, не замечая иронии)

Да, бросить камень в брата тяжело.

(К общине.)

Должны под наблюдение общины

его поставить мы. И если за год
не станет он, как Джонатан, послушным,
по воле нашей и по воле божьей
не станет жить,—тогда мы скажем: грешник.

Абрагам Смит

По правде так.

Джон Милс

Таков закон Христа.

Филдинг

Чтоб он покаялся?

Абрагам Смит

Господь всемогущ.

Иеремия Ортвин

Да, надо взять его под наблюденье!

Калёб

На год.

Филдинг

На месяц хватит.

Абрагам Смит

На полгода.

Иеремия Ортвин

Три месяца довольно.

Джон Милс

Сорок дней.

Ричард

Доколе ж это будет? Как на рынке
Торгуются за душу! Первый раз
признать его разумность я обязан.
(Показывает на Годвинсона.)

Ведь если от искусства не отрекся
Я до сих пор, не отрекусь вовек.

Моя душа уж все превозмогла,
Свободная, как серна среди гор.
А вы хотели бы ее взнуздать
И привести ее на поводу
К нему

(показывает на Годвинсона)

в ярмо железное?

Годвинсон

(во время речи Ричарда начинает трястись, затем устремляет взор вдаль, простирает руки будто к какому-то невидимому зрителю и, выкрикивая неестественным, экстаичным голосом, перебивает Ричарда)

О, горе!

Сион мой! Новый Иерусалим,
Куда тебя ведут! Ой, что я вижу?
Ой, что я слышу? Горе! Горе! Горе!
Цимбалы, бубны, гусли и свирели.
Подросток пляшет танец непристойный,
Перед фигурой Молоха * кружится,
И девственница в пышном одеянии
Приведена для службы у Астарты *.
О, плачьте, плачьте!

Хватается за голову. Общиной овладевает волнение, кое-кто плачет, кое-кто бьется в истерику; Кристабел рыдает, Эдит, сжав руки, глядит вдаль взором, полным отчаяния.

Филдинг

Наш отец! Учитель!

Дай нам совет, спаси! Что делать нам?

Годвинсон

(меняя плачущий тон на угрожающий)

Велик господь во гневе! Слушай, слушай,
Сиона дщерь! Вот хищники к тебе
уже летят, грозны и медколицы,
и нет тебе спасенья... От тебя
отрекся бог за идолопоклонство.

(Опускает руки, закрывает глаза, будто обессиленный отчаянием.)

Калёб

Учитель, эти страшные виденья
Нам в предостережение, не на гибель,
Наверно так?

Годвинсон молчит и не открывает глаз.

Калёб

(подсовывает Годвинсону библию ближе)

Открой святую книгу.

Она укажет нам, как поступить.

Годвинсон

*(открывает книгу, будто наугад, на самом же деле на
заблаговременно заложенном тексте. Читает глутим
голосом)*

«Будь проклят, кто сделает изваянный или литый
кумир, мерзость перед господом, произведение рук ху-
дожника, и поставит его в тайном месте».

(К общине, не читая.)

Вы знаете, как отвечал на это
Народ израильский?

Калёб

(печально и сурово)

Да будет так!

Филдинг

(фанатически)

Да будет проклят!

Абрагам Смит

Что ж, да будет проклят!

Джон Милс

Своя душа дороже. Я скажу:
Да будет проклят!

Иеремия Ортвин

Так — и не иначе.

Эдит

(громко, ясно)

Я также проклинаю!

Кристабел
Мама, мама!

Ричард
Все проклинали? А знаете за что?

Калеб
(показывает на закрытую станую)
За тот позор, что втайне сохраняешь.

Ричард
Кто вам сказал, что статую я прячу!
Смотрите! Вот мое творенье!

Внезапно сбрасывает покрывало с большой статуи. Немаи сдана. По лицам членов общины видно: религиозное чувство борется с естественным удивлением перед прекрасным произведением. На лице у Ричарда появляется выражение триумфа.

Годвинсон
(к общине)

Он
грешит теперь еще страшней, чем раньше,
да, он всех нас запутать хочет в невод,
сплетенный князем лжи; благочестивых
с дороги правды хочет увести.
Община отворачивается, чтоб не смотреть на статую.

Филдинг
Диавола он слушал, сделав это.

Ричард
Внимал я только высшему велению,
а вы кому?
(Показывает на Годвинсона.)

Раскрашенному гробу.
Вы сотворили идола, не я.
Себя кляните.

Годвинсон
(к общине)

Долго ли еще
Терпеть мы будем слов и дел бесчестье?

Чего нам ждать? Что сделал Монсей
с кумиром золотым?

Ф и л д и н г

Он сжег его.

И пепел дал идолотворцам выпить.

Г о д в и н с о н

Так сделаем и мы.

(Показывает на статую.)

Сжигайте, братья!

Сжигайте идольское все бесчестье,

Что в этом доме собрано!

Р и ч а р д

Не дам!

В этот момент Филдинг большой палкой сбивает статую с пьедестала. Она падает и разбивается. Члены общины хватают все, что только попадает под руку, относящееся к скульптуре: эскизы, бюсты и тому подобное, даже инструменты; ломают, топчут, бросают в камин, огонь в котором разводит и раздувает Калеб.

Г о д в и н с о н

(бросается к шкафу, около которого на защите уже стоит Ричард)

Тут идола похуже. Посмотрите!

Ричард борется с ним, не пуская, члены общины бросаются на подмогу к Годвинсону. В течение нескольких минут, пока длится драка, Дэви ломится в дверь из-за перегородки. Кристабел и Эдит подпирают дверь, чтобы Дэви не вырвался, на мгновение Эдит опускает руку, пораженная тем, что творится возле шкафа. Дэви прорывается в дверь, хватая скульпторский молоток около разбитой статуи и, пробившись к Ричарду, подает ему молоток.

Дэви

На, дядя, молоток!

Р и ч а р д

(бережно прижимает одной рукой единственную спасенную статуэтку, из тех, что были спрятаны в шкафу,—статуэтку с девизом: «Pereat mundus, fiat ars», а другой берет у Дэви молоток и замазывается им.)

Эй, отойдите!

Ричард легко ранит Годвинсона, который пропитательно кричит, поднимается ропот:
«Он сумасшедший», «Прочь его», «В пушу», «Гоните его». Община настукает на Ричарда с палками, кое-кто бросает куски гашы от разбитой статуи.

Р и ч а р д

(*сильным голосом*)

Молчать, отродье низкое! Невежды!
Я сам уйду от вас! Там, в дикой пуше,
есть люди дикие,— вы хуже их.
Прочь! Дайте мне дорогу. А иначе
я сам себе дорогу проложу.
Прочь, берегитесь!

(*Устремляется сквозь толпу, прокладывая себе молотком дорогу к дверям.*)

К р и с т а б е л

Брат, опомнись, брат!

О, мама, мамочка!

(*Бросается к Эдит.*)

Э д и т

(*твердо*)

Он богом проклят.

Он — мне не сын, тебе — не брат.

Д э в и

(*порываясь к Ричарду сквозь толпу*)

О дядя,

Возьми меня с собою!

К р и с т а б е л

Сын мой, Дэви!

Не уходи. Я без тебя умру.

О Дэви! О...

(*Голос ее обрывается. Дэви после момента колебания возвращается на ее крик и бросается к ней в объятия.*)

Д э в и

Я, мама, здесь, с тобою!

Кристабел порывисто привлекает к себе Дэви. Ричард пробился к порогу и открыл дверь.

Годвинсон и община
(вслед Ричарду)

Будь проклят!

Ричард
(оборачивается с гневным сметом)

Нет, на вас проклятья ваши!

Исчезает за порогом. Община провожает его ожесточенными криками и бросает вслед комки глины, щепки.

Действие третье

Школьная комната в Род-Айленде; она же служит и помещением Ричарду. Большая часть комнаты занята школьными скамьями, кафедрою, досками и другими вещами. Меньшая часть — собственно четвертая часть комнаты, отделенная от первой пологом, — заставлена вещами Ричарда и скульпторскими инструментами. В одном углу шкаф, в другом — небольшая незаконченная статуя женщины. Тут же стоит и скелет для изучения анатомии и скульпторской работы.

Ричард сидит на кафедре, перед ним ученик читает по его книжке, другие ученики — подростки — сидят на скамьях.

Ученик
(читает)

E disse lei: nessun maggior dolore
che ricordarsi dem tempo filice
nella miseria! *

Ричард
Переводите.

Ученик
(переводит):

«И молвила она: нет больше боли,
чем вспоминать о времени счастливом
при бедах». Может, лучше «при несчастьях»?

Ричард

Одно и то же.

Ученик

Странные слова!

Всегда хорошие воспоминанья
приносят утешенье.

Р и ч а р д

Дай вам боже,
чтоб вы своей не изменили мысли.

У ч е н и к

Читать еще или анализ сделать?

Р и ч а р д

Нет, на сегодня хватит.

Ученики собирают книжки и, поклонившись, расходятся. Один ученик остается и подходит к Ричарду.

Что вам, Чарли?

Ч а р л и

Отду я передал фигурку вашу.
Да, говорит он, незачем держать
такой товар на полке в магазине.
Охотников на это не найдется.
Так вот я вам принес ее назад.

Р и ч а р д

(рукой останавливает его движение)

Возьмите, Чарли, эту вещь на память.

Ч а р л и

Я, если разрешите, подарю
ее моей сестренке вместо куклы.

Р и ч а р д

Sancta simplicitas!"

Ч а р л и

Что вы сказали,
Учитель дорогой?

Р и ч а р д

Так, ничего.
(Задумывается.)

Ч а р л и

Так подарить ее вы разрешите?

Р и ч а р д
Пожалуйста!

Ч а р л и
Спасибо.
(Кланяется на выходе.)

Р и ч а р д
До свиданья!

Чарли выходит.

Р и ч а р д
(один)

Ужель на свете силы нет такой,
чтоб к красоте и творчеству приблизить
тех, кто меня сегодня окружает?
И если камень делал я живым,
что должен сделать я, чтоб оживить
сердца людей? Ведь те сердца — не камень!
Так горячо они за волю бились,
за правду, за святое божье слово
и не единым хлебом тут живут.
Я видел сам, как на глазах суровых
у них дрожали слезы, как роса,
когда орган величественным гимном
людские души потрясал и стены.
Завидно было: музыка царит
над стенами и над людьми, мое же
любимое призвание, скульптура
презреннее развенчанной царицы.
Нет, не хочу я верить, чтобы вправду
моя царица потеряла власть.
Моя мечта бескрыла, — я виновен.
Мой разум не способен, руки слабы
найти такое что-то, что могло б
всех взволновать, как музыка органа.
Так что же это, где его искать?

(Открывает занавес, идет к статуе и раскрывает ее.)

Чего недостает моей работе?
Кто это может мне теперь сказать?
Кто даст совет? Проходят, молча, люди,

как будто все они глухонемые
и темная вода у них в глазах:
глядят — не видят! Так же лучше ль было,
когда мои творенья на куски
разбили фанатические руки?
Ведь это, как-никак, признанием было,
что вправду сила есть в моем искусстве?
Пусть нечестивая, а все ж большая,
опасная для них. Со мной боролись,
и я тогда боролся против них.
И вот врагу я был бы рад теперь,
но нет его.

(Статую.)

Так ты хоть отзовись!
Меня ты слышишь, глина неживая!
Чего тебе и мне недостает,
чтоб были мы среди людей живыми?

(Делает поправки.)

Не чище ль станет линия — вот так?
Понравился бы этот жест, быть может?
А этот взгляд? Не опустить ли книзу?
Взгляд нехороший... Лидемерный... Да?
Вот это схоже с греческой богиней,
с мадонной — это... А вот это — ту,
разбитую, напоминает чем-то...

(Бросает работу.)

О, если б знать, что этим людям нужно,
я дал бы... Но теперь уж... Нет, конечно,—
чтобы душа с душою говорила,
необходимо, чтоб сроднились души.
А что же их сроднит? О, боже духа!
Другую душу дай моим твореньям
иль отыми мою,— молю.

Стук.

Р и ч а р д
Войдите.

Входит Брукли, несет какой-то сверток. Молча здороваются.

Б р у к л и
Я принесла работу.

(Вынимает и разворачивает длинную скульпторскую блузу.)

Р и ч а р д

Уж готова!

(Вынимает деньги.)

Благодарю! Вот деньги за шитье.

Б р у к л и

(прижимает руки к груди, не беря денег)

Нет, господин учитель, не брала
и не возьму их.

Р и ч а р д

Вот как! Отчего же?

Б р у к л и

За Томаса я так вам благодарна.
Мой мальчик часто говорит, что любит
вас больше всех учителей.

Р и ч а р д

Я рад,

и, видно, школьникам со мной не плохо.

А плату вы возьмите, я иначе
работу не могу принять от вас.

(Заворачивает блузу и отдает Брукли, та кладет свертки на стул.)

Б р у к л и

Нет, господин учитель! Коль уж так,
то я б вас попросила... Только где там!
Дороже так получится... Но я
при случае смогла бы отработать.

Р и ч а р д

Что мог бы сделать я для вас, скажите?
Без отработки сделаю охотно.

Б р у к л и

Не отдали б вы мне фигуру эту?
(Показывает на статую.)

Она у вас без дела тут стоит,
а мне сгодились бы...

Р и ч а р д

А вам зачем?

Б р у к л и

Фантазий много у моих заказчиц,
им все не угодишь; кто ж виноват,
что не хотят они стоять.

Р и ч а р д

Так что же?

Простите, что-то я не понимаю...
Про статую мы говорили...

Б р у к л и

Вот

на ней бы примерять могла я платья,
чтоб дам не изводить.

Р и ч а р д

Что? Как?

Б р у к л и
(испуганно)

Простите,

я... я не знала... Я не...

Р и ч а р д

(понежнoгу успокаиваясь)

Хорошо...

Уж ничего... Прошло все... нездоров я.
А деньги все ж возьмите. До свиданья.

Брукли, огорченная, берет деньги, кланяется, приседая, и выходит, оставив двери незапертыми. Едва она вышла, входят три колониста: Д ж о н с, О'Патрик и Мак Гарди.

В с е т р о е

Почтение!

Р и ч а р д

(повернулся к стапуе, чтобы скрыть свою еще не
утихшую взволнованность)
Добрый вечер, господа!

Д ж о н

Все трудитесь?

Р и ч а р д

Да... так...

О ' П а т р и к

Что это будет?

Какая-то община заказала?

Р и ч а р д

Никто не заказал.

Д ж о н с

Но вы, наверно,
работу собираетесь продать
католикам каким-нибудь в их церковь?

Р и ч а р д

Не думаю, что купит кто-нибудь.

М а к Г а р д и

Тогда зачем же вам над ней трудиться?

Р и ч а р д

Зачем — сказать по правде, сам не знаю.

М а к Г а р д и

Так, чтоб развлечься...

О ' П а т р и к

Это что же будет?

Святая?

Р и ч а р д

Как бы вам сказать? Мечта!

О'Патрик

Ну, так, мечта, но что это такое?
И для чего она?

Ричард

Как рассказать,
зачем, действительно, нужна мечта
и какова она? Но, верно, в мире
никто живой не прожил без мечты.

Мак Гарди

Да, пока молод человек, ему
мечты какие-то все время снятся.

О'Патрик

Конечно, молодость...

Ричард

Но ведь мечта
не только юным служит украшением.

Мак Гарди

Бывает, что и седоусый так же,
как парень, забавляется.

Ричард

Мечта
порой не забавляет. За мечту
потоки крови люди проливают.

Мак Гарди

Храни нас боже от сего безумья!

Ричард

Пусть бог хранит, хоть нас не сохранил:
ведь даже в нашей Англии веселой
немало крови за мечту лилось.

О'Патрик

Так разве же епископская церковь,
молитва, десятина *— все мечты?

Мак Гарди

А «хартия»? А «пункты»? *

Ричард

Да, мечты...

Мак Гарди

Да бога бойтесь вы, почтенный мастер!

О'Патрик

Так по морю мы за мечтой гнались?

Ричард

Да, нас мечта вела за океан,
и к ней мы через пушу пробивались,
и для нее мученья мы терпели.

О'Патрик

Так что за наваждение это было,
по-вашему?

Ричард

Великая мечта

людей, мечта святая — о свободе.

Молчание.

Джонс

*(давно отстав от беседы, до сих пор тоскливо про-
гаживаясь по комнате. Теперь, воспользовавшись пе-
рерывом, обращается к Ричарду)*

Я к вам сейчас пришел по делу, мастер!
Недавно я земельку приобрел,
и глина есть на ней, а я не знаю —
пригодна ли? Взгляните, вот комок,
вы знаете — какая?

Ричард

Для скульптуры

неподходящая...

Джонс

Я не о том...

А вот что — на горшки она годится?

Мы, мастер уважаемый, хотим
втроем гончарную посуду делать —
но продавать хотели б не простую,
а деликатную, — ведь, слава богу,
Теперь повсюду люди богатеют.
Быть может, и у нас пошли б дела.
Я дал бы глину с моего участка,
он *(показывает на О'Патрика)* — поместье,
а Мак Гарди — деньги.

Я вас просил бы сделать образцы,
вы человек умелый и бывалый
и всякую видали вы посуду
в Италии — товар там превосходный.
Я думал так — ведь если мастер Ричард
сидит и лепит куклы от безделья...

Р и ч а р д

(вскочил с места, берясь за шапку)

Простите, господа... Пора мне в школу,
а после в церковь... я иду... Прощайте!
(Быстро выходит.)

Д ж о н с

С ума сошел?

О'Патрик

Обиделся!

Мак Гарди

Чудак —

я говорил: и начинать не надо.

Д ж о н с

За что же он обиделся?

О'Патрик

За куклу!

И это оскорбление! Вот какой...
Когда немного человек пошутит...

Мак Гарди

А он такой: не понимает шуток.

О' Патрик
(*смотря в окно*)

Смотрите: около ворот — наш мастер.
Стоит он с органистом и магистром.
Беседуют.

Мак Гарди
(*смотря в окно*)

О, кажется, сюда
все трое подались.

Джонс

Идем отсюда.
Мне с этим мастером не по себе.

О' Патрик

Пойдемте же, они — народ ученый.
Мы не способны говорить с такими.

Джонс

О нет! Быть может, кое-кто способен,
да времени не стоит нам терять.

Все трое выходят. Входят — магистр и Ричард вперед,,
ведущие отвлеченную беседу, начатую на улице. Органист
идет за ними следом. Он сначала не вступает в беседу, а
только прислушивается или ходит, рассматривая комнату. Ри-
чард, войдя, задвигает полог, отделяющий прихожую от ком-
наты.

Магистр

Вы, мастер Ричард, посмотрите шире.
Ваш тесен кругозор.

Ричард

Магистр, но мы
по-разному на всё глядим: я — ввысь,
а вы — вокруг себя.

Магистр

Пусть будет так,
хоть это вряд ли, — вот вам параллель:
вам дорого искусство ваше, знаю,

достойно ли оно того, иль нет,
вам дорого искусство; мне — наука.

Р и ч а р д

Конечно.

Магистр

Так. Non dubitandum est *,
пойдемте дальше: вы в своем искусстве
достигли высших ступеней когда-то...

Р и ч а р д

(с сожалением)

Когда-то.

Магистр

(делает рукой движение, как бы успокаивая Ричарда)

Нужен в диспуте покой —
conditio sine qua non *.

Р и ч а р д

Обсудим.

Магистр

Известно вам, почтенный мой коллега,
что Universitas * меня магистром
именовали...

Р и ч а р д

И honoris causa? *

Магистр

Я арифметику преподаю,
а вы — язык итальянский детям
да анатомию, хоть я — ученый,
а вы — артист.

Р и ч а р д

К несчастью для нас.

Магистр

Для нас, но не скажу, что для науки
и для искусства. Люди, поколения —
ведь это кольца лишь великой цепи

всемирной жизни; никогда та цепь
не может оборваться. Архимед*
каким-то негодием был убит,
великой не докончив теоремы.
Но за год иль, быть может, за сто лет
нашлась рука, что дописать сумела
ту теорему. И никто не скажет,
где дело предка, где потомка труд.
Они слились в единой теореме.

Р и ч а р д

Магистр, и я подобный же пример
хочу вам привести: один художник,
неведомый по имени, но славный,
Нам статую безрукую оставил.
Прошли года, века, тысячелетья...
Но статуя без рук и ныне. Я
видал немало проб приделать руки,—
артисты не последние старались.
Что ж? Ничто не подошло Венере*
И не слилась работа поколений.

О р г а н и с т
(вступает в разговор)

Но это значит, что сама скульптура
окончила свой век. И слава богу!

Р и ч а р д

А если б так, какая ж в этом радость?
Ведь если б музыка совсем исчезла,
я б не был рад...

О р г а н и с т

Она и не исчезнет.
Ведь даже песенка живет века,
меняется, мельчает, вырастает
и в церковь переходит из народа.
То — христианское искусство...

Р и ч а р д

Разве
скульптура проклята Христом?

Органист

Нет, но
давно скульптура в христианском мире
уж если не языческое дело,
то лишь забава.

Ричард

Как? Буонарроти, *
по-вашему, все сделал для забавы?

Органист

Скульптур Буонарроти я не видел,
и мало кто их видит. Те же гимны,
что я играю в церкви на органе,
слышны повсюду в христианском мире.

Магистр

Плохое доказательство!

Органист

Быть может!

Я — не на диспуте сейчас. Но только
никто на свете не живет без песни,
а статуи для богачей стоят.
Роса сверкает на любой травинке,
а бриллиант — на бархате, но оба —
дар божий.

Магистр

Доказательство плохое.

Ричард

Я думаю, что если тот бриллиант
лежал бы на дороге или в церкви,
то на него бы любовался каждый,
как на росу.

Органист

Нет средств у нашей церкви,
чтоб покупать бриллианты дорогие.

Магистр

Коллеги, мы от темы отклонились.
Начнем ab ovo, чтоб принять ab hoc*,
без доказательств, что вечна скульптура.
Пожалуй, мастер Ричард, в самом деле,
как скульптор вы тут перестали жить.

Ричард

Быть может, лучше умереть совсем?

Магистр

(не обращая внимания, спокойно продолжает дальше)

Анатом, вы передаете знания
той молодежи, что, быть может, вас
талантом превзойдет. И весь ваш труд,
упорный и незримый, уготовит
искусства в обществе расцвет блестящий,
когда для этого настанет время.
И станете тогда, коллега, вы
фундаментом незримым храма славы.

Ричард

Вы думаете, что людские души
под стены, как фундамент, можно класть?
Вы думаете, что людское тело
боится смерти, а живой душе
не страшно умирать?

Магистр

Нас вера учит —
душа у нас бессмертна.

Ричард

Ох, магистр!

Я в это верил, а теперь я вижу,
что можно душу задавить и раньше,
чем тело.

*(Отходит немного в сторону и склонится к раме окна,
отвеченный грустью.)*

Магистр
(не смотря на Ричарда)

Кто же тут у нас, коллега,
на душу давит? То в чужих краях.
У нас в Род-Айленде не одевают
ярма на душу. Вы скажите сами —
какой вы здесь испытывали гнет?
Живете здесь по своему желанию.

Ричард вздрагивает при последних словах.

Органист
(шопотом)

Уйдем же от него, магистр. Дрожит
он, как струна расстроенная.
(Громко.)

Мне
пора домой, магистр, а там! и в церковь.
Я репетировать сегодня должен.
Пойдемте вместе?

Магистр

Что ж, пойдем, коллега!

Органист

Когда придете, мастер, я сыграю
вам Stabat Mater*, что когда-то вам
так нравилась.

Ричард

Спасибо, у меня
иная просьба: Requiem сыграйте.

Органист

Вы, мастер, не печальтесь, не грустите.

Ричард

Я не грущу...

Магистр и органист подают руки Ричарду и направляются
к дверям.

Органист

Ну, до свиданья, мастер!

Магистр
(в дверях)

А диспут мы когда-нибудь закончим.

Магистр и органист выходят. Ричард минуту стоит опечаленный, потом быстро подходит к окну, открывает его и кричит.

Ричард

Коллега Брайд! Почтенный органист!

Органист
(подходит к окну)

Что, мастер?

Ричард

Песенка известна вам
о том, как прыгал по траве кузнечик,
скрипел-звенел, никто его не слушал,
а умер — позабыли. Там припев:
«Ой, горе, о кузнечике забыли!»

Органист

К чему об этом вы меня спросили?

Ричард

Так, ни к чему. Плохая это песня.

Органист

Я органист, а не певец. Прощайте!
(Оскорбленный уходит.)

Ричард

Коллега Брайд! Не слушает... Рассержен...
Обидел человека, не желая...
Не понял он... Впервые разве это,
что тут меня не понимают люди?
Да и зачем им понимать? Они
мне дали угол, и работу дали,
и, вправду, — волю. Кто же виноват,
что сердце беспокойное ношу я

и что оно опалено огнем,
для выпечки и варки непригодным,
пригодным лишь на алтаре великом
служить великим жертвам всесожженья.
Да где же алтари? Я точно воин,
который служит богу своему
в чужой земле, где этот бог неведом.

(Задумывается, потом смотрит в окно.)

Смеркается, ложится тень от пуши...
Вон там дорога строчкою белеет.
Там кто-то, кажется, идет или едет?
Вот так и я пришел сюда когда-то.
Тяжелый путь. Не выдержал бы Дэви.

(Поет вполголоса.)

«Куда собрались вы так поздно в дорогу,
мой Ричард, мой друг дорогой?
Моя королева, молитесь вы богу,
подарит он сердцу покой.
На море темно — до утра подождите,
мой Ричард, не уходите!»

(Перестает петь.)

Слова я позабыл, мотив лишь помню.
Бывало, часто мой отец певал,
а мама ненавидела баллады...

(Поет.)

«Куда собрались вы так поздно в дорогу,
мой Ричард, мой друг дорогой?»

(Снова перестает петь.)

Как тут внезапно наступает вечер...
Не знаю, почему... Но так и в пуще...
Тот путь я не забуду никогда...

(Поет.)

«На море темно — до утра подождите,
мой Ричард...»

*(Обрывает, взглядывается в окно, внимательно при-
сматривается.)*

Но там вправду кто-то едет...

Мне кажется... Неужто? Боже мой!

Да это Джонатан!

*(Бросается к дверям; встречается с Джонатаном. Они
падают друг другу в объятия.)*

Друг, Джонатан!

(Усаживает за Джонатаном, усаживает его за стол и угощает, вынув из шкафа еду и напитки.)

Садись, мой брат, и отдыхай, прошу!
Ты в пуще долго проблуждал, наверно!

Джонатан

Нет, там теперь хорошая дорога.

За столько лет расчистили ее.

Немало времени уже минуло
с тех пор, как ты покинул нас.

(Присматривается к Ричарду.)

А все ж

еще не срок, чтоб столько серебра

тебе на кудри годы наложили!

Я тоже изменился так?

Ричард

Ты? Нет!

Не очень... Как же ты сюда заехал?

Из-за меня?

Джонатан

Да, главное — к тебе,

но нужно мне и Риверса увидеть.

К нему есть дело. Он через людей

недавно к нам прошение направил,

чтоб разрешили мы ему вернуться.

Ричард

И что же?

Джонатан

Разрешили.

Ричард

Вот как?.. Как там

Живут твои?

Джонатан

Спасибо. Превосходно.

Р и ч а р д
(с видимым усилием и беспокойством)
А у меня все живы?

Д ж о н а т а н
И здоровы!
Они тебе передают привет,
и спрашивает у тебя сестра —
и ты, быть может, хочешь к ней вернуться?

Р и ч а р д
Душа моя к ней рвется постоянно.

Д ж о н а т а н
Ну, так вернись!

Р и ч а р д
Зачем слова такие...
Общины приговором изгнан я.

Д ж о н а т а н
Не столько приговором, сколь — порывом.
И, если б тот порыв ты переждал...

Р и ч а р д
Не мог.

Д ж о н а т а н
Нет, не хотел.

Р и ч а р д
Что вспоминать!

Д ж о н а т а н
Да, правда, все давно прошло теперь.
Община приговор забыть готова.

Р и ч а р д
Да так ли это? Кто ее просил?
Ужель сама сестра?

Джонатан

Нет, Кристабел
слезами сердце матери смягчила,
и согласилась мать просить общину
о возвращении, о прощении...

Ричард

Боже!

Мать снова сына своего признала.

Джонатан

Она надеется, что ты придешь,
как блудный сын...

Ричард

Она сказала так?

Джонатан

Она так при общине говорила.

Ричард

Публично блудным называть меня!

Джонатан

Община выслушала дружелюбно.
Сам Годвинсон сказал, что, если ты
придешь покорно, полный покаянья,
со скорбью в сердце,— он тебя простит,
как вся община.

Ричард

Значит, он подумал,
что попрошу я у него прощения?

Джонатан

Не требует он покаянных слов.

Ричард

Я, значит, должен каяться делами?

Джонатан

Понятно!

Р и ч а р д

Правда, ясно и понятно.

Д ж о н а т а н

Совет мой — покориться. Верь, мой друг,
в такой покорности найдешь ты мир, —
тот мир души, какого у тебя
вовсе не бывало.

Р и ч а р д

И не будет.

Д ж о н а т а н

Я думал так же про себя когда-то,
но после победил, сломил гордыню,
и с той поры, как от себя отрекся,
я мир и благодать в сердце ощутил.

Р и ч а р д

Давно уж я таких речей не слышал.

Д ж о н а т а н

Послушай же! Пусть не звучит мой голос,
как голос вопиющего в пустыне.
Зову тебя, зову и умоляю:
вернись и покорись.

Р и ч а р д

Брат! Не могу.

Господь рассудит между мной и ними.
Не гнется шея перед Годвинсоном,
не может сердце потерпеть неправду,
хотя б от матери.

Д ж о н а т а н

А для сестры?

Р и ч а р д

Зачем же нужен ей покорный Ричард?
Затем, чтоб положить его во гроб?

Джонатан

Ты эти речи гордые оставь,
они, как дым. Живых людей ты вспомни.
Племянника, как сына, ты любил.

Ричард

Что стало с Дэви?

Джонатан

Он хороший парень.

Ричард

Не лезит?

Джонатан

Нет, но живопись он любит.
Хотел бы он в Голландию поехать
с товарищами, подучиться малость,
да денег нет. А жалко: пишет он
совсем не плохо, да и есть охота.
Родные не противятся нисколько,—
он ничего греховного не пишет.

Ричард

А что ж он пишет?

Джонатан

Больше все портреты.

Себя он написал. Вот я привез.

(Вынимает небольшой портрет, написанный на дощечке.)

Портрет тебе в подарок он послал.

Ричард

(присматривается. Голос дрожит)

Мой Дэви... Возмужал... Усы чернеют...
Правдивые, открытые глаза...
Во взоре та же искра. Милый мальчик!
Сын сердца моего! Мой дорогой.

Джонатан

Вернись к нему.

Молчание.

Р и ч а р д

Зачем бы я вернулся?

Чтоб молодую душу погасить?

Теперь мой Дэви будет вечно помнить,
что у него был раньше дядя Ричард,
свободный, смелый и непримиримый,
покорный только красоте и правде.

Ничем не омрачу воспоминанья,—
я не хочу, чтоб мой любимый Дэви

и юные товарищи его,
меня увидев, головой кивали:

„Был конь, да вот изъездился“. О, нет!

Д ж о н а т а н

Все это гордость. Ты для славы, Ричард,
души спасенье погубить готов.

Р и ч а р д

Для славы! Где ж она? Какая слава?

Не мучай сердца моего!

Д ж о н а т а н

Прости!

Я не хотел сказать.

Р и ч а р д

Что говорить!

Мне кажется, все, что могли, сказали.

Д ж о н а т а н

Я б мог сказать: там не одни родные,

Не только я—приятели там есть.

Р и ч а р д

Какие же?

Д ж о н а т а н

Почтеннейшая Томсон.

Р и ч а р д

Такой не знаю, кажется...

Джонатан

Вдова

по Томсону, до брака — Дженни Кембл.
Она недолго замужем была,
теперь она уже...

Ричард

Не продолжай!

Пусть Дженни Томсон или Дженни Кембл,
мне все равно теперь. Такой не знаю.

Молчание.

Джонатан

Что о тебе сказать твоей сестре?

Ричард

Скажи: возврата нет.

Джонатан

И это слово

последнее?

Ричард

Последнее.

(Отворачивается.)

Джонатан

Нет, нет,

не надо прятать слез, — не надо, Ричард.
Я вижу их. Скажу твоей сестре:
он плакал, это говоря...

Ричард

Как хочешь...

А Дэви ты скажи, чтоб он, конечно,
в Голландию поехал...

(Подходит к сундуку, вынимает оттуда деньги и отдает из Джонатану.)

Вот отдай

ему весь горький заработок мой.

Пускай идет он не на хлеб насущный.

Скажи ему: просил твой дядя Ричард:
стань мастером и непокорным будь.

Джонатан

Я деньги передам.

Ричард

А слово?

Джонатан

Нет,

слова грешны.

Ричард

Ну что ж, не говори!

Ведь это и без слов поймет мой Дэви.

Джонатан

Я вижу, ничего мне не добиться!

Пора идти.

Ричард

Куда? Переночуй!

Джонатан

Я к Риверсу пойду. Ну, будь здоров!

Пожимают друг другу руки. Джонатан направляется к двери.

Джонатан

(в дверях)

Что матери ты скажешь?

Ричард

Ничего.

Джонатан выходит. Во время диалога постепенно опускается
ночь. Теперь только тусклый звездный свет немного освещает
комнату.

Ричард

(прислушивается, как затихают шаги Джонатана, по-
том садится на край стола)

Какой я одинокий, боже правый.

Вот я достиг желанного: свободен.

И депи сердца своего разбил
и сердце вместе с ними. Я свободен,
но облегчения нет, и нет дороги.
И депи нет... До края доборолся.
Ужель теперь, когда я победил,
тоска одержит надо мной победу?
То, для чего я от всего отрекся,
пусть и меня спасает. Искра божья,
раз ты спалила мой родимый дом,
теперь свети мне ярко на чужбине,
стань очагом домашним!

(Поднимается, зажигает свеч, ставит его на постамент, отодвигает занавес, подходит к закрытой статуе, берет покрывало, немного отклоняет его, но останавливается.)

Что я думал .

здесь изменить? Над чем теперь работать?
Кончать? Приблизить ли ее к природе?
Нет образца... Фантазии дать волю?
Не бьет моя фантазия крылами,
поломаны они...

(Опускает покрывало.)

Что ж, мысль, молчишь?

Спаси меня! Как замирает сердце!
Устало биться? Да, и я устал.

(Садится на край пьедестала статуи.)

А может быть, все это только призрак?
Быть может, то была не искра божья,
а огонек болотный, что уводит
доверчивого путника на гибель.

Быть может, не они все ошибались,
а только я один, и жизнь свою
неблагодарному кумиру отдал.

В тяжелый час кумир мой изменил...

Так будь же проклят он! Что я сказал?

Да как не грех до этого дожить!

Прости меня... Кого молю? Глухую

Пустыню... Пущу! Как тут страшно, боже!

Выбегает из дому. Ричард оставил двери раскрытыми, от ветра свеч на постаменте дрожит, и черные тени от статуй, от скелета и школьных скамей бегают по стенам, потолку. Дом некоторое время пуст. Потом входит магистр и мес-

сер Антонио, мужчина почтенного возраста, у него одежда и манеры веперианского noble XVII века.

Антонио

(с порога удивленно осматривает комнату)

Уверены ли вы, магистр любезный, что проживает он в домишке этом?

Магистр

Ошибка никакая невозможна, любезный господин мой.

Антонио

Очень странно...

Магистр

Я здесь на время вас покинуть должен. Уж раз вы из Род-Айленда спешите уехать...

Антонио

Да, и должен торопиться.

Магистр

То поскорей собрать общину нужно, дабы торговли пункты утвердить. С латинского переводить я должен, так как у нас не все сильны в латыни.

Антонио

Я вам за то безмерно благодарен, магистр презнаменитейший, что вы моим делам внимание отдаете, и если ваши знания равны любезности,— а в этом нет сомненья,— то этот Новый свет гордиться может великим, дивным светочем науки.

Магистр

Но в Новом свете знания и любезность и в малой мере не сравнимы с тем, чем старая Венеция богата.

Антонио

Нет слов, чтобы достойно вам ответить,
Сдаюсь на вашу милость, мой магистр.

Магистр

Мой господин, я счастлив вам служить.
(Церемонные поклоны. Магистр выходит.)

Антонио

Что это, мастерская? Нет, пустыня...
Она так не похожа на светлицу
Рикардо молодого, где, бывало,
соединялись грации и музы.
Фигура одинокая стоит,
как памятник могильный, а над нею
скелет хохочет злобно и беззвучно.
Ужель жилец подстать такому дому?
Подумать даже страшно.

На пороге появляется Ричард; увидев Антонио, ужасается.

Ричард

Гром небесный!
Мессер Антонио. Я с ума сошел!
Я вижу призрак.

Антонио

Ужас ни к чему,
да, Тонио чуть постарел, но жив,
и оживить у вас торговлю хочет.

Ричард

Почтенный друг! Вдруг у меня возшло
Италии смеющееся солнце!

Антонио

А было б кстати — не было б темно.
Ричард бросается, чтобы дать больше света. В открытое
окно врывается громкий гул органа.

Антонио

Что это? Gloria in excelsis? *
Откуда музыка?

Р и ч а р д
Тут близко церковь.

А н т о н и о
(прислушивается)

А органист здесь хорошо играет.

Р и ч а р д
На всю колонию один артист.

А н т о н и о
Я вижу, вы смиренью научились,
как настоящий пуританин.

Р и ч а р д
Нет,
здесь не смирение, а только правда.
Один артист, и он играет в церкви.

А н т о н и о
А кто же — дома этого хозяин?

Р и ч а р д
Нет, здесь я не артист. Был гончаром,
был печником, теперь — учитель школьный.

А н т о н и о
В тяжелый час артист берет любую
работу. Что же, даже Аполлон
раз принялся за труд коменотеса.

Р и ч а р д
Но если б Аполлон утратил лиру
и голос свой и только б стены строил,
он каменщиком звался бы, не богом,

А н т о н и о
Мастро милый! Это та покорность,
что хуже гордости. Поверю ль я,
что в пущах Новой Англии смогли вы
талант свой потерять?

Р и ч а р д

Что? Мой талант?

Я слова этого давно не слышал!
Мессер Антонио, вам я скажу,
что тяжело и молвить... Мой талант
мне кажется сверкнувшим метеором,
который уж погас, блеснув внезапно,
не дав тепла и света.

А н т о н и о

Все же он

всем взор очаровал, кто только видел
его блестящий взлет.

Р и ч а р д

Да кто же видел?

А н т о н и о

Мы, цвет венецианского искусства.

Р и ч а р д

Пришли ко мне вы точно Одиссей *,
что вызвал Ахиллеса из Эреба
и долго разговаривал с виденьем
про давнишние подвиги его.
Меж мертвым и живым лежал порог
Эребовых ворот, и разговор
бескровную так опечалил тень,
что слезы падали из глаз погасших.
Academia della bella arti! *
То — свет иной, и мне теперь он чужд.

А н т о н и о

Он мог бы вашим быть. Маэстро, вы
у нас бы не сверкнули метеором.
Вы стали бы вторым Буонарроти
И с Донателло * славой поравнялись.

Р и ч а р д

Опять итальянские *concetti* *.

А н т о н и о

Нет, не concetti и не комплименты —
я говорю, что память говорит;
она же точно сохранила все,
что говорили вы и что творили.

Р и ч а р д

Что говорил, того уж и не вспомню.

А н т о н и о

Кто там у нас в сепасоло*, бывало,
так гордо возносил свое чело,
так шумно кубком золотым звенел,
так громко возглашал: «Evviva l'arte!»* —
кто громче всех?

Р и ч а р д

Все это миновало,
прочь покатались золотые кубки,
напрасно сохнут дорогие вина,
а юное чело давно поцикло
и омрачилось.

А н т о н и о

Что же вам мешает
в Италию вернуться, в край счастливый,
где лавры, мирты вам устлали путь?

Р и ч а р д

Не только лавры и не только мирты, —
об инквизиционных приговорах
вы также вспоминаете?

А н т о н и о

Не бойтесь,
теперь иные времена.

Р и ч а р д
(печально)

Иные.

Нет приговоров, и не будет лавров.

А н т о н и о

Печальный и ненужный разговор.
Вы лучше покажите мне работы,—
я не могу поверить, что их нет.
Ведь, если руку отрубить артисту,
Он все-таки творить не перестанет.

Р и ч а р д

Я и не знаю, что вам показать.
Быть может, это?

(Идет и раскрывает статую.)

Вы, почтенный друг,—
Судьей искусств всегда у нас считались.
Теперь от вас я приговора жду.
Вы знаете, как дорог для меня
ваш приговор, любое ваше слово,—
как если б до сих пор я был в пустыне,
где голоса людского не слышал,
а тут я сразу слышу речь родную;
и разве дорогой она не будет,
хотя б услышал смертный приговор?

А н т о н и о

О смертном приговоре нет и речи.
Nunc delectandum est*.

(Долго и внимательно смотрит на статую. Ричард тревожно следит за его взглядом.)

К скульптуре этой,
Мастро, приступили вы когда?

Р и ч а р д

Когда я начал? Как сказать, не знаю.
Еще в Венеции задумал я.
Тогда я сделал маленькие пробы,
идея эта всюду шла за мной,
где б ни был я. Давно, в Массачузете,
я создал статую, которой нет.

А н т о н и о

А где ж она теперь?

Р и ч а р д

Большая просьба:
позвольте мне на это не ответить.

А н т о н и о

А скоро ли окончите вы эту?

Р и ч а р д

Скорей, наверно, кончится мой путь.

А н т о н и о

Жаль. Статуя мне кажется хорошей,
хотя «замучена», — как говорят.

Р и ч а р д

Неудивительно. Я сам измучен.

А н т о н и о

Маэстро, правильно меня поймите:
я не сказал, что творческая сила
уже не та у вас, любезный друг,
а только то, что дали вы над нею
взять верх рассудку. В статуе
сомнения художника...
(Замолкает. Ища выражения своей мысли.)

Р и ч а р д

Мессер,
жалеть не надо: не прошу пощады.

А н т о н и о

(стараясь скрыть неловкость)

Да вам ее просить не надо, друг.
Я — критик, ну, а критика обычно
придирчива, порою — чрезмерно.
Припоминаю, вы сейчас сказали,
что проб немало сделали. Хотел бы
их с этою скульптурой сопоставить.

Р и ч а р д

(идет к шкафу и достает маленькую восковую фигурку)

Вот эта — лишь она одна осталась.
И ту я вынес, точно тело друга,
убитого в сражении последним.

А н т о н и о

(присматривается к фигурке, лицо его быстро принимает экстатическое выражение)

О, дивная жемчужина! Маэстро,
ужасный грех ее от света прятать!
Вы пуританин, выросли на текстах,
а... притчу... про таланты позабыли.

Р и ч а р д

Почтенный друг, и эту притчу знаю,
и — хорошо...

А н т о н и о

Во имя Аполлона
и всех камен!* Скажите мне, маэстро,
когда вы это диво сотворили?

Р и ч а р д

Еще в Венеции, потом немного
переработал ей лицо.

А н т о н и о

Не правда ли,
что Королину д'Орси вся фигура
напоминает?

Р и ч а р д

Очень может быть.

А н т о н и о

Недаром гениальный иностранец
на итальянку загляделся.

Р и ч а р д

Нет,

Вы ошибаетесь. Не загляделся.
Я святость красоты при ней постиг.
Я просто профанадией считал бы
ухаживанье...

А н т о н и о

А сама сеньора
(ставит фигурку на стол перед собой)
иного мнения на этот счет—
при ней, помимо мужа, состоят
три чичисбея*.

Р и ч а р д

Замужем она?

А н т о н и о

Давно. За тем богатым толстым Фьяски.

Р и ч а р д

Как раньше идеально хороша?

А н т о н и о

Недурно держится. Но все же годы..

Р и ч а р д

Мессер Антонио, зачем все это
вы рассказали мне?

А н т о н и о

Прекрасный друг!
Пусть вас мои рассказы не волнуют!
То, что рассказывал я,— это жизнь.
То, что меня чарует здесь—
(показывает на фигурку)

мечта.

Жизнь и мечта в согласьи не бывают
И борются, хотя стремятся к миру.
В волнениях борьбы проходит жизнь.

Мечта останется, и это значит—
Pereat mundus fiat ars.

(Показывает на девиз, выписанный на пьедестале фигурки. Ричард не отвечает на это и задумывается.)

Антонио

(берет Ричарда за руки)

Маэстро!

Мой вам совет, как другу и артисту,—
прошу и заклинаю: возвращайтесь
в Италию! Вернитесь! Я уверен,
талант ваш расцветет под нашим небом,
а мой корабль с хозяином его
к услугам вашим.

(Прикладывает руку к сердцу и кланяется Ричарду.)

Ричард

Друг, благодарю,

хотя принять не в силах приглашения:
меня вы извините и поймите.—

Италии сверкающее солнце

уже бессильно для незрячих глаз,—

оно из них исторгнет только слезы.

Теперь уж поздно. Как вернуться мне

в тот край, где видели меня когда-то

в расцвете радостном, где на меня

великие надежды возлагали?

Что я там покажу? Чем похвалюсь?

Так начал я,

(показывает на фигурку) и вот как я окончил

(показывает на статую).

Нет, после этого не воскресают!

Вы, друг, меня зовете на корабль?

Брать труп с собою в плаванье не стоит,
как моряки сказали б,— ни к чему....

Слуга

(входит)

Почтенный господин! Вас ожидают
в общественном собрании, чтоб дела
закончить.

А н т о н и о

Я там очень скоро буду.

Слуга выходит.

Пора идти, а после я — в дорогу.
Уже давно я в Новом свете езжу,
и к Старому назад — немалый путь.
Нельзя задерживаться мореходцам.
Так что ж, маэстро?

Р и ч а р д

Трудно повторить,
что нелегко промолвить и впервые.
В Венеции прошу вас поклониться
тем скульпторам, кто не забыл еще
товарища. Синьоре Каролине
привет мой благодарный передайте
и самое глубокое почтение.
Из всех людей, каких я знал на свете,
она меня всех больше одарила, —
она мне лучшую мечту дала.
Пусть бог ее благословит за это.
А вас, почтенный друг, благодарю
за вашу дружбу.

А н т о н и о

Жалко, что она
вам ни на, что, мой друг, не пригодилась.
Пожимают друг другу руки. Антонио уходит.

Р и ч а р д

Мессер Антонио!

А н т о н и о

Что, милый друг?

Р и ч а р д

(дает ему фигурку)

«Мечту» с собой возьмите. Пусть она
плывет в священный край, где родилась.
Не хочется мне тут с душой погибнуть.

Возьмите, друг, ее,—поставьте там,
где, юный, лаврами я был увенчан.
Скажите всем: «Вот Ричарда душа!»

Антонио берет торжественно, почти благоговейно, фигурку
в руки. Молчаливые поклоны. Антонио выходит

Р и ч а р д
(один)

Плыви, моя душа, за океан,
а я останусь тут с бездушным телом,
среди костей, с творением своим
мертворожденным.

(К статуе.)

Как ты мне противна!

Тебя я ненавижу. Стыдно мне,
Что показал тебя. Какой позор!
Так сгинь, проклятая, со мною вместе!
Тебя я не желаю пережить!
Все уничтожить я хочу бесследно.

(Заматывается, чтобы сбросить статую с пьедестала,
но опускает руки.)

Нет, вот не поднимается рука
убить дитя отчаянья и муки,
и жалко мне тебя, ужасно жаль —
так, как всегда бывает жаль отцу
калекою рожденного дитяти.
Мое творенье не дождется бронзы,
Его творца ему не пережить.
Я в землю не успею превратиться,
Как высохнет и распадется глина.
Так пусть до времени стоит... А я?
Готово заветное — ждать чего?
Пора бы в вечный путь...

Слышен орган, играют Requiem.

Спасибо, вспомнил,
что я просил, коллега добрый мой,
и Requiem сыграл... Я благодарен.
Я буду слушать.

(Садится возле окна и слушает.)

Грозные аккорды
Вещают вечные мученья ада.

Но в нём уж я теперь... Ах, отзвук рая!
Он — обещанье вечного покоя.
Но никогда я не хотел покоя.
Моя — я слышу — утасает сила,
как тот аккорд... я жить не в состоянии
единым хлебом... Вот могучий гром!
То трубы ангелов, то голос с неба!
Когда ж меня позовет ангел смерти?
Я знаю, ждать его уже не долго.

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ
Драма-феерия в трех действиях

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Пролог

«Тот, что плетены рвет»
Потерчата (двое)
Русалка
Водяной

Действие I

Дядя Лев
Лукаш
Русалка
Лесовик
Мавка
Перелесник
Лихорадка (без слов)
Потерчата
Куц

Действие II

Мать Лукаша
Лукаш
Дядя Лев
Мавка
Русалка полевая
Килина
Русалка
«Тот, что в скале сидит»
Перелесник

Действие III

Мавка

Лесовик

Куш

Злыдни

Мать Лукаша

Килина

Мальчик

Лукаш

Дети Кирины (без слов)

Доля

Перелесник

ПРОЛОГ

Старый-престарый, густой, древний лес на Волыни. Посреди леса просторная поляна с плакучей березой и огромным старым дубом. Поляна по краям переходит в кусты и тростники, а в одном месте в ярко-зеленое болото — это берега лесного озера, образовавшегося из лесного ручья. Ручей выбегает из чащи, впадает в озеро, потом, по другую сторону озера, снова вытекает и теряется в зарослях. Само озеро тиховодно, покрыто ряской и кувшинками, с чистым плесом посредине. Место дикое, таинственное, но не мрачное, — полное нежной, задумчивой полесской красоты.

Ранняя весна. Вдоль опушки и на поляне зеленеет первый ряс, цветут подснежники и сон-трава. Деревья еще голы, но покрыты почками, готовыми вот-вот раскрыться.

На озере туман то лежит паленой, то колеблется от ветра, то рассеивается, открывая бледноглубую воду.

В лесу что-то зашумело, ручей зажурчал, зазвенел, и вместе с его водами из лесу выбежал «Тот, что плотины рвет», — молодой, белокурый, синеглазый, с буйными и вместе с тем плавными движениями; одежда его меняет цвета — от мутно-желтого до светлоглубого — и поблескивает острыми золотистыми искрами. Бросившись из потока в озеро, он начинает кружиться по плесу, волнуя его сонную воду; туман рассеивается, вода синее.

«Тот, что плотины рвет»

С горки в долину
бегу, бегу и хлыну.
Мосточки сбиваю,
плотинки все срываю,
все гати, все запруды,
что запрудили люди, —
весенняя вода,
как воля, молода!

(Волнует воду еще больше, ныряет и снова всплывает, словно ища что-то в воде.)

Потерчата

(двое маленьких, бледных детишек в беленьких рубашках показываются из воды между кувшинок)

Первый

Зачем ты тут блуждаешь?

Второй

Зачем нам спать мешаешь?

Первый

Матушка нас положила,
и мягонько постелила,
на коренья, на каменья
постелила нам растенья
и кувшинками покрыла,
и все пела-говорила:
«люли-люли — люлятки,
баю, мои ребятки!»

Второй

Зачем же ты тут рыщешь?

Первый

Кого же ты тут ищешь?

«Тот, что плотины рвет»

Русалку молодую,
для сердца дорогую,—
царевне этой славной
нет в целом свете равной!

Бежал я с горы
через доли и яры,—
нигде я не заметил
милей ее на свете.
Всю воду расплещу я,
красотку отыщу я!
(Бурно мутит воду)

Потерчата
(вместе)

Ой, горе! Не пугай!
Нам хатки не ломай,
нас матушка укрыла,
в пещерку уложила,
мы без отца ребятки,
живем в убогой хатке...
(Цепляются за его руки, умолая.)

Мы спустимся на дно,
где холодно, темно,
а там русалка скрылась,
над рыбаком склонилась.

«Тот, что плотины рвет».

Пускай с ним расстается!
Пускай ко мне вернется!

Потерчата ныряют в озеро.

Что ж не всплываешь?

Русалка выплывает, игриво улыбаясь и радостно складывая ладони. На ней два венка — один большой, зеленый, другой маленький, как коронка, жемчужный, из-под него спадает кисей.

Русалка

Тебя и не узнала я!

«Тот, что плотины рвет»
(грозно)

Где пропадаешь?

Русалка

(бросается к нему, но проплывает мимо)

Всю ноченьку мечтала я,
тебя все поджидала я!
Роняла слезы частые,
сбирала в ведра ясные,
все о тебе я помнила,
все ведра переполнила...

(Всплескивает руками, раскрывает объятия, снова бросается к нему и снова проплывает мимо.)

Червонец бросишь — знай:
полюются через край!
(Звонко смеется.)

«Тот, что плотины рвет».
(язвительно)

Давно ли вы в болоте
как богачи живете?

Русалка приближается к нему, он круто отворачивается от
нее, омутом закружив воду.

На дне б ты оставалась,
над рыбаком склонялась,
хранила б дорогого
от рака, сома злого,
чтоб не отгрызли чуба.
Тебе все это любо!

Русалка
(подплывает ближе, хватая его за руки, заглядывает
в глаза)

Уж и рассердился?
(Лукаво.)

Все знаю про голубчика,
Все, все про душегубчика!
(Тихо смеется, он встревожен.)

С кем ты водился?
Меня, царевну, губишь,
дочь мельника ты любишь!
Зимою — долги ночи,
у девки ж черны очи,—
к ней паничи идут,
ей денежки несут.

(Грозит ему пальцем и смеется.)

Все понимаю,
тебя, лентяя, знаю,
но я тебя прощаю,
ведь я тебя люблю.

(С шутливым пафосом.)

На целый долгий миг тебе я буду верной,
минуту буду я возлюбленной примерной,
измену ж утоплю!
Вода не держит следа

с утра и до обеда,
как и любовь твоя,
как и тоска моя!

«Тот, что плотины рвет»
(порывисто протягивает ей обе руки)

Мир по чести!
Поплывем же вместе!

Русалка
(берется с ним за руки и быстро кружится)

Ой, на бережочке,
на желтом песочке,
в жемчужном веночке,
пропляшу до ночки!
Ух! ух!

Ухают, брызжут, плещут. Вода так бьется в берега, что даже осока шумит и птицы стаями срываются с тростников. Водяной всплывает посреди озера. Он дремливый, седой дед; длинные волосы и длинная седая борода, спутанная водорослями, свисают до самого пояса. Одежда на нем — цвета ила, на голове корона из ракушек. Голос глухой, но сильный.

Водяной

Кто наши воды тихие волнует?

Русалка со своим дружкой останавливаются и бросаются в разные стороны.

Ах, срам какой! Царевна водяная
заводит танцы с чужеземцем! Стыдно!

Русалка

Да разве он чужой? Ты не узнал?
Ведь это «Тот, что рвет плотины».

Водяной

Знаю.

Он не родной, хоть водяного рода,
изменчив и лукав его характер.
Весною он бурлит, играет, рвет,
срывает с озера венок роскошный,
который целый год растят русалки,
пугает птицу мудрую в лесу,

вдовице-вербе корень подрывает
и маленьким сироткам потертатам
светильники водою заливает,
и размывает берега мощ,
и старости моей покой тревожит.
А летом где он? Где тогда гуляет,
когда лучами солнце воду пьет
из моего ковша, как гриф несатый,
когда от жажды никнут камыши,
на берегу засохшем, изнывая
и умирая, лилии склоняют
к воде нагретой вялые головки?
Где он тогда?

Во время этой речи «Тот, что плотины рвет» украдкой кивает
Русалке, манит ее поплыть с ним по лесному ручью.

«Тот, что плотины рвет»
(со скрытой насмешкой)

Тогда, старик, я — в море.
Меня зовет на помощь Океан,
чтоб и его не иссушило солнце.
А царь морской зовет — так надо слушать.
На то и служба, — сам, наверно, знаешь.

Водяной

Эге, тогда ты в море... что ж... А мне,
когда б не помогал мой друг старинный,
приятель добрый мой, осенний дождик, —
пришлось бы с паром мне погибнуть!
«Тот, что плотины рвет» незаметно прячется в воду.

Русалка

Что вы!
Не может пар погибнуть — вновь из пара
вода родится.

Водяной

Умная какая!
Иди на дно. Довольно тараторить!

Русалка

Сейчас. А он уже куда-то скрылся.
Я расчешу помаятую траву.

*(Вынимает из-за пояса гребенку из ракушки и чешет
прибрежные травы.)*

Водяной

Ну, расчеши, я сам люблю порядок.
Чеши, чеши! А я тут подожду,
пока работу кончишь. Да поправь
кувшинки, чтобы ровно расстились,
сплети ковер из ряски хорошенько,
его порвал бродяга.

Русалка

Ладно, ладно!

Водяной удобно укладывается в тростяшках, наблюдая за
работой русалки; глаза его понемногу закрываются.

«Тот, что плотины рвет»
(вынырнув, тихо Русалке)

Ты спрячься за лозю.

Русалка прячется, оглядываясь на Водяного.

Мы поплывем с тобою
в даль, в водостоки,
под быстрые потоки,
сорвем плотину с ходу,
дочь мельникову — в воду!

Хватает Русалку за руку и быстро мчится с нею через озеро.
Неподалеку от другого берега Русалка останавливается и
вскрикивает.

Русалка

Ой, зацепилась я за дуб корявый!

Водяной просыпается, бросается наперерез и перехватывает
Русалку

Водяной

Так вот ты как?.. Проклятый соблазнитель!
Узнаешь ты, как совращать русалок!
Пожалуюсь я матери твоей,
Метели Горной, та тебе покажет!

«Тот, что плотины рвет»
(с хохотом)

Пока что будет, я тут нагуляюсь!
Прощай, Русалка, наполняй там ведра!
(Бросается в лесной ручей и в нем исчезает.)

Водяной

Ступай на дно! Не смей три лунных ночи
являться над водой из глубины.

Русалка
(сопротивляясь)

С какого времени русалки стали
рабынями в воде? Ведь я свободна!
Свободна, как вода!

Водяной

В моих владеньях
знать берега обязана вода!
Ступай на дно!

Русалка

Я не хочу!

Водяной

Не хочешь?
Отдай сюда венец жемчужный!

Русалка

Нет!
Мне подарил его морской царевич.

Водяной

Носить венец тебе уж не придется,
тебя за послушание возьмет
«Тот, что в скале сидит».

Русалка
(со страхом)

Нет, нет отец мой!
Я буду слушаться!

Водяной

Ступай на дно!

Русалка

(медленно опускаясь в воду)

Иду, иду... А можно забавляться
мне с рыбаком?

Водяной

Уж ладно — забавляйся.

Русалка опустилась в воду по плечи и, грустно улыбаясь
смотрит вверх на отца.

Чудная ты! Я о тебе забочусь.
Пойми — тебя он погубил бы только,
повлек бы он тебя колючим руслом
лесного ручейка да искалечил
все тело белое и на безводьи
покинул бы тебя.

Русалка

Но он красивый!

Водяной

Опять ты за свое?!

Русалка

Нет, нет! Иду!

(Нырять.)

Водяной

(посматривая вверх)

Уж солнце по-весеннему пригрело...
Фу, душно как! Пора и прохладиться.
(Погружается в воду.)

ДЕЙСТВИЕ I

То же самое место, только весна уже в разгаре, лесная опушка словно затянута нежной зеленой дымкой, кое-где уже и вершины деревьев покрыты зеленым цветом. Озеро стоит полное, в зеленых берегах, как будто в венке из руты.

Из леса на прогалину выходят дядя Лев и племянник его Лукаш. Лев уже старый почтенный человек, с очень добрым лицом; по-полесски длинные волосы белыми волнами опускаются на плечи из-под серой войлочной шапки-рогатки; одет Лев в полотняную одежду и в светлосерую, почти белую свитку; на ногах лапти, в руках клювня (небольшой невод); возле пояса на ремешке ножик, через плечо сплетенный из лыка кошелек (мешок) на широком ремне.

Лукаш — очень молодой парень, красивый, чернобровый, стройный, в глазах его есть что-то детское; одет тоже в полотняную одежду, только из более тонкого полотна; рубаха навывпуск, вышита белыми нитками, с отложным воротником, подпоясана красным поясом, у воротника и на рукавах красные застёжки; свитки на нем нет; на голове широкополая соломенная шляпа; у пояса пожитки, ковшик из лыка на веревочке.

Дойдя до берега, Лукаш остановился.

Лев

Ты что ж остановился? Тут за рыбой
ведь не пойдешь. Тут очень вязко, тонко.

Лукаш

Да вырезать хотел себе я дудку,—
смотри, какой хороший здесь тростник.

Лев

Но у тебя ведь прорва этих дудок.

Лукаш

Ну, сколько же?—из липы, из калины,
из вербы—вот и все. А мне бы надо
еще и тростниковую, та лучше,—
звончей играет.

Лев

Да уж забавляйся,
на то бог праздник дал. А завтра надо
нам хатку ставить. Ведь пора уже
в лес выгонять скотину. Посмотри-ка,
уже трава пробилась между рястом.

Лукаш

Да как же здесь мы жить с тобою будем?
Считается нечистым это место...

Лев

Как для кого! А я, племянник, знаю,
и как где быть, и как с кем обходиться.
Где отрещусь, где вкочочу осину,
где просто трижды плюну, да и все.
Посеем возле хатки мак-всезнай,
терлыч посадим около порога,—
и не страшна нам никакая сила.
Ну, я пойду, а ты себе как хочешь.

Расходятся. Лукаш идет к озеру и исчезает в тростнике. Лев
идет берегом и скрывается за вербами.

Русалка

(выплывает на берег и кричит)

Дедуся! Лесовик! Беда! Спасите!

Лесовик

*(маленький бородатый старичок, проворный в движении, важный на вид; в коричневой одежде цвета
коры, в мохнатой куньей шапке)*

Ну, что тебе? Чего кричишь?

Русалка

Там хлопеч

тростник на дудки режет!

Лесовик

Ой-ой-ой!

Всего-то и беды! Ну, и скупа!
Здесь хатку собираются поставить,
и то не спорю я, не брали б только
сырого дерева.

Русалка

Ой, горе! Хатку?

Здесь будут люди, что живут под крышей
соломенной! Я их не выношу!
Я не терплю соломенного духа!
Я их топлю, чтобы отмыть водою

тот ненавистный дух. Защекочу—
пускай только придут!

Лесовик

Стой! Не спеши ты.
В той хатке поселится дядя Лев,
а он приятель нам. Он все шутя
осиною да терлычком пугает.
Люблю я старика. Когда б не он,
давно б уж этого не стало дуба,
что столько видел разных наших сборищ
и танцев, и лесных великих тайн.
Уж немцы меряли его, вставляли
втроем вокруг и охватить пытались
могучий ствол. Давали много денег,
чеканных талеров, что людям милы,—
покаялся жизнью дядя Лев тогда,
что дуб рубить вовек он не позволит.
И я тогда же бородой покаялся,
что дядя Лев и вся его родня
в лесу вот этом будут безопасны.

Русалка

Овва! А мой отец их всех утопит!

Лесовик

Пускай не пробует! Я завалю
все озеро листовою прошлогодней.

Русалка

Ой, ой, беда, как страшно! Ха-ха-ха!
(Исчезает в озере.)

Лесовик, что-то ворча, закуривает трубку, сев на сваленном дереве. Из тростников слышен голос дудочки, нежный, кудрявый, и по мере того как он растет, развивается,—растет, развивается все в лесу. Сначала на вербе и ольхе задрожали сережки, потом береза листвою залепетала. На озере раскрылись белые лилии и размотали цветочки на купавках. Дикая роза раскрывает нежные бутоны.

Из-за ствола старой, полусохшей, расщепленной вербы выходит Мавка в светлозеленой одежде, с распушенными черными, с зеленым отливом, косами, расправляет руки и проводит ладонью по глазам.

Мавка

Ох, как спала я долго!

Лесовик

Долго, дочка!

Уж сон-трава, взгляни-ка, отцветает,
вот-вот кукушка масло все сколотит,
и красные наденет черевички,
и станет людям отмерять года.
Уже из теплых стран слетались гости.
Вон желтыми пухинками на плесе
уже утята дикие плывут.

Мавка

Кто ж разбудил меня?

Лесовик

Весна, весна.

Мавка

Весна еще так никогда не пела,
как нынче. Или это мне приснилось?

Лукаш снова играет.

Нет... стой... Ба! Слышишь, как весна распелась?

Лукаш играет приближаясь.

Лесовик

Нет, это хлопец заиграл на дудке.

Мавка

Какой? Не «Тот ли, что плотины рвет»?
Я от него совсем не ожидала!

Лесовик

Нет, человек, племянник дяди Льва,
Лукаш.

Мавка

А я совсем его не знаю.

Лесовик

Да он впервые здесь. Он издалека,
не из лесов, а из боров сосновых,
где наша бабка зимовать привыкла;

бсиротёл он с матерью-вдовою,
а дядя Лев к себе обоих принял...

Мавка

Хотела бы увидеть и его.

Лесовик

Зачем тебе?

Мавка

Наверно, он красивый!

Лесовик

Ох, на людей засматриваться, дочка,
для девушек лесных небезопасно...

Мавка

Какой же стал ты, дедушка, сердитый.
Меня держать ты, значит, так же будешь,
как Водяной Русалку?

Лесовик

Пет, родная,
зачем тебя держать мне? Водяной
привык в трясине топкой спокон-веку
живое всё засасывать. А я
люблю свободу. Забавляйся с ветром
и с Перелесником шути, как хочешь,
чтоб силы все и леса и воды,
ветров и гор обворожить собою,
но обходи людские тропы, дочка!
Там воли нет совсем,— и только скорбь
несет свой груз. Ты обходи их, дочка:
раз только ступишь — и пропала воля!

Мавка

(смеется)

Ну как же так, чтоб воли вдруг пропала?
Ведь так и ветер тоже пропадет!

Лесовик хочет что-то сказать, но выходит Лукаш с дудочкой.

Лесовик и Мавка прячутся.

Лукаш хочет надрезать ножом березу, чтобы из нее нацедить
соку, Мавка бросается и хватает его за руку.

Мавка

Не тронь! Не тронь! Не режь! Не убивай!

Лукаш

Да что ты, девушка? Что я — разбойник?
Хотел я только соку из березы
добыть себе.

Мавка

Не смей! То кровь ее!
Не пей же крови из моей сестрицы!

Лукаш

Березу ты сестрою называешь?
Кто ж ты, скажи!

Мавка

Лесная Мавка я.

Лукаш

(не столько удивленно, сколько внимательно присматривается к ней)

А, вон ты кто! От стариков не раз
про мавок слышал я, но только сроду
не видел сам.

Мавка

А видеть ты хотел?

Лукаш

А почему бы нет? Что ж,— ты совсем,
как девушка... да нет, скорей, как панна,
вся тоненькая, с белыми руками,
и как-то не по-нашему одета...
А что ж глаза не зеленые нисколько?

(Всматривается.)

Да нет, теперь зеленые... а были,
как небо, синие... теперь седые,
как облако... нет, черные, как будто,
а может, карие... Чудная ты!

Мавка
(улыбаясь)

Что ж, правлюсь я тебе?

Лук а ш
(стыдясь)

Я разве знаю?

Мавка
(смеясь)

А кто же знает?

Лук а ш
(совсем застыдившись)

Спрашиваешь тоже!..

Мавка
(искренне удивляясь)

А почему нельзя спросить об этом?
Вон роза наклонилась, вопрошая:

«Что, хороша я?»

А ясень шепчет ей, качая ветви:
«Нет краше в свете!»

Лук а ш
Я и не знал об этих разговорах.
Я думал, дерево совсем немое.

Мавка
У нас в лесу нет ничего немого.

Лук а ш
Ты что ж, из леса так и не выходишь?

Мавка
Я сроду из него не выходила.

Лук а ш
Давно на свете ты живешь?

Мавка

По правде,

Я никогда не думала об этом...

(Задумывается.)

Но кажется мне, что всегда жила я...

Лукаш

И все была такая, как теперь?

Мавка

Как будто все такая...

Лукаш

Чья же ты?

И есть ли у тебя родня?

Мавка

Конечно,

Есть Лесовик, зову его «дедуся»,
а он меня «родная» или «дочка».

Лукаш

Так кто ж он — дед или отец?

Мавка

Не знаю.

Не все ль равно?

Лукаш

(смеется)

Какие вы чудные

в лесу! А кто же твоя мать, скажи мне,
или там бабушка, как тут зовут?

Мавка

Мне кажется порою, что вон та
сухая верба старая — мне мама.
Она меня на зиму приняла
и мягкой листвою устелила
все ложе мне.

Лукаш

Ты там и зимовала?

А что же ты там делала всю зиму?

Мавка

Спала, конечно. Что ж зимою делать?
Спит озеро, спит лес и тростники.
«Засни, засни»,— скрипела верба мне.
Все белое я видела во сне:
на серебре сияли самоцветы,
цветы и травы, но не те, что летом,
все белые... И тихой чередою
звезда летела с неба за звездою,
росли сугробы... Белою постелью
земля укрылась. Словно ожерелье
из хрусталя, играло все, сверкало...
А я спала. Так вольно грудь дышала.
Раздумья розовые тихо шли,
узоры легкие по белым снам плели—
мечты все золотые, голубые,
не летние, спокойные такие.

Лукаш

(заслушавшись)

Как говоришь ты...

Мавка

Нравится тебе?

Лукаш утвердительно кивает головой.

А мне милей язык твоей свирели!

Ты мне сыграй, а я тут покачаюсь.

Мавка сплетает длинные ветви на березе, садится на них и качается тихо, как в колыбели. Лукаш играет, прислонившись к дубу, и не сводит глаз с Мавки. Он играет веснянку. Мавка, слушая, невольно отзывается и тихо-тихо начинает подпевать.

Мавка

Сладко он играет,
душу надрывает,
грудь мне белую терзает,
сердце вынимает.

На голос веснянки откликается кукушка, потом соловей, расцветает ярче дикая роза, белеет цвет калины, боярышник стыдливо розовеет, даже черный безлиственный терновник раскрывает нежные цветы.

Мавка, зачарованная, тихо колышется, улыбается, а в глазах сквозь слезы — тоска. Лукаш, заметив это, перестает играть.

Лукаш

Ты плачешь, девушка?

Мавка

Я разве плачу?

(Проводит рукой по глазам.)

А ведь и правда. Нет же! Это росы, Заходит солнце... Видишь, уж встает на озере туман...

Лукаш

Еще ведь рано!

Мавка

Ты не хотел бы, чтобы день кончался?

Лукаш качает головой: не хотел бы.

Мавка

А почему?

Лукаш

Домой покличет дядя.

Мавка

А ты со мною хочешь быть?

Лукаш кивает, подтверждая.

Вот видишь,

и ты совсем как яшень отвечаешь.

Лукаш

(смеясь)

По-здешнему ведь надо научиться,— все лето жить нам здесь придется.

Мавка

(обрадованно)

Правда?

Лукаш

Уже и строиться начнем мы завтра.

Мавка

Шалаш поставите?

Лукаш

Лачужку, может,

А может, даже хату.

Мавка

Вы — как птицы,
все вы хлопчете, все вьете гнезда,
чтобы потом их бросить.

Лукаш

Нет, мы строим
навек.

Мавка

Как навеки? Ты ж сказал,
что вы здесь поживете только летом.

Лукаш
(нехолоко)

Да я не знаю... Дядя Лев сказал,
что здесь дадут мне и надел, и хату,
ведь осенью женить меня решили...

Мавка
(с тревогой)

На ком?

Лукаш

Не знаю. Дядя не сказал мне,
а может, не нашел еще невесты.

Мавка

Что ж сам себе ты не отыщешь пары?

Лукаш
(поглядывая на нее)

Нашел бы, может, я, да...

Мавка

Что?

Лукаш

Не знаю...

(Наигрывает на дудочке что-то очень жалобное, потом опускает руку с дудочкой и задумывается.)

Мавка
(помолчав)

Скажи, а люди женятся надолго?

Лукаш

Навек!

Мавка

Вот так же и у голубей...
Я все завидовала им: так нежно
они друг друга любят... Я ж на свете
не знаю ничего нежней березы,
за то ее сестрицей называю;
да только слишком уж она грустна,
все никнет, бледная, в своей печали,—
я на нее смотрю — и часто плачу.
Ольхи я не люблю — она жестка.
Осина — та всегда меня пугает;
она сама боится — все дрожит.
Дубы суровы слишком! А терновник
задирист, как боярышник, как роза,
а ясень, клен и явор — горделивы.
Калина так кичится красотой,
что ей уж безразлично все на свете.
Такой была и я ведь год назад,
Теперь об этом вспомнить неприятно...
И если рассудить, то среди леса
совсем я одинока...

(Печально задумывается.)

Лукаш

А твоя

та верба, что ты матерью назвала.

Мавка

Ах, верба!.. Что ж... с ней хорошо зимою,
а летом... видишь, как она суха,
и все скрипит, все зиму вспоминает...
Нет, я в лесу совсем, совсем одна...

Лукаш

Но не одни деревья ведь в лесу,—
здесь и другой немало разной силы.

(Несколько язвительно.)

Да ты не прибедняйся, мы слыхали
про ваши танцы, шутки и утехы.

Мавка

Да это все как будто вихрь внезапный,—
вдруг налетит, завертит и покинет.
У нас не так, как у людей,—навек!

Лукаш

(подходя ближе)

А ты хотела б?..

Вдруг слышен громкий оклик дяди Льв

Голос

Эй, Лукаш, ау-у!

Го-го-го-го! Эй, где ты?

Лукаш

(отзывается)

Я иду!

Голос

Иди скорей!

Лукаш

Ну, что за нетерпенье!

(Откликается.)

Иду, иду!

(Хочет идти.)

Мавка
Вернешься?

Лукаш

Я... не знаю.

Идет в прибрежные заросли. Из лесной чащи вылетает Перелесник — красивый юноша в красной одежде, с красноватыми, буйно развевающимися, как ветер, волосами, с черными бровями, с блестящими глазами. Он хочет обнять Мавку, она уклоняется.

Мавка

Не тронь меня!

Перелесник

А почему?

Мавка

Иди,
взгляни, как в поле всходы зеленеют.

Перелесник

Зачем нужны мне эти всходы?

Мавка

Там же
во ржи твоя Русалка Полевая,
она сейчас уж начала тебе
сплетать из трав венок зеленоярый...

Перелесник

Уж я ее забыл.

Мавка

Забудь меня.

Перелесник

Не насмехайся! Хочешь — полетим!
Я понесу тебя к горам зеленым —
Ведь так хотела ты увидеть пихты!

Мавка

Теперь я не хочу.

Перелесник
Но почему?

Мавка
Мне расхотелось.

Перелесник
Выдумки какие!
Скажи мне: почему?

Мавка
Да нет охоты.

Перелесник
(льстиво вьется вокруг нее)

Полетим-ка в горы! Там мои сестрицы,
горные русалки, вольные, как птицы,
будут хороводом по траве кружиться,
молнией искриться!

Папоротник-цветик для тебя найду я,
звездочку сорвем мы с неба золотую,
на снегу нагорном выбелим сквозную
фату кружевную.

Мы тебе добудем лесную корону,
мы Змею-Царицу сбросим наземь с трона,
каменные горы дадим в оборону!

Будь моей желанной!

Стану утром рано
тебя одевать я
в дорогие платья,
веночки сплетая,
в хоровод вступая,
на крыльях летая

над багряным морем, где хоронит солнце
золото в глубины, провожая день.

Мы потом заглянем на звезду в оконце,
звездочка, как пряжа, даст нам волоконце,
будем вышивать мы бархатную тень.

А потом, к рассвету, в час, как в небе встанут
облака сквозные,— словно спозаранок
пьют овечки воду на лугу привольном,—
отдохнем мы славно на цветном...

Мавка

Довольно!

Перелесник

Как ты оборвала речь мою сердито!
(*Грустно и вместе с тем лукаво.*)
Прошное то лето, видно, позабыто?

Мавка

(*равнодушно*)

Прошное то лето так давно минуло!
То, что летом пело, то зимой заснуло
и не вспомнить снова!

Перелесник

(*таинственно, напоминая*)

А в лесу дубовом?

Мавка

Что ж там? Я искала ягодок, грибов...

Перелесник

Ну, а не искала ль ты моих следов?

Мавка

Помню — кудри хмеля я в лесу срывала.

Перелесник

Для моей постели — чтоб пышнее стала?

Мавка

Чтоб мой волос черный хмелем перевило.

Перелесник

Думала: быть может — приласкает милый?

Мавка

Нет, меня береза нежно колыкала.

Перелесник

Все же ты... кого-то... будто целовала?

Мавка

Ха-ха-ха! Не знаю!
Не припоминаю!
Я пойду украшу мелким рястом косы...
(Идет к лесу.)

Перелесник

Ой, смотри! Их смоят холодные росы!

Мавка

Ветерок повеет,
солнышко пригреет,
высохнет роса!
(Исчезает в лесу.)

Перелесник

Ты постой, молю я!
Без тебя умру я!
Где ты, где, краса?

Бежит тоже в лес. Между деревьями одну минуту маячит его красная одежда и, словно эхо, отзывается: «Где ты, где, краса?..» По лесу играет багряный закат солнца, вскоре он гаснет. Над озером встает белый туман. Дядя Лев и Лукаш выходят на поляну.

Лев

(сердито ворчит)

Проклятый Водяной! Чтоб высох он!
Я рыбы наловил и только выплыл
на плес, на душегубке, и хотел
поплыть к другому берегу — а он
вцепился цепко лапою за днище,
не двинуться! Чуть-чуть — и утопил бы!
Да я не будь дурак — схватил рукою
за бороду и замотал, как мычку,
да ножик из-за пояса, — ей-ей,
чуть не отсек! А он-то, пар проклятый, —
кувырк! — и лодку мне перевернул!
Я еле выбрался живым на берег
и рыбу растерял... Чтоб ты пропа! —
(Лукашу.)

А тут еще тебя там зацепило,—
кричу, аукаю,—хоть пропадай!
И где застрял ты?

Лукаш

Здесь, ведь говорю же,
вырезывал вот дудку.

Лев

Что-то долго,
племянничек, вырезываешь ты!

Лукаш

(смущенно)

Да разве, дядя...

Лев

(улыбнулся и подобрел)

Врать бы не учился,
еще ведь молод! Языка не жалко!
Вот поищи-ка хворосту ты лучше
да разожги огонь,—хоть обсушусь я:
ну, как такому мне домой добраться?
Пока дойдем, и та вдруг нападет—
не тут бы вспоминать—чур меня, чур!—
и душу вытрясет, не пожалеет...

Лукаш идет в лес; вскоре слышно, как он хрустит сухими
ветками.

Лев

*(садится под дубом на толстый корень и пробует
высечь огонь, чтобы зажечь трубку)*

Да, как же, высечешь. И губка смокла...
и трут потерял. Ах ты, лихорадка
тебя возьми!.. А может, выросла
тут свежая?

(Ощупывает дуб, ища губку.)

С озера, из тумана, появляется белая женская фигура,
больше похожая на полосу мглы, чем на человека; протянутые
длинные белые руки, загребая воздух, шевелят тонкими паль-
цами, когда она приближается ко Льву.

Лев
(испуганно)

Ой, что за привиденье?

А, знаю! Хорошо, что я заметил.
(Освоившись, вынимает из сумки какие-то корни да зелья и протягивает навстречу привиденью, словно обороняясь от него. Оно мгновенно отступает. Он причитает, заговаривая, чем дальше, тем быстрее.)

Щипля-девица,

Огневица-Трясовица!

Иди ты себе в кусты, на болото,
где люди не ходят, петухи не поют,
куда мой голос не доходит.

Тут тебе не ходить,
желтые кости не ломить,
черной крови не пивать,
веку не укорочать,
вот тебе полынь —
сгинь, сгинь, сгинь!

Привиденье отступает назад, к озеру, и сливается с туманом. Подходит Лукаш с охапкой хвороста, кладет перед дядей, вынимает из-за пазухи кремень и огниво и разжигает огонь.

Лукаш

Вот, нате, грейтесь, дядюшка.

Лев

Спасибо.

Ты старому-то дяде угождаешь.

(Разжигает от огня трубку.).

Теперь другое дело!

(Укладывается возле огня на траве, положив кошель под голову, попытывает трубой и щурится на огонь.)

Лукаш

Вы бы, дядя,
мне сказку рассказали.

Лев

Ишь, какой!

Ишь, маленький... Какую б ты хотел?
Про Оха-Чародея? Про Тромсина?

Лукаш

Я слышал их. Вы знаете такие,
каких никто не знает.

Лев

(подумав)

Ну, так слушай:

я про Волну-Царевну расскажу.

(Начинает спокойным певучим, размеренным голосом.)

Кабы нам теплая хата
да добрые люди,
говорили б мы сказку,
баяли байку
до самого света...
За темными лесами,
да за глубокими морями,
да за высокими горами,
а есть там дивный-предивный край,
там, где правит Урай.

Уж как в том краю солнце не догорает,
месяц не угасает,
а звезды ясные по полю ходят,
хороводы водят.

И вот у самой ясной звезды да нашелся сын

Белый Палянин,
личиком ясный,
белый, прекрасный,
золотой волос по ветру развеивает,
серебряное оружие в рученьках сияет...

Лукаш

Хотели про царевну...

Лев

Подожди!..

Вот как стал тот Белый Палянин расти-
вырастать,

стал он себе думать-гадать,
про свою жизнь размышлять:
из всех я, говорит, красотой удался,
а только я счастья не дождался.

Скажи ты мне, мать-Заряница,
с кем мне молодому обручиться:
с дочкой ли царской,
княжеской, боярской,
с дочкой ли дворянской,
или же с простой крестьянской?
Пришлась бы мне, молодому...
царская дочка к дому...

(Начинает дремать.)

Вот и пошел он к синему морю,
и положил у берега жемчужное ожерелье...

Лукаш

Вы, видно, дядя, что-то пропустили.

Лев

Да что ты? Разве? Ты мне не мешай!
...Вот и разбежалась по морю волна ветровая,
а из той волны да кони вылетали,
как жар пылали,
в красную коляску запряжены...

А на той коляске...

(Смолкает, побежденный сном.)

Лукаш

И кто ж на той коляске был? Царевна?

Лев

(сквозь сон)

А?.. Где Царевна?..

Лукаш

Вот уж и заснул...

Некоторое время смотрит задумчиво на огонь, потом встает, отходит дальше от костра и похаживает по поляне, тихо-тихо-печко, еле слышно, поигрывая на дудочке.

В лесу темнеет, но тьма не густая, а прозрачная, какая бывает перед восходом луны. Возле костра отблески света и извивы теней словно водят причудливый танец; близкие к огню цветы то поблескивают красками, то гаснут во тьме. На краю леса таинственно белеют стволы осин и берез. Веселый ветер вздыхает, обегая опушку леса и развевая ветви плакучей березы. Туман на озере белыми волнами

наплывает на черные заросли, тростник перешептывается с осокой, спрятавшись во мгле.

Из чащи выбегает Мавка, бежит торопливо, словно от кого-то убегая: волосы ее развеваются, одежда разметалась. На поляне она останавливается, оглядываясь, прижимает руки к сердцу, затем кидается к берегу и еще раз останавливается.

Мавка

Ой, спасибо тебе, ноченька чернокрылая,
что ты личико закрыла мне!

И вам, стежечки-дорожечки,
что вели меня до березочки!

Спрячь скорей меня, сестра милая!

(Прячется под березу, обнимая ее ствол.)

Лукаш

(подходит к березе. Тихо)

Ты, Мавка?

Мавка

(еще тише)

Я.

Лукаш

Бежала?

Мавка

Словно белка.

Лукаш

Ты убегала?

Мавка

Да.

Лукаш

Но от кого же?

Мавка

Он как огонь.

Лукаш

Кто?

Мавка

Цыц! Молчать!

Вдруг прилетит опять.

Молчанье.

Лукаш

Как ты дрожишь! Я слышу, как береза
трепещет вся и шелестит листвою.

Мавка

(отступает от березы)

Ой, горюшко! Боюсь я прислониться,
не устоять мне.

Лукаш

Прислонись ко мне.

Я удержу и защитити сумею.

Мавка прислоняется к нему. Они стоят, прижавшись друг к другу. Лучший луч идет по лесу, стелется по поляне и закрадывается под березу. В лесу отзываются напевы соловьев и все голоса веселней ночи. Ветер порывисто вздыхает. Из сияющего тумана выходит Русалка и тихо подсматривает за молодой парой. Лукаш, прижимая к себе Мавку, все ближе наклоняется к ней и внезапно целует.

Мавка

(вскрикивает с болью счастья)

Звезда упала в сердце!..

Русалка

Ха-ха-ха!

(Со смехом и плеском бросается в озеро.)

Лукаш

(в ужасе)

Что это там?

Мавка

Не бойся, там Русалка.

Подруги мы — и нас она не тронет.
Она задорна, любит насмехаться,
пу и пускай!.. Мне это все равно,
все, все на свете.

Л у к а ш

Как? И я?

М а в к а

Нет, нет,

ты сам мне свет, и ты милей и краше,
чем тот, что знала я, хотя и тот
стал мне милей, когда мы обручились.

Л у к а ш

Так мы уже и обручились?

М а в к а

Слышишь?

Вон соловьи распелись, как на свадьбе.

Л у к а ш

Я слышу... Вот они уж не щебечут,
не шелкают, а только повторяют:

«Целуй! целуй! целуй!»

(Целует ее долгим, нежным, трепетным поцелуем.)

Я заделую

тебя до смерти!

Срывается вихрь, и белый двет метелью вьется по поляне.

М а в к а

Не дано мне смерти...

а жалко...

Л у к а ш

Что ты? Что ты? Не хочу я!

Зачем я так сказал?!

М а в к а

Нет, так прекрасно

звездой летучей умереть...

Л у к а ш

Да полно!

(Говорит, лаская.)

Не говори об этом! Не хочу!

Не говори совсем!.. Нет, говори!

Чудной язык твой, только почему-то
приятно слушать... Что же ты молчишь?
Ты сердишься?

Мавка

Я слушаю тебя...

Твою любовь...

*(Берет в руки его голову, поворачивает против луны
и внимательно смотрит в глаза.)*

Лукaш

Зачем же так? Мне страшно:
когда ты мне заглядываешь в душу...
я не могу так! Говори, шути,
расспрашивай, скажи, что любишь, смейся...

Мавка

Твой голос чист, как будто ручеек,
а очи — непрозрачны.

Лукaш

Может, месяц

неясно светит.

Мавка

Может...

(Склоняется головой к его сердцу и замирает.)

Лукaш

Что с тобой?

Мавка

Тос... пусть расскажет сердце... так неясно
все говорит оно, как эта ночь.

Лукaш

Что там прислушиваться? Ну, не надо!

Мавка

Не надо, говоришь? Не буду, милый!
Нет, нет, любимый. Я не буду, счастье!
Не буду вслушиваться, мой хороший!

Ласкать тебя я буду, мой любимый!
Ты любишь ласки?

Лукаш

Я ведь не влюблялся
еще ни разу. Я совсем не знал,
что сладки так для сердца ласки!

Мавка страстно ласкает его, он вскрикивает с радостной мукой.

Мавка!

Ты душу мою выпнешь!

Мавка

Выну, выну!
Возьму себе всю эту душу-песню,
а сердце я словами зачарую...
Я целовать буду губы пригожие,
Чтоб загорелись,
Чтобы зарделись
губы, на дикую розу похожие!
Буду манить я глаза голубые,
чтобы играли,
чтобы сияли,
чтобы цветные огни рассыпали!
(Внезапно всплескивает руками.)
Да чем же приманить мне эти очи?
Цветами я не убрана!

Лукаш

К чему!

И без цветов ты хороша.

Мавка

Хочу я
вся для тебя украситься цветами,
лесной царевны краше!
(Бежит на другой конец поляны, далеко от озера, к цветущим кустам.)

Лукаш

Подожди!

Я сам тебя украшу.
(Идет к ней.)

Мавка

(грустно)

Неприглядны

цветы в ночи... теперь уснули краски...

Лукаш

Тут светляки в траве, я соберу их,
чтобы они в твоих светились косах,
чтобы сияли, как венки из звезд.

(Кладет несколько светлячков ей на волосы.)

Дай посмотрю я... Ой, как ты красива!

(Не помня себя от счастья, порывисто ее обнимает.)

Еще набрать, еще! Я уберу
тебя, как королеву, в самоцветы.

(Ищет в траве под кустами светлячков.)

Мавка

А я с калины цвета наломаю.

Она не спит от песни соловьиной.

(Ломает белые цветы и украшает себе одежду.)

Русалка

(снова выходит из тумана. Шепчет, повернувшись к тростникам)

Потерчата, подойдите,
огонечки засветите.

В тростниках замерцали два блуждающих огонька. Затем выходят потерчата, в руках у них мерцают плешечки, то ярко вспыхивая, то погасая. Русалка привлекает потерчат к себе и шепчет, показывая вдаль на белую фигуру Лукаша, что маячит во мраке между кустами.

Смотрите-ка, вон тот, что там блуждает,—
такой, как ваш отец, что вас покинул,
что вашу мамку бедную сгубил.
И жить ему не надо!

1-й младенец

Утопи.

Русалка

Не смею. Лесовик мне запретил.

2-й младенец

Мы маленькие, мы не одолеем.

Русалка

Легче дыми,
невидимки,
с огоньками сиротинки,
тише тихонькой былинки,—
вы пойдите-ка в тростник,
не услышит Лесовик,
а как встретит—
не заметит,—
был и сник!

Промелькните вы зарницей
над водицей!

Над кустами полыхните,
по болоту проведите,—
где он станет,
там и канет,

канет он на дно болота...

А потом—моя работа!

Торопись!

Потерчата

(расходясь один за другим)

Разойдемся мы с тобою,
а сойдемся над водою.

Русалка

(радостно)

Разошлись!

Русалка

Подбегает к болоту, брызжет водой с пальцев позади себя
через плечо. Из-за кочки выскакивает Куц, молоденький
чортик-барчук.

Куд-куц, поклонись,
к моей ручке приложись!

(Пренебрежительно протягивает ему руку, он целует.)

Куц

За что же, Русалка?

Русалка

Для тебя не жалко —
приготовлю завтрак — только не зевай!
(Показывает вдаль на Лукаша.)
Где еще такой ты видел каравай?

Куц
(мазнул рукой)

Не попал в болото —
не моя работа!

Русалка

Будет хлопец твой,
принесешь ты радость матушке домой!
Куц прыгает за кочку и исчезает. Русалка в тростнике следит за потерчатами, они мелькают на бегу, вспыхивают, мерцают, спуют, перебегают.

Лукаш
(отыскивая светляков, замечает огоньки)

Какие светляки! Они летают!
Таких я и не видел. А большие!
Сейчас я их поймаю!

Гоняется то за одним, то за другим, они незаметно заманивают его к болоту.

Мавка

Не лови!
Любимый, не лови! То потерчата!
Они тебя погубят!

Лукаш не слышит, увлеченный погоней, и отбегает далеко от Мавки.

Лукаш
(внезапно вскрикивает)

Ой, спасите!
Болото здесь!.. Засасывает! Тянет!

Мавка прибегает на его крик, но не может добраться до него. там так он увяз далеко от берега. Она бросает ему один конец своего полса, держась за другой.

Мавка

Лови!

Пояс не достает до руки Лукаша.

Лукаш

Нет, не достать! Что ж это будет?

Мавка

(бросается к вербе, что стоит, наклонясь над болотом)

Ой, верба, верба-матушка, спасай!

(Быстро, как белка, влезает на вербу, спускается по крайним веткам, бросает снова пояс — он на этот раз достает до Лукаша. Лукаш хватается за конец, Мавка притягивает его к себе, потом подает руку и помогает влезть на вербу.)

Русалка издает глухой стон досады и исчезает в тумане.
Потерчата тоже исчезают.

Лев

(проснулся от крика)

А? Что такое? Снова привиденье?

Чур-чур! Исчезни!

(Вглядывается.)

Эй, Лукаш? Ау!

Лукаш

(отзывается с вербы)

Я, дядя, здесь!

Лев

А ты-то тут зачем?

(Подходит и заглядывает на вербу.)

Лукаш слезает с вербы, Мавка там остается.

Залез на вербу, да и с девкой.

Лукаш

Дядя!

Я тут чуть-чуть в болоте не увяз,
в окно я провалился, да она...

(указывает на Мавку)

спасла меня от смерти.

Лев

А зачем же
слоняешься ты ночью здесь, как будто
потерянный.

Лукаш

Я светляков ловил...
(Обрывает речь.)

Лев

(замечает светляков на Мавке)

Ба. Так бы и сказал, так я бы знал!
Теперь я вижу сам, чье это дело.

Мавка

Так я же, дядечка, его спасла.

Лев

Вишь — «дядечка»! Племянница какая!
А кто ж его заставил лезть в ловушку?
(Укоризненно качает головой.)
Лесное племя. Где у вас тут правда?
Пу, попадись мне только Лесовик,
уж он не вырвется, — в пенек дубовый
зажму я бородище-помелище,
так он узнает. Видишь — подсылает
своих девчат, а сам — и я не я!

Мавка

(быстро слезает с вербы)

Он невиновен! Пусть Змея-Царица
меня накажет, если я солгала!
И невиновна я.

Лев

Теперь я верю, —
змеей у вас напрасно не клянутся.

Лукаш

Она меня спасла от смерти, дядя,
ведь без нее погиб бы я, ей-богу!

Лев

Ну, девушка, души ты не имеешь,
да сердцем, видно, добрая. Прости,
что накричал я сгоряча.

(Лукашу.)

Зачем ты
за светляками побежал в болото?
Они ведь там на кочках не сидят!

Лукаш

Те светляки летучие такие!

Лев

Эге! Я знаю!.. Это потерчата!
Ну, подождите, приведу я завтра
щенят-овчарок, а тогда увидим,
кто завизжит.

Голоса потерчат

(опызаются жалобно, словно лягушечье кваканье)

Нет, нет, дедуся!
Мы неповинны!
Мы у трясины
ягодки брали.
Мы ведь не знали,—
гости ли, кто там,
мы б не всплывали
со дна болота...
Ой, мама, ой,
Хотим домой!

Лев

Смотри, как притворилась эта пара,
отродье колдовское! Да пускай,—
кто виноват, кто нет,— уж разберусь я!..
(Лукашу.)

А что, племянник, не пора ли к дому?
Пойдем тихонько.

(Машке.)

Будь здорова, девка.

Мавка

А завтра вы придете? Покажу
вам дерево хорошее для хаты.

Лев

Я вижу, обо всем ты разузнала.
Бойка! Что ж, приходи, я к вам привык,
и вам-то к нам ведь привыкать придется.
Пойдем! Прощай!

(Идет.)

Мавка

(больше к Лукашу, чем к Льву)

Я буду дожидаться!

Лукаш отстает от дяди, сжимает молча обе руки Мавки,
беззвучно ее целует и, догнав дядю, идет с ним в лес.

Мавка

(одна)

Если б ты, дочка, скорей миновала!
Не обижайся! Я ведь не знала
дня ни единого, чтобы такою
быть мне счастливой, как с ясной тобою!
Что ж ты, береза, стоишь тоскливо?
Видишь, сестра моя, как я счастлива!
Не роняй, верба, слез над водою,
будет ведь, матушка, милый со мною!..
Лес мой, отец мой, я и не знаю,
как эту ноченьку я скоротаю?
Ночь коротка, да длинна разлука...
Что ж суждено мне — счастье или мука?!

Месяц спрятался за темную стену леса, тьма наплыва на про-
галину, черная, бархатная. Ничего не видно, только тлеют
на земле угли, оставшиеся от костра, да по венку из светлячков
заметно, где ходит Мавка между деревьями: венок светится
то делым созвездием, то отдельными искрами, затем тьма и
его покрывает. Глубокая полночная тишина, только порой
легкий шелест слышится в лесу, словно вздох во сне.

ДЕЙСТВИЕ II

Позднее лето. На темной матовой листве в роще кое-где видна осыпая прозолоть. Озеро обмелело, береговая отмель стала шире, тростники сухо шелестят листьями.

На поляне уже построена хата, засажён огород. На одной ниве пшепца, на другой рожь. На озере плавают гуси. На берегу сушится белье, на кустах торчат горшки, кувшины. Трава на поляне чисто выкошена, под дубом сложен стожок. По лесу перезванивают бубенцы,—где-то пасется скот. Пешодалеку слышна дудочка, которая играет какую-то бойкую плясовую мелодию.

Мать Лукаша

(выходит из хаты и кричит)

Лукаш, ау! Да где ж ты?

Лукаш

(выходит из леса с дудочкой и расписной палочкой в руках)

Здесь я, мама.

Мать

А что, не хватит ли тебе играть?
Ты все играешь, а работа стой!

Лукаш

Какая же работа?

Мать

Как — какая?
Загон-то надо ведь огородить?

Лукаш

Да хорошо, огорожу, успею!

Мать

Когда ж оно твое «успею» будет?
Тебе бы все гоняться да скакать
с пролазою, с приبلудою вон той.

Лукаш

Да кто гоняется? Я скот пасу,
а Мавка помогает!

М а т ь

Отвяжись ты
с такой-то помощью!

Л у к а ш

Вы говорили,
что как она пасет коров, то больше
дают удою.

М а т ь

Колдовское племя!

Л у к а ш

И кто вам только угодит — не знаю!
Как хату ставили, то не она ли
деревья приносила? Огород
с кем вы сажали? Кто засеял поле?
Когда-нибудь родило так, как нынче?
А вон ведь как украсила цветами
под окнами — и посмотреть-то любо!

М а т ь

Нужны мне те цветы! Ведь нынче в хате
нет у меня на выданьи невесты...
А тут цветы да песни на уме!
Лукаш пожимает нетерпеливо плечами и хочет идти.
Куда ты?

Л у к а ш

Городить иду ограду.

Идет за хату, через некоторое время слышно постукивание
топора. М а в к а выходит из лесу, пышно украшенная цветами,
с распущенными косами.

М а т ь

(неприветливо)

Чего тебе?

М а в к а

Где, тетенька, Лукаш?

М а т ь

Да что ты все за ним? Не подобает
за парубком так девушке гоняться.

М а в к а

Никто об этом мне не говорил.

М а т ь

Ну, вот хоть раз послушать не мешает.

(Неприязненно смотрит на Мавку.)

И что ты так растрепана всегда?

Нет, чтобы аккуратней причесаться —
все ходишь, будто ведьма. Неопратно.

Что это за одежда на тебе?

Оно и неудобно при работе.

Есть у меня кой-что с умершей дочки,

Пойди оденься — там висит на жердке.

А это можешь положить в сундук.

М а в к а

Что ж, хорошо, могу переодеться.

Идет в хату. Оттуда выходит дядя Лев.

М а т ь

Сказала бы спасибо!

Л е в

Что, сестрица,
ты каждый раз все девку заедаешь?
Иль в чем перед тобою провинилась?

М а т ь

Ты лучше бы не вмешиваюсь, братец,
когда не трогают. А то еще
собрал бы ты всех ведьм сюда из леса.

Л е в

Когда бы ты все с толком говорила,
так я тебя и слушал бы, а то...

«всех ведьм из леса!» — Где ж в лесу тут ведьмы?
Все ведьмы в селах ведь живут...

Мать

Да ты
уж в этом смыслишь... Что ж, ну, причтай
лесную погань, может, и дождешься
когда-нибудь добра!

Лев

Вот и дождусь.
Лесное племя вовсе не погано,—
идет из леса все богатство...

Мать

(насмешливо)

Как же!

Лев

Бывают люди из таких-то девок!

Мать

Какие люди? Пьян ты, что ли, а?

Лев

Да что ты знаешь? Вот покойник дед
говаривал: что знать бы только слово,
и в лесовичку может поселиться
душа такая, как у нас с тобою.

Мать

Ну, а куда же колдовской-то нар,
куда он денется?

Лев

Опять о том же?..

Пойду-ка да возьмусь я за работу,
чем слушать болтовню твою!

Мать

Иди!

Я не мешаю!

Лев идет за хату, сердито тряхнув головой. Мавка выходит
из хаты переодетая: на ней рубаха из десятки, тесно сшитая
и заплатанная на плечах, узкая юбка из набивки и полинялый
канифасовый фартук, волосы гладко зачесаны в две косы и
заложены вокруг головы.

Мавка

Вот, переделалась.

Мать

Теперь другое дело.— Я пойду —
и той порою с птицею управлюсь,
хотела я пойти на коноплю,
да здесь еще не кончена работа,
ты что-то к ней не очень...

Мавка

Почему же?

Всем, что умею, рада я помочь.

Мать

Вот то и есть, что нет ни в чем умения.
Ну, никакого толку от тебя,
сгребала сено — голова болела...
Как только жать ты будешь...

Мавка

(в страхе)

Жать? Как можно!

Хотите вы, чтоб и сегодня жала?

Мать

А что ж такого? Разве нынче праздник?

(Берет за дверями в сенях серп и подает Мавке.)

Вот, на-ка серп — попробуй. Как управлюсь,
так и сменю тебя.

(Идет за хату, взяв из сеней подситок с зерном. Вскоре слышно, как она зовет: «Цыпоники! Цыпоники! Тю-тю-тю! Тю-тю-тю! Цирр...»)

Лукаш выходит с топором и подступает к молодому грабу,
чтобы его срубить.

Мавка

Не тронь, любимый,
ведь он сырой, ты видишь.

Лукаш

Не мешай!

Мне некогда!

Мавка с грустью смотрит ему в глаза.

Ну, где мне взять сухого?..

Мавка

(быстро выволакивает из леса сухое дерево)

Найду еще; а много ли их нужно?

Лукаш

Что ж? Разве я одним огорожу?

Мавка

А почему ты стал так неприветлив?

Лукаш

Да видишь... мать все за тебя ругает!..

Мавка

Какое дело ей? И что ей нужно?

Лукаш

А как же? Я ведь сын ей...

Мавка

Ну, так что ж?

Лукаш

Невестка ей такая не по праву...

Ведь род лесной она совсем не любит...

Свекрови доброй из нее не будет!

Мавка

В лесу у нас нет никаких свекровей,
невестки да свекрови — для чего —
не понимаю!

Лукаш

Ей нужна невестка,
нужна ей помощь, — ведь она старая,

начни чужую заставлять работать —
совсем не то... Работницы — не дочери...
Ты, правда, этого не понимаешь...
Чтобы людские понимать заботы,
с людьми и вырасти, как видно, надо.

Мавка
(искренно)

Ты Расскажи мне, я пойму, мой милый,
ведь я тебя люблю... Я ж поняла
все песни, что играл ты на свирели.

Лукаш

Да песни — что ж! Наука небольшая!

Мавка

Не оскорбляй цветка своей души,
ведь из него любовь созрела наша!
Он даже папоротника чудесней —
он клады создает, не открывает.
Как будто у меня другое сердце
тогда родилось вдруг. И в ту минуту
не чудо ль огненное...

(Вдруг обрывает.)

Ты смеешься?

Лукаш

И вправду мне смешно как будто стало...
Одета ты, как в будни, а такое
все говоришь, как проповедь на праздник.
(Смеется.)

Мавка
(дергает на себе одежду)

Сожгу все это.

Лукаш

Чтобы мать бранила?

Мавка

Что ж, если для тебя в одежде этой
я изменилась вдруг!

Лукаш

Так я и знал.
Теперь начнутся разные упреки...

Мавка

Нет, милый, я тебя не упрекаю,
а только — грустно, что не можешь ты
своею жизнью по себе равняться.

Лукаш

Я как-то не пойму, что говоришь ты.

Мавка

Ведь я за то тебя и полюбила,
чего ты сам в себе не понимаешь,
хотя душа твоя поет об этом
чистосердечно голосом свирели.

Лукаш

А что? Скажи...

Мавка

Оно еще прекрасней,
всей красоты твоей, хорошей, милой,
о нем в словах и я сказать не в силах...

*(Грустно-влюбленно смотрит на него и молчит мину-
ту.)*

Сыграй ты мне, любимый, на свирели,
пускай она все горе зачарует.

Лукаш

Ой, мне теперь играть совсем не время!

Мавка

Так приласкай меня, чтоб я забыла
весь этот разговор.

Лукаш

(оглядывается)

Цыц! Мать услышит!

Она и так тебя все называет
пролазою.

Мавка
(вспыхнув)

Тот, кто не вырос с вами,
Тот не поймет вас! Значит, я пролаза?
За что? За то, что так тебя люблю я?
Что первая сказала? Иль позорно,
что не скуплюсь я сердцем, что сокровищ
оно своих не прячет, только имп
любимого так щедро одарило,
не дожидаясь от него залога?

Лукаш

Надеялась, что после расплачусь я.

Мавка

И снова странное какое слово:
«я расплачусь»... Ты мне принес дары,
какие захотел,— а я — свои —
пемёряны, нескитаны...

Лукаш

Что ж, видно,
никто из нас друг другу не должник,
о том сама сказала ты — запомни.

Мавка

Зачем все это я должна запомнить?

Мать

(выходит из-за хаты)

Ты так-то жнешь? А ты вот так городишь?

Лукаш поспешно поволок дерево за хату.

Что ж, коли, девонька, ты жать не хочешь,
то я не принуждаю. Как-нибудь
сама управлюсь я, а там на осень,
даст бог, найду себе невестку в помощь!
Есть вдовушка — проворная такая,—
сама через людей она справлялась,
да я сказала, что когда б Лукаш
согласен был... Ну, что ж, давай, голубка,
мне, что ли, серп,— ведь нет у нас другого.

Мавка

Я буду жать. Идите к конопле.

Мать идет через поляну к озеру и скрывается за тростником. Мавка замахивает серпом и наклоняется к житу. Из жита появляется Русалка полевая; зеленая одежда на ней просвечивает кое-где сквозь плащ золотых волос, которые покрывают всю ее небольшую фигурку; на голове синий венок из васильков, в волосах запутались розовые цветки куколя, ромашки, березки.

Русалка полевая

(с мольбой бросается к Мавке)

Сестрица, пожалей!

Не погуби красы моей!

Мавка

Я должна...

Русалка полевая

Былиньки уж посорваны,
цветочки все оборваны,
мои цветочки-звездочки
все сорваны с бороздки.
Мак мой жаром пламенел,
а теперь он почернел,
то не кровь ли пролилась,
на бороздке запеклась...

Мавка

Сестрица, я должна! Ведь через год
еще пышней ты будешь красоваться,
мое же счастье, коль теперь завянет,
то уж не встанет.

Русалка полевая

(ломает руки и шатается от горя, как от ветра колос)

Ой, горюшко! Коса моя!

Коса моя золотая!

Ой, горькое! Краса моя!

Краса моя молодая!..

Мавка

Твоей красе недолго жить придется,
на то она растет, чтобы погибнуть.
Зачем меня о милости просить,—
не я, другой придет ее сгубить.

Русалка полевая

Видишь, сестрица, как волны гуляют
с края до края.
Дай нам пожить среди вольного рая,
видишь, как лето сияет,
жито в полях еще не полегло,—
к нам неминуемой беды не пришло!
Только минутку бы, только мгновение!
Скоро краса моя кончит цветение,
ляжет на землю сама...
Сжался. Не будь, как зима,
Дай ты мне воли, избавь от страдания!

Мавка

Рада б исполнить желание,
только сама я теперь не на воле.

Русалка полевая

(шепчет, склонившись к плечу Мавки)

Но ведь могло же случиться, что в поле
острым серпом ты поранила руку?

Сжался, сестрица, на муку!

Капельки крови — и той для спасенья довольно.
Стоит краса моя крови иль нет?

Мавка

(проводит себе серпом по руке, кровь брызжет на золотые косы Русалки полевой)

Вот тебе — видишь? — ответ!

Русалка полевая склоняется низко перед Мавкой, благодарит ее и исчезает в жите. От озера приближается мать, а за ней молодая полнолунная молодница, в красном платочке с каймой, в темнокрасной юбке, мелко и ровно подобранной, так же подобран и зеленый фартук с нашитыми на нем белыми, красными и желтыми лентами, рубашка густо выткана красным и синим, монисто звенит монетами на белой пухлой

нее, крепкая кайма тесно перетягивает стан, и от того круглая плотная фигура кажется еще пышней. Молодница идет быстрой походкой, старуха еле поспевает за ней.

Мать

(молоднице любезно)

Сюда, Килинка,—здесь вот, у березы, найдете зелье. Вот тысячелистник,—хотели вы свои кувшины парить?

Килина

Куда девать мне молоко—не знаю! Скорей бы ярмарка—куплю посуду. Корова-то ведь турецкого завода,—покойник мой купил еще—такая молочная, и господи! Вот в поле я кое-как управилась, да надо и в хате поприбраться бы. Ой, тетя, вдове—хоть надвое вот разорвися! *(Пригорюнилась, поджав губы.)*

Мать

Так вы уже управились с работой? Что ж, работающий все в труде осилит, А вот... у нас хоть маленькая нивка, и то не спорится никак...

Килина

(смотрит на ниву, где стоит Мавка)

А кто ж там

жнецом у вас?

Мать

Да так одна сиротка...

(Потихоньку.)

Но ни за что и взяться не умеет...

Килина

(подходит с матерью к Мавке)

Ну, здравствуй, девушка! Как жнется пынче?

М а т ь

(всплескивает руками)

Ой, горюшко! Еще не начинала!
Ой, ты беда моя! Что за работа!
Бездеельница! Пегодница! Лентяйка!

М а в к а

(глухо)

Порезала я руку...

М а т ь

Отчего бы!

К и л и н а

А дай сюда мне серп — пусти-ка, я.
Мавка прячет серп за спину и враждебно смотрит на Килину.

М а т ь

Давай, давай, коль говорят! Не твой!
Вырывает серп из рук Мавки и дает Килине, та набрасывается на жигго, как огнем палит, даже солома свищет под серпом.

М а т ь

(довольная)

Вот это так работа!

К и л и н а

(не отрываясь от работы)

Кабы кто
крутил мне перевесла, я бы враз
всю нивку выжала.

М а т ь

(зовет)

Лукаш! Пойди-ка!

Л у к а ш

(выходит, Килине)

Бог помощь!

К и л и н а

(продолжая жать)

Благодарствуй!

М а т ь

Помоги-ка,

Лукаш, визать вот этой молодежи.

А то «помощница» калекой стала.

Лукаш принимается визать снопы.

Ну, жните, деточки, а я пойду

да вам киселика сварю на полдник.

Идет в хату. Мавка отошла к березе. Прислонилась к ней и сквозь длинные ветви смотрит на жнецов. Килина некоторое время так же старательно жмет, потом разгибается, выпрямляется, смотрит на склоненного над снопами Лукаша, усмехается, тремя широкими шагами подбегает к нему и звонко хлопает ладонью по плечу.

Килина

А ну, быстрее! Подзешь ты, как улитка.

Работник тоже!

(Заливается смехом.)

Лукаш

(тоже выпрямляется)

Быстрая какая!

Не трогай лучше! Я ведь поборю!

Килина

(бросает серп, подбоченивается)

А ну-ка! Кто кого — еще увидим!

Лукаш бросается к ней, она перехватывает руки; они «меряют силу», упираясь ладонями в ладони; некоторое время силы их равны, потом Килина немного подалась назад, громко смеясь и играя глазами; Лукаш, разгорячившись, широко раздвигает ей руки и хочет ее поцеловать, но в то время, когда его губы уже касаются ее губ, она подбивает его ногой, он падает.

Килина

(стоит над ним смеясь)

А что? Кто поборо? Не я тебя?

Лукаш

(встает, тяжело дыша)

Подбить-то — это трудно ли!

Кирина

Ах, так?

В хате стукнула дверь. Кирина снова кинулась жать, а Лукаш вязать. Быстро загол потемнел от жнивья и покрылся снопами; несколько охапок жита на разложенных перевеслах лежат как побежденные и еще не связанные плевники.

Мать

(с порога сеней)

Жнецы, кончайте! Полдничают идите!

Кирина

Я кончила свое, а вон Лукаш никак не справится.

Лукаш

Да мне недолго.

Мать

Ну, так кончай, а вы сюда идите!

Кирина идет в хату. Дверь закрывается. Мавка выходит из-под березы.

Лукаш

(немного смутился, увидев ее, но быстро оправился)

Ах, это ты? Вот довяжи снопы, а я пойду.

Мавка

Вязать мне не под силу.

Лукаш

Ну, так зачем следить сюда пришла ты, коли помочь не хочешь мне?

(Вяжет сам.)

Мавка

Скажи ей,

чтобы она сюда не приходила,
я не люблю ее — она лукава,
как выдра.

Л у к а ш

Ты ее совсем не знаешь.

М а в к а

Нет, голос я и смех ее слыхала!

Л у к а ш

Но этого ведь мало.

М а в к а

Нет, довольно.

И хищная она, как рысь.

Л у к а ш

Еще что?

М а в к а

Пускай она к нам больше в лес не ходит.

Л у к а ш

(выпрямляется)

Как будто ты лесной царицей стала,—
кому-то в лес ходить ты разрешаешь,
кому-то — нет.

М а в к а

(мрачно, с угрозой)

У нас в лесу есть ямы,
прикрытые ветвями, буреломом,—
ни зверь, ни человек их не заметит,
пока не упадет...

Л у к а ш

И говорит ведь

о хитрости, лукавстве — уж молчала б!
Нет, я совсем не знал тебя, как видно.

М а в к а

Я, может, и сама себя не знала...

Лукаш

Так вот же слушай: если я обязан
тебя еще расспрашивать — кто смеет
ко мне ходить, кто нет, то лучше сам я
вновь из лесу отправлюсь на село.
Там как-нибудь с людьми не пропаду я.
Здесь у тебя сидеть я не намерен,
как лис в капкане.

Мавка

На тебя капканов
не ставила я. Ты пришел свободно.

Лукаш

А захочу, так и уйду свободно,
никто ничем меня тут не привяжет!

Мавка

А разве я тебя вязать хотела?

Лукаш

К чему вся эта болтовня пустая?

Довязав последний споп и не смотря на Мавку, пошел к хате.
Мавка села на борозде над живьем и склонилась в грустном
раздумьи.

Дядя Лев

(выходит из-за хаты)

О чем, голубушка, ты загрустила?

Мавка

(тихо, грустно)

Проходит лето, дядюшка...

Лев

Об этом
как не грустить! Да только мне казалось,
что уж тебе к зиме не нужно вербы.

Мавка

А где ж мне жить придется?

Лев

Да по мне
не тесною была б с тобою хата...
Что ж, если у сестры такой характер,
что с ней не сговоришься... Я пытался
и так, и этак... Да когда бы я
был тут хозяином, то не спросил бы;
но я уж отдам им надел и хату,
и воля не моя. Я сам к зиме
опять в село, домой уйду отсюда...
Когда б в селе могла ты поселиться,
я принял бы тебя.

Мавка

Нельзя мне, дядя...
Когда б могла, пошла б. Вы, дядя, добрый.

Лев

Не человек, а хлеб, голубка, добрый.
А ведь и правда, крепко я лесную
породу вашу полюбил. Вот буду
я умирать — как зверь, приду я к лесу, —
под этим дубом пусть и похоронят...
Ой, дуб ты мой, попрежнему ль ты будешь
стоять, когда качнусь я головой?..
Да где! Покрепче были ведь дубы,
И те повырублены... Зеленой же
хоть до мороза, друг ты мой кудрявый,
а там... иль даст господь весны дожждаться?..

Стоит, грустно склонившись на палку. Мавка медленно выби-
рает полуувядшие цветы из снопов жита и складывает их
в пучок. Из хаты выходят Мать, Килина и Лукаш.

Мать (Килине)

Куда спешите вы? Да посидите!

Килина

Ой, что вы, тетенька, уж я пойду.
Вы видите — не рано, — мне ведь страшно.

М а т ь

Лукаш, ты проводил бы:

Л у к а ш

Что же, можно.

К и л и н а

(посматривая на него)

Подя, работа у него...

М а т ь

Какая

работа вечером? Иди, сынок,
да проводи Килинку до дороги.
Одной-то вечером в лесу тоскливо.
Хорошая такая молодница,
а вдруг кто нападет.

К и л и н а

Ой, что вы, тетя,

теперь меня совсем вы испугали!
Идем, Лукаш, пока не свечерело,
а то вдвоем бояться будем!

Л у к а ш

Я то?

В лесу бояться? Ого-го! Нисколько!

М а т ь

Да у меня он хлопец молодец,
вы зря его, Килинка, не порочьте!

К и л и н а

Нет, это я шутя...

(Замечает Льва.)

О! Дядя Лев!

Вы дома?

Л е в

(делает вид, что не дослышал)

А? Идите на здоровье.

(Идет в лес.)

К и л и н а

Ну, так бывайте, тетенька, здоровы!

Хочет поцеловать старуху в руку, но та не дает, обтирает себе рот фартуком и трижды, «с церемонией» делуется с Килиной.

К и л и н а

(уже на ходу)

Так живы будьте, нас не позабудьте!

М а т ь

Здоровы будьте, да и к нам прибудьте!

Идет в хату и закрывает дверь за собой. Мавка поднимается и тихой, словно утомленной, походкой идет к озеру, садится на погнутую вербу, склоняет голову на руки и тихо плачет. Начинает крашивать мелкий дождик, густой сеткой заволакивает поляну, хату и лес.

Р у с а л к а

(подплывает к берегу и всматривается в Мавку, удивленная и заинтересованная)

Ты плачешь, Мавка?

М а в к а

Разве никогда ты не плакала, Русалочка?

Р у с а л к а

О, я!

Коль я заплачу на одну минутку, то должен кто-то до смерти смеяться!

М а в к а

Русалка! Никогда ты не любила...

Р у с а л к а

Я не любила? Это ты забыла, что настоящей зовут любовью. Любовь ведь, как вода — несет и кружит, играет, рвет, ласкает, нежит, топит. Где жар — она кипит, а встретит холод — и станет льдом. Моя любовь такая!

А вот твоя — соломенного духа,
ребенок слабый. Клонится от ветра,
под ноги стелется. А встретит искру —
сгорает, не борясь, и остается
лишь черный уголь от нее да пепел.
Когда же ею кто пренебрежет,
она лежит и киснет, как солома,
в воде холодной и пустой досады,
под горестным раскаянья дождем.

Мавка

(поднимает голову)

Раскаянья? Но ты спроси березу,
не кается ль она за ночь былую,
когда весенний ветер расплетал
ей косу длинную?

Русалка

А что ж ей грустно?

Мавка

Что милого она обнять не может,
к себе его навек прижать ветвями.

Русалка

А почему?

Мавка

Да он весенний ветер.

Русалка

Зачем же было ей любить такого?

Мавка

Он нежным был, тот юноша весенний,
он с песнями ей раскрывал листочки,
лаская, развевал он ей веночек
и с нежностью кропил росой косу...
Он настоящий был весенний ветер,
другого бы она не полюбила.

Русалка

Ну, так пускай теперь опустит траур
хоть до земли, она вовек не сможет
обнять тот ветер — он уже промчался.

Тихо, без плеска, отплывает от берега и исчезает в озере. Мавка вновь склонилась, длинные черные косы упали до земли. Подымается ветер и гонит седые тучи, а вместе с ними черные стаи птиц, отлетающих в теплый край. Потом от сильного порыва ветра дождевые тучи расходятся, и виден лес — уже в ярком осеннем уборе, на фоне густо синего предзакатного неба.

Мавка

(тихо, с глубокой грустью)

Да... он уже промчался...

Лесовик выходит из чащи. Он в длинном плаще цвета старого золота с темнокрасной полосой внизу, вокруг шапки обвита ветка созревшего хмеля.

Лесовик

Дочка, дочка,
наказана ты тяжело за измену!..

Мавка

(поднимает голову)

Кому же изменила я?

Лесовик

Себе.

Покинула высокие вершины,
на мелкие дорожки опустилась.
С кем, дочка, схожа ты? С простой служанкой,
работницей, что горькою работой
кусочек счастья получить хотела
и не смогла, и только стыд последний
ей нищенкою стать еще мешает.
Припомни ты, какой была ты в ночь,
когда любовь твоя лишь расцветала:
тогда казалась ты лесной царевной,
венки из звезд сияли на темных косах,—
тогда и счастье руки простирало
к тебе так жадно и несло дары!

Мавка

Так что же делать мне, когда все звезды
в венке и в сердце у меня погасли?

Лесовик

Нет, для тебя не все венки погибли.
Ты оглянись вокруг, какой здесь праздник!
Плащ золотой надел уж ясень-князь,
а роза дикая — свои кораллы.
На гордый пурпур белизну сменила
калина, что цветами вас венчала,
где соловей пел свадебные песни.
И верба старая с березой грустной
уж в золото и в пурпур убрались
на праздник осени, и только ты
лохмотья нищенки не хочешь сбросить,
забыла ты, что никакая скорбь
вовсе не может красоты осилить

Мавка

(порывисто встает)

Так дай же праздничные мне одежды!
И снова буду я лесной царевной,
и счастье упадет к моим ногам,
моей вымаливая ласки!

Лесовик

Дочка,
давно готово платье для царевны,
да где-то все причудница скрывалась
и ради шутки нищенкой оделась.

Раскрывает свою мантию и достает, до сих пор запрятанную под лею, пышную, золотом вышитую порфиру и серебряную кисею, надевает порфиру поверх одежды на Мавку; Мавка идет к калине, быстро ломает красные кисти ягод, свивает венок, распускает косы, украшает венком голову и склоняется перед Лесовиком, — он набрасывает ей серебряную кисею на голову.

Лесовик

Теперь-то за тебя уж я спокоен.

Важно кивнув ей головой, быстрой походкой идет в чащу и исчезает. Из леса выбегает Перелесник.

Мавка

Вновь ты?

(Хочет убежать.)

Перелесник

(пренебрежительно)

Не бойся, не к тебе. Хотелось
мне навестить Русалку, ту, что в жите,
да вижу, уж она заснула. Жалко...
Как ты бледна.

Мавка

(гордо)

Тебе так показалось!

Перелесник

Так показалось? Дай-ка присмотрюсь я!
(Подходит к ней. Мавка отступает.)
Да ты чего пугаешься? Я знаю,
что ты обручена,—не трону я.

Мавка

Прочь! Не глумись!

Перелесник

Да не сердись ты,—что ж,
коли ошибся я... Послушай, Мавка,
давай-ка побратаемся!

Мавка

С тобою?

Перелесник

А почему бы нет? Теперь, когда
по осени и солнце холодеет
и в нас остыла кровь... Ведь мы когда-то
с тобой друзьями были, а потом уж
любили или играли—трудно вспомнить,—
теперь пора брататься. Дай мне руку!

Мавка несколько нерешительно подает ему руку.

Позволь же мне ты братским поцелуем
лица коснуться бледного...

(Мавка отстраняется, он все-таки ее целует.)

Лицо твое внезапно зацвело
невинными, осенними цветами.

(Не выпуская ее руки, осматривается вокруг.)

Взгляни, как там летает паутина
и кружится, по воздуху качаясь...

Вот так и мы...

(Вдруг увлекает ее в танце.)

Так вот и мы

кинемся, ринемся

в танец и мы!

К звездам пречистым,

к искрам лучистым,

к ясным да красным огням золотистым,

тем, что сверкают,

тем, что летают,

тем, что в круженьи пылают, сгорают!

Так вот и я...

Так вот и я...

Будь же, как искра, любовь ты моя!

Быстро кружит ее в танце. Серебряная вуаль на Мавке взвилась вверх, как блестящая змейка, черные косы развиллись и смешались с огненными кудрями Перелесника.

М а в к а

Хватит!.. Ой, хватит!

П е р е л е с н и к

В щедрой растрате

пусть, о любимая, сердце сгорит!

Счастье не вечно,

так быстротечно,

тем и прекрасно, что вечно летит!

Тапед становится безумным.

Сдружимся,

скружимся,

вихрем закружимся!

Встанем,

достанем,

огнистого рая!

Мавка

Хватит!.. Пусти меня... Я умираю.

Голова ее падает ему на плечо, руки опускаются, он мчит ее, замлевшую в тапце. Вдруг из-под земли появляется темный, широкий, страшный Призрак.

Призрак

Отдай, она моя! Пусти ее!

Перелесник

(останавливается и выпускает Мавку из рук, она бес- сильно опускается на траву)

Кто ты такой?

Призрак

Иль ты меня не знаешь? —

«Тот, что в скале сидит».

Перелесник вздрогнул, быстрым движением кинулся прочь и исчез в лесу. Мавка очнулась, поднялась пемного, широко раскрыла глаза и с ужасом смотрит на Призрака, протягивающий руки, чтобы взять ее.

Мавка

Нет, не хочу я!

Я не хочу к тебе! Ведь я живая!

«Тот, что в скале сидит»

Я поведу тебя в далекий край,
в тот край безвестный, к тихим, темным водам,
что спят спокойно, как глаза умерших,
немые скалы там стоят над ними
свидетелями всех былых событий.
Спокойно там. Ни дерево, ни травы
не шелестят, мечтами не томят,
неверными, бессонными мечтами,
туда и ветер не заносит песен
о недоступной воле; не горит
огонь палящий; молнии с разлета
ломаются о скалы и не могут
в твердыню тьмы и тишины пробиться.
Тебе и жить бы в том краю далеком:

бледнеешь от огня, в движеньи млеешь,
твое все счастье — тень. Ты нежива!

Мавка
(встает)

Нет! Я жива! И жить я буду вечно!
Есть в сердце у меня то, что бессмертно.

Призрак

Откуда ты об этом знаешь?

Мавка

Муку

свою люблю, и ей даю я жить.
Когда бы захотеть могла я только
ее забыть, пошла бы я с тобою,
но никакая сила в целом свете
желанного забвенья мне не даст.

В лесу слышится шорох человеческих шагов.

Вон тот идет, кто дал мне эту муку.
Сгинь, привиденье! Вот моя надежда!

«Тот, что в скале сидит» отступает в темную чащу и там
затихает.

Из леса выходит Лукаш. Мавка идет навстречу Лукашу.
Лицо ее выделяется смертельной бледностью на фоне яркого
одеяния, умирающая надежда расширила ее большие темные
глаза, движения ее порывисты и страшны, словно что-то в
ней обрывается.

Лукаш
(увидев ее)

Какая страшная! Чего ты хочешь?
(Спешит к хате, стучит в дверь, мать открывает, не
выходя.)

Лукаш
(матери у порога)

Пора готовить, мама, сватам хлеб,—
я завтра буду свататься к Килине!

Идет в хату, дверь закрывается. «Тот, что в скале си-
дит» выходит и приближается к Мавке.

Мавка
(срывает с себя порфиру).

Бери меня скорей! Хочу забвенья!

«Тот, что в скале сидит» прикасается к Мавке; она, крикнув, падает ему на руки, он набрасывает на нее свой черный плащ. Оба проваливаются под землю.

ДЕЙСТВИЕ III

Вся в тучах, ветреная, осенняя ночь. Последний желтый отблеск луны гаснет в хаосе голых ветвей. Стонут филины, хохочут совы, назойливо кричат пугижи. Внезапно все покрывается протяжным, тоскливым волчьим воем, он становится все сильнее, сильнее и вдруг обрывается.

Наступает тишина.

Начинается болезненный рассвет поздней осени. Безлистый лес еле виднеется на пепельном небе черной щетиной, а внизу по опушке стелется растрепанный мрак. Проступают белые стены хаты Лукаша. У одной стены чернеет какая-то фигура, прислонившаяся в изнеможении к дверному косяку, в ней с трудом можно узнать Мавку; она в черной одежде, в серой непрозрачной кисее, только на груди красуется маленький калиновый пучок. Рассветает, на поле виден большой пенек, там, где стоял когда-то столетний дуб, а неподалеку от него свежая, еще не поросшая муравьей могила. Из леса выходит Лесовик в серой свитке и в шапке из волчьего меха.

Лесовик

(присматриваясь к фигуре у хаты)
Ты, дочка?

Мавка

Я.

Лесовик

**Что ж, разве отпустил
тебя назад «Тот, что в скале сидит»?**

Мавка

Ты вызволил меня своим злодейством.

Лесовик

Отмщение ты злодейством называешь,
отмщение, то, что праведно воздал я
тому, кто оскорбил тебя изменой?
Несправедливо разве, что узнал он
отчаянье скитаний одиноких,
в подобьи волчьем по лесу блуждая?
И вот теперь он оборотень дикий.
Пусть он скулит, пусть причитает, вост,
пусть человеческой он жаждет крови,—
он не погасит муки злой!

Мавка

Но я
его спасла, не радуясь же. В сердце
то слово я волшебное нашла,
что зверя обращает в человека.

Лесовик

(топает со злости ногой и ломает с треском свой посох)

Быть дочерью лесной ты недостойна!
Дух у тебя не вольный, не лесной,
а сельский, рабский!

Мавка

О, когда б ты знал,
когда бы ты знал, как было страшно все!
Сном каменным заснула я в пещере,
глубокой, черной, влажной и холодной,
когда пробился искаженный голос
сквозь стены неприступные, и вой
протяжный, дикий горестно разнесся
по темным мертвым водам, и в ущельях
он разбудил давно умерший отзвук...
И тут проснулась я. Огнем подземным
моя печаль взорвала душный склеп,
и вырвалась я вновь на свет. И слово
уста мои немые оживило,
и я свершила чудо... Я постигла:
нигде забвенья мне не суждено.

Лесовик

Где ж он теперь? Зачем он не с тобою?
Ужель его неблагодарность вечна,
как и твоя любовь.

Мавка

Ах, если б видел
ты, дедушка!.. Он в образе людском
упал к моим ногам, как будто ясень
подрубленный, и поднял взгляд ко мне
страдающий, исполненный печали
в раскаянии горячем, без надежды...
Ведь только человек смотреть так может!..
Еще и слова не сказала я,
как на ноги вскочил он, заслонился
вдруг от меня дрожащими руками
и бросился, не говоря ни слова,
в овраг терновый, там исчез из глаз.

Лесовик

Так что же собираешься ты делать?

Мавка

Не знаю... Я теперь, как тень, блуждаю
у этой хаты и уже не в силах
ее покинуть... Только сердцем чую —
вернется он...

Лесовик молча грустно качает головой. Мавка вновь прислонится к стене.

Лесовик

Несчастное дитя,
зачем ушла от нас ты в край угрюмый?
Иль нет тебе в родном лесу покоя?
Смотри — уже и верба ждет тебя,
она давно уж ложе постелила,
грустит, не знает — где ты запропала.
Иди-ка, отдохни!

Мавка (тихо)

Нет, не могу я.

Лесовик, шумно издохнув, медленно уходит в лес.
Из леса слышится отчаянный тонот, словно кто-то во весь
опор гонит коня, потом останавливается.

К у д

(выскакивает из-за таты, потирая руки, и останавливается, увидев Мавку)

Ты, Мавка, тут?

М а в к а

А ты зачем тут рыщешь?

К у д

Я притащил коня за гриву в стойло.
Ну, повозил меня он напоследок,
теперь уж никого не повезет он!

М а в к а

Ты, ненавистный, опозорил лес!
Ты так-то с дядей уговор свой держишь?

К у д

Да уговор тот умер вместе с ним.

М а в к а

Как? Умер дядя Лев?

К у д

Вон и могила.
Под дубом схоронили, а пришлось вот
у пня ему покоемся, бедняге.

М а в к а

Да, оба погибли... Он словно знал,
что зимовать ему уж не придется...
(Подходит к могиле.)

Ой, как же плачет сердце по тебе,
мой друг единственный! Когда б мне слезы
живительные, я б смочила землю,
барвинок бы бессмертный на могиле
твоей взрастила. А теперь бедна я,
и никнет скорбь моя, как мертвый лист...

Куц

Печаль мне не пристала, все ж я должен
признаться: старика, конечно, жалко,
умел он жить всегда в согласьи с нами.
Бывало, держит черного козла
при лошадях, чтоб мог на нем я ездить.
Я молнией промчусь на нем, бывало,
а лошади стоят себе спокойно.
Вот эти бабы жить-то не умеют,
как надо с нами,—продали козла,
срубили дуб. Парушили условие.
Ну, я ж им отплатил! Коней их лучших
заездил насмерть, купят—вновь заезжу.
И ведьму, что чертовке повивалкой
была, просил, чтоб скот их, не жалея,
она испортила,—пускай же знают!
А Водяник стожок им подмочил,
а Потерчата хлеб им погноили,
а Лихорадка их трясет за то,
что засорили озеро пенькою.
В лесу теперь добра уж им не будет.
Здесь вот и Злыдни возле хаты ходят.

Злыдни

(маленькие, заморенные существа, с вечным мучительным выражением голода на лице, появляются из-за угла хаты)

Мы здесь. А кто зовет нас?

Мавка

(бросается им наперерез к двери)

Прочь! Уйдите!

Никто вас тут не звал!

Один злыдень

Слетело слово,—

Уж не вернется.

Злыдни

(обседают порог)

Мы изголодались!

Когда бы дверь скорее нам открыли!

Мавка

Я не пушу туда!

Злыдни

Так дай поесть нам!

Мавка

(со страгом)

Но у меня нет ничего...

Злыдни

Отдай же
калину ту, что возле сердца! Дай!

Мавка

То кровь моя!

Злыдни

Пускай! Мы любим кровь!

Один Злыдень бросается ей на грудь, сосет калину, другие дергают его, чтоб и самим попробовать, грызутся между собой и рычат как собаки.

Куц

Не человек она — постойте, Злыдни!

Злыдни останавливаются, стучат зубами и свещут от голода.

Злыдни

(Куцу)

Давай нам есть, а то тебя съедем.
(Бросаются к Куцу, тот отскакивает.)

Куц

Ну-ну! Потише!

Злыдни

Мы изголодались!

Куц

Ну, подождите, баб я разбужу,
вот будет вам еда, а мне забава.

*(Берет комок земли, бросает в окно и разбивает
стекло.)*

Голос матери Лукаша
(в хате)

Ой! Что такое? Снова эта нечисть?

Куц
(злыдням шопотом)

А видите — проснулась. Вот уж скоро
вас позовет. Теперь сидите тихо,
а то старуха заклянет вас так,
что вы провалитесь, — она умеет.

Злыдни съеживаются у порога темной кучей. Из хаты сквозь
разбитое окно слышно, как встает мать, потом ее голос, а
затем Килены.

Голос матери Лукаша
Уже и рассвело, а та все спит.
Килина! Эй, Килина! Ну, и спит же!
Чтоб ты навек заснула... Встань! Эй, встань,
а чтоб ты век не встала!

Голос Килены
(сквозь сон)

Да чего там?

Мать
(язвительно)

Пора уже донть тебе корову,
породистую турецкого завода,
ту, что купил еще твой муж-покойник.

Килина
(уже проснувшись)

Нет, подою я ту, что тут застала,
да надежу три капли молока —
фунт масла будет.

Мать

Вот ведь не смолчит!

Кто виноват, что нет у нас уdoa?
С такой, как ты, хозяйкой... ох, и горе!
Ну и невесточка! И где взялась ты
на нашу голову?

Килина

А кто ж велел
меня вам сватать? Ведь у вас была
какая-то грязнуха,— надо б вам
принять ее, одеть бы хорошенько,
вот и была б вам добрая невестка!

Мать

А что ж ты думаешь? Вот и была б.
Лукаш-то глуп—он зря тебя посватал;
она была такой послушной, доброй,
прикладывай хоть к ранам... Называешь
ее неряхой, а, гляди, сама
зеленое-то платье перешила
да и таскаешь—хоть бы постыдилась!

Килина

Да уж у вас походишь в новом, как же!
Вон муженька все где-то ветер носит,
а ты бедуй с свекровушкой проклятой,—
не то жена, не то вдова—оторвыш!

Мать

Какой бы муж с тобою усидел?
Беда лихая! Все, что было, съела
с детишками своими,—вон сидят!
Чтоб вас самих вот так заели злыдни!

Килина

Пускай того едят, кто их зовет!

При этих словах открывает дверь из хаты. Куц убегает в болото. Злыдни вскакивают и вбегают в сени. Килина с ведром в руках быстро пробегает к лесному потоку, с грохотом набирает ведром воду и возвращается назад уже более медленной походкой. Замечает близ дверей Мавку, та стоит у стелы обессиленная, опустив серую кисею на лицо.

К и л и н а

(останавливается и ставит ведро на землю)

А это кто? Эй, слушай, иль пьяна ты?
Или замерзла?

(Тормошит Мавку за плечо.)

М а в к а

(через силу борется с тяжелой усталостью)

Сон одолевает...

Вновь зимний сон...

К и л и н а

(открывает ей лицо и узнает)

Зачем сюда пришла?
Тебе не заплатили за работу?

М а в к а

(как и прежде)

Да мне никто и заплатить не может.

К и л и н а

К кому же ты пришла? Его здесь нет.
Я знаю, ты к нему пришла? Признайся —
он твой любезный?

М а в к а

(так же)

Тогда чудесный
рассвет был ясный, не как сейчас...
Он уж погас...

К и л и н а

Ты безрассудна!

М а в к а

(так же)

Вольно мне, чудно...
Тучка по небу плывет, бесприютно,
грустно идет, бесприветно блуждая...
Молния где ж голубая?

К и л и н а
(дергает ее за руку)

Прочь! Не морочь меня! Чего стоишь?

М а в к а
(как бы приходя в сознание, отступает от дверей)
Стою да смотрю, как живете счастливо.

К и л и н а
Стояла б ты лучше, как чудо, как диво!
(Мавка превращается вдруг в вербу с сужой листвою и
плакучими ветками.)

К и л и н а
(придя в себя от изумления, враждебно)
Ага! Я в добрый час тебе сказала!
Ну-ну, теперь недолго настоишься!..

М а л ь ч и к
(выбегает из лавы. Киллине)
Ой, мама, где вы? Хочется нам кушать,
а бабка не дает!

К и л и н а
Да отвяжись ты!
(Потихоньку, наклонившись к нему.)
Я там пирог припрятала под печью, —
как бабка выйдет в кладовую — съешьте.

М а л ь ч и к
Кто здесь воткнул сухую вербу, мама?
К чему она?

К и л и н а
И все-то знать ты хочешь.

М а л ь ч и к
Я срежу лудочку

К и л и н а
Режь, мне не жалко!

Мальчик срезает ветку с вербы и возвращается в хату. Из леса выходит Лукаш. Худой, с длинными волосами, без свитки, без шапки.

Килина

(вскрикивает радостно, увидев его, но тотчас же досада сдерживает ее радость)

Ага, явился! Где тебя носило так долго?

Лукаш

Не скажу.

Килина

Ишь, не скажу!
Таскался, шлялся где-то,— леший знает где, по каким краям, да «не скажу»!
Ой, милый, мне и спрашивать не надо...
Ведь знаю я, что есть корчма на свете, где до сих пор гуляет свитка с шапкой.

Лукаш

В корчме я не был.

Килина

Кто, дурак, поверит!
(Прочитает).
Сгубила я головушку навеки с тобою, пьяницей!

Лукаш

Молчи! Не вой!

Килина останавливается, взглянув на него со страхом.

Вот я теперь поговорю с тобою!
Где дядин дуб? Один пеньек торчит!

Килина

(сначала смутилась, но быстро оправилась)

А что ж нам было с голоду-то делать?
Пришли купцы, купили да и все.
Большое счастье дуб!

Лукаш

По дядя Лев
покаялся не рубить его.

Килина

Так дяди
на свете нет,— что значит эта клятва?
Когда бы ты поклялся или я?
Да я весь этот лес продать бы рада
иль вырубить,— тогда б земля была
как у людей взамен чертовской пуши.
А тут, как вечер—высунуться страшно!
И что нам толку жить в таком лесу?
Блуждаем в нем как оборотни-волки,
и скоро впрямь по-волчьи мы завоем!

Лукаш

Цыц! Цыц! Молчи! Молчи!
(В голосе его слышится безумный страх.)
Что говоришь ты?
Продать нам лес... срубить... и вот тогда уж
не будет так... Как ты сказала?

Килина

Как?

Что волк...

Лукаш
(закрывает ей рот)

Не говори!

Килина
(освободившись от него)

Побойся бога!
Ты пьян, иль одурел, или кто сглазил?
Иди-ка в хату.

Лукаш

Я сейчас... иду...
вот только... только бы воды напиться.
(Становится на колени и пьет из ведра. Потом встает
и смотрит задумчиво перед собой, не двигаясь с места.)

К и л и н а

Ну? Что ж ты думаешь?

Л у к а ш

Я? Так... не знаю...

(Нерешительно.)

Никто тут не был без меня?

К и л и н а

(жестко)

А кто же

и быть тут мог?

Л у к а ш

(опустив глаза)

Не знаю...

К и л и н а

(зловно усмехнувшись)

Ты не знаешь,

да, может, я-то знаю.

Л у к а ш

(тревожно)

Ты?

К и л и н а

А что ж?

Я знаю ведь, кого ты ожидаешь,
да только зря. Напрасно будешь ждать!
А то, что было, превратилось в столб...

Л у к а ш

Что говоришь ты?

К и л и н а

То, что слышишь.

М а т ь

*(выбегает из хаты и бросается с объятиями к Лукашу.
Он холодно принимает это приветствие)*

Сын мой!..

Сыночек мой! Ой, сколько натерпелась
я с этой ведьмою!

Лукаш
(вздвигнув)

С какой?

Мать
(показывает на Килину)

Вот с этой!

Лукаш
(презрительно усмехаясь)

И эта ведьма? Видно, суждено вам
теперь свекровью ведьмовской назваться.
Кто ж виноват? Ведь вы ее пригрили.

Мать

Когда б я раньше знала, что она
неряха, неграмотница!..

Килина
(вступает в разговор)

Горе!

Кто б говорил! А уж таких-то ведьм,
таких нерях, как ты, не видел свет!
И мать же у тебя, Лукаш, ой, злока!
Железо дай — перегрызет!

Лукаш

А ты,
как видно, крепче самого железа.

Килина

Уж от тебя защиты не дожидаться!
Какая мать, такой же и сынок!
С какого ж горя брал меня? Чтоб только
мною помыкать?

М а т ь
(Лукашу)

Да неужели ты
ей не прикажешь рот закрыть? За что я
должна терпеть попреки от нее?

Лукаш

Ну, дайте же вы мне хоть час покоя!
Вам хочется, чтоб я не только хату,
и свет покинул. И покину, что ж!

Ки ли на
(матери)

Что? Дождалась?

М а т ь

Тебе б того дожждаться

от сына своего.

*(Рассерженная, идет к хате, на пороге встречается с
киликиным сыном, он выбегает с дудочкой в руках.)*

Уйди ты, злыдень!

(Толкает мальчика и входит в хату, хлопнув дверью.)

М а л ь ч и к

Вы, тятенька, пришли?

Лукаш

Да, мой сыночек.

(Слово «сыночек» насмешливо подчеркивает.)

Ки ли на
(обиженно)

Ну, так скажи ему, как должен звать он —
не дядькой ли?

Лукаш
(несколько пристыженный)

Да я ведь ничего...

Иди, иди сюда, малыш, не бойся.

Гладит мальчика по белой головке.)

Сам, что ли, сделаю дудочку-то?

М а л ь ч и к

Сам.

А как играть — не знаю. Кабы вы!
(Протягивает Лукашу дудочку.)

Л у к а ш

Моя игра давно уж миновала!..
(Грустно задумывается.)

М а л ь ч и к
(хныча)

И... Значит, не хотите вы? Ну, мама,
ну, почему мне тятя не сыграет?

К и л и н а

Еще чего! Изволь ему играть!

Л у к а ш

А дай сюда мне дудку.
(Берет дудку.)
Не плохая.

Из вербы сделал?

М а л ь ч и к

Как же, вот из этой.
(Показывает на вербу, в которую превратилась Мазка.)

Л у к а ш

Ее я здесь еще не видел будто.
(Килине.)

Ты посадила?

К и л и н а

Кто б ее сажал?
Торчал сучок от вербы и разросся.
Тут, как в воде, растет все — ведь дожди!

М а л ь ч и к
(капризно)

Что ж не играет?

Лукаш
(задумчиво)

Сыграть мне, что ли?
(Начинает играть, сначала тихо, затем громче, перего-
лит вскоре на ту веснянку, которую играл когда-то
Мавке. Голос дудки начинает говорить словами:
«Сладко он играет,
душу надрывает,
Грудь мне белую терзает, сердце вынимает...»)

Лукаш
(выпускает из рук дудку)
Ой! Что это за дудка? Чары! Чары!
Мальчик, испугавшись крика, убежал в хату.
Скажи, колдунья, что это за верба?
(Хватает Килина за плечо.)

Килина
Да отвяжись ты, я откуда знаю?
С лесным отродьем я ведь не знакома
так, как твоя родня. А если хочешь,
возьми топор, сруби ее: не жалко!
(Протягивает ему из сеней топор.)

Лукаш
(взяв топор, подошел к вербе, ударил по стволу, она
вздрагнула и зашелестела сухой листвой. Он замат-
нулся вторично — и опустил руки.)
Нет, не поднять мне руки, не могу я...
и что-то сердце сжало...

Килина
Дай-ка я!
(Вырывает у Лукаша топор и широко замахивается
на вербу. В этот миг с неба огненным змеем-метеором
слетает Перелесник и обнимает вербу.)

Перелесник
Я выручу тебя, моя голубка!
Верба вдруг вспыхивает огнем. Достигнув вершины, огонь
перебрасывается на хату. соломенная крыша занимается, пожар

быстро охватывает хату. Мать Лукаша и дети Килены выбегают из хаты с криком: «Горит! Горит! Спасай!» Мать с Килиной суетятся, выхватывая из огня все, что только можно выхватить, и на мешках и узлах выносят скорчившихся злыдней, которые потом прячутся в мешки. Дети бегут с ведрами к воде, заливают огонь, но он еще сильнее разгорается.

Мать
(Лукашу)

Чего стоишь? Спасай свое добро!

Лукаш

(уставив глаза в стропила, покрытые кудрявым огнем, как цветами)

Добро? А может, там и зло сгорает?

Стропила с треском рушатся, искры столбом взвиваются высоко вверх, потолок проваливается, и вся хата превращается в костер. Приближается тяжелая белая туча, идет снег. Скоро сквозь белый снеговой занавес никого не видно, только багряное колеблющееся пятно обозначает место пожара. Затем багряное пятно гаснет, и, когда снег редет, то открывается черное пожарище, оно дымит и шипит от сырости. Матери Лукаша, детей Килены и узлов о добром уже не видно. Сквозь снег маячит недогоревший сеной сарай, телега и еще кое-что из предметов крестьянского обихода.

Килина

(с последним узлом в руках, дергает Лукаша за рукав)

Лукаш!.. Что ты стоишь? Остолбенел?
Помог бы мне носить узлы-то!.. Слышишь?

Лукаш

Уж вы и злыдней всех повиносили.

Килина

Да прикуси язык! Что говоришь ты?

Лукаш

(смеется тихим, странным смехом)

Я вижу то, чего тебе не видно...
Теперь я мудрый...

К и л и н а
(испуганно)

Что ты говоришь?
Ой, муженек, мне страшно... Что с тобою?

Лукаш
Чего боишься? Дурня не боялась,
а мудрого боишься?

К и л и н а
Ой, Лукашик,
Пойдем-ка на село!

Лукаш
Я не пойду.
Я не пойду из леса. Здесь останусь.

К и л и н а
Да что ж ты будешь делать здесь?

Лукаш
А надо
все что-то делать?

К и л и н а
Как же будем жить мы?

Лукаш
А надо жить?

К и л и н а
Да что на самом деле!
Или с ума сошел ты, или что?
С испугу все с тобою приключилось,
Пойдем скорей в село, покличу бабуку,
чтоб выгнала испуг!

(Тянет его за руку.)

Лукаш
(смотpит на нее с беспечной улыбкой)
А кто же тут

огарки эти будет караулить?
(Показывает на телегу и утварь.)

К и л и н а
(хозяйственно)

Ой, правда ведь! Еще и порастацат!
Как только вот узнают, что горело,
так из села и набегут людишки!
Так ты уж, что ли, тут, Лукаш, останься.
Я побегу да выпрошу лошадок,—
ведь наши-то все в стойле погорели,—
все на воз соберем да и отправим
к родным твоим, попросим, чтоб пустили...
Ой, горе! Надо ж как-нибудь спастись...

Последние слова произносит, уже убегая в лес. Лукаш провожает ее тихим смехом. Вскоре она скрывается из виду. Из леса приближается какая-то высокая женская фигура в белой длинной рубаше и в белом, повязанном по-старинному, кисейном платке. Она идет, пошатываясь, словно от ветра, падает, порой останавливается и низко нагибается, как будто ищет чего-то. Подойдя ближе, она останавливается возле кустов ежевики, растущих неподалеку от пожарища, выпрямляется, и тогда видно ее похудевшее лицо, похожее на лицо Лукаша.

Л у к а ш

Кто ты, скажи? Зачем сюда явилась?

Ф и г у р а

Я — несчастная Доля.
Ох, меня в эти дебри
завело своеволие.
А теперь я страдаю,
Словно тень я блуждаю,
низко припадаю, тропочки не знаю
к невозвратному раю.
Ой, уж, видно, ту тропку
белым снегом укрыло..
Ой, себя в этих дебрях
я навек схоронила...

Л у к а ш

Ты сломил, моя Доля,
хоть вон ту ежевику,

чтоб себе разместить, по снегам провести
небольшую тропинку.

Доля

Ой, когда-то здесь по лесу
я весною ходила;
для приметы по тропочкам
дивоцветы садила.
Ты сломал дивоцветы,
смяли их твои ноги..!

Все кругом бурьяны, где искать я стану,
где искать дороги?

Лукаш

Разгреби, моя Доля,
хоть руками, долинку,
не найдешь ли под снегом
дивоцвета былинку!

Доля

Холодны мои руки,
я и пальцем не двину...
Горько я рыдаю, вижу я и знаю,
что я скоро сгину.
(Застонав, движется.)

Лукаш

(протягивая руки к ней)

Как прожить мне без счастья,
ты скажи, посоветуй!

Доля

(показывает на землю у него под ногами)

Одиноким, забытым,
веткой срезанной этой.

Идет, шатаясь, и исчезает в снегах. Лукаш наклоняется к тому месту, на которое показала Доля, находит брошенную им дудку из вербы, берет ее в руки, идет по белой поляне к березе. Садится под длинными, поседевшими от снега ветвями, вертит в руках дудочку, порой улыбаясь, как ребенок. Легкая, белая прозрачная фигура, напоминающая лицом Мавку, появляется из-за березы и склоняется над Лукашом.

Фигура Мавки

Сыграй, сыграй, подай ты сердцу голос!
Ведь от меня оно одно осталось.

Лукэш

А, это ты?.. Ты упырем пришла,
чтоб выпить кровь мою. Что ж, выпей, на!

(Открывает грудь.)

Живи моею кровью. Так и надо,
я сам тебя ведь погубил...

Мавка

Нет, милый.

Ты дал мне душу так, как острый нож
дает беззвучной вербной ветке голос.

Лукэш

Я душу дал? А тело уничтожил!
Кем стала ты теперь? Ты — призрак! Тень!
(С невыразимой тоской смотрит на нее.)

Мавка

О, не жаль мое тело!
Ясным огнем засветилось оно,
чистым и ярким, как будто вино,
вольными искрами к небу взлетало.
Легкою нежной золой
ляжет, как в землю родную вернется,
новою вербою к солнцу пробьется,
новым началом конец будет мой.
Станут ходить ко мне люди,
много людей отовсюду придут,
радость и горе свое принесут,
сердце мое говорить с ними будет,
в горестях радовать их:
шелестом веточки вербной негромкой,
голосом дудочки нежной и тонкой,
грустными росами с веток моих.
Я им спою все, что знаю,
все, что когда-то ты мне напевал,
все, что весенней порою играл,

все, что теперь вспоминаю...
Милый, играй, умоляю!

Лукаш начинает играть. Сначала игра его грустна, как зимний ветер, как сожаление о чем-то потерянном и позабытом, но вскоре побеждающая песнь любви покрывает печаль. Как меняется музыка, так меняется зима вокруг: береза плещит кудрявой листвой, весенние звуки откликаются в зацветающем лесу, тусклый зимний день сменяется ясной, лунной, весенней ночью. Мавка вспыхивает вдруг прежней красотой в звездном венке. Лукаш бросается к ней с призывом счастья.

Ветер сбивает белый цвет с деревьев. Цвет летит, летит и закрывает влюбленную пару, затем переходит в густую метель. Когда она немного утихла, видел вновь зимний пейзаж с тяжелым навесом снега на ветвях деревьев. Лукаш сидит один, прислонившись к березе, с лудкой в руках, глаза у него закрыты, на губах застыла счастливая улыбка. Он спит без движения. Снег шапкой палег ему на голову, запорошил всю фигуру и падает, падает без конца...

КАМЕННЫЙ ХОЗЯИН.

Драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Командор дон Гонзаго де Мендоза
Донна Анна
Дон Жуан¹
Долорес
Сганарель — слуга Дона Жуана
Дон Пабло де Альварес — } Отец и мать донны
Донна Мерседес } Анны
Донна Соля
Донна Консепсьон — грандесса
Мариквита — горничная
Дуэнья донны Анны
Графы, грандессы, гости, слуги.

---

¹ Здесь имя дано во французском, а не испанском произношении — «Жуан», а не «Хуан»; такое произношение осеяно вековыми традициями в мировой литературе. По той же причине дана итальянская форма слова «донна», а не испанская — «донья». (*Прим. Леси Украинки.*)

I

Кладбище в Севилье. Пышные мавзолеи, белые фигуры статуй, мрамор между кипарисами, много ярких тропических цветов. Больше красоты, чем печали. Донна Анна и Долорес. Анна одета в светлое, с цветком в волосах, вся в золотых украшениях. Долорес в глубоком трауре, стоит на коленях у могилы, убранной свежими венками из живых цветов.

Долорес

(встает и вытирает платком глаза)

Пойдем, Анита.

Анна

(садится на скамью под кипарисом)

Погоди, Долорес.

Тут хорошо.

Долорес

(садится рядом с Анной)

Ужель тебе мила

могильная краса? Тебе, счастливой!

Анна

Счастливой?..

Долорес

Да, ты счастлива, конечно.

Ведь ты идешь по собственной охоте
за командора?

Анна

Кто б меня заставил?

Долорес

И нареченного ведь ты всем сердцем,
наверно, любишь?

Анна

Разве дон Гонзаго
того не стоит, милая Долорес?

Долорес

Я этого не говорю. Но странно
ты отвечаешь на мои вопросы.

Анна

Ты ставишь необычные вопросы.

Долорес

Ну, что тут необычного, Анита?
Ведь мы с тобою верные подруги,
и ты могла бы мне сказать всю правду.

Анна

Сначала покажи пример, Долорес.
Ведь у меня нет тайны от тебя,
а у тебя их много.

Долорес

Много тайн?

Анна

(смеется)

Ну что, признайся, разве ни одной?
Не опускай глаза! Дай я взгляну.
(Заглядывает ей в глаза и смеется.)

Долорес

(со слезами в голосе)

Не мучь меня, Анита!

А н н а

Даже слезы!

О господи, здесь подлинные страсти!

Долорес закрывает лицо руками.

Довольно же! Прости!

(Берет в руки серебряный медальон, висящий на черном шнурке на груди у Долорес.)

А это что?

Что в этом медальоне? Тут, наверно,
портрет твоих родителей покойных?

(Раскрывает медальон раньше, чем Долорес успевает сватить ее за руку.)

Кто он такой, прекрасный этот рыдаль?

Долорес

Он... мой жених.

А н н а

Жених? А я не знала,

что ты невеста, милая Долорес.

Что ж никогда я вас не вижу вместе?

Долорес

И не увидишь.

А н н а

Почему? Он умер?

Долорес

Нет, жив.

А н н а

Он изменил тебе, Долорес?

Долорес

Он мне ни в чем не изменял.

А н н а

Довольно

с меня загадок. Скрытничай, коль хочешь.

Я не люблю вторгаться в душу силой.

(Хочет встать. Долорес удерживает ее за руку.)

Долорес

Сядь, Анна, рядом. Разве ты не знаешь,
как трудно сдвинуть каменную глыбу?

(Кладет руку на сердце.)

А у меня лежит на сердце камень,
такой тяжелый... так давно... что, право,
он вытеснил из сердца все стремленья
и все желанья, кроме одного.

Ты думаешь, я плачу по моим
умершим близким? Нет, моя Анита,
то камень выдавил из сердца слезы...

Анна

Так ты давно невеста?

Долорес

От рожденья.

Ведь были наши матери — подружки.
Они еще тогда нас обручили,
когда рожденья ждали моего.

Анна

Как это неразумно!

Долорес.

Нет, Анита.

То, верно, воля неба, чтобы я
его своим по праву называла,
хотя он и не мой.

Анна

Да кто же он?

Мне странно то, что я его не знаю.

Долорес

Он — Дон Жуан

Анна

Какой? Ужели тот?..

Долорес

Да, тот — тот самый. Кто еще другой из сотен тысяч всяческих Жуанов так просто может зваться «Дон Жуан», без титула и без других отличий?

Анна

Теперь я понимаю... Впрочем, как же? Ведь много лет, как нет его в Севилье... Ведь изгнан он?

Долорес

Я видела его в последний раз, как в Кадиксе мы были. Скрывался Дон Жуан тогда в пещерах, жил контрабандой... И порою плавал с пиратами... Тогда одна цыганка покинула свой табор и бежала с ним за море, и там исчезла сразу. А он вернулся в Кадикс и привез какую-то алжирскую пиратку. Пиратка эта отравила брата из-за Жуана... А потом пошла в монахини.

Анна

Все это точно сказка.

Долорес

Однако это правда.

Анна

А за что его изгнали? Что-то я слыхала неясное...

Долорес

Он, будучи пажом, на поединок вызвал принца крови из-за инфанты.

А н н а

Ну, а та инфанта
его любила?

Д о л о р е с

Говорят. Но я
не верю.

А н н а

Почему?

Д о л о р е с

Когда б любила,
то для него покинула б Мадрид
и королевский двор.

А н н а

Легко ли это?

Д о л о р е с

Любви не надо легкого пути.
Ведь стала же толедская еврейка,
дочь старого раввина, для Жуана
отступницей.

А н н а

А после?

Д о л о р е с

Утопилась.

А н н а

Он, право, страшен, нареченный твой.
И вкус его, признаться, тоже странен...
Цыганка, басурманка и еврейка.

Д о л о р е с

Ты забываешь про инфанту.

А н н а

Ну,
с инфантою еще неясно дело.

Долорес

Однако он в изгнание бежал
с благочестивой, гордой аббатисой.
Сам инквизитор — дед ее.

Анна

Да что ты?

Долорес

И после аббатиса та держала
таверну для контрабандистов.

Анна

(смеется)

Ах,
он не без юмора, твой Дон Жуан!..
А ты как будто этим всем гордишься,
своих соперниц помнишь, как трофеи,
что жениху достались на турнире.

Долорес

Я горько им завидую, Анита,
зачем я не цыганка, не могу
отречься от свободы для Жуана.
Зачем я не еврейка? Я бы веру,
свою большую пламенную веру
втоптала в прах, чтобы ему служить!
Корона — дар ничтожный! Я бы, Анна,
и близких для него не пожалела...

Анна

Долорес, бойся бога!

Долорес

Ах, Анита,
завидую я этой аббатисе,
что отдала спасение души,
что отреклась от рая для Жуана.

(Сжимает руки Анны.)

О, этой страшной зависти и боли
тебе вовек, Анита, не понять.

А н н а

А я бы не завидовала им,
покинутым, несчастным... Ах, Долорес,
забыла я,— он и тебя покинул!

Д о л о р е с

Меня он не бросал и впредь не бросит.

А н н а

Опять загадки! Почему, Долорес?

Д о л о р е с

Ходила я к Жуану в ту пещеру,
где он скрывался...

А н н а

(с горячим интересом)

Ну и что же, что же?

Д о л о р е с

Лежал он, раненный. Жену алькада *
хотел украсть и увезти. Алькад
жену убил, а Дон Жуана ранил...

А н н а

Но как же ты добралась до него?

Д о л о р е с

Теперь уж я сама не понимаю...
Все было, как в горячечном бреду...
Ходила я за ним, носила воду,
запекшиеся раны обмывала,
и выходила...

А н н а

Ну, а дальше что?

Иль это все?

Д о л о р е с

И это все. Он встал,
здоров и цел, а я домой вернулась.

А н н а

Такой же, как была?

Д о л о р е с

Такой же, Анна.
Как от причастия. И ты не думай,
чтоб поддалась я на его соблазны.
О, никогда!

А н н а

Но ты, Долорес, любишь
его безумно.

Д о л о р е с

Это не безумье.
Таится в сердце у меня любовь,
как будто кровь таинственная в чаше
святого Грааля*. Да, невеста я.
И чистоты моей не замазает
никто на свете, даже Дон Жуан.
Он это знает.

А н н а

Как?

Д о л о р е с

Душою знает.
Конечно, он ко мне питает чувство,
но только это чувство — не любовь,
ему названья нету... На прощанье
он перстень снял с руки моей и молвил:
«О, благороднейшая сеньорита,
когда вас будут мною попрекать,
ответьте им, что я жених ваш верный,
перстнями я с другой не обменяюсь
уже вовек,— даю вам слово чести».

А н н а

Он так сказал? Быть может, это значит,
что он одну тебя на свете любит?

Долорес
(грустно качает головой)

Лукавым словом сердца не обманешь...
Меня с любимым лишь мечта связала.
Такими обрученными, как мы,
пристало быть на тебе райским духам,
а тут — какое адское страдание!
Ты не поймешь. Ведь у тебя, Анита,
сбываются все сны и все мечты...

Анита

„Все сны и все мечты»... Уж это слишком!

Долорес

Чего ж еще тебе недостает?
Есть у тебя любовь, богатство, юность
и скоро будет честь и уважение,
пристойное супруге командора.

Анита

(засмеявшись, встает)

Но где же тут «все сны и все мечты»?

Долорес

(со слабой усмешкой)

Они тебе уж не нужны, пожалуй.

Обе девушки прогуливаются между памятниками.

Анита

Кто может без мечтаний жить, Долорес?
Одну мечту я с детства сохраняла.
Она, наверно, выросла из сказок,
что девочке рассказывала бабка.
Я так любила их...

Долорес

О чем мечта?

Анита

Да так, причуды!.. Вижу, как в тумане,
вершину неприступную, крутую,

на той горе суровый, крепкий замок —
орлиное гнездо... И в этом замке
принцесса молодая... И не может
никто добраться до ее покоев
по страшной круче... Рыцари и кони,
срываясь, разбиваются, и кровь
багровыми ручьями оmyвает
подножье...

Долорес

О, жестокая мечта!

Анна

В мечтах все можно. А потом, Долорес...

Долорес

(перебивает)

Потом один герой достиг вершины,
добился он руки и сердца девы...
Сбываются уже твои мечтанья:
прекрасная принцесса — ты, Анита,
а рыцари разбившиеся, верно,
те женихи, которых ты отвергла,
а тот счастливый рыцарь — дон Гонзаго.

Анна

(смеется)

Нет, командор мой — он сама гора,
а рыцаря счастливого — как будто
и нет на свете...

Долорес

Это даже лучше.

Ну что ты можешь рыцарю вручить
в награду?

Анна

Приготовлю лимонад
для прохладенья!

(Замолкает. Меняет тон.)

Посмотри, Долорес, —
как странно свет мерцает в этом склепе...

То ярче, то слабее. Видишь?.. Видишь?..
Там кто-то есть.

Долорес

Да нет же, это мыши
летучие вокруг лампы выются.

Анна

Постой, я загляну туда, Долорес.
(Заглядывает в решетчатые двери склепа, хватается
Долорес за руку и указывает внутрь склепа.)

Анна

(шопотом)

Смотри — там вор. Я тотчас кликну стражу...
(Бросается бежать. В эту минуту раскрываются двери
склепа. Долорес вскрикивает и опускается без чувств
на скамью.)

Дон Жуан

(выходя из гробницы, к Анне)

Прошу вас, сеньорита, не бегите
и не пугайтесь, я совсем не вор.
Анна возвращается и наклоняется над Долорес.

Долорес

(очнувшись, стискивает ей руку)

Он, Анна, он!.. В своем ли я уме?

Анна

Вы, Дон Жуан?

Дон Жуан

(кланяясь)

К услугам вашим, донна.

Долорес

Как вы сюда добрались!

Дон Жуан

На коне,
потом пешком.

Долорес

О, боже мой, он шутит!
Вы головой рискуете своею!
Недорого ж вы цените ее.

Дон Жуан

Впервые слышу я, чтобы ценилось
во мне не сердце, полное до края,
а голова, в которой, сеньорита,
хоть мысли есть, да небольшого веса.

Анна

А что тяжелого есть в вашем сердце?

Дон Жуан

О, сеньорита, да узнает это
лишь та, что сможет взять его в ладони.

Анна

Так ваше сердце взвешено не раз.

Дон Жуан

Вы думаете?

Долорес

Прячьтесь! Вы погибли,
коль вас увидят.

Дон Жуан

Если уж теперь,
прекрасных глаз выдерживая взгляды,
я не погиб, то где ж моя погибель?

Анна улыбается. Долорес опускает на лицо черную вуаль
и отворачивается.

Анна

(махнув рукой)

Ступайте уж назад в свое жилище!

Дон Жуан

О, только ручка женская одна
послать в могилу может так беспречно.

Долорес
(снова поворачиваясь к Дон Жуану)
Ужали вы живете в этом склепе?

Дон Жуан
Как вам сказать? Я должен тут прожить
лишь день один да ночь — с меня довольно.
Здесь, при дворе могильном, этикет
суровее, чем при дворе кастильском*,
а я и там, при всем своем усердии,
всех церемоний выдержать не мог,
так где уж тут...

Анна
Куда же вы пойдете?

Дон Жуан
И сам еще не знаю.

Долорес
Дон Жуан,
тут есть под церковью тайник глубокий.
Я покажу вам ход. Туда и скройтесь.

Дон Жуан
О, вряд ли веселее там, чем тут.

Долорес
А вам бы все веселье!

Дон Жуан
Почему же
не веселиться?

Анна
Ну, а если б кто
на маскарад позвал вас — вы пошли бы?

Дон Жуан
С великой радостью.

Анна

Тогда, прошу вас,
сегодня ночью в нашем доме бал
дает отец мой Пабло де Альварес.
Последний бал перед моею свадьбой.
Все будут в масках, кроме стариков,
родителей, меня и жениха.

Дон Жуан
(к Долорес)

Вы будете, надеюсь, сеньорита?

Долорес

Как видите, я в трауре, сеньор.
(Отходит в сторону.)

Дон Жуан
(Анне)

Я траура по мертвым не ношу
и ваше приглашение принимаю.
(Кланяется.)

Анна

Каков костюм ваш?

Дон Жуан

Я еще не знаю.

Анна

Жалею. Я б хотела вас узнать.

Дон Жуан

Узнаете по голосу.

Анна

Ужели

я голос ваш запомню с первой встречи?

Дон Жуан

Тогда по перстню, что ношу на пальце.
(Показывает перстень на мизинце.)

А н н а

Он постоянно с вами?

Д о н Ж у а н

Постоянно.

А н н а

Вы так верны?

Д о н Ж у а н

Так верен, сеньорита.

Д о л о р е с

(выходя из боковой аллеи)

Скорей! Сюда подходит дон Гонзаго!

Дон Жуан скрывается в склепе. Анна идет навстречу командору.

К о м а н д о р

(степенно приближается. Он не очень молод, надменен и сдержан; с большим достоинством носит белый командорский плащ)

Вы тут одни? А где ж дуэньи ваши?

А н н а

Они в соборе. Милая Долорес не любит лишних глаз, когда бывает на дорогих могилах!

К о м а н д о р

(сдержанно кивая Долорес)

Понимаю.

(Анне.)

А я искал вас, дорогая Анна, затем, чтобы спросить, в каком наряде вы будете сегодня на балу.

А н н а

Я буду в белом. А зачем вам это?

К о м а н д о р

Так, мелочь. Некоторые соображения...

Анна

Меня узнаете в любом наряде.
Я не падену маски.

Командор

Превосходно.
Я даже и представить не хотел,
что будете вы в маске.

Анна

Почему же
вы мне о том ни слова не сказали?

Командор

Я вашу волю не хотел стеснять.

Долорес

Как странно слышать мне, что нареченный
стеснить боится малым принуждением
желанья той, которую так скоро
с собою свяжет узами навеки.

Командор

Ее свяжу не я: закон и небо—
я сам ее свободнее не буду.

Долорес

Мужчины так не часто говорят,
а говорят—так редко держат слово.

Командор

Теперь я понимаю, сеньорита,
зачем не вышли замуж вы доньне.
Без веры в брак не следует вступать.

Анна

А все ль питают веру?

Командор

Донна Анна,
когда бы я себе иль вам не верил,

и б тотчас возвратил вам ваше слово,
пока не поздно. А когда дадим мы
великий тот обет...

А н н а

Мне стало страшно...

К о м а н д о р

.Любви глубокой не страшны обеты.
Ужель вам страшно, Анна?

А н н а

Это шутка.

(К Долорес.)

Ведь я тебе сказала: он — гора.

К о м а н д о р

Вы шутите? Вы веселы сегодня!

А н н а

А почему бы мне не веселиться,
когда на вас надеяться могу я
не меньше, чем на каменную гору.
Не правда ли?

К о м а н д о р

Надеюсь, донна Анна,
и постараюсь доказать вам жизнью,
что вы не ошибаетесь.

Идут. Долорес вемного позади.

А н н а

(неожиданно громко обращается к Долорес)

А знаешь,

он на портрете мне казался лучше,
чем в жизни.

Долорес испуганно, молча глядит на Анну.

К о м а н д о р

Кто это?

А н н а
Жених Долорес.

Командор
Кто он такой?

А н н а
Покуда это тайна.
Он будет на балу у нас сегодня.
Все трое уходят.

Сганарель
(слуга Дон Жуана. Выходит, оглядывается, прибли-
жается к склепу)

Эй, господин!

Дон Жуан
(выходит)

Как? Ты уже вернулся?

Сганарель
Привет от донны Соль. Она не хочет,
чтоб к ней вы шли. Она молвы боится.
У ней дуренья старая и злая.
Она решила вырваться из дому,
притти сюда самой...

Дон Жуан
Уже? Так быстро?

Сганарель
Вы словис-недовольны!

Дон Жуан
(не слушая его)
Раздобудь
мне где-нибудь костюм для маскарада,
да понарядней.

Сганарель
Как же вы узнали,
что будет донна Соль на маскараде

у молодой невесты командора?
Вы, значит, там с ней встретиться решили,
чтоб взять сюда?

Дон Жуан
(занятый другими мыслями)

Кого?

Сганарель

Да донну Соль!
Кого ж еще? Иль не из-за нее
Сюда мы прискакали?

Дон Жуан

Я не знаю.

Посмотрим.

Сганарель

Ну, а если вы, сеньор,
идя на маскарад, с ней разминетесь?
Она придет и не застанет вас,
то что тогда велите делать с нею?

Дон Жуан

Ступай в таверну, а ее пошли
обратно к мужу.

Сганарель

Ах, сеньор, сеньор!
Я выказал бы больше благородства,
будь господином — я, а вы — слугой.
Уходит. Дон Жуан скрывается в склеп.

II

Внутренний дворик (patio) в доме сеньора Пабло де Альварес, в мавританском стиле, засаженный цветами, кустами и невысокими деревьями, окруженный строениями с галлерей под аркадами, расширенной выступом крыльца и лоджией (глубокой нишей); кровля галлерей — плоская с балюстрадой, как восточная крыша, расширенная в середине так же, как и галлерей внизу; на оба этажа галлерей ведут из дворика отдельные лестницы, широкие и низкие — вниз, высокие и узенькие —

зверх. Дом и галерея ярко освещены. Внутри дворика света нет. На переднем плане — беседка, обросшая виноградом. Дон Пабло и донна Мерседес — отец и мать Анны — разговаривают с командором во дворике. Наверху по галерее прогуливаются несколько гостей, их еще немного — с ними донна Анна.

Командор

Могу ли попросить я донну Анну
спуститься на минуту к нам сюда?

Донна Мерседес

Спустись, Анита, к нам! Здесь дон Гонзаго!

Анна

(наклоняясь через балюстраду, глядя вниз)

А вам так трудно к нам наверх подняться?
Иль вверх всходить горе не подобает?
(Смеясь, сбегает по лестнице во дворик.)

Донна Мерседес

Анита, ты смеешься слишком громко.

Дон Пабло

И шутки мне не нравятся твои.
Обязана ты помнить...

Командор

Не браните
сегодня молодую сеньориту
за то, что даже близкое венчанье
веселости девичьей не смутило.
Я привыкаю к шуткам донны Анны.

Донна Мерседес

Пожалуй, нам пора к гостям подняться.

Командор

Прошу вас здесь побыть. У нас в Кастилье
не принято, чтобы жених с невестой
наедине до свадьбы оставались.
Но я не задержу вас, донна Анна.

Примите этот маленький подарок
в знак искренней любви и уваженья.
(Вынимает из-под плаща дорогой жемчужный голов-
ной убор и кланяется Анне.)

Донна Мерседес

Какие жемчуга!

Дон Пабло

О, командор!

Не слишком ли подарок этот дорог?

Командор

Для донны Анны?!

Анна

Вот вы для чего
меня спросили утром о наряде!

Командор

Быть может, неудачен выбор мой,
но мне казалось — к белому наряду
подходит белый жемчуг...

Анна

Дон Гонзаго,
хотите вы быть полным совершенством,
а это слишком, это угнетает.

Донна Мерседес
(тихо толкая Анну)

Опомнись, Анна! Поблагодари!

Анна молча отвешивает командору глубокий церемонный поклон.

Командор

(подымает диадему над ее головой)

Так разрешите возложить мой жемчуг
на эту непокорную головку,
склоненную впервые предо мною.

Анна
(сразу поднимая голову)

разве вам иначе не достать?

Командор
(надевая диадему на голову Анны)

Как видите, достал.

Дворик наполняется толпой нарядных гостей в масках и без масок; между ними маски в черном, очень широком домино. Лицо тщательно закрыто маской.

Голоса из толпы гостей

Где наш хозяин?

Хозяйки где?

Дон Пабло

Здесь, дорогие гости.

Донна Мерседес

Толпа гостей нарядных, благородных
наш дом украсит...

Пожилая гостья
(к другой шепотом)

Верно, уж смекнула
и сколько нас, и сколько будет стоять.

Гостья 2-я
(тоже шепотом)

Да, Мерседес в подсчетах не замедлит,¹
скорей замешкает в гостеприимстве.

Гостья-девушка
(здороваясь с Анной)

Анита, как же ты нарядна нынче!
(Тише).

Но только в белом ты бледна немного.

Анна

О, ничего, теперь такая мода.
(Еще тише.)

Могу я одолжить тебе белила,
а то твой лоб, пожалуй, слишком красен.

Девушка

Спасибо, не хочу.

(Отворачивается и начинает поправлять маску и волосы так, чтобы закрыть лоб.)

Молодая дама

(тихо, указывая глазами на Анну)

Какой убор!

Другая молодая дама

(с иронией)

Единственная радость бедной Анны!

Старый гость

(к дону Пабло)

Ну что, дон Пабло, вас теперь, наверно,
его величество к себе приблизит.

Такого зятя тесть, вы...

Дон Пабло

Наш король

не по зятьям, а по заслугам ценит.

Старый гость

Порой мы слишком долго ждем оценки.

Дон Пабло

Ну, это вам, пожалуй, лучше знать.

(Поворачивается к другому гостю.)

Вы, граф? Как счастлив я! Какая честь!

Хозяин, хозяйка, командор и гости идут в дом по широкой лестнице. Маска «Черное домино» остается во дворике, незаметно отступая в тень кустов. Анна с молодыми дамами появляется на верхнем крыльце. Слуги разносят лимонад и другие прохладительные напитки.

Дон Жуан

(в мавританском костюме, в маске, с гитарой появляется во дворике, останавливается против галлерей и поет)

У меня в краю родимом
есть одна гора крутая,
и сверкает на вершине
бриллиантовый дворец.

Горе мое, Анна!

В том дворце в хрустальном зале
чудо-роза распустилась,
на атласных лепесточках
не роса, а жемчуга.

Горе мое, Анна!

И на ту крутую гору
нет ни лестниц, ни тропинок.
Во дворце из бриллиантов
ни дверей, ни окон нет.

Горе мое, Анна!

Но не надобно кому-то
ни ступенек, ни тропинки,—
с неба спустится он к розе
на живых крылах любви.

Счастье мое, Анна!

Во время песни «Черное домино» слегка выступает из кустов,
в конце песни снова скрывается.

Командор

(выходит на верхнее крыльцо к концу песни)

Что это тут за песни, донна Анна?

Анна

Не знаю, мавританские, должно быть.

Командор

Я спрашиваю не о том.

Анна

О чем же?

*(Не дождавшись ответа, берет услуги стакан лимонаду
и спускается к Дон Жуану)*

Анна

(Дон Жуану, подавая лимонад)

Угодно ли вам жажду утолить?

Дон Жуан
Благодарю. Не пью я лимонада.
Анна бросает стаканы в кусты.

Командор
(идя следом за Анной)

По вкусу ли вам песня, донна Анна?

Анна
А вам?

Командор
Признаться, вовсе не по вкусу.

Дон Жуан
Жалею, что не угодил сеньору.
Мне думалось, счастливым обрученным
по сердцу будет песня о любви.

Командор
Припев у вашей песни неуместный!

Дон Жуан
Его, увы, не мог я опустить
Затем, что песня в мавританском стиле.

Анна
А вы к костюму подобрали песню?
С галереи спускается толпа молодежи: заметив Анну, окру-
жает ее.

Голос из толпы
О донна Анна, донна Анна, просим
поласковее быть в последний вечер
девической несвязанной свободы!

Анна
Чем, господа, могу я вам служить?

Первый рыцарь

Мы просим, чтоб вы сами указали,
с кем танцовать желаете сегодня.

Анна

Чтоб я сама просила?

Второй рыцарь

Не просите,—
приказывать вы можете, мы будем
рабами в этот вечер.

Анна

Хорошо,
что только в этот вечер. Я не знаю,
что вам на это скажут ваши дамы.
Иль, может, вас от них спасают маски?

Третий рыцарь
(срывая маску)

Все звезды меркнут перед солнцем!

Анна

Верно.

Ваш комплимент без маски обойдется.
Он слишком стар для этого, пожалуй.
Рыцарь снова надевает маску и скрывается в толпе.

Анна
(к молодежи)

Что ж, станьте в ряд, я буду назначать!
Все встанут в ряд, Дон Жуан тоже.

Командор
(тихо, Анне)

Что это, местный ваш обычай?

Анна

Да.

Командор

Мне тоже стать?

А н н а

Не надо.

Командор отходит в сторону.

Кавалеры,

готовы ль вы?

(К Дон Жуану)

Зачем же вы, поклонник
изменчивой планеты*, тоже встали?
Ведь вам обычай запрещает танцы.

Дон Жуан

Для необычной я забыл обычай.

А н н а

За это я даю вам первый танец.

Дон Жуан кланяется по-восточному: прикладывает правую
руку к сердцу, к губам и ко лбу, потом складывает руки
накрест на груди и склоняет голову. При этих движениях
на мизинце его блестит золотой перстень.

Дон Жуан

Один?

А н н а

Один. Второго вам не будет.

(Обращается к остальным рыцарям.)

А вам, сеньоры, дам я знак рукою.

Пусть каждый помнит очередь свою.

(Быстро показывает рукою на каждого кавалера по
очереди. Один кавалер остается неуказанным.)

Последний кавалер

А как же, я? Когда же мой черед?

Один из толпы

Вы будете последним, очевидно.

А н н а

(последнему рыцарю)

Со мной танцует первым мусульманин
лишь потому, что в светлом царстве божьем,

повидимому, будет он последним.
А вы, сеньор, я думаю, католик,
и вам не страшно танцевать последним.

Последний кавалер

Впервые в жизни я хочу быть мавром!

Дон Жуан

Не в очередь попал ваш комплимент!
Вам, видно, суждено души спасенье!

Анна

(хлопает в ладони)

Мои рабы! Довольно! Время танцев!

Первал поднимается наверх, за ней молодежь. Со второго этажа гремит музыка. Начинаются танцы, которые распространяются на оба этажа галлерей. Донна Анна идет в первой паре с Дон Жуаном, потом ее перехватывают по очереди другие кавалеры. Командор стоит в углу ниши, прислонившись к выступу стены, и смотрит на танцы. «Черное домино» следит снизу и незаметно для себя выходит в освещенное место. Дон Жуан, окончив танец, склоняется через перила, замечает «Черное домино» и сходит вниз. «Черное домино» в это время поспешно скрывается в тень.

Маска-подсолнечник

(подходит сбоку и хватает Дон Жуана за руку)

Ты — Дон Жуан Я знаю!

Дон Жуан

Я хотел бы
знать так же верно, кто под этой маской.

Маска-подсолнечник

Ты знаешь хорошо! Я — донна Соль!
(Срывает с себя маску.)

Дон Жуан

Простите, но в подсолнечнике трудно
узнать большое солнце.

Донна Соль

Ты смеешься?

Ты мало надо мною насмеялся?

Дон Жуан

Когда же? Где же?

Донна Соль

(запальчиво)

Я иду с кладбища.

Дон Жуан

Кто видел вас?

Донна Соль

Еще недоставало!

Никто, конечно.

Дон Жуан

Ну, так в чем же дело?

Как будто встретиться на маскараде
не веселей, чем где-то на кладбище?

Донна Соль

(шарит рукой за поясом)

О, я забыла дома свой кинжал!

Дон Жуан

(с поклоном подает ей свой стилет)

Прошу, сеньора.

Донна Соль

(отпалкивая его руку)

Прочь!

Дон Жуан

Не понимаю!

Чего же хочет милая сеньора?

Донна Соль

Не знает?

Дон Жуан

Нет, признаюсь, не знаю.

Донна Соль

Вы помните, что вы мне написали?

Дон Жуан

Я вам писал, сеньора: «Бросьте мужа, коль он вам ненавистен, и бегите».

Донна Соль

С кем?

Дон Жуан

Разве непременно нужен спутник?
Ну что же, я могу вас проводить.
До Кадикса.

Донна Соль

Зачем?

Дон Жуан

Не понимаю!
Ужели мало вырваться на волю?

Донна Соль

Так вы затем назначили свиданье,
чтоб это мне сказать?

Дон Жуан

А для чего вы
на то свиданье шли? Иль вы хотели
чуть подсластить немного горький ужин
супружеских обязанностей? Право,
я сладких блюд готовить не учился.

Донна Соль

(направляясь к выходу)

Вы мне еще заплатите за это!

Черное домино
(выходя на свет, преграждает путь донне Соль. Естественно измененным голосом)

Твой муж тебе позволил плату брать?

Донна Соль вскрикивает и стрелой выбегает за ворота. «Черное домино» хочет скрыться в тень, но Дон Жуан преграждает ему путь.

Дон Жуан

Ты кто такая, сумрачная маска?

Черное домино

Я — тень твоя, веселый Дон Жуан.

Стремительно убегает от Дон Жуана, прячась за кустами, вбегает в беседку и стоит там, притаившись. Дон Жуан, потеряв из виду «Черное домино», направляется в поисках его в другую сторону. На верхнем выступе галереи донна Анна танцует сегедилю*.

Первый рыцарь

Сейчас мы танцевали, донна Анна,
по рыцарским сердцам.

Анна

Да неужели?
Я думала, что по полу танцую.
Иль так сердца у рыцарей тверды?

Второй рыцарь

(подходит к Анне и кланяется, приглашая ее танцевать)

Теперь со мной.

Анна

(складывая ладони)

Помилюте, сеньор.

Второй рыцарь

Я подожду. Но очередь за мной?

А н н а

Конечно.

(Встает и, смешиваясь с толпой гостей, исчезает из виду. Появляется снова на узенькой лестнице, спускается во дворик и направляется к беседке. «Черное домино» поспешно, но бесшумно выбегает оттуда и прячется в кусты. Анна в изнеможении падает на широкую скамью, стоящую в беседке.)

Дон Жуан

(приближаясь к Анне)

Вы здесь одна? Вам дурно, сеньорита?

А н н а

(садится прямее)

Нет, я устала.

Дон Жуан

На гору взбираться?

А н н а

Признаться вам, всего сильнее устала
я нынче от бесчисленных острот.

Дон Жуан

Я не острял.

А н н а

Но что ж еще?

Дон Жуан

Я думал

о том, что заставляет сеньориту
стремиться так в нагорную темницу?

А н н а

В темницу? Мне казалось, просто в замок,
а замки на горе стоят обычно.
Величественней там и неприступней.

Дон Жуан

Я очень уважаю неприступность,
когда ее основа не камень,
а что-нибудь живое.

Анна

На живом

не долго устоишь, устанешь скоро.
Для гордой и властительной души
лишь на горе высокой жизнь и воля.

Дон Жуан

Нет, донна Анна, там не будет воли.
С вершины горной видны человеку
свободные просторы, только сам он
навек привязан к узкому пространству.
Неверный шаг и — гибельная пропасть.

Анна

(задумчиво)

Так где же в мире нам искать свободу?..
Ужель она в такой судьбе, как ваша?
Вы меж людьми живете диким зверем,
затравленным охотниками в поле.
Лишь маска вас спасает.

Дон Жуан

Между нами,

взаимная охота, сеньорита.

А маска — лишь охотничья уловка.

Сейчас ее не будет.

(Срывает маску.)

Донна Анна,

поверьте мне, лишь тот свободен в мире,
кого отвергло общество людей.

В своем изгнании я обрел свободу.

Видали ль вы людей, идущих смело

за верным зовом собственного сердца,

не думая о том, что скажут люди?

Смотрите — я таков. И потому-то

мир никогда не будет мне темницей.

Я легкою фелукой * пролетаю
в морских просторах. Перелетной птицей
на берега далекие лечу
и узнаю манящие красоты
чужих краев, неведомых доньне.
В лучах свободы все края прекрасны,
все рощи представляются Эдемом,
все воды отражают небеса!

А н н а
(тихо)

Да... это жизнь!

Пауза. Наверху снова музыка и танцы.

Д о н Ж у а н

Как странно! снова танцы...

А н н а

Что ж странного тут?

Д о н Ж у а н

Если умирает
больной и старый, все вокруг рыдают.
А тут — хоронят юную свободу,
а все танцуют...

А н н а

Разве вы, сеньор мой,
не танцовали?

Д о н Ж у а н

О, когда б вы знали,
что думал я тогда!

А н н а

А что?

Д о н Ж у а н

Я думал:
«Когда б, не выпуская из объятий,
домчать ее на лошади горячей
до Кадикса!»

А н н а
(встает)

Однако слишком много
вы позволяете себе, сеньор!

Д о н Ж у а н

Ужели так нужны вам, донна Анна,
ничтожные законы этикета,
распатанная изгородь, которой
окружено достоинство сеньоры?
О донна Анна, никогда я силой
не посягну на вашу честь, не бойтесь.
Не тем я страшен женщинам.

А н н а
(снова опускается на скамью)

Сеньор,
я не боюсь вас.

Д о н Ж у а н

Я впервые слышу
такую речь из женских уст. Быть может,
в себе вы этим будите отвагу?

А н н а
Моя отвага мне не изменяла
еще ни разу в жизни.

Д о н Ж у а н
И сейчас
вы в ней уверены?

А н н а
Как никогда!

Д о н Ж у а н
Скажите мне всю правду, донна Анна,
знавали ль вы хотя бы миг свободы?

А н н а
Во сне.

Дон Жуан
И в грезах?

Анна

Да, в мечтах чудесных.

Дон Жуан

Что ж вам мешает гордую мечту
осуществить? Ведь только за порог
переступить — и целый мир широкий
откроется для вас. Я вам готов
и в счастья и в несчастья быть опорой,
быть другом вам, хотя б вы даже сердце,
жестокая, передо мной замкнули.
Всего дороже для меня — спасти
ваш гордый, вольный дух! О донна Анна,
я вас искал так долго!

Анна

Вы искали?

Ведь вы меня не знали до сих пор!

Дон Жуан

О, я не знал лишь вашего лица
и как зоветесь вы. Но я искал
по разным странам, в разных женских лицах,
хотя бы отблеск ясного сиянья,
пылающего в вашем гордом взоре.
И если нам не суждено быть вместе,
то, значит, в мире, сотворенном богом,
нет правды, справедливости и смысла!

Анна

Молчите! Не дурманьте разум мой
горячей речью. Дон Жуан, мне хватит
отваги и решительности твердой,
чтоб вместе с вами выйти в мир широкий.

Дон Жуан

(вскакивает и протягивает Анне руку)

Идемте!

Анна

Нет. Одной отваги мало.

Дон Жуан

Что ж держит вас? Ужели этот жемчуг?
Колечко это, может быть.

Анна

Нисколько!

*(Снимает жемчуга с головы, кладет их на скамью.
Снимает с пальца обручальное кольцо и держит его
на протянутой ладони.)*

Сюда же положите этот перстень.
(Показывает на кольцо Дон Жуана)

Дон Жуан

Зачем он вам?

Анна

Не бойтесь, не надену.
В Гвадалквивир хочу швырнуть все это,
когда мы будем мост переезжать!

Дон Жуан

Нет, перстня я отдать вам не могу.
Просите, что хотите.

Анна

Я не стану
вас ни о чем просить. Хотелось мне
проверить лишь на деле, есть ли в мире
хотя б один свободный человек,
или — это только «мавританский стиль»,
и жалко вам во имя вашей воли
пожертвовать несчастным этим перстнем.

Дон Жуан

Всю жизнь мою берите!

Анна

(снова протягивает руку)

Перстень!

Дон Жуан

Анна!

Что в перстне этом! Он — не знак любви.

Анна

А что ж? Кольцо из цепи? Дон Жуан,
и вам не стыдно в этом признаваться?

Дон Жуан

Я слово чести дал его носить.

Анна

Ах, слово чести?

(встает)

Что ж, спасибо, сударь,—
вы мне напомнили об этом слове.
*(Надевает снова жемчуга и кольцо и порывается
отойти.)*

Дон Жуан

(падая на колени)

Я умоляю, донна Анна!

Анна

(возмущенно)

Будет?

Довольно с нас комедии! Вставайте!
*(Оборачивается и видит приближающегося к беседке
командора.)*

Прошу вас, дон Гонзаго, проводите
меня на галерею.

Командор

Донна Анна,

Скажите имя этого сеньора.

Анна

Жених Долорес, вот кто этот рыцарь,
Иначе он не смеет называться.

Дон Жуан

Но у меня есть имя — Дон Жуан.
Испании знакомо это имя!

Командор

Вы тот преступник изгнанный, лишенный
по королевской воле привилегий,
лишенный чести? Как же вы посмели
сюда явиться?

Дон Жуан

Что до привилегий,
То их король дает и отнимает.
А честь моя со мной, как эта шпага.
Ее никто и никогда не сломит!
Быть может, вы испробовать хотите?
(Вырывает шпагу из ножен и становится в позу, го-
товый к поединку.)

Командор (складывает руки накрест)

С изгнанником встречаться в поединке
не к чести командору короля.

Берет Анну под руку и, повернувшись спиной к Дон Жуану,
уходит. Дон Жуан бросается вслед за командором и хочет
проткнуть его шпагой. Из кустов появляется «Черное домино»,
хватает Дон Жуана за руку.

Черное домино

(не меняя голоса, так что можно узнать голос Долорес)
Неблагородно сзади нападать.

Анна оглядывается. Дон Жуан и Долорес убегают.

Командор

Не оборачивайтесь!

Анна

Их уж нет.

Командор
(выпускает руку Анны и меняет спокойный тон на грозный)

Как он сюда пробрался, донна Анна?

Анна

Я вам сказала: он жених Долорес.

Командор

Зачем же было падать на колени?

Анна

Кому?

Командор

Ему, конечно, перед вами.

Анна

Ведь не наоборот? О чем же речь?

Командор

И вы могли позволить...

Анна

Боже правый!

Ну кто на это просит разрешения?

Быть может, ваш кастильский этикет приказывает спрашивать у дамы:

«Позвольте опуститься на колени».

У нас за это просто осмели б.

Командор

Как любите вы все окончить смехом!

Анна

Но смилуйтесь! Когда б я всякий раз, отказывая, проливала слезы,

то я б давно проплакала глаза!

Ужели вам бы этого хотелось?

Вам странно то, что я за ним вслед не простираю рук, не плачу горько,

не каюсь перед вами на коленях
в любви преступной, налетевшей бурей
на сердце беззащитное мое.
Была бы я Изольдой из романа,
да что-то нет сегодня настроенья,
охотней бы я в танце закружилась!
О, там уже играют! Ла-ла-ла...
Пойдемте, дон Гонзаго, я помчусь,
как белая волна, в певучем танце,
а вы спокойно стойте, точно камень,
который знает: танец своевольный
волна окончит у его подножья.

III

Пещера на берегу моря вблизи Кадикса. Дон Жуан сидит на камне и точит свою шпагу. Рядом стоит Сганарель.

Сганарель

И что вы точите все эту шпагу?

Дон Жуан

Привычка.

Сганарель

Вы теперь на поединки
уже ведь не выходите.

Дон Жуан

Да не с кем.

Сганарель

Людей не стало, что ли?

Дон Жуан

Есть, да только
не стоят этой шпаги.

Сганарель

Может, шпага
кого не стоит?

Дон Жуан
(грозно)

Помолчи!

Сганарель

Простите
бессмысленную шутку. Сам не знаю,
откуда эта дурь во мне берется,—
как будто кто толкает!

Дон Жуан

Не мешай!

Сганарель, усмехнувшись, отходит в сторону. Дон Жуан
продолжает точить шпагу.

Ах, лезвие иззубрилось! Проклятье!
(Отбрасывает шпагу.)

Сганарель
(бегом возвращается, шопотом)

Сеньор, бежим скорее!

Дон Жуан

Что случилось?

Сганарель

Открыли нас. Поблизости, я видел,
монах какой-то бродит.

Дон Жуан

Что ж такого?

Сганарель

То агент инквизиции, наверно,
или палач с отравленным стилетом.

Дон Жуан

Агентов не боюсь, я к ним привык,
а шпага у меня длинней стилета.
Веди его на краткую беседу,

Скажи ему, что исповеди просит
великий грешник Дон Жуан.

Сганарель

Отлично.

Вы не дитя, а я при вас не нянька.

Выходит и сразу же возвращается, ведя за собой монаха
невысокого роста, стройного, в одежде «невидимок», с черным
капюшоном, закрывающим все лицо, с прорезанными отвер-
стиями для глаз.

Дон Жуан

(встает навстречу со шпагой в руке)

Отец мой, или, может, лучше — брат мой,
скажи мне, чем обязан я такому
светлому посещению?

Монах делает рукой знак в сторону Сганареля.

Дон Жуан

(Сганарелю)

Ступай!

(Видя, что тот медлит, говорит ему шопотом.)

А у монашка женская рука.

Сганарель, махнув рукой, выходит. Дон Жуан кладет шпагу
на камень. Монах откидывает капюшон, открывается лицо До-
лорес.

Дон Жуан

Долорес?! Вы? Опять в пещере этой...

Долорес

Я снова здесь, чтоб снова вас спасти.

Дон Жуан

Меня спасти? Но кто же вам сказал
о том, что я в спасении нуждаюсь?

Долорес

Сама я знала это.

Дон Жуан

Я не болен.

Как видите — силен, свободен, весел.

Долорес

Вам хочется, чтобы казалось так.

Дон Жуан

*(на миг задумывается, но тотчас резким движением
вскидывает голову)*

Я вижу, сеньорита, вас одежда
в монашеские ввергла настроя.
Но вам в грехах моих я не покаюсь.
Мои грехи не для ушей девичьих.

Долорес молча вынимает два пергаментных свитка и протягивает их Дон Жуану.

Простите, сеньорита. Не хотел я
обидеть вас. Мне было б это горько.
А это что такое?

Долорес

Прочитайте.

Дон Жуан

(быстро разворачивая пергаменты)

Декрет от короля... и булла * папы.
Прощаются мне все мои поступки
и все грехи... Но почему? Откуда
бумаги эти взяли вы, Долорес?

Долорес

(потупив глаза)

Вы не догадываетесь?

Дон Жуан

Долорес!

Я понимаю. Снова перед вами
в долгу каком-то я. Но вам известно,
что я привык платить свои долги.

Долорес

И к вам сюда явилась не за платой.

Дон Жуан

Я верю вам, но я-то не банкрот.
Я вам в залог вручил когда-то перстень,
теперь готов я выплатить весь долг.
Уж не изгнанник я, а гранд испанский,
и не должно быть стыдно вам, Долорес,
стать под венец со мной.

Долорес
(стонет)

О боже правый!

Я думала, что может так случиться.
Зачем должна я схоронить навеки
последнюю мечту...

(Голос ее перерывается спазмой долго сдерживаемых рыданий.)

Дон Жуан

Я оскорбил вас?

Но чем, Долорес?

Долорес

Вы не догадались?

Вы думаете, если гранд испанский
несчастной дочке славного гидальго
пшвырнет небрежно обручальный перстень,
как будто нищей кошелек с деньгами,
то девушка должна запеть от счастья,
не захлебнуться горечью?

Дон Жуан

Долорес,

и вы меня обязаны понять.

Ни пред одною женщиной на свете
Не виноват я от рождения.

Долорес

Правда?

Пред женщинами вы не виноваты
совсем ни в чем?

Дон Жуан

Ни в чем не виноват.
Я каждый раз давал им очень много:
порыв, мечту и счастья краткий миг.
С них этого хватало. А иным
и этого казалось слишком много.

Долорес

А вы-то сами большего хотели?

Пауза.

На этот раз платить вам не придется.
Назад возьмите золотой залог.
(Хочет снять перстень с правой руки.)

Дон Жуан

(задерживая ее руку)

Но это ваше по святому праву.

Долорес

Нет. Я сама отныне — не своя.
И видимое тело не мое.
Душа, что в этом теле, — только дым
зажженной мною жертвенной лампы,
которая горит за вашу душу
пред богом...

Дон Жуан

Ничего не понимаю!

Скажите мне... у вас глаза такие,
как будто у овечки, обреченной
на страшное заклятие... Долорес,
скажите мне... Декрет и эта булла...
Как вы добыли их? Я умоляю,
скажите мне!

Долорес

Зачем вам это знать?

Дон Жуан

Быть может, должен я от них отречься.

Долорес

Отречься вы не можете, я знаю.
А как они добыты? Не впервые
себя погубит женщина для вас.
Хотя бы это было в последний раз!

Дон Жуан

Скажите мне, не то я буду думать,
что их добыли способом позорным,—
затем, что честного скрывать не надо.

Долорес

«Позорный», «честный»... как теперь далеко
все это от меня... Ну что ж, скажу...
Я за бумаги заплатила телом.

Дон Жуан

Что?

Долорес

Я вам не могу сказать яснее.
Вы знаете обычаи двора,
ведут за все платить, когда не златом,
так...

Дон Жуан

Боже мой! Как страшно мне, Долорес!

Долорес

Вам страшно, Дон Жуан? Не ожидала.

Дон Жуан

А вам не страшно?

Долорес

Мне ничто не страшно.
Зачем мне беспокоиться о теле,
когда не побоялась я и душу
своею отдать, чтоб заплатить за буллу.

Дон Жуан

Но кто ж душою платит?

Долорес

Все, кто любит
душою чистой. Я горда, Жуан,
тем, что душею выкупаю душу.
Не каждой женщине такое счастье!
Святой отец освобождает вас
от адских кар, за то что я решилась
окончить жизнь в суровом покаянье
за ваши все грехи. В монастыре
с уставом жесточайшим буду я
простой монахиней. Обет молчання,
поста и бичеванья дам я богу.
Должна я отказаться от всего...
От самых дорогих воспоминаний
и от мечты... Вы слышите, Жуан?
Я о душе лишь вашей помнить буду,
Забуду о своей. Моя душа
пойдет за вас на вечное страданье.
Прощайте.

Дон Жуан стоит молча, потрясенный, подавленный. Долорес
делает шаг к выходу, но сразу останавливается.

Нет! Еще последний раз!
Я загляну в глаза его. Отныне
уж больше мне они светить не будут
в могильной тьме того, что будет зваться
моею жизнью... Этот ваш портрет
возьмите у меня, Жуан, навеки.
(Срывает с себя медальон и кладет его на камень.)
Должна я помнить только вашу душу
и больше ничего...

Дон Жуан

А если б я
сейчас сказал вам, что одно мгновенье
земного счастья с вами для меня
дороже рая вечного без вас?

Долорес

(в экстазе, как мученица во время пытки)

Я не прошу меня не искушать!
Полубман!.. Когда б он мог до края

наполнить недоверчивое сердце!
Святая дева, дай мне принести
и эту жертву за него!.. Жуан,
о, говорите мне слова любви,
твердите мне слова любви... Не бойтесь,
я не поверю в них!.. О, Дон Жуан,
возьмите перстень ваш.

*(Снимает и притягивает Дон Жуану перстень, но рука
бессильно опускается, и перстень падает наземь.)*

Дон Жуан

*(поднимает перстень и надевает снова на руку Доло-
рес)*

Нет, никогда
я не возьму. Носите вы его
или Мадонне дайте... Как хотите.
На этот перстень можно в покаяньи
глядеть монахине. Он не пробудит
в ее душе воспоминаний грешных.

Долорес
(тихо)

Да, это так.

Дон Жуан

А вашего вовеки
я не отдам.

Долорес
Зачем он вам, Жуан?

Дон Жуан

Есть у души желанья и привычки,
как и у тела. Я б хотел, Долорес,
чтоб вы меня могли понять сейчас.

Долорес
Пора уж мне идти... Я вас прощаю
за все, что вы...

Дон Жуан

За что? Не омрачайте
воспоминания об этом миге.
За что меня прощать? Теперь я вижу,
что я ни в чем не виноват пред вами.
С моею помощью достигли вы
высокой и пречистой благодати.
Ужель меня прощать за это надо?
О нет, наверно, вы ошиблись в слове?
Могло ли ваше ласковое сердце
родить такое слово? Не нужны вам
слова такие. Вы отныне выше
и чести и позора. Так, Долорес?

Долорес

Мне кажется, что больше слов не нужно.
(Хочет идти.)

Дон Жуан

Еще одно мгновенье... Вы в Мадриде
проведали сеньору де Мендоза?

Долорес

(останавливается)

Вы... спрашиваете меня о ней?

Дон Жуан

По-моему, вам рано в монастырь.

Долорес

(превозмогая себя)

Я видела ее.

Дон Жуан

Как ей живется?

Долорес

Я, кажется, счастливее ее.

Дон Жуан

Меня она уже забыла?

Долорес

Нет.

Дон Жуан

Почем вы знаете?

Долорес

Я сердцем чую.

Дон Жуан

Ну, это все, что мне хотелось знать.

Долорес

Я уйду.

Дон Жуан

Вы даже не спросили,
зачем мне это нужно?

Долорес

Не спросила.

Дон Жуан

И вам не трудно?

Долорес

Легкого пути
я не искала никогда. Прощайте.

Дон Жуан

Прощайте. Я всегда вам буду верен.

Долорес поспешно опускает капюшон и, не оглядываясь, выходит из пещеры. Входит Сганарель и с укором глядит на Дон Жуана.

Дон Жуан

(обращаясь словно к самому себе)

Чудеснейшую выковал я душу!

Сганарель

Свою, небось?

Дон Жуан
Вопрос ты задал едкий,
без умысла.

Сганарель
Вы думаете так?

Дон Жуан
А ты как думаешь, болтун несчастный?

Сганарель
Я видел вас, сеньор, и наковальней,
и молотом, но кузнецом — ни разу.

Дон Жуан
Еще увидишь.

Сганарель
Нет! Уже пропало.

Дон Жуан
Что мелешь ты, несчастный? Что пропало?

Сганарель
Судьба сеньора в монастырь ушла.

Дон Жуан
Так ты подслушивал?!

Сганарель
А вы не знали?
Кто держит слуг, тот должен бы привыкнуть.

Дон Жуан
Но чтобы так бесстыдно признаваться...

Сганарель
Ведь ваша искренность, сеньор, известна.

Дон Жуан
Ну, замолчи!.. то тень моя ушла,

а не судьба. Судьба моя в Мадриде.
Седлай коней! Мы полетим за нею!

Сганарель уходит. Дон Жуан берет в руки шпагу и, усме-
хаясь, проводит ладонью по лезвию, пробуя, насколько оно
отточено.

IV

Дом командора в Мадриде. Спальня донны Анны — большая,
пышно, но в темных тонах убранная комната. Высокие узкие
окна с балконами доходят почти до полу. Жалюзи на них спу-
щены. Д о н н а А н н а в сером с черным, полутраурном, платье
сидит у столика, перед открытой шкатулкой, перебирая драго-
ценности. Изредка примеряет их перед зеркалом.

К о м а н д о р
(входя)

Куда вы собираетесь?

А н н а

На завтра
к наряду выбираю ожерелье.
Хочу пойти взглянуть на бой быков.

К о м а н д о р

Как, в полутрауре?

А н н а
(с досадой отодвигая шкатулку)

Ах, этот траур!
Когда ему конец!

К о м а н д о р
(спокойно)

Еще дней восемь.
По дяде траур тянется недолго.

А н н а

Но любопытнее всего, что я-то
его ни разу даже не видала.

Командор

О, это ничего! Ведь вы теперь
принадлежите к дому де Мендоза,
и всех усопших родственников память
должны вы чтить.

Анна

Пошли им долгой жизни,
великий бог! Теперь по дяде траур,
а раньше был по тете, перед ней же—
не ошибиться бы!—мы чтим память
какого-то троюродного, что ли,
не то четвероюродного брата.

Командор

Но на кого вы сердитесь?

Анна

Я только
припомнить захотела, сколько дней
я не носила траура по ком-то,
с тех пор, как вышла замуж.

Командор

Целый месяц!

Анна

Ах, целый месяц? Это много, правда?

Командор

Не понимаю я досады вашей.
Ужели вы для праздного веселья
готовы пренебречь так беззаботно
старинными обычаями?

Анна

Что вы?

Когда обычаи я нарушала?
Что сделала позорного такого?

Командор

Ах, о позорном речі быть не может.
Но каждый самый маленький проступок
уже ступенька в пропасть. Не забудьте,
что мне достался командорский плащ
не просьбами, не силой, не деньгами,
а честностью одной. В роду Мендоза
все доблестные рыцари без страха,
все дамы без упрёка. Допустимо ль,
чтоб были вы осуждены толпою,
когда вы завтра...

Анна

Не пойду. Довольно!
Запрусь вот здесь и за порог не выйду.

Командор

Но почему же нужно запира́ться?
Мы с вами завтра вместе выйдем в церковь.

Анна

Но я совсем не собиралась в церковь!

Командор

Однако мы обязаны пойти.
Там проповедь читает фра Иньиго.

Анна

Но он скучнейший в мире проповедник.

Командор

Согласен с вами я, но королеве
он нравится, и потому-то ходит
весь двор туда, и, если из грандесс
лишь вас одной не будет, все заметят.

Анна тихо вздыхает. Командор вынимает из кармана молит-
венные четки из дымчатого хрусталя.

Я к полутрауру купил вам четки,
а позже закажу из аметистов.

Анна

Спасибо, но зачем...

Командор

Затем, что надо
вам пышностью всех дам превосходить.
Еще прошу вас, как придем мы в церковь,
не позволяйте донне Консепсьон
сесть рядом с королевой. Это место
принадлежит лишь вам. Прошу вас помнить,
что наше место первое повсюду
и нас никто не может заменить, —
да будет в том порукой честь Мендоза
и ордена священный чистый стяг.
Когда не только донна Консепсьон,
но королева это позабудет,
то я немедленно покину двор,
все рыцари мои пойдут за мною;
и пусть его величество король
тогда корону держит хоть руками,
чтоб не слетела. Верьте, я сумею
хранить отважно рыцарское право,
но нужно, чтобы рыцари мои
во всем и всюду были безупречны.
И потому должны мы соблюдать
не только славные законы чести,
но всякое веленье этикета,
хоть вам оно и кажется порой
назойливым, бессмысленным и лишним.

Анна

Святая терпеливость!

Командор

Это верно,
поможет лишь терпение святое
тому, кто хочет устоять на гребне
высоких прав и трудных обязательств.
Права без обязательств — произвол.

Анна снова вздыхает.

Вздыхаете? Что ж, было вам известно,
какие вас обязанности ждут.

Сознательно судьбу мы избирали,
раскаянье пришло к вам слишком поздно.

А н н а

Раскаиваться я не собираюсь.
Я отдаю вам должное; вы правы.
Мои причуды вовсе не серьезные,
они прошли уж. Позабудьте их

К о м а н д о р

Вот это речь, достойная грандессы!
Теперь я узнаю свою супругу.
Какой-то миг я был в вас не уверен,
и так тогда мне стало одиноко,
и показалась трудною борьба,
борьба за то, что нас должно поставить
ступенью выше.

А н н а

(оживляясь)

Но ступенью выше
лишь трон один!

К о м а н д о р

Да, только трон.

Пауза.

Давно бы
я вам поведал план свой, если б видел,
что вы живете тем же, чем и я.

А н н а

Вы этого не видели?

К о м а н д о р

Я каюсь.

Отныне же хочу я верить в это.
Все вместе с вами делать — каждый шаг.
Так знайте: высочайшая вершина
увенчана достойно лишь тогда,
когда совет на ней гнездо орлица.

А н н а

Орлида?

К о м а н д о р

Да. Одна орлида может
на самом остром, самом гладком пике
надежное гнездо себе построить
и жить в гнезде том, не боясь ни жажды,
ни солнечных лучей, ни грозных молний.
За это ей наградой — высота.

А н н а

...в кристально чистом воздухе нагорном,
где нет влекущих запахов долин!
Не так ли?

К о м а н д о р
(склоняя голову)

Так.

(Крепко пожимает руку Анны.)

Спокойной ночи, Анна,
я на совет капитула * собираюсь,
быть может, задержусь. Спокойной ночи.

Выходит. Анна сидит задумавшись. Входит горничная Ма-
риквита.

А н н а

Ты, Мариквита? Где моя дурнья?

М а р и к в и т а

Она себя почувствовала худо
и прилегла. Когда велит сеньора,
я тотчас позову ее.

А н н а

Не надо,
пусть отдыхает. Заплети мне косы
и уходи.

Мариквита
(заплетает Анне косы)

Сеньора, я хотела
вам кое-что сказать. Я дожидалась,
пока сеньор отправится...

Анна

Напрасно.
От мужа у меня секретов нет.

Мариквита

Я знаю это. Вы, моя сеньора,
совсем святая. Так я и сказала,
тому слуге, когда брала цветы.

Анна

Какой слуга? Что за цветы?

Мариквита

Недавно
один слуга принес цветы граната
сеньоре от кого-то.

Анна
(гисвно)

Быть не может!
Цветы граната, говоришь ты? Мне?

Мариквита

Не знаю... Он сказал... Опо, пожалуй,
немножко дерзко. Ведь цветы граната—
знак страсти. Но зачем я посплю!
Ведь это всем известно.

Анна

Мариквита,
я знать должна, откуда оскорбленье!

Мариквита

Он не назвал себя. Он лишь сказал,
цветы мне отдавая: «Допне Анне
от мавра верного».

Анна вскрикивает.
Сеньора знает,
откуда?

Анна
(растерянно)
Не нужны мне те цветы...

Мариквита
Я принесу, хоть взглянете.

Анна
Не надо!
Мариквита, не слушая, выбегает и тотчас же возвращается с
гроздью гранатовых цветов.

Анна
(отпалкивая цветы рукой и отворачиваясь)
Прочь выбрось их!

Мариквита
Я б их себе взяла,
когда они сеньоре не угодны...
Я так люблю цветы...

Анна
Возьми, конечно...

Мариквита
Вот завтра и цветами уберусь.

Анна
Ступай, ступай.

Мариквита
Не отворить ли окна?
Здесь душно.

Анна
(задумчиво, безразлично)

Отвори.

Мариквита

И жалюзи?

Анна

Нет, будет видно с улицы.

Мариквита
(отворяя жалюзи)

Ну, где там!

Теперь на улицах совсем безлюдно.
Тут не Севилья! Ах, теперь в Севилье
все улицы звенят, гремят от песен
и воздух вьется в быстрой мадриленье! *
А тут... тут воздух каменный...

Анна
(перво)

Довольно!

Мариквита, болтая, высовывается из окна и оглядывается по
сторонам; неожиданно делает рукой какое-то резкое движе-
ние, словно выбрасывая что-то.

Анна
(заметив это)

Ты что там, Мариквита?

Мариквита
(невинно)

Ничего.

Анна

Ты бросила цветок кому-то?

Мариквита

Что вы?

Я отгоняла муху... Что, сеньоре
я не нужна уж больше?

Анна

Нет, ступай.

Мариквита
(кланяется, приседая)

Хороших снов сеньоре!

Анна

Доброй ночи!

Мариквита вышла, оставив в комнате грантовый букет. Анна, оглянувшись на дверь, замечает это и, взяв букет дрожащею рукою, с грустью глядит на него.

Анна
(тихо)

От мавра верного...

Дон Жуан бесшумно появляется в окне, ловко спрыгивает в комнату, падает на колени перед Анной и покрывает поцелуями ее платье и руки.

Анна
(роняя букет, вскрикивает)

Вы?!

Дон Жуан

Я — ваш рыцарь!

Ваш верный мавр!

Анна
(ополнившись)

Сеньор, кто вам позволил?..

Дон Жуан
(устало)

Зачем нам лицемерить, донна Анна?
Ведь я видал, как вы сейчас держали
цветы мои.

Анна
О, это я случайно!

Дон Жуан

Благословляю случаи такие!
(Простирает руки к Анне. Она пытается
оттолкнуть их.)

А н н а

Я умоляю вас меня оставить!

Д о н Ж у а н

Бойтес вы меня?

А н н а

Я не должна
вас принимать...

Д о н Ж у а н

Бессильные слова!
Когда-то я слышал от вас другое!
Ах, Анна, Анна, где же те мечты
прекрасные?

А н н а

Девические грезы...
Пустая сказка...

Д о н Ж у а н

Почему же, Анна?
Не в сказке ли живем мы? На кладбище,
сквозь смех и слезы родилась та сказка,
в веселом танце расцвела впервые,
а выросла, печальная, в разлуке...

А н н а

Пора уж ей окончиться.

Д о н Ж у а н

Но как?
Пусть смелый рыцарь вызовет принцессу
из каменной темницы, и возникнет
на смену сказке песня о свободе.

А н н а

(качает головой)

Нельзя ли, чтобы тем кончалась сказка,
что рыцарь тот воротится обратно,
поняв, что опоздал спасти принцессу?

Дон Жуан

О нет! Такого в сказке не бывает!
Так может получиться только в жизни,
и то в ничтожной лишь.

Анна

Мне ничего
от вас не нужно. Я вас не прошу
спасать меня, жадеть или веселить.
Я ни на что не жалеюсь.

Дон Жуан

О Анна,
а разве сам не вижу я?..
(Нежно.)

Глаза,
когда-то гордые и огневые,
теперь надели траур, погасили
лучистые огни... А эти руки
когда-то были нежными стеблями,
теперь они, как из слоновой кости,
как руки мучениц... А это тело?
Оно волною вольной изгибалось,
теперь оно, как та кариатида,
что вечис держит камепную тяжесть.
(Берет ее за руку.)

Любимая, стряхни же эту тяжесть!
Разбей холодный камень!

Анна

Не могу...
О, этот камень... он не только давит,
он душу каменит... всего страшнее...
страшна усталость каменная эта...

Дон Жуан

Нет, это только страшный сон под камнем!
Я разбужу тебя своей любовью!
(Жадно обнимает Анну, она склоняет голову к нему на
плечо и рыдает.)

Ты плачешь? Эти слезы просят мести!

Слышно, как издали звенит ключ в замке, потом по лестнице слышны тяжелые, уверенные шаги Командора.

А н н а

Шаги Гонзаго! Дон Жуан, бегите!

Д о н Ж у а н

Бежать? О нет! Теперь, когда могу я ему уже не уступать дорог...

К о м а н д о р

(входит и видит дон Жуана)

Вы здесь!

Д о н Ж у а н

Я здесь, почтенный командор!
Пришел благодарить вас за любезность,
оказанную мне когда-то. Ныне
я ровня вам. Известно ли вам это?

Командор молча обнажает свою шпагу. Дон Жуан — свою, и оба вступают в поединок. Долина Анна вскрикивает.

К о м а н д о р

(оглядываясь на нее)

Приказываю вам молчать!

В эту минуту Дон Жуан вонзает шпагу ему в шею. Командор падает мертвым.

Д о н Ж у а н

Конец!

(Вытирает свою шпагу краем плаща командора.)

А н н а

(бросается к Дон Жуану)

Что сделали вы?

Д о н Ж у а н

Что? Я победил
противника на честном поединке.

А н н а

Но это не признают поединком.
Вы повесите кару за убийство.

Д о н Ж у а н

Мне это, право, все равно.

А н н а

Но мне
не все равно, чтоб люди называли
меня двойной вдовою — и по мужу,
и по любовнику.

Д о н Ж у а н

Но мы ведь с вами
любовниками не были.

А н н а

И это
известно только нам. А кто поверит?
Я не хочу с позорною печатью
изменницы нечестной и коварной
в гнезде осиною этом оставаться.

Д о н Ж у а н

Бежим отсюда!

А н н а

Вы с ума сошли!
Пести с собой в дорогу тяжкий камень?
Уйдите от меня, иначе криком
я созову народ и всем скажу,
что вы меня хотели обесчестить,
предательски убивши командора,
сеньора де Мендоза.

Д о н Ж у а н

Довна Анна,
Ужель вы это скажете?

Анна
(твердо)

Скажу.

Дон Жуан

А если я тогда скажу народу,
что были вы любовницей моею
и соучастницей убийства мужа?

Анна

Так не по-рыцарски?

Дон Жуан

А вы, сеньора?
Вы по-иному поступать хотите?

Анна

Я только защищаюсь. Если вы
оставите мой дом сию минуту,
то я скажу, и все тому поверят,
что ночью к нам разбойники проникли.

Дон Жуан стоит в нерешительности.

Ну, что еще? Вам не о чем и думать!

Дон Жуан молча удаляется через окно. Анна несколько минут глядит в окно, ожидая, пока он отдалится от дома. Потом хватает драгоценности из шкатулки, выбрасывает их в окно и начинает отчаянно кричать.

Анна

Разбой! Грабеж! Сюда! Спасите! Люди!

На ее крик сбегаются люди. Она падает как бы без чувств.

V

Гладбище в Мадриде. Памятники преимущественно из темного камня, строгий стиль. В стороне гранитная часовня старинной архитектуры. Ни цветов, ни растений. Холодный, сухой зимний день. Донна Анна в глубоком трауре медленно проходит аллеей, неся в руках серебряный надгробный венок. За ней идет старая дуэнья. Обе подходят к могиле, на которой возвышается памятник командору — большая статуя

с командорским жезлом в правой руке, опирающаяся левой рукой на меч с развернутым над рукоятью меча свитком. Анна молча опускается на колени перед могилой, кладет венок к подножью статуи и, перебирая четки, шевелит губами.

Дуэнья

(дождавшись, пока Анна перебрала все четки)

Осмеливаюсь я просить сеньору
о разрешеньи на одну минутку
мне удалиться. Рядом, у ворот
живут мои родные, я хотела
у них себе перчатки попросить.
Свои я, как на грех, забыла дома,
а холод лютый.

Анна

Это непристойно,
чтоб я осталась здесь совсем одна.

Дуэнья

Прошу прощенья, добрая сеньора.
Ведь я стара, страдаю ревматизмом.
Сеньора видит, как опухли руки,
от боли не спала я эту ночь.

Анна

(взглянув на протянутые руки дуэньи)

Опухли, верно. Что ж, тогда ступайте,
но только возвращайтесь поскорее.

Дуэнья

(радостно кивая головой)

Моя сеньора — ангел милосердия!

Уходит. Как только она скрывается из виду, из-за ближайшего памятника появляется Дон Жуан. Анна вскакивает.

Дон Жуан

О, наконец я вижу вас!

Анна

Сеньор!

Так это вы дуэнью подкупили?

Дон Жуан

О нет, я только улучил минуту.
Но если б даже это было правдой,
то в этом виноваты только вы.

Анна

Я? Почему?

Дон Жуан

Но кто еще другой
виновен в том, что я брожу часами
по кладбищу и поджидаю вас?
И лишь затем, чтоб издали увидеть,
как вы, под присмотром дуэньи дряхлой,
читаете притворные молитвы
над гробом «незабвенного»...

Анна

(останавливает его движением руки)

Молчите!

Во-первых, вас никто не заставляет,
а во-вторых,— честны мои молитвы,
затем, что я, хотя и против воли,
была причиной смерти человека,
что так любил и чтил меня.

Дон Жуан

Сеньора,
безмерно велики успехи ваши.

Анна

В чем?

Дон Жуан

В лицемерии.

Анна

Я не желаю
выслушивать все это!
(Хочет уйти.)

Дон Жуан
(удерживая ее за руку)

Донна Анна!

Я не пушу вас!

Анна
Я начну кричать.

Дон Жуан
(выпускает ее руку)

Прошу вас, Анна, выслушать меня.

Анна

Согласна я, но вы, сеньор, оставьте, обидный тон. И говорите кратко. Я не хочу, чтоб кто-нибудь увидел нас тут вдвоем.

Дон Жуан

Не понимаю, Анна, зачем носить вам цепи добровольно? Я думал — наконец разбился камень, исчезла тяжесть, ожил человек! Но нет, непроницаемой и тверже покров из камня, замку в час осады подобен дом ваш. Двери на замках, на окнах жалюзи не пропускают ни взгляда, ни луча. И даже слуги — мрачны, суровы, неподкупны...

Анна

Значит,
уж вы пытались подкупать их?

Дон Жуан

Анна,
отчаянье свои права имеет, ведь, приходя к вам честно, слышишь только: «Сеньора никого не принимает».

А н н а

Ну, посудите сами: разве можно
вдове недавней в трауре глубоком
встречаться с рыцарем такого толка.
как вы, наедине?

Д о н Ж у а н

Ах, Анна, Анна!

Мне кажется, что я теряю разум!
Ужели это в самом деле вы?
Черты все те же, и осанка та же...
Но вот слова... Кто научил вас им?
Кто подменил вам душу?

А н н а

Дон Жуан,
моя душа такая же, как прежде.
Моя душа была с рожденья гордой,
такой же и осталась. Потому
живу я, как в твердыне неприступной,
чтоб никогда никто не смел сказать:
«Обрадовалась вдовушка — известно!»
Ужели сами вы стерпели б это?

Д о н Ж у а н

Но у меня есть шпага, донна Анна!

А н н а

Так что ж — вы обезлюдите Мадрид?
Не уничтожить вам своею шпагой
косые взгляды, шопоток, усмешки,
намеки, пожимания плечами,
которые меня встречали б всюду
и всюду провожали бы, Жуан.

Д о н Ж у а н

Бежим отсюда!

А н н а

Ха-ха-ха!

Дон Жуан
Смеетесь?!

Анна
Когда б не засмеялась, то зевнула б.
Вам было бы приятнее?

Дон Жуан
Сеньора!

Анна
Я в третий раз выслушиваю это.
Уж, право, надоело мне.

Дон Жуан
Я вижу,
вы сами камень, без души, без сердца.

Анна
Но не без разума — признайтесь сами.

Дон Жуан
Я это признаю.

Анна
Зачем, скажите,
нам убегать теперь? Какой в том смысл?
Когда невинных дев вы обольщали
и крали мужних жен, вам приходилось
скрываться с ними, убегать от света.
А кто изгнанник, тот всегда беглец.
Но самого себя послать в изгнание,
и для чего? Чтобы связать судьбу
с вдовою независимой? Нелепость!
И чем была б я вам, когда пошла бы
сейчас вослед за вами? Верно, только
короткою забавой.

Дон Жуан
Донна Анна,
я никого так не любил, как вас!
Всегда вы были для меня святыней.

А н н а

Зачем же вы все время порывались
свою святыню свергнуть с пьедестала?

Д о н Ж у а н

Но мне она была нужна живая,
не мертвая, не каменная!

А н н а

Камень

необходим для тех, кто хочет строить
свою судьбу и счастье.

Д о н Ж у а н

Неужели

доныне верить в каменное счастье
вы продолжаете? Но я-то видел,
как задыхались вы под этим камнем!
Но я-то слышал, как рыдали вы,
мне на плечо склонясь! За эти слезы
он жизнью заплатил.

(Указывает на статую.)

А н н а

Не провинившись.

Д о н Ж у а н

(отступает от нее, пораженный)

Ну, если так...

А н н а

Не он виновен был
в моей неволе. Он страшнее тяжесть
носил всю жизнь.

Д о н Ж у а н

По собственной охоте.

А н н а

И я пошла по собственной охоте
на этот брак. Но он меня любил

и потому без ропота сносил
свою судьбу. Большое это счастье
поставить пред собою на вершине
того, кого ты любишь...

Дон Жуан

Ах, вершины!

Вы знаете мои об этом мысли...

Анна

Что значат мысли перед светом счастья?
Ну, разве мне страшна была б неволя
за каменной стеною этикета,
когда б я знала, что в моей твердыне
меня любимый ждет? Что все замки
и жалюзи на окнах лишь скрывают
от праздных глаз святилище мое...

Дон Жуан

Опять, как раскаленное железо,
вонзаются мне в сердце ваши речи.
Вы мне рисуете картину счастья,
чтобы опять сказать: «Не для тебя».
Когда и чем я заслужу вас, Анна?
Я из-за вас в стыде каком-то тайном
скитаюсь неприкаянной душою
среди чужих людей, врагов лукавых,
живу я жизнью серой и бесцветной,
пустой, негодной и, сказал бы, даже
бессмысленной. Что вам нужно, Анна?
Иль, правда, должен под ноги вам бросить
свою, так буйно вскормленную волю?
С отчаянья, поверите ли, Анна,
мне даже это в мысли приходило
настоячиво.

Анна

С отчаянья, сеньор?

Дон Жуан

Ужели вы хотите между нами
поставить принуждение? Не боитесь.

что победит оно любовь живую,
дنيا свободы?

Анна

(указывая на статую командора)

Он сказал однажды:
«Любви глубокой не страшны обеты».

Дон Жуан

В минуту эту ничего другого
вы не нашли, одно воспоминание
о нем?!

Анна

Но что еще мне вам сказать?

Дон Жуан

(хватая ее за руку)

Нет, так не может дальше продолжаться!
Иначе, я клянусь вам, что тотчас же
я расскажу, что я убил...

(Указывает на статую.)

Анна

Угрозы?

Дон Жуан

Нет, не угрозы, а предсмертный стон.
Я изнемог под каменной ношей,
и стынет сердце! Не могу я, Анна,
с остывшим сердцем дальше жить. Спасите
или добейте!

*(Сжимает ее руки в свои и весь дрожит, глядя ей
в глаза.)*

Анна

Стойте... я должна

еще подумать...

Задумывается. От стены по аллее медленно идет донна
Кодсепсьер — важная грандесса — с девочкой и ду-
эньей. Анна их не видит, так как стоит спиной к дорожке.
Дон Жуан первый замечает идущих и выпускает руки Анны.

Девочка
(подбегает к Анне)

Добрый день, сеньора!

Донна Консепсьон
Сеньора молится. Оставь, Розина.

Анна
(растерянно)

О, донна Консепсьон, дитя! Я рада
увидеть вас... Такая неприятность...
Моя дуэнья к родичам зашла
и задержалась... А идти домой
по городу одной мне...

Донна Консепсьон

Донна Анна,
Ведь с вами рыцарь, он проводит вас.
(К Дон Жуану.)

Приветствую сеньора де Маранья,
не знала я о том, что вы в родстве.
Обязаны развлечь вы донну Анну,
а то недолго захворать с тоски.
(Девочке, убежавшей вперед.)

Розина, подожди.— Мое почтение!

Дон Жуан кланяется. Донна Консепсьон едва кивает ему в
ответ и проходит дальше за девочкой. Дуэнья, идущая позади
нее, несколько раз с любопытством оглядывается на Анну и
Дон Жуана.

Анна

Ступайте и убейте эту даму.
Но это не конец. Еще немало
работы вашей шпиге предстоит.
Что ж, радуйтесь! Уже вам не придется
карабкаться до замка на вершине.
Сама принцесса упадет с горы!

(В отчаянии хватается за голову.)

Я знаю, вы надеялись на это,
меня подстерегая из засады.
На то, что я, покрытая позором,

в отчаяньи теряя силу воли,
достанусь вам, как легкая добыча!
Не будет этого!

Дон Жуан

Клянусь вам, Анна,—
я этого не мог желать, поверьте!
Я презираю легкие победы.
Скажите мне, что я могу исправить?
Готов я сделать все, что вы велите,
чтобы не видеть вас в таком смятении.

Пауза, Анна думает.

Анна

Я завтра созову гостей на ужин.
Вы приходите тоже. Я приму вас.
Пристойнее нам видаться на людях.
И я, быть может... Ах, идет дуэнья!

Дуэнья

(приближаясь, извиняющимся тоном)

Моя сеньора...

Анна

(перебивая ее)

Вы не виноваты
в том, что стары для службы.

Дуэнья

(жалобно)

О!..

Анна

Пойдем.

(Молча кивает головой Дон Жуану. Тот низко кланяется в ответ. Анна с дуэньей уходят.)

Станарель

(выходя из часовни)

Могу ли я поздравить господина?
Вы, кажется, приглашены на ужин?
Не рады вы, как будто... Это правда,

в том доме ужин... Угостят, наверно,
еще с тарелок этого сеньора...

(Указывает на статую командора.)

Дон Жуан

Так что ж такого?

Сганарель

Ничего, такого.

Но если б находился командор
напротив вас на завтрашней пирушке...

Дон Жуан

Ты думаешь, я дрогнул бы? Нисколько!
Ведь я уже встречался с ним не раз.

Сганарель

До смерти. Но мертвец страшней живого
душе христианина.

Дон Жуан

Не моей!

Сганарель

Однако вы б его не пригласили
туда на завтра...

Дон Жуан

Разве приглашают
хозяина?

Сганарель

Ну, хоть оповещают.

Дон Жуан

Ну, что ж, ступай, оповести его.
Ты, видно, стал держаться этикета,
с тех пор как служишь у меня, у графа,
а не изгнанника.

Сганарель

А как сказать?

От имени сеньора?

Дон Жуан

Ну, конечно.

Сганарель

Зачем же мне? Пожалуй, проще вам.

Дон Жуан

То беспокоился об этикете,
а то внезапно ищешь простоты!
Эх, Сганарель, ты заяц по натуре!
Нет, не пошел тебе Мадрид на пользу.

Сганарель

А вам Мадрид ничем не повредил?

Дон Жуан

Ну, ну, ступай, оповести его!

Сганарель

(делает шаг вперед, но останавливается и оглядывается на Дон Жуана)

А если я вам принесу ответ?

Дон Жуан

Того и жду я. Как бы не иначе!

Сганарель

(подходит к статуе, низко кланяется и произносит насмешливо, но с дрожью в голосе)

О господин недвижно величавый!
Я вам принес привет от Дон Жуана,
сеньора де Маранья из Севильи,
маркиза де Тенорио и гранда.
Мой господин достиг высокой чести,
он приглашен в ваш дом сеньорой Анной,
супругой вашей доброю, на ужин.
Но если это каменному гранду

хоть в малой мере будет неудобно,
мой господин на ужин не придет.

Дон Жуан

Ну, это ты напрасно.

Сганарель

Нет, сеньор.

Иначе, ни к чему все это.

(Вскрикивает.)

Сударь!

Он отвечает! Даже на бумаге!

Дон Жуан

Какой ответ? Что ты несешь, несчастный?

Что ты бормочешь?

Сганарель

(читает)

«Приходи, я жду».

Дон Жуан подходит. Сганарель указывает на свиток пергамента в левой руке статуи.

Дон Жуан

(после паузы)

Ну что ж, я тоже помню свой девиз.

Уходит с кладбища.

VI

Парадная зала для приемов в доме командора. Не очень большая, но красиво убранная резными шкафами, буфетами с дорогой посудой, оружием и пр. Посредине длинный стол, накрытый для званого ужина, вокруг стола массивные дубовые стулья. Стол упирается в стену, на которой висит большой портрет командора с черным крепом на раме. На противоположной стене над другим концом стола висит длинное узкое зеркало доходящее до пола. Стул, стоящий на почетном месте, находится напротив портрета, спинкой к зеркалу. Слуги становятся за стульями, готовые прислужить у стола. Один из слуг распаивает дверь в соседнюю комнату. Донна Анна

вводит группу гостей. Гости преимущественно пожилые, важные, надменные. Почти все в темном. Сама Анна в белом платье, отделанном широкой черной каймой.

Анна

Прошу садиться, дорогие гости.
(К сажому старшему из гостей, указывая на центральное место.)

Сеньор, вот ваше место.

Старший гость

Нет, сеньора, простите, я не сяду. Пусть сегодня оно пустует. Будет нам казаться, что наш хозяин где-то задержался и очень скоро должен появиться. Мы без него впервые собрались. И тяжело привыкнуть к скорбной мысли, что взгляд его закрыт рукою смерти.

Анна

(садится в конце стола под портретом командора, пропустив центрального места, оставшегося свободным. Подает знак слугам, чтобы начинали обносить гостей, уже занявших свои места)

Мои друзья и гости, угощайтесь, бокалы поднимайте, пейте, ешьте. Простите, если плохо занимает беседа вдовья. Нелегко вдове поддерживать в хозяйстве тот порядок, какой приличен рыцарскому дому достойному.

Донна Консепсьон

(шопотом своей соседке, более молодой даме)

Как будто бы достойно без уваженья, нарушая траур, устраивать парадные приемы.

Донна Клара

(соседке донны Консепсьон)

Но донна Анна до сих пор во всем вела себя достойно.

Донна Консепсьон

Донна Клара!

Я знаю то, что знаю.

Донна Клара

(бросив на Анну косой взгляд)

Неужели?..

Слуга

(с порога)

Маркиз Тенорио.

Анна

Проси сюда!

Дон Жуан входит и останавливается у дверей.

Анна

(отвечая ему поклоном на поклон, обращается к гостям)

Позвольте вам представить, господа,
сеньора де Маранья из Севильи,
Маркиза де Тенорио.

(Дону Жуану)

Сеньор,

прошу садиться.

Дон Жуан ищет глазами место за столом и садится на центральное место. Увидев против себя портрет командора, вздрагивает.

Анна

(к слуге)

Дай вина сеньору.

Слуга подносит Дон Жуану самый большой и лучший кубок.

Первый гость

(сосед Дон Жуана)

Я узнаю ваш кубок. Надо вспомнить
того, кто из него недавно пил.

(Протягивает свой кубок к Дон Жуану.)

Да будет вечно дух его отважный

..вигать над этим благородным домом.
Да будет вечной память...

Дон Жуан
(чокаясь с гостем)

...и покой.

Старая грандесса
(сидицая справа от Анны, шопотом, склоняясь к хозяйке)

Я плохо знаю этих де Маранья.
Не Дон Жуан ли это?

Анна
Он зовется
Антонио-Жуан-Луис-Уртадо.

Старая грандесса
Ага, тогда не тот!

Донна Консепсьон
(услышав этот разговор, иронически улыбаясь, шепчет соседке)
Как раз тот самый.

Старый гранд
(своему соседу, молодому гранду)
Не знаете, чем этот де Маранья
достоинее, чем мы, что так нескромно
на это место сел?

Молодой гранд
(мрачно)

Не знаю, право.

Старый гранд
Наверно тем, что честь его новее,
а наша уж состарилась.

Молодой гранд
Должно быть.

Донна Консепсьон
(к Дон Жуану, громко)

Скажите мне, пожалуйста, сеньор,—
вчера я расспросить вас не успела,—
мне не хотелось перебить беседу,
которую вели вы с донной Анной
над свежей могилой командора,—
но все-таки мне интересно знать:
в каком же вы родстве между собою?

Дон Жуан

Мы с донной Анной не в родстве.

Донна Консепсьон

Ах, так!

Тогда у вас отзывчивое сердце!
И вы верны священному писанию:
«Скорбящего утешь...»

Анна

(слегка повышенным голосом)

Мои родные!

Позвольте мне сейчас вам пояснить,
зачем я так внезапно, необычно
на ужин вас созвала...

(К Дон Жуану)

Ах, простите,
вы, кажется, сказать хотели что-то?

Дон Жуан

Прошу вас, продолжайте, донна Анна.

Анна

(к рыцарям)

К почтенным родственникам обращаюсь!
Скажите мне, сеньоры, откровенно,
слыхали ль вы, чтоб я когда-нибудь
и где-нибудь каким-нибудь проступком
поколебала или запятнала
честь рода вашего?

Рыцари

О, никогда!

Анна

Но вы-то, дамы, знаете отлично,
как женщине, живущей в высшем свете,
защита и совет необходимы.

А где искать защиты и совета
вдове несчастной, если бог всевышний
ее не взял в святейшую обитель?

Мой траур — слишком тонкая преграда
для тех сердец надменных и недобрых,
желающих колючим осуждением
невинную пронзить несправедливо.

Скажите, братья, укажите, сестры,
где мне искать защиты?

Донна Консепсьон

Было б лучше,
чтоб не от чего было защищаться.

Дон Жуан

Еще верней насмешек не бояться,
не отдавать себя им на съеденье.

Старейший гость

(пытливо глядя на Дон Жуана)

О, донна Анна ведь вполне свободна
и может делать все, что не пятнает
достоинства семейства де Мендоза.

А если кто-нибудь ей помешает
держать высоко знамя нашей чести,
кто б ни был он — пускай запомнит твердо:
в роду Мендоза рыцарей довольно,
и пинаги их всегда к услугам дамы.

Дон Жуан

Так много шпаг не надобно сеньоре,
пока еще остра моя одна!

(До половины вытаскивает свою шпагу из ножен)

Старейший гость
(к Анне)

Достаточно ль вам только этой шнаги,
чтоб защититься?

Дон Жуан

Если мало шнаги,
то я найду защиту и другую.

Старейший гость
(снова к Анне)

Он вправе так держаться, Анна?

Анна

Да.

Старейший гость

Мы лишние, сеньоры, в этом доме.

(Встает. За ним другие гости.)

Маркиз еще, как видите, не выбрал
удобнейшего средства для защиты.
Наедине он, может быть, решится
быстрее, чем публично, и решение
он сообщит нам не позднее, чем завтра,
иначе сами мы его отыщем.

*(Кланяется Анне и выходит. Следом за ним удаляются
все гости. Донна Анна и Дон Жуан остаются наедине.)*

Дон Жуан

Вот и сомкнулись каменные стены!

(Горько, желчно усмехаясь.)

Нежданно сказка кончилась! И рыцарь
с принцессою в темнице оказался!

Анна

Чем неприятен вам такой конец?

Зачем вам этот замок называть
темницею, а не гнездом орлиным?

Его сама свила я на утесе,
преодолев и труд и страх и муку,
привыкла к поднебесной высоте.
Так почему бы вам со мною вместе

на этой высоте не поселиться.
Ужель боится ваш крылатый дух
скалистых круч и пропастей бездонных?

Дон Жуан

О нет, боюсь я лишь того, что может
стугить свободу.

Анна

Нет у вас свободы.
Ее давно лишила вас Долорес.

Дон Жуан

Она меня свободы не лишала.
Долорес за меня распяла душу
и умертвила сердце.

Анна

Для чего?

Чтоб возвратить вам цепи светской жизни,
когда-то ненавистные для вас!

Дон Жуан

О, верно, я б не выдержал их долго,
когда б не вы. Я б разорвал их снова.
Другого, видно, нет пути к свободе.

Анна

Кто их на миг наденет добровольно,
тому они навек вопьются в душу —
я это знаю хорошо, поверьте! —
Уже с души стряхнуть их невозможно,
но можно силой и упорством духа
их сделать неразрывной цепью власти,
которая скует весь мир и кинет
вам под ноги как жалкую рабыню!
Без власти нет свободы!

Дон Жуан

Может быть.

Я власть имел над душами людскими.

А н н а

Так вам казалось только. Эти души
под вашей властью лишь испепелялись
и превращались в прах. И лишь одна
осталась неразрушенной — моя,
затем что я равна вам.

Д о н Ж у а н

Потому-то
и так стремлюсь вас победить!

А н н а

Напрасно.

Не лучше ли, соединяя силы,
нам овладеть крутой горою этой?
С таким трудом я на нее всходила,
а вам довольно только этот перстень
с мизинца снять и мне надеть на палец.

Д о н Ж у а н

Я должен вам отдать кольцо Долорес?!

А н н а

А почему бы нет? Ведь я ее
не убивала, между тем как вы
убили в этом доме человека,
который должен бы лежать меж нами
порогом холодным, страшным и высоким.
Но я готова преступить и этот
крутой порог. Отваги мне достанет.

Д о н Ж у а н

Меня во многом обвиняли люди,
но признавали и враги и други
мою отвагу.

А н н а

Вам отваги хватит,
чтоб выбраться из этого жилища.
Вас не пугают шпаги де Мендоза,
я это знаю.

Дон Жуан
Что же будет с вами?

Анна
Ах, обо мне, сеньор, не беспокойтесь.
Любое горе легче мне, чем помощь
неискренняя ваша.

Дон Жуан
Вот мой перстень!
(Срывает перстень с мизинца и протягивает его Анне.)

Анна
(меняясь с ним перстнями)
А вот и мой. И скоро я вручу вам
еще один, чтобы печати ставить
на командорских актах.

Дон Жуан
Анна!

Анна
Да.
Я вам добуду титул командора.
Избранник мой, должны вы стать высоко
в глазах двора и света. "Всемирно известно,
что рыцарем бесстрашным были вы
и в горестные времена изгнания,
а уж теперь вы станете примером
всех рыцарских достоинств. Вам легко!

Дон Жуан
По-вашему, легко мне очутиться
в бездонном океане лицемерья,
каким давно привык я называть
суровый кодекс рыцарских достоинств?

Анна
Жуан, Жуан, к чему слова пустые?
Что значит «лицемерие»? Признайтесь,
и вы порой неискренни бывали,
и вам порой случалось лицемерить,
чтоб обольстить девическую душу.

Откуда же теперь такая строгость?
Иль цель для вас чрезмерно высока?

Дон Жуан
(в раздумьи)

Так мне дается титул командора
от мертвого хозяина в наследство?..
Как это странно... рыцарю свободы
дается в руки каменный таран
для добыванья городов и замков...

Анна

Но, кажется, в изгнании вы были
морским пиратом?

Дон Жуан
Я был принужден...

Анна

Принуждены? Так где же тут свобода?
Лишь принуждение убивать и грабить,
чтоб не убили люди или голод.
Свободы я не вижу тут.

Дон Жуан
Но власть
за мною признаете?

Анна

Никогда.

Была то лишь «взаимная охота»,—
я помню, как вы это называли,—
а ловчим быть—невелико уменье!
О, вы еще не видывали власти,
не знаете, что значит обладать
не парой рук, а тысячею сильных,
вооруженных рук, готовых к бою,
умеющих и разрушать и строить
и добывать всемирные престолы!

Дон Жуан
(увлеченный)

О, гордая мечта!

Анна

(приближаюсь, страстно шепча)

Добыть престол!

Да, вы должны в наследство получить
мечту и эту вместе с командорством!

(Подбегает к шкафу и достает оттуда белый командорский плащ. Дон Жуан вздрагивает, но не может отвести глаз от плаща, затравленный словами Анны.)

Анна

(продолжает)

Жуан, взгляните! Этот белый плащ —
одежда командора! Он, как знамя,
вокруг себя отважных собирает,
всех тех, кто не боится слез и крови,
чтобы спаять навеки воедино
гранит и мрамор, мужество и власть
для памятника славы!

Дон Жуан

Донна Анна!

Не женщина вы! Я не знал вас раньше.
И чары ваши больше женских чар!

Анна

(приближается к Дон Жуану с плащом в руке)

Наденьте этот плащ.

Дон Жуан

(хочет взять плащ, но останавливается)

Не надо, Анна.

Мне кровь на нем мерещится еще.

Анна

Нет, это плащ ни разу не надетый.
А если б даже так? А если кровь?
С какой поры вы так боитесь крови?

Дон Жуан

Да, это верно. Нечего бояться.
Давайте плащ мне. Я его надену.

Я деликом наследство принимаю.
Теперь хозяин в этом доме — я!

А н н а

О, это вы по-новому сказали!
Я жажду вас скорей таким увидеть,
каким должны вы сделаться навек.

*(Протягивает ему плащ. Дон Жуан надевает его. Анна
снижает со стены и дает ему меч, командорский жезл
и шлем с белыми перьями.)*

Взгляните, как величественны вы!

Дон Жуан подходит к зеркалу, вглядывается и вдруг вскрикивает.

А н н а

Что с вами?

Дон Жуан

Он!.. его черты!

(Бросает меч и жезл и закрывает лицо руками.)

А н н а

Не стыдно ль?!

Что вам привиделось? Взгляните снова.

Да вы ли это, смелый дон Жуан?

Дон Жуан

*(со страхом открывает лицо. Смотрит. Сдавленным
от сверхъестественного ужаса голосом)*

Не я!.. Он... каменный!.. Меня

не стало...

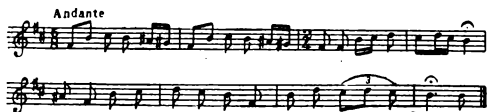
Шатаясь, отскакивает от зеркала в сторону и прижимается к стене, дрожа всем телом. В это время из зеркала выделяется фигура командора, такая, как на памятке, только без меча и жезла, выступает из рамы, идет тяжелой каменной походкой прямо на Дон Жуана. Анна бросается между командором и Дон Жуаном. Командор левой рукой ставит ее на колени, а правую кладет на сердце Дон Жуана. Дон Жуан застывает, пораженный смертельным оцепенением. Донна Анна вскрикивает и падает ниц к ногам командора.

ПРИЛОЖЕНИЕ

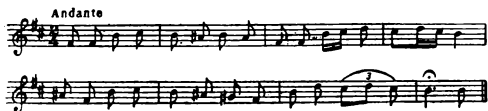

НАРОДНЫЕ ВОЛЫПСКИЕ МЕЛОДИИ,
ВЫБРАННЫЕ ЛЕСЕЙ УКРАИНКОЙ
ДЛЯ «ЛЕСНОЙ ПЕСНИ».

1

2

3

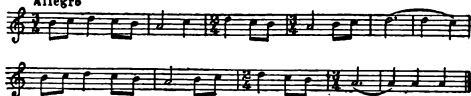

4

5

Allegro

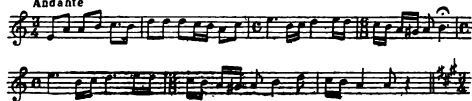
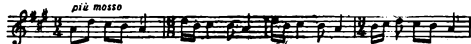
6

Andante

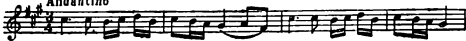
7

Andante

*più mosso**a tempo*

8

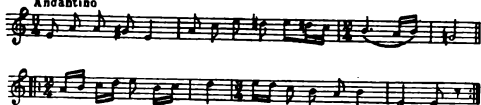
Andantino

*più mosso**riten.**a tempo**più mosso*

9

Allegretto

10

Andantino

11

Allegro moderato

12

Allegro

13

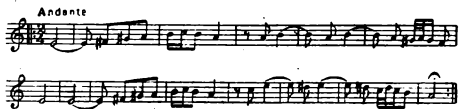
Allegro

14

15

16

По указаниям портессы мелодии вставляются в следующих местах пьесы:

Действие I

Стр. 402. Из тростников слышен голос дудочки...— № 1, 2, 3, 4.

Стр. 403. Лукаш снова играет...— № 5.

Стр. 408. Лукаш играет...— № 6, 7, 8.

Стр. 411. ...наигрывает на дудочке что-то очень жалобное...— № 9.

Стр. 420. ...поигрывая на дудочке.— № 10.

Действие II

Стр. 433. ...играет какую-то бойкую плясовую мелодию...— № 11, 12, 13.

Действие III

Стр. 476. Начинает играть...— № 14 ...переходит вскоре на ту веснянку... № 8.

Стр. 482. Сначала игра его грустна...— № 15, 16.

...побеждающая песня любви...— № 10, только звучит громче, более страстно, чем в первом действии.

Примечание. Все эти мелодии следует играть solo, без оркестрового сопровождения и без искусственной аранжировки; если трудно переходить от одной мелодии к другой в том порядке, как здесь указано, без долгих искусственных модуляций, то лучше пусть они отделяются одна от другой просто паузами, как это обычно бывает, когда играют деревенские музыканты, потому что именно здесь-то и следует сохранить деревенский стиль без лишних хитростей. Только если для того инструмента, который будет имитировать сопилку (ду-дочку.—Ред.), какая-либо мелодия не подойдет по тону, то ее сам артист может транспонировать выше или ниже, в зависимости от того, как лучше зазвучит и как легче будет переходить от одной мелодии к другой.

Леся Украинка.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛИРИКА

Конваллия

Стр. 21. Это произведение было написано поэтессой в тринадцатилетнем возрасте и явилось ее первым выступлением в печати (опубликовано в «Зоре», 1884, ч. 122).

Конваллий — ландыш (укр.).

Надежда

Стр. 23. Поводом к написанию стихотворения послужило реальное событие: тетка Леси Украинки (сестра ее отца) подвергалась ссылке в Сибирь.

Contra spem spero!

Стр. 28. «*Contra spem spero!*» — «Без надежды надеюсь!» (лат.).

Веснянка

Стр. 44. *Веснянка* — весенняя песня.

Семь струн

Стр. 50. *Дядя Михаил* — Михаил Петрович Драгоманов (1841—1895) — украинский историк и публицист, дядя поэтессы с материнской стороны.

Grave — торжественно, серьезно (итал.).

Стр. 51. *Briosso* — оживленно (итал.).

Стр. 52. *Arpeggio* — здесь: аккорды на арфе (итал.).

Стр. 54. *Rondeau* — и форма музыкального произведения, и вид стихотворения. В данном случае так называемое простое *rondeau* — 13 стихов, связанных двумя рифмами. Классический канон не выдержан: после восьмого и тринадцатого стихов надо было повторить начальные слова первого стиха, а в произведении Украинки этот повтор отсутствует.

Стр. 55. *Nocturno* — ночная песня (итал.).

Стр. 56. *Settina* — название семистрочной строфы, которой написано стихотворение (итал.).

Кобза — украинский народный музыкальный инструмент.

В этом цикле поэтесса впервые в украинской литературе использует западноевропейские виды строфы: *Rondeau*, *Settina*.

Другу на память

Стр. 74. *Феллах* — египетский землепашец.

To be or not to be?

Стр. 75. «*To be or not to be?*» — «Быть или не быть?» (англ.) — первые слова известного монолога шекспировского Гамлета (акт III, сцена I).

Орало — плуг (славянск.).

Fiat pox!

Стр. 80. «*Fiat pox!*» — «Да будет ночь!» (лат.). Леся Украинка переводит это выражение словами: «Да будет тьма!»

Отзвуки

Стр. 84. *Эолова арфа* — в античной мифологии — арфа бога ветра Эола, которая звучала от дуновения ветерка.

Слезы-перлы

Стр. 88. *Иван Яковлевич Франко* (1856—1916) — выдающийся украинский писатель, общественный и культурный деятель.

Отрывки из письма

Стр. 92. *Иван Матвеевич Стешенко* (1873—1918) — Поэт, переводчик и историк украинской литературы. В 90-х годах был в дружеских отношениях с Л. Украинкой.

Мечты

Стр. 94. (В детстве Л. Украинки.—Ред.) «...любила рассматривать рисунки в больших книжках и, глядя на тот или другой рисунок, сочинять в своей голове целую историю, которую этот рисунок иллюстрировал. Как и все дети, Лесья увлекалась в детские годы романтическими рыцарскими романами, но привлекал ее всегда не гордый победитель, приставивший копьё к груди своего сраженного противника. Нет! Ее тянуло к побежденному, который, чувствуя уже на своем сердце острие копья грозного победителя, не сдаётся и отважно отвечает: «Убей — не сдамся!» «Убей — не сдамся!» стало лозунгом ее жизни» (Л. Старикова-Черняховская, «Минулы жизни Леси Украинки», «Літературно-науковий Вісник» № 10, 1913). Стихотворение «Мечты» многими исследователями творчества Украинки определяется как ее «Песня о Буревестнике».

Забытая тень

Стр. 99. Дант[е] Алигиери (1265—1321)— величайший итальянский поэт, обессмертивший в своей «Божественной комедии» имя и образ рано умершей флорентинки Беатриче Портинари, был женат на Джеме Донати и имел от нее четверых детей. Жена Данте, делившая с ним «черствый хлеб изгнания», ничем не прославлена, и мало кто знает о ее существовании, тогда как имя Беатриче известно всему миру. Это обстоятельство и послужило темой стихотворения Леси Украинки.

Полярная ночь

Стр. 103. Это стихотворение было опубликовано только через десять лет после смерти поэтессы, в 1923 году («Червоний шлях», 1923, II), без указания даты его написания. По некоторым данным, его можно отнести к 1899 году.

Сфинкс

Стр. 107. *Либия* — древнейшее название Африки.

Ра-Менеис

Стр. 109. *Урея* (уреус)— священная змея у древних египтян. Изображение ее было эмблемой царской власти.

Стр. 110. *Систр* — музыкальный инструмент.

Стр. 111. *Ля-илляга* (Ла плаха илла-ллах) — нет божества, кроме аллаха (арабск.).

Шейх — старшина (арабск.).

Ижавры — (гяуры) — неверные.

Р и т м ы

Стр. 115. Цикл «Ритмы» посвящен проблеме, волновавшей поэтессу всю жизнь, — проблеме активности художественного слова в борьбе за освобождение угнетенных.

Стр. 118. *Офелия* — героиня трагедии Шекспира «Гамлет», как известно, сошла с ума и утонула в потоке, осыпанная цветами.

Стр. 122. *Орифламма* — знамя, стяг.

Т р а г е д и я

Стр. 123. *Л. Старицкая-Чернязовская* — украинская поэтесса, ближайшая подруга Леси Украинки.

Г д е ж е т е с т р у н ы...

Стр. 129. *Еремия* (Иеремия) — библейский пророк, современник последних лет иудейского царства, оплакивавший его предстоящую гибель.

Д ы м

Стр. 130. В этом стихотворении выражена мысль поэтессы об общности судеб трудящихся на родине и за рубежом.

«*И дым отечества нам сладок и приятен*» — слова Чацкого из комедии Грибоедова «Горе от ума».

Поленца — итальянское национальное кушанье — каша из мансовой муки.

Стр. 131. *Ризацца* — рисовые поля (итал.).

Дружка — подруга невесты, участница народной полесской свадьбы.

Sampierdarena (Сампьердарена) — железнодорожная станция перед Генуей (итал.).

Рейнская скала — речь идет о знаменитой скале Лорелей, прорезанной многочисленными железнодорожными туннелями, по которым непрерывно, круглые сутки, движутся поезда.

Н а д п и с ь в р у н е

Стр. 133. *Тутмес, Рамзис, Тарик, Менесф* — имена египетских фараонов.

Дочь Нефай

Стр. 135. *Нефай* — один из судей израильских. Победив в бою аммонитян, он дал обет богу принести в жертву свою дочь и совершил это.

Случилось в дни...

Стр. 137. *Германдада* (вернее *Эрмандада*) — отряды «Священной Германдады», организованные в XV в. кастильским правительством для поимки преступников в Испании.

Торквемада Томас (1420—1498) — доминиканский монах, ставший в 1483 году великим инквизитором, возглавившим инквизиционные суды в Испании.

Дыхание пустыни

Стр. 138. *Хамсин* — египетское название самума.

Феллах — см. прим. к стих. «Другу на память».

Настоянке

Стр. 139. Цикл «Из путевого блокнота» написан поэтессой во время плаванья по Черному морю, близ Анатолии.

Стр. 141. *Великий Могол* — здесь: титул правителя Индии. Династию «Великих Моголов» в Индии основал праправнук Тимура (Тамерлана) Бабур, завладевший в 1525 году значительной частью страны.

В годовщину

Стр. 143. Стихотворение написано по поводу 50-летия со дня смерти Тараса Шевченко.

ПОЭМЫ

Роберт Брюс

Стр. 147. Сюжет этой поэмы построен на исторических фактах. Роберт Брюс, шотландский вельможа, добиваясь престола, заручился для этой цели помощью английского короля Эдуарда I. После победы над другим претендентом на трон английский король отказался передать власть в Шотландию Роберту Брюсу.

Леся Украинка, рисуя перипетии борьбы Роберта Брюса за шотландский престол, изобразила его в облике национального героя и защитника родного народа.

События, изображаемые в поэме, происходят в XIII веке.

Старая сказка

Стр. 161 В этой поэме Леся Украинка поставила вопрос о роли поэта в общественной жизни и социальной борьбе. Эта тема волновала поэтессу в течение всей ее жизни (см. «Гриптих», ч. II, «В пуще», дики «Рягмы» и др.). Поэма датирована 2.XI.1893 г.

Форма поэмы навеяна творчеством Г. Гейне, одного из самых любимых поэтов Леси Украинки, стихи которого она переводила на родной язык.

Одно слово

Стр. 186. Есть предположения, что реальным толчком для написания поэмы послужила смерть в ссылке выдающегося украинского поэта демократа Павла Грабовского (1864—1902).

Поэма впервые была опубликована в журнале «Вільна Україна» в 1906 году.

Стр. 187. *Тойон* — так зовут на севере всякого начальника.

Вила посестра

Стр. 192. Это произведение написано поэтессой в два приема, с интервалом более чем в тринадцать лет; Вила, как и Мажка, была одним из самых любимых образов Леси Украинки.

Литературным источником поэмы являются сербские народные песни, знакомые Лесе Украинке по украинским переводам М. Старичко. Однако, используя отдельные мотивы и элементы стиля своего образца, поэтесса создала вполне оригинальное произведение. Самое значительное отличие поэмы Леси от сербского фольклора — в ее трагическом окончании. Этот трагизм финала проясняет философскую идею поэмы, которую можно определить тем же, пронизывающим все творчество поэтессы, лозунгом: «Убей — не сдамся!»

Вила — мифическое существо сербских народных песен и дум. В представлении сербов она необыкновенно красива, обладает чудесным голосом, доброжелательна в отношении к людям. Живет в горах.

Юнак — буквально — юноша. Юнаки в сербском эпосе — герои борьбы против турецкого ига.

Дернач — жезл, эмблема власти сербских военачальников.

Стр. 193. *Янычары* — турецкая регулярная пехота, набранная, главным образом, из плепных христиан, обращенных в ислам.

Изоolda Белорукая

Стр. 200. «Изоolda Белорукая» — произведение вполне оригинальное. Характер темноволосой Изоолды, встреча ее с Тристаном, превращение в златокудрую, наконец, заключительная встреча соперниц — все это сочинено Лесей. Из средневекового сюжета портессы использовала только мотив с черным парусом.

Видоизменилась основная идея произведения. В средневековом романе эпизод с Изоолдой Белорукой представлял только лишнее подтверждение верной, способной выдержать любые испытания, любви Тристана к Изоолде Златокудрой. В поэме Леси Украинки на первом плане трагедия любви Тристана к Изоолде Белорукой и трагедия сильной женщины, то есть проблема, занимавшая одно из первых мест в творчестве Леси последнего периода ее жизни (ср. образы донны Анны, Мавки, Вилы).

Стр. 202. *Моргана* — волшебница, персонаж средневековых рыцарских романов.

Стр. 205. *Мерлин* — волшебник, герой рыцарского фантастического романа бретонского цикла (XVII век).

Урганда — волшебница, героиня средневековых рыцарских романов.

Триптих

Стр. 208. Триптихом в живописи называются три картины, тематически и жанрово связанные между собою. Переноса этот термин в поэзию, Украинка видоизменила его содержание. Ее «Триптих» представляет собою три решения одной темы (Что даст нам силу?), развернутые в самостоятельные произведения различных жанров (апокриф, легенда, сказка). Композиция «Триптиха» очень интересна, тема в нем развивается не только параллельно в трех различных сюжетных частях, но и философски последовательно: поднимаясь от частного к общему — первая часть — моральное разрешение темы (силу дает нам чувство морального долга); вторая часть — эстетическое решение (силу дает нам возвышающее влияние искусства); и, наконец, третье — социальное решение, наиболее общее и в то же время наиболее конкретное.

Вторая часть «Триптиха» — «Легенда об Орфее» показательна для обычного отношения Л. Украинки к литературным источ-

никам своих произведений. Известный античный миф о возведении Зевсом и Амфионом стены вокруг Фив видоизменен до неузнаваемости, так что в целом «Легенда об Орфее» — совершенно самостоятельное произведение Леси Украинки.

Апокриф — не канонизированное церковью сказание.

Центурион — здесь: римский начальник.

Стр. 209. *Преторий* — дом претора, римского наместника.

Стр. 211. *Сын человеческий* — Иисус Христос.

Преторианцы — здесь римские воины, ведшие Христа на казнь.

Стр. 213. *Орфей* — герой античных мифов, повед; по преданию, он песнями укрощал зверей и двигал скалы.

Амфион — по греческой мифологии, герой, повед. Вместе со своим братом Зевсом обнес Фивы стеной, причем, по преданию, камни складывались сами, зачарованные игрой Амфиона на лире. Л. Украинка в «Триптихе» передала функции Амфиона Орфею, который, по каноническому мифу, не принимал участия в эпизоде возведения стены.

Кифара — струнный музыкальный инструмент древних греков.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В катакомбах

Стр. 233. Эта драматическая поэма посвящена вопросам христианской морали.

Показывая реальные житейские взаимоотношения древних христиан, поэте разоблачила реакционные стороны проповеди покорности и «непротивления злу». Раб-неофит, ищущий свободы и правды, не находит их в христианской общине и выступает с громким протестом против пропаганды рабства.

Крымский Агафангел Ефимович (род. 1871) — академик ориенталист и украинский писатель и поэт.

Неофит — новообращенный; так называли первых христиан.

Стр. 234. *Рахиль* — согласно Библии, вторая жена Иакова. За то, что Иаков любил ее больше первой жены Лии, бог сделал Рахиль бесплодной.

Стр. 235. *Коринф* — город в древней Греции.

Стр. 238. *Патриции* — представители исконных римских родов; им противопоставляются плебеи — остальное население, лишенное существующих политических прав.

Стр. 244. *Термы* — бани.

Стр. 248. *Мим* — бродячий актер в древнем Риме.

Стр. 253. *Мареммы* — болота вблизи Рима.

Стр. 254. *Мессия* — еврейское имя Христа.

В дому труда, в краю неволи

Стр. 257. Эта миниатюра тематически примыкает к стихотворению «Надпись в руины». Здесь, как и там, средствами другого жанра Леся Украинка защищает идею великой и бессмертной творческой силы народа.

Стр. 258. *Израиль* — древнее название еврейского народа.

Стр. 260. *Ра, Озирис, Изид, Аммон, Тот, Хор, Фта, Нейт* — боги египетской мифологии.

В пуще

Стр. 264. В незаконченной Л. Украинкой биографии английского поэта пуританина Джона Мильтона (1608—1684) она писала: «Не может человек, если только он искренен, отречься от того, что кажется ему правдой; так же как не может поэт молчать о том, что сжигает его сердце; так же как не может ученый счесть свою новую правду ложью». В этих словах выражена одна из двух основных идей драмы «В пуще». Вторая идея сформулирована Лесей Украинкой в монологе Ричарда из III акта драмы («Ужель на свете силы нет такой...») — это проблема взаимоотношений искусства с жизнью.

Эти идеи занимали поэтессу на протяжении всего ее творческого пути (ср. «Старую сказку», «Чудо Орфея» и др.).

Источниками драмы исследователи считают материалы из биографии Мильтона, с которыми поэтесса познакомилась в 1895 году, и найденные в ее бумагах материалы из истории общины пуритан в Массачузете. Образы Эдит и Дэви, как предполагают, навеяны картинами Ван-Дейка. образу Ричарда придано несколько черт Мильтона.

Стр. 266. «*Оставьте мертвым погребенье мертвых*» — слова, сказанные Христом в ответ на просьбу одного ученика похоронить отца.

Стр. 269. «*Я стал волом, как вавилонский царь*» — по библейскому преданию, вавилонский царь Навуходоносор, впад в безумие, ел траву, как вол.

Стр. 275. «...что церковь англиканская греховна». — Пуритане в XVI веке выступили против католической и англиканской церквей, проповедуя греховность церковщины, требуя уничтожения всех внешних атрибутов богослужения, в том числе икон и скульптурных изображений бога.

Стр. 279. Никсы — в западноевропейской средневековой мифологии существа, обитающие в воде.

Стр. 285. *Sapienti sat* — умному понятно (лат.).

Стр. 286. *Mea culpa* — моя вина (лат.).

Стр. 289 *Сапфира*. — По преданию, некий член одной из первых христианских общин, продав свое имение, утаил от общества часть вырученных денег. За это бог умертвил его, а потом жену его Сапфиру, скрывшую этот поступок от общины.

Стр. 301. «...напуган, как женою Потифара» — намек на библейского Иосифа Прекрасного, бежавшего от жены его хозяина Потифара, которая пыталась обольстить его.

Стр. 304. *Голиаф* — филистимлянский великан, убитый, по преданию, иудейским царем Давидом; синоним гиганта, человека исполинской силы.

Стр. 312. *Лолларды* или *виклефовцы*, — ученики английского религиозного реформатора Джона Уиклефа (Виклефа) (1320—1384).

Стр. 317. «*Не думайте...*» и последующие строки — слова Христа. (Евангелие от Матфея, гл. X, 34—38.)

Стр. 318. *Mater dolorosa* — скорбящая мать (лат.).

Стр. 320. *Марфа* и *Мария* — сестры Лазаря, упоминаемые в евангельском рассказе о пришествии Христа в Вифанию. Упрек Эдит справедлив. Это, действительно, не притча Христа, а один из эпизодов в его жизнеописании.

Стр. 324. «*Как от Христа — апостола Петр...*» — По евангельскому преданию, апостол Петр отрекся от взятого под стражу Христа.

Стр. 338. «...целую, предаешь?» — слова Христа, обращенные к Иуде в момент, когда последний подделуем показывал страже, который Христос.

Стр. 342. *Веселиил* и *Елиав* — библейские мастера, изготовлявшие предметы религиозного обихода.

Отродье Каиново. — Братоубийство Каина накладывало, по религиозному мировоззрению, проклятие на всех потомков его рода. *Сидон* и *Тир* также принадлежали к этой ветви потомков Адама.

Юбал и Тубал-Кайн — согласно Библии, первые представители искусств (Юбал изобрел рожок, Тубал-Кайн был первым кузнецом и бронзовщиком). Оба из рода Каина.

Авраам — библейский муж, просил Иегову (бога) пощадить города Содом и Гоморру, погразившие в разврате, если в них найдется хоть десять праведников.

Стр. 344. *Молот* — нарицательное имя для ханаанских и филистимлянских божеств, которых иудеи считали печестивыми.

Астарт — богиня любви у древних семитических племен (кроме иудеев). Годвинсон упоминаниями о Молохе и Астарте намекает на нечестие и прелюбодеяние, в которых он обвиняет Ричарда.

Стр. 349. *E disse lei...* и далее — слова Франчески да Римини: «И мне она: «Тот страдает высшей мукой, кто радостные помнит времена в несчастье...» (Данте, «Ад», V, 121—123).

Стр. 350. *Sancta simplicitas* — святая простота (лат.).

Стр. 356. *Десятина* — налог в пользу церкви в средневековой Европе.

Стр. 357. *Хартия* — «Великая хартия вольностей», подписанная английским королем Иоанном в 1215 году.

Стр. 360. *Non dubitandum est* — нет сомнения (лат.).

Conditio sine qua non — это совершенно необходимое условие (лат.).

Universitas — университет (лат.).

Honoris causa — по заслугам (лат.).

Стр. 361. *Архимед* (287—212 гг. до н. э.) — великий древнегреческий математик.

«Ничто не подошло Венере» — речь идет об античной статуе Венеры Милосской, найденной без рук.

Стр. 362. *Буонарротти Микельанжело* (1475—1564) — гениальный итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт.

Стр. 363. *Ab ovo и ad hoc* — сначала и при этом (лат.).

Стр. 364. *Stabat mater* — религиозный католический гимн.

Стр. 377. *Gloria in excelsis* — Слава в вышних (богу), — церковный гимн.

Стр. 379. *Одиссей* — он вызвал мертвого Ахилла (Гомер, «Одиссея», песнь XI).

Academia della bella arti — Академия изящных искусств (итал.).

Донателло (1386—1466) — итальянский скульптор, один из крупнейших мастеров Возрождения.

Concetti — здесь: выдумки (*итал.*).

Стр. 380. *Cenacolo* — помещение (*итал.*).

Evviva l'arte! — Да здравствует искусство! (*итал.*).

Стр. 381. *Nunc delectandum est* — теперь будем обсуждать (*лат.*).

Стр. 383. *Камены* — музы.

Стр. 384. *Чичисбей* — любовник (*итал.*).

Лесная песня

Стр. 389. Критика часто сравнивала эту драму с «Потонувшим колоколом» Г. Гауптмана. Но здесь можно говорить лишь о сходстве сюжетной канвы. Идея «Лесной песни» совершенно оригинальна. Пьеса Гауптмана — трагедия романтического героя, пожелавшего уйти в природу, чтобы подняться выше людей. «Лесная песня» — трагедия Мавки, олицетворяющей природу, не сумевшей своей любовью очистить человека от пошлости мещанского быта.

Сказка Леси Украинки овеяна ароматом полесских народных легенд и сказаний.

Образ Мавки Леси выплывала всю жизнь. В письме к матери от 20 декабря 1911 года поэтесса сообщала: «...я эту Мавку издавна «в уме держала», еще с тех пор, как ты в Жаборице рассказывала мне что-то про мавок, когда мы как-то шли по лесу... Потом, в Колодяжном, я в лунную ночь бегала одна в лес (никто из вас об этом не знал) и там ждала, чтобы мне привиделась Мавка. И над... (неразборчиво — *Ред.*) она мне грезилась, когда мы там ночевали, помнишь? — у дядьки Льва Скулинского. Видно, уж надо было мне ее когда-нибудь написать, и вот теперь, писать почему, пришел «урочный час» — я и сама не постигну почему. Очаровал меня этот образ на всю жизнь» («Червоний шлях», 1923, кн. 8).

Потерча — внебрачное дитя, утопленное матерью и ставшее блуждающим болотным огоньком (*укр. фольклор*).

Мавка — лесная русалка (*укр. фольклор*).

Перелесник — сказочный образ беса-соблазнителя, летающего к женщине в виде огненного змея, метеора.

Куц — леший (*укр. фольклор*).

Злыдни. — В народной украинской мифологии горе, нужда, бедность олицетворены в образах множества злых духов-злыдней.

Каменный тоззи

Стр. 491. *Алькал* — судья в средневековой Испании.

Стр. 492. *Чаша святого Грааля* — священный сосуд, фигурирующий в средневековых рыцарских романах; в данном случае имеется в виду предание о чаше, в которой будто бы была собрана кровь Иисуса Христа.

Стр. 497. *Кастильский двор* — двор испанского короля.

Стр. 511. *Изменчивая планета* — луна.

Стр. 515. *Сегедилья* — испанский национальный танец.

Стр. 518. *Фелука* — парусное судно.

Стр. 528. *Булла* — папский указ.

Стр. 542. *Капитул* — здесь: собрание высших должностных лиц государства.

Стр. 545. *Мадриленья* — испанский национальный танец.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А все же думаю...— І все таки до тебе...	65
Бывало, обойду...— Мишаю я було...	125
В годовщину — На роковни...	143
В детском хороводе — В дитячому крузі...	38
В дому труда, в краю неволи — В дому роботи, в країні неволі...	257
Веснянка — Веснянка...	44
Вечерний час — Вечіря година...	35
Вечной памяти сожженных страшиц...— На вічну пам'ять листочкові...	83
Вида посестра — Вида посестра...	192
Вишенки-черешенки — Вишеньки...	46
В катакомбах — У катакомбах...	233
В ненастную тучу...— У чорную хмару...	62
Возвращение — Поворіт...	101
В пуше — У пущі...	264
Все наши слезы...— Всі наші сльози...	91
Вы, слова мои громкие...— Де поділися ви...	115
Где же те струны...— Де тії струни...	129
Давняя весна — Давня весна...	61
Дочь Иефая — Дочка Іефая...	135
Другу на память — Товарищі на спомин...	73
Дым — Дим...	130
Дыхание пустыни — Дихання пустині...	138
Забытая тень — Забута тінь...	99
Зачем я не могу...— Чом я не можу...	127
Изольда Белорукая — Изольда Білорука...	198
Из путевого блокнота — З подорожньої книжки...	139

Щь мошнями только им пошеться...— Чи тільки блиска- вицями...	116
Как придет грусть-тоска...— Як що прийде журба...	57
Как тяжело...— Ох, як-то тяжко...	113
Калина — Калина	126
Каменный хозяин — Камінний господар	483
Когда б вся кровь...— Якби вся кров...	122
Когда бы солнца ясные лучи...— Якби оті проміни золоті...	117
Когда я устаю...— Коли втомлюся я...	30
Конвалія — Конвал'я	21
Крымские воспоминания — Кримські спогади	47
Крымские отголоски — Кримські відгуки	92
Лесная песня — Лісова пісня	389
Лето красное минуло...— Літо красне минуло...	39
Мама, зима настает...— Мамо, іде вже зима...	40
Мать-рабыня — Мати-невільниця	63
Мгновения — Хвилини	106
Мечты — Мрії	94
Минута отчаяния — Хвилина розпачу	77
Мне так хотелось бы улизть с водою... Хотіла-б я уплисти...	118
Мой путь — Мій шлях	32
Надежда — Надія	23
Надпись в руине — Надпис в руїні	133
На зеленом бугорочке...— На зеленому горбочку...	38
На полуслове разговор прервался...— Порвалася нескінчена розмова...	97
На старинный мотив — На давній мотив	36
На стоянке — На стоянці	139
Начало весны — На провесні	25
Нет, я покорюсь...— Ні, я покорити...	120
Одно слово — Одно слово	186
О, знаю я...— О, знаю я...	78
Отзвуки — Відгуки	84
Отрывки из письма.— Уривки з листа	92
Певец — Співець	26
Пой, моя песня...— Грай, моя пісню...	49
Победа — Перемога	58
Повсюду плач...— Скрізь плач...	34
Полночные думы — Північні думи	66
Полярная почь — Полярна ніч	103
Порою...— Чого то часами...	24

Поэт в дни осады — Поет підчас облоги	70
Предрассветные огни — Досвітні огні	33
Про великана — Про велета	227
Ра-Менеис — Ра-Менеис	109
Ритмы — Ритми	115
Роберт Брюс — Роберт Брюс	147
Романс — Романс	87
Семь струн — Сім струн	50
Слезы-перлы — Сльози-перли	88
Слово, зачем ты не стала боевая — Слово, чому ти не твер- дая криця	82
Случилось в дни... — Було се за часів...	137
Старая сказка — Давня казка	161
Сторонка моя... — Сторононько рідна...	88
Сфинкс — Сфінкс	107
Талого снега... — Талого снігу...	106
Тешься, играй... — Тіпся, дитино...	42
Тишина морская... — Тиша морська...	47
Товарищам — Товаришам	68
Товарищу — Товаришу	86
Трагедия — Трагедія	123
Триптих — Тріптих	208
Украина, горько скорбно... — Україно! плачу...	90
Что даст нам силу? — Що дасть нам силу?	208
Чудо Орфея — Чудо Орфея	208
Эпилог — Епілог	142
Эта тихая ночь... — То була тиха ніч...	60
Я сама себе на горе... — Як дитиною, бувало...	85
Contra spem spero!	28
До	50
Fa	53
Fiat nox!	80
La	55
Mi	52
Re	51
Si	56
Sol	54
To be or not to be?	75

АБЕТКОВИЙ ПОКАЖЧИК

Було се за часів...—Стучилось в дни...	137
В дитячому крузі—В детском хороводе	38
В дому роботи, в країні неволі—В дому труда, в краю неволі	257
Веснянка—Веснянка	44
Вечірня година—Вечерний час	35
Відгуки—Отзвуки	84
Вила посестра—Вила посестра	192
Вишеньки—Вишенки-черешенки	46
Всі наші сльози...—Все наши слезы...	91
Грай, моя пісню...—Пой, моя песня...	49
Давня весна—Давняя весна	61
Давня казка—Старая сказка	161
Де поділися ви...—Вы, слова мои громкие...	115
Де тії струни...—Где же те струны...	129
Дим—Дым	130
Дихання пустині—Дыхание пустыни	138
Досвітні огні—Предрассветные огни	33
Дочка Ісфая—Дочь Иефая	135
Епілог—Эпилог	142
Забута тінь—Забятая тень	99
З подорожньої книжки—Из путевого блокнота	139
І все таки до тебе...—А все же думаю...	65
Ізоolda Білорука—Изоolda Белорукая	200
Калина—Калина	126
Камінний господар—Каменный хозяин	483
Коли втомлюся я...—Когда я устаю...	30
Конвалія—Конвалия	21

Кримські дуги — Крымские отголоски	92
Кримські спогади — Крымские воспоминания	47
Лісова пісня — Лесная песня	389
Літо краснеє минуло... — Лето красное минуло...	39
Мамо, іде вже зима... — Мама, зима настає...	40
Мати-невільниця — Мать-рабыня	63
Мій шлях — Мой путь	32
Минаю я, було... — Бывало, обойду...	125
Мрії — Мечты	94
На вічну пам'ять листочкові... — Вечной памяти сожженных страшиц...	83
На давній мотив — На старинный мотив	36
Надія — Надежда	23
На зеленому горбочку... — На зеленом бугорочке...	38
На провесні — Начало весны	25
Напис в руїні — Надпись в руине	133
На роковини — В годовщину	143
На стоянці — На стоянке	139
Ні, я покорити... — Нет, я покорюсь...	120
Одно слово — Одно слово	186
О, знаю я... — О, знаю я...	78
Ох, як-то тяжко... — Как тяжело...	113
Перемога — Победа	58
Північні думи — Полночные думы	66
Поворот — Возвращение	101
Поет підчас облоги — Поэт в дни осады	70
Полярна ніч — Полярная ночь	103
Порвалася нескінчена розмова... — На полуслове разговор прервался...	97
Про велета — Про велкана	227
Ра-Менеїс — Ра-Мепеис	109
Ритми — Ритмы	115
Роберт Брюс — Роберт Брюс	147
Романс — Романс	87
Сім струн — Семь струн	50
Скрізь плач... — Повсюду плач...	34
Слово, чому ти не твердая криця... — Слово, зачем ты не стала боевая...	82
Сльози-перли — Слезы-перлы	88
Співець — Певец	26
Сторонько рідла... — Сторонка моя...	88
Сфінкс — Сфинкс	107

Талого снігу...— Талого снега...	106
Тішся, дитино...— Тешься, играй...	42
Тиша морська — Тишина морская	47
То була тиха ніч...— Эта тихая ночь...	60
Товаришам — Товарищам	68
Товаришу — Товарищу	86
Товарищі на споми́н — Другу на память	73
Трагедія — Трагедия	123
Тріптих — Триптих	208
У катакомбах — В катакомбах	233
Україно! плачу...— Украина, горько скорблю...	90
У пущі — В пуще	264
Уривки з листа — Отрывки из письма	92
У чорну хмару...— В ненастную тучу...	62
Хвилина розпачу — Минута отчаяния	77
Хвилини — Мгновения	106
Хотіла-б я ушлюти...— Мне так хотелось бы ушлыть...	118
Чи тільки блискавицями...— Иль молниями только...	116
Чого то часами...— Порою...	24
Чом я не можу...— Зачем я не могу...	127
Чудо Орфея — Чудо Юрфея	208
Що дасть нам силу? — Что даст нам силу?	208
Як дитиною, бувало...— Я сама себе на горе...	85
Якби вся кров...— Когда б вся кровь...	122
Якби оті проміння золоті...— Когда бы солнца ясные лучи...	117
Як що прийде журба...— Как придет грусть-тоска...	57
Contra arem arogo!	28
До	50
Fa	53
Fiat nox!	80
La	55
Mi	52
Re	51
Si	56
Sol	54
To be or not to be?	75

СОДЕРЖАНИЕ

Деся Украинка. Вступительная статья <i>Ал. Дейча</i> . . .	3
--	---

ЛИРИКА

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСЕН I

Конваллия. Перевод А. Глобы	21
Старая сказка. Перевод В. Россельса	23
Порою. Перевод В. Звягинцевой	24
Начало весны. Перевод Е. Благининой	25
Певец. Перевод В. Звягинцевой	26
Contra srem srego! Перевод Е. Благининой	28
Когда я устаю... Перевод А. Глобы	30
Мой путь. Перевод Е. Благининой	32
Предраассветные огни. Перевод В. Звягинцевой	33
Повсюду плач... Перевод В. Звягинцевой	34
Вечерний час. Перевод В. Звягинцевой	35
На старинный мотив. Перевод Е. Благининой	36
В детском хороводе. (Цикл). Перевод В. Звягинцевой	38
I. На зеленом бугорочке...	38
II. Лето красное минуло...	39
III. Мама, зима настает...	40
IV. Теться, играй...	42
Веснянка. Перевод Е. Благининой	44
Вишенки-черешенки. Перевод Е. Благининой	46
Из цикла «Крымские воспоминания»	47
I. Тишина морская. Перевод М. Комиссаровой	47
II. Пой, моя песня. Перевод Е. Благининой	49

Семь струн. (Цикл). Перевод М. Замаховской . . .	50
I. Do	50
II. Re	51
III. Mi	52
IV. Fa	53
V. Sol	54
VI. La	55
VII. Si	56

Как придет грусть-тоска... Перевод А. Глобы	57
---	----

МЕЧТЫ И ДУМЫ

Победа. Перевод Е. Благининой	58
Эта тихая ночь... Перевод М. Комиссаровой	60
Давняя весна. Перевод М. Комиссаровой	61
В непастьную тучу... Перевод М. Комиссаровой	62
Мать-рабыня. Перевод М. Комиссаровой	63
А все же думаю... Перевод В. Звягинцевой	65
Полночные думы. Перевод В. Звягинцевой	66
Товарищам. Перевод Н. Ушакова	68
Поэт в дни осады. Перевод Д. Бродского	70
Другу на память. Перевод Н. Ушакова	73
To be or not to be? Перевод М. Комиссаровой	75
Минута отчаяния. Перевод М. Алигер	77
О, знаю я... Перевод А. Глобы	78
Fiat pox! Перевод М. Комиссаровой	80
Слово, зачем ты не стала боевая... Перевод М. Комиссаровой	82
Вечной памяти сожженных страниц. Перевод В. Звягинцевой	83
Отзвуки. Перевод М. Комиссаровой	84
Я сама себе на горе... Перевод М. Комиссаровой	85
Товарищу. Перевод Н. Ушакова	86
Романс. Перевод Л. Длигача	87
Слезы-перлы. (Цикл). Перевод В. Россельса	88
I. Сторонка моя...	88
II. Украина. горько скорблю...	90
III. Все наши слезы...	91
Из цикла «Крымские отголоски»	92
II. Орывки из письма. Перевод Н. Брауна	92
IV. Мечты. Перевод М. Алигер	94

На полуслове разговор прервался... Перевод А. Глобы . . .	97
Забывшая тень. Перевод М. Комиссаровой	99
Возвращение. Перевод Н. Ушакова	101
Полярная ночь. Перевод Н. Брауна	103

ОТЗВУКИ

Из цикла «Мгновения»	105
IV. Такого снега... Перевод Н. Славинской	106
Сфинкс. Перевод Н. Брауна	107
Ра-Мепенс. Перевод Н. Брауна	109
Как тяжело... Перевод Н. Брауна	113
Р и т м ы. (Цикл). Перевод Н. Брауна	115
I. Вы, слова мои громкие, где вы теперь?	115
II. Иль молниями только им носиться...	116
III. Когда бы солнца ясные лучи...	117
IV. Мне так хотелось бы уплыть с водою...	118
V. Нет, я покорить...	120
VI. Когда б вся кровь...	122
Трагедия. Перевод М. Комиссаровой.	12
Бывало, обойду... Перевод Л. Длгача.	125
Калина. Перевод Г. Литвака	126
Зачем я не могу... Перевод Н. Брауна	127

НА КРЫЛЯХ ПЕСЕН II

Где же те струны... Перевод А. Глобы.	129
Дым. Перевод В. Россельса.	130
Надпись в руине. Перевод Н. Брауна.	133

СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

Дочь Нефая. Перевод М. Комиссаровой.	135
Случилось в днп... Перевод А. Глобы.	137
Дыхание пустыни. Перевод Н. Брауна.	138
Из цикла «Из путевого блокнота»	139
III. На стоянке. Перевод Н. Брауна	139
VI. Эпилг. Перевод Н. Славинской	142
В годовщину. Перевод Л. Длгача	143

ПОЭМЫ

Роберт Брюс. Перевод Г. Шенгели	147
Старая сказка. Перевод В. Россельса	161
Одно слово. Перевод М. Комиссаровой	186
Видя посетри. Перевод М. Комиссаровой	192
Изольда Белорукал. Перевод П. Антокольского	200
Триптих. Перевод Б. Лебедева	208
I. Что даст нам силу?	208
II. Чудо Орфея.	213
III. Про великана.	227

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В катакомбах. Перевод Я. Кейхауза	233
В дому труда, в краю неволн. Перевод Л. Хиякулова	257
В пуще. Перевод А. Гатова.	264
Лесная песня. Перевод М. Комиссаровой	389
Каменный хозяин. Перевод М. Алигер.	483
Приложение	577
Примечания В. Россельса	534
Алфавитный указатель	597
Абетковый покажчик	600

Редактор *М. Завадская*
Технический редактор *Д. Ермоленко*

Сдано в набор 27/X—45. Подписано к печ.
18/VI—46. А—1588. Формат 84×108¹/₂, 38 печат-
ных л. 23,75 уч. авт л. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 1930.

6-я типография треста „Полиграфкнига“
Огиза при Совете Министров РСФСР.
Москва, 1-я Самотечная, 17.

